

ЯН РАЙНИС

СОВЕТСКИЙ ПУКЛЕТ

ОПТИКА

©

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

Я Н Р А Й Н И С

*Избранные
произведения*

Л Е П И Н Г Р А Д 1 9 5 3

Вступительная статья и примечания

К. Краулинь

Подготовка текста

К. Краулинь и М. Кемпе

ЯН РАЙНИС

В нашей многонациональной стране, в стране сталинской дружбы народов, все то ценное в культуре, что создано одним народом, становится достоянием и всех других. Творческое наследие Райниса — яркое тому свидетельство.

Имя Яна Райниса, величайшего революционного поэта Латвии, широко известно и за пределами Латвийской ССР. Его произведения появляются в многочисленных переводах на русский язык и на языки других национальностей, населяющих Советский Союз, его пьесы идут на сцене театров братских советских республик. Райниса знают и любят все народы нашей необъятной родины. Его знают и любят теперь и в странах народной демократии и в новом свободном Китае.

Поэзия Райниса в ее основных, наиболее характерных признаках, со всем ее неповторимым своеобразием и силой воздействия порождена той великой эпохой революционного подъема, который переживала Латвия вместе со всей Россией в конце XIX и начале XX века. Райнис прежде всего — певец революции 1905 года. Особенности этой революции и определили в значительной мере особенности — а вместе с тем и значение — его творчества.

В своем приветствии латышской социал-демократической газете «Циня», давая оценку революции 1905 года в Латвии, В. И. Ленин писал:

«Во время революции латышский пролетариат и латышская социал-демократия занимали одно из первых, наиболее важных мест в борьбе против самодержавия и всех сил старого строя».¹

И далее В. И. Ленин разъясняет причины такого положения:

---

¹ В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4, т. 16, стр. 235.

«Несомненно, что среди тех причин, которыми объясняются успехи латышской социал-демократии, необходимо поставить на первое место более высокую ступень развития капитализма как в городе, так и в деревне, большую ясность и определенность классовых противоречий, обострение их национальным гнетом, концентрацию латышского населения и более высокую ступень его культурного развития».¹

Ясность, определенность и острота классовых противоречий в Латвии — все это не могло не наложить своей печати и на поэзию Райниса. Отсюда проистекает классовая позиция поэта, сила его революционных чувств, в конечном счете — самая мощь его таланта, о чем на I Всесоюзном съезде писателей напомнил Максим Горький, называя Райниса «мощным поэтом».

Большой, чуткий художник, Райнис неизбежно должен был выразить в своих творениях наиболее яркие особенности эпохи, характерные признаки своего времени: достигшую предела ненависть простого, рабочего человека к своим угнетателям и вытекающее отсюда стремление самых широких народных масс силою отвоевать себе свободу. Поэзия Райниса неразрывно связана с освободительной борьбой латышских трудящихся против царизма, помещиков и буржуазии. «Классу основному», пролетариату, посвящает поэт свои произведения. Революцию воспекает он в стихах, поэмах и драмах. Поистине ей, революции, обязан поэт всем лучшим и самым светлым, что было в его творчестве, что сделало его творчество живым и непреходящим.

Итак, подобно тому как революция 1905 года в Латвии была частью общероссийской революции, неотделима от нее, так же и поэзия Райниса выросла на почве общероссийского революционного движения, на почве русской передовой общественной мысли и литературы. Это обстоятельство и придало творчеству латышского поэта огромную идейную силу и широту, сделало его близким, понятным и дорогим всем народам нашей многонациональной родины.

* * *

Ян Райнис (его настоящее имя — Ян Кришьянович Плиекшан) родился 11 сентября 1865 года в бывшей Курляндской губернии, на Варславанском хуторе Рубенской волости, неподалеку от Даугавы, которая издавна соединяет дружественные латышский и русский народы.

---

¹ В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4, т. 16, стр. 236.

Отец его, Кришьян Плиекшан, был типичным представителем латышской сельской буржуазии. К 90-м годам, впрочем, в результате ряда неудачных сделок, старый Плиекшан разорился. Молодой Плиекшан часто уходил с батраками отца в поле, ездил на мельницу, в ночное, внимательно слушал рассказы батраков, среди которых были люди различных национальностей, слушал, как поют они песни своего народа,— и слова, мелодия этих песен говорили впечатлительному мальчику об одинаково тяжелой доле и надежде на освобождение и латышей, и русских, и белорусов, и литовцев.

С великой красотой народной песни знакомили Райниса и плотгоны, приплывавшие весной из России; знакомила и мать, Дарта Плиекшан. Позднее, уже в школьные годы, Райнис записал несколько сот песен, напетых ему матерью.

Общение с трудовым людом, а также фольклор рано научили Райниса понимать не только тяжелую и беспросветную жизнь различных народов, но также и их мужество, волю к борьбе, уверенность в своих силах. Они приобщили сына зажиточного арендатора к истинным стремлениям народа, научили его уважать народ, как создателя материальных и духовных ценностей.

Влияние фольклора в дальнейшем в значительной степени сказалось и на поэзии Райниса. Его творчество — в особенности драматургия — насыщено фольклорными мотивами и находится под сильнейшим воздействием поэтики народной песни. Творчество Райниса, подобно творчеству Пушкина, Некрасова, Шевченко, подобно творчеству советских поэтов Исаковского, Твардовского, Исаакяна, Купалы, в значительной мере основывается на фольклоре, на этом богатейшем и глубочайшем роднике народной мудрости и народных чувств. Недаром Райнис признавался на склоне лет:

«Народное творчество мне так близко и знакомо, как вещи, которые принадлежат мне с детства и юности... Я никогда не прекращал изучения фольклора».

Десяти лет от роду Райниса отдают учиться в немецкую школу в Гриве (рядом с Даугавпилсом). К тому времени он уже знает несколько языков: русский, немецкий, белорусский и литовский. В школе он дополнительно изучает латынь и греческий язык. Из гривской школы родители в 1880 году переводят Райниса в третий класс рижской городской гимназии. В этой гимназии обучались главным образом дети немецкой буржуазии и дворянства; латышских детей в ней было очень мало. Основными предметами здесь были немецкая и классическая филология. Учился Райнис хорошо, а по латыни считался лучшим учеником в классе. В гимназии Рай-

нис познакомился и сдружился с Петром Стучкой, известным впоследствии латышским революционером.

К гимназическим годам относится повышенный интерес Райниса к латышской литературе и истории, так же как к истории и литературе других народов. Он знакомится с произведениями латышских демократов 50—60-х годов: Кр. Валдемара, Ю. Алунана, Спегиса, Кр. Барона, Кронвальда, представителей буржуазного, для своего времени прогрессивного, так называемого «младолатышского» движения.

Райнис с увлечением читает в это время и классиков мировой литературы: Гомера, Эсхила, Софокла, Овидия, Шекспира, Байрона, Пушкина, Лермонтова. «Вся моя молодость,— писал Райнис, вспоминая об этом времени,— наполнена прекрасными звуками и красками; вся она как будто купается в огромном поэтическом море. Когда же юное существо пробовало подымать и свой голос, то скоро почувствовало, что у него захватывает дух от красоты и остается только слушать тысячу лет».

Лучшие образцы мировой классической литературы, ее выдающиеся поэты и писатели рано ввели Райниса в круг великих проблем, расширили и углубили его кругозор, придали его устремлениям демократическую направленность, способствовали развитию в нем эстетического чувства. Особенно большое значение для Райниса имело его знакомство с гениальными русскими поэтами Пушкиным и Лермонтовым. Пушкин, как говорит сам Райнис, стал ему «очень близок» еще со школьной скамьи. Неслучайно первое произведение, которое он перевел сразу же по окончании гимназии, в 18-летнем возрасте, и которым начал свой славный труд в области переводов на латышский язык величайших классиков мировой литературы, был пушкинский «Борис Годунов». Пушкин для Райниса навсегда остался самым любимым поэтом. Ни о ком другом не отзывался он с таким восхищением. Райниса привлекало гениальное реалистическое мастерство великого русского поэта, его подлинная народность, его гуманизм. Реалистическая линия в творчестве самого Райниса, близость его творчества к народной жизни, высокая простота и ясность формы, отточенность и музыкальность стиха — все это в значительной мере росло и развивалось под влиянием поэзии Пушкина. Пушкин был близок Райнису и как великий поэт и как великая человеческая личность, которая «в упорной борьбе всю жизнь стремилась к человеческому совершенству» и нашла его в служении народу своим вдохновенным искусством.

Сильное впечатление произвела на Райниса и исполненная пафоса свободолюбия поэзия Лермонтова, «изумительно понравились»

ему стихи Кольцова. С большим интересом читал он и русские былины, особенно об Илье Муромце. Образ Ильи Муромца, этого русского богатыря, народного героя и заступника, долго занимал поэтическое воображение Райниса, пока, уже значительно позднее, он не получил художественного воплощения в трагедии «Илья Муромец».

К годам учения в гимназии относятся и первые поэтические опыты Райниса. Райнису едва только минуло 15 лет, когда он сам начал писать стихи. Благодаря его большой начитанности, близкому знакомству с лучшими образцами мировой классической литературы, он быстро преодолевает трудности, стоящие на пути начинающего поэта. Некоторые из своих стихотворений той поры, как, например, «Королевну», «Крестьянина», «Юношам», Райнис позже поместил в свой первый сборник стихов «Далекie отзвуки синего вечера». В них уже наметилось то характерное, что будет присуще лирике поэта периода его высших достижений: богатство мысли и чувства, глубокая народность, сжатость, крепость, напряженный динамизм стиха.

Окончив полный курс гимназии, Райнис осенью 1884 года вместе со своим другом П. Стучкой отправляется в Петербург изучать юридические науки.

С Петербургом у передовой латышской интеллигенции давно уже имела тесная связь. В 60-х годах, при поддержке русского прогрессивного общества, здесь начинает выходить первая демократическая латышская газета «Петербургас Авизес» («Петербургская газета», 1862—1865), вокруг которой группируются виднейшие младолатышские литераторы. В Петербургском университете, в различных институтах, в Академии художеств и консерватории учатся многие латышские юноши. Ко времени приезда Райниса в Петербурге училось около 50 студентов латышей. Неудивительно, что будущего поэта потянуло в Петербург. Столица России привлекла его своей богатой общественной жизнью, культурными традициями, своей беспокойной, революционной атмосферой.

Студенческие годы в Петербурге сыграли немаловажную роль в дальнейшем развитии Райниса. В Петербурге он непосредственно познакомился с передовым русским обществом и искусством, еще глубже изучил русскую литературу, познакомился, в частности, с произведениями революционных демократов.

Первое время Райнис мало занимался специальными юридическими предметами. Целые дни он проводил в библиотеках, читал художественную литературу, регулярно посещал выставки передвижников, новые театральные постановки. Из русских писателей

он особенно увлекался Гоголем, Щедриным и Чеховым. У них он учился мастерству сатиры, умению обличать «свинцовые мерзости» царской России. Старательно изучал он и высоко ценил Белинского и Герцена. Характерно, что в 1893 году, будучи за границей, он в цюрихской библиотеке специально читал произведения Герцена, которые ему не удалось получить в Петербурге.

В Петербурге, под влиянием русской прогрессивной науки, укрепилось и материалистическое мировоззрение Райниса. В университете он слушает лекции знаменитых русских ученых-материалистов Менделеева и Бехтерева, читает книги по естественнонаучным вопросам, знакомится с марксистскими трудами Плеханова, с различными нелегальными революционными брошюрами. Вместе с тем у него завязываются личные дружеские связи с представителями русской и белорусской революционно настроенной молодежи. Его вводят в круг русских студентов, которые были близко знакомы с братом В. И. Ленина — Александром Ульяновым.

Все это вскоре не замедлило сказаться. Проникнутый передовыми, революционными идеями, Райнис начинает открыто выступать против латышской буржуазии и буржуазных националистов. В начале 1888 года он вместе с П. Стучкой издал сборник юмора и сатиры «Маленькие оводы», направленный своим острием против влиятельной в то время организации латышской реакционной буржуазии — Рижского латышского общества, с его ярко выраженными космополитическими тенденциями, с его преклонением перед немецким дворянством и бюргерством.

Латышское буржуазное национальное движение, зародившееся в 60-е годы XIX столетия и собравшее вокруг себя лучшие силы латышской интеллигенции, в 80-е годы уже выродилось и стало реакционным. В результате бурного развития капитализма обострились классовые противоречия внутри латышского общества, на арену политической деятельности выдвинулся новый класс, самый революционный из всех, известных истории, — пролетариат. Разбогатевшая и довольная своим положением латышская городская и сельская буржуазия, естественно, видела в латышском рабочем своего опаснейшего врага, и потому-то по ряду вопросов она оказалась в одном лагере со своими бывшими противниками — прибалтийской немецкой буржуазией и дворянством. В литературе это выразилось в преклонении перед немецкой буржуазной культурой, в пропаганде и подражании мещански слащавому и пошлому немецкому романтизму. Для того чтобы усыпить пробуждающееся классовое сознание латышского пролетариата, национальная буржуазия выступала с лицемерными фразами о народном единстве, об общенародных ин-

тересах, прославляла патриархальное прошлое как золотой век, пропагандировала древнелатышскую религию, мифологию, обычаи.

Против этого реакционного лженародного романтизма и выступил Райнис в «Маленьких оводах». Здесь он высмеивает явно немецкую идеологию новых латышских националистов, одновременно печатая переводы пушкинских эпиграмм, стихов Кольцова, сатирических фельетонов Марка Твэна, образцов остроумия из античной поэзии, чтобы противопоставить здоровый, жизнеутверждающий юмор других народов плоскому мещанскому сентиментализму, насаждаемому латышской буржуазией.

В мае 1888 года Райнис закончил Петербургский университет. В том же году, в связи с Третьим всеобщим латышским праздником песни, Райнис пишет в стиле и размере народных песен своеобразную сатирико-лирическую книжечку «Шуточные песенки к Третьему всеобщему латышскому празднику песни». Это первое произведение поэта, вышедшее отдельным изданием. В нем он разоблачает стремление латышских буржуазных националистов демагогически использовать народную поэзию в своих классовых интересах и показывает, что у трудового народа есть своя собственная культура.

В декабре 1891 года Райнис становится ответственным редактором латышской демократической газеты «Диенас Лапа» («Ежедневный листок»).

«Диенас Лапа» начала выходить в 1886 году как орган рижских ремесленников, мелких торговцев и других мелких предпринимателей. Она занимала весьма умеренную, оппортунистическую позицию, пропагандировала, в частности, взгляды западных «экономистов». С приходом в газету Райниса «Диенас Лапа» постепенно превращается из оппозиционного мелкобуржуазного органа в издание, которое, насколько это было возможно при царской цензуре, отстаивало требования рабочих, распространяло марксистские и социал-демократические идеи. В это время наблюдается бурное развитие капитализма в Латвии и связанный с этим рост латышского пролетариата и его классового самосознания. Достаточно сказать, что в конце 90-х годов число рабочих в Риге превышало 50 000, тогда как двадцатью годами раньше оно едва достигало девятнадцати тысяч. Все это, естественно, не могло не отразиться на изменении характера газеты.

Вокруг «Диенас Лапа» объединились наиболее передовые представители латышской интеллигенции того времени, по большей части студенты, обучавшиеся в Московском, Петербургском и Юрьевском университетах. Эти лучшие представители латышской интеллигенции широко пропагандировали естественнонаучный мате-

риализм, дарвинизм, боролись за эмансипацию женщин, резко нападали на латышскую реакционную буржуазию, на ее прессу и организации, требовали реализма в литературе, правдивого отражения в ней жизни трудового народа и обличения господствующих классов. В истории латышской литературы и общественной мысли это течение стало известно под именем «Яуна страва» («Новое течение»). «Новое течение» возникло прежде всего в результате роста классового самосознания пролетариата, но по своему составу, по своему идейному и политическому содержанию оно не было однородным. Наряду с группой умеренных либералов, из которой позднее вышли идеологи латышских меньшевиков, эсеров и даже крупной буржуазии, в нем имелось левое, революционное крыло, которым руководили будущие социал-демократы Ф. Розинь, П. Стучка, П. Дауге, Я. Янсон и безвременно умерший революционный поэт Эдуард Вейденбаум (1867—1892). К числу руководителей революционного крыла «Нового течения» принадлежал и Ян Райнис.

Начиная с 1893 года руководимая Райнисом «Диенас Лапа» печатает пространные выдержки (не указывая имен авторов) из произведений Маркса и Энгельса: из «Манифеста коммунистической партии», «Людвига Фейербаха», «Анти-Дюринга», «Происхождения семьи, частной собственности и государства», «К критике политической экономии», печатает отрывки из книги Бебеля «Женщина и социализм», а также пропагандирует работу Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю».

Редактируемая Райнисом газета резко нападает на латышскую буржуазию, борется с ее антинародной политикой и преклонением перед буржуазным Западом, с его безидейной литературой. Отстаивая принципы демократизма, идейности и критического реализма в литературе, газета тем самым оказывала огромное влияние на развитие латышской прогрессивной литературы, особенно на таких видных ее представителей в 90-х годах, как Аспазия, Блауманис, Плудонис, Зваргулис, Бирзниеку-Упит, Персцетис, А. Дока, Судрабу Эджус, Ад. Алунан, А. Деглав, Я. Асар, Визулис-Пипинь и др.

Райнис сам очень много писал в «Диенас Лапа», в особенности по вопросам литературы и искусства и по вопросам международной жизни. Он руководил в газете иностранным отделом и регулярно давал обзоры международного положения. В многочисленных передовых статьях и политических обзорах Райнис резко выступал против антинародной политики буржуазных правительств Запада. Он критиковал не только немецкую, австрийскую и итальянскую монархии, но и буржуазные демократии, особенно американскую, называя ее «машиной» для эксплуатации трудящихся.

В бытность свою редактором газеты, в 1893 году, Райнис пробыл месяц в Швейцарии и Германии, где встретился с Августом Бебелем, присутствовал на конгрессе II Интернационала в Цюрихе, слушал выступление Ф. Энгельса, познакомился с рабочим движением за границей. В следующем, 1894 году по его инициативе организируются первые нелегальные совещания латышской социалистической интеллигенции, на которых обсуждается вопрос о легальной и нелегальной пропаганде социалистических идей не только в печати, но и путем организации специальных кружков, о транспортировке и распространении революционной литературы, о необходимости будить классовое сознание рабочих.

В декабре 1895 года Райнис уходит из редакции «Диенас Лапа», не будучи в состоянии внести требуемый издателем залог.

После ухода из газеты Райнис принимается за перевод гетевского «Фауста», который он закончил в течение двух лет. Этот перевод — не только колоссальный труд, не только один из лучших во всей мировой литературе, но и величайший патриотический подвиг Райниса. Им заложены основы современного латышского литературного языка. Неисчерпаемые богатства народного словаря привлек Райнис для своего перевода, он смело и широко пользовался яркими, сочными, свежими народными выражениями и словами, он безжалостно изгонял все чуждое латышскому языку, наносное, все то привнесенное из немецкого языка, что не было органически освоено латышской речью. Своим переводом Райнис обогатил и освежил латышский литературный язык, возродил силу родной речи, и неслучайно, как отмечает Андрей Упит, из словаря перевода гетевского «Фауста» «черпала вся последующая литература».

Царская жандармерия, уже в первой половине 1896 года получившая сведения о том, что среди латышей создано противозаконное сообщество с революционным характером, называемое «Яуна страва», наконец нашла на следы нелегальной деятельности новотеченцев и, воспользовавшись слабой конспирацией последних, собрала обширный компрометирующий материал. 20 мая 1897 года началась волна арестов. В числе первых арестованных оказался и Райнис, который уже с самого начала фигурировал в жандармских донесениях как главное и наиболее опасное лицо, как инициатор всей нелегальной деятельности «Нового течения».

В тюрьме Райнис, несмотря на тяжелое состояние здоровья, интенсивно работает, заканчивает перевод «Фауста», переводит лермонтовского «Демона», пишет стихи. Заключение за тюремную решетку, поэт не предаётся отчаянию: он глубоко верит, что «сегодня слабейшие станут сильнейшими завтра».

20 декабря 1897 года жандармерия, закончив предварительное следствие, выпустила под денежный залог физически измученного и поседевшего в 32 года поэта, а спустя три дня сослала его под надзор полиции в Псков. Райнис оказался неподалеку от того места, где некогда проживал ссыльный Пушкин, его великий учитель. Там Райнис усиленно занимается литературной деятельностью. Он публикует в своем переводе пушкинского «Бориса Годунова». В качестве приложения к нему пишет большой очерк «Александр Сергеевич Пушкин», который явился не только первой, но и наиболее обстоятельной и серьезной работой о Пушкине на латышском языке в досоветский период. В этой работе Райнис показывает Пушкина самобытным гением русского народа, а не учеником Запада.

В Пскове Райнис пишет также несколько статей о современной западной буржуазной литературе. Обличая упадочность, глубокую порочность этой литературы, он вместе с тем указывает, что расцвет предстоит только искусству, идущему в ногу с революционной борьбой пролетариата. «Буржуазный поэт не может,— говорит он в очерке, посвященном литературной деятельности Г. Гаупмана,— позволить себе такую роскошь — петь свою песню по собственному желанию. Подлинное свободное искусство даст только будущее...»

В апреле 1899 года Райнис получил решение царских властей, по которому он высылался под надзор полиции в Вятскую губернию сроком на 5 лет. Уже на второй день по прибытии Райниса в Вятку (ныне город Киров) вятский губернатор направил его, как опасного преступника, «наикратчайшим путем» в отдаленный городок Слободское, с предписанием проживать только там.

В Слободском в то время находилось около 30 ссыльных революционеров. С ними Райнис часто встречался и очень скоро близко сошелся. В августе 1899 года, совершая побег из ссылки, пробыл у слобожан один день тогда еще молодой революционер Феликс Дзержинский. В Слободском проживал также сосланный по одному делу с Райнисом Петр Стучка, вместе с которым приехала его жена, сестра Райниса Дора.

Ко времени пребывания в Слободском относится дружба Райниса с одним из ссыльных армян, под влиянием которого поэт стал интересоваться освободительной борьбой армянского народа, его историей и литературой. В 1900 году он пишет очерк «Самый несчастный народ и страна» (опубликован лишь в 1931 году). В очерке он описывает тяжелое, подневольное положение армянского народа, отмечает его высокую культуру, его достижения в литературе.

Очерк характеризует латышского поэта как подлинного друга угнетенных народов царской России.

Ссылку Райнис переживает в чрезвычайно тяжелых материальных условиях. На дворе суровая северная зима, а у него нет даже теплой одежды. Как ссыльному, ему запрещено заниматься юридической практикой. Правда, он никогда не отказывает в советах по разного рода юридическим вопросам бедным, нищим крестьянам, но, кроме неприятностей от начальства, он ничего за это не получает. Единственным источником доходов у Райниса были переводы. В Слободском он перевел целый ряд наиболее известных произведений Шекспира, Гейне, Гете, Ибсена, Шиллера, достойно завершив этими своими переводами ту реформу латышского литературного языка, которую он начал «Фаустом».

Время, проведенное в ссылке, имело чрезвычайно важное значение для формирования революционных взглядов и убеждений Райниса.

Исключительно важным для него было то обстоятельство, что он оказался в кругу русских революционеров, где царили большевистские настроения и отстаивались позиции ленинской «Искры». По воспоминаниям сестры Райниса, Доры Стучка, у ссыльных была своя небольшая библиотека, в которой имелись произведения В. И. Ленина и других марксистов. Каждую субботу происходили собрания, на которых присутствовал и Райнис и где обсуждались различные политические и теоретические вопросы. Заграничные друзья нелегально пересылали ссыльным ленинскую «Искру». «Ее получали,— пишет Д. Стучка,— всегда спрятанной в каком-либо журнале, например журнале мод. Это было большим событием в нашей жизни. Газета, напечатанная на тонкой шелковой бумаге, переходила из рук в руки. На собраниях горячо обсуждали ее содержание. «Искра» всегда была долгожданной. Каждый новый номер волновал нас. Мы предчувствовали, что она возвещает новую эпоху в истории рабочего класса».¹

Чтение «Искры» идейно закалило Райниса, углубило его познания в области марксистской теории и тактики.² С другой стороны, русские революционные социал-демократы, с которыми общался поэт в ссылке, могли многое передать ему по части личного революционного опыта, которого Райнису тогда еще не доставало. Все

---

¹ Дора Стучка. Воспоминания о Райнисе.— «Literaturas gadagrāmata» («Литературный ежегодник»). Рига, 1946, стр. 231.

² Характерно, что один номер «Искры» того времени Райнис всю жизнь хранил в своей библиотеке (этот номер сейчас найден в его архиве).

это направляло внимание и интерес поэта к прямым задачам рабочего революционного движения, к вопросам конкретной революционной борьбы, помогало ему до конца понять вред и гибельность всякого оппортунизма.

Находясь в ссылке, Райнис не порывает своей связи с родиной. Он получает латышские нелегальные революционные издания, в том числе орган латышской заграничной социал-демократической группы «Социал-демократ», первый номер которого был выпущен под редакцией Ф. Розинь в Лондоне в конце 1900 года. В этих нелегальных изданиях давались подробные сведения о революционном движении среди латышских рабочих, о росте классовой, революционной сознательности латышского пролетариата. Сведения, получаемые Райнисом с родины и из «Искры», наряду с тем здоровым, революционным оптимизмом, который вызывался в нем общением с русскими революционерами, укрепляли в Райнисе уверенность в том, что «зимний лед» самодержавия удастся сломить, что близки уже «мартовские дни» общенародной революции.

Это нашло свое отражение прежде всего в поэтическом творчестве Райниса.

Надобно отметить, что лишь в Слободской ссылке Райнис систематически занялся поэзией. Свои первые стихи он написал в гимназии, писал стихи и в студенческие годы и в годы редакторства. Но все это лишь от случая к случаю, нерегулярно. О печатании своих стихотворных опытов Райнис пока еще не помышлял. Первое стихотворение, которое он публикует, относится к 1895 году (он подписывает его псевдонимом «Райнис», фамилией некоего латышского крестьянина, которая с той поры на всю жизнь становится литературным именем поэта). В конце 90-х годов, когда выходит его перевод «Фауста» и в периодической печати чаще, чем прежде, начинают появляться его оригинальные стихи, постепенно он делается известным латышскому обществу как поэт. Однако только в Слободском Райнис весь уходит в поэтическое творчество, только здесь он целиком отдается своему призванию поэта. С этой точки зрения вся прежняя его жизнь была периодом подготовки, глубокого идейного и творческого созревания, периодом внутреннего роста и становления.

В мае 1903 года Райнису было разрешено вернуться в Латвию. Он вернулся из тяжелой, но имевшей для него огромное значение северной ссылки с готовым сборником стихов, который он в том же году издает под названием «Далекие отзвуки синего вечера». Поэт вернулся не сломленным, не для того, чтобы «под ярмом плечи сгибать», но как гневный обличитель поработителей

и как вестник близкой весны революции. Ссылка закалила его и подготовила для беспощадной борьбы.

Сразу же по возвращении в Латвию Райнис с новой энергией принимается за поэтическое творчество: пишет лирические стихотворения, работает над драмой «Огонь и ночь», публикует написанную еще в Слободском комедию «Полуидеалист» (в стихах), в которой высмеивает латышскую националистическую буржуазию. Одновременно Райнис включается в активную революционную работу. Будучи членом ЛСДРП, он принимает участие в нелегальных собраниях и совещаниях партии. В бурные дни 1905 года он то выступает с речами на митингах и собраниях, то составляет резолюции и петиции, требующие для рабочих и батраков права собраний, союзов и стачек. Но особенно интенсивно в этот период Райнис работает именно в области лирики, ибо стихами он быстрее всего может отозваться на грозные и великие политические события, свидетелем и участником которых он сам является. В вихре революционных дней пишет он свою вторую книгу стихов — «Посевы бури». Она выходит из печати в самый разгар революции, в октябре 1905 года.

В 1905 году Райнис показал себя истинным революционером, марксистом и интернационалистом.

Латышская национальная буржуазия, которая уже в 1905 году, а тем более в последующие годы реакции искала соглашений с царизмом и дворянством, открыто вступив на путь контрреволюции, позднее старалась истолковать революцию 1905 года в Латвии как такую, в которой будто бы проявлялись лишь национально-освободительные стремления, стремления освободиться как от русского царизма, так и от прибалтийского немецкого дворянства. Вместе с тем латышские буржуазные националисты старались доказать, что дальше этих стремлений не пошел и Райнис. Это не соответствует действительности. Хотя революция 1905 года в Латвии и выражала в известной мере национально-освободительные стремления, однако по сути своей она была составной частью русской революции, не отличалась от нее ни своим характером, ни движущими силами. Ею руководила латышская социал-демократия, «один из передовых отрядов российской социал-демократии», по определению В. И. Ленина. И поскольку революция 1905 года в Латвии была частью общероссийской революции, постольку и поэзия Райниса выросла на почве не только латвийского, а общероссийского революционного движения. В своем творчестве поэт боролся как против царизма и немецкого дворянства, так и против капиталистической эксплуатации, стараясь способствовать тому, чтобы бур-

жуазно-демократическая революция переросла в революцию социалистическую.

С другой стороны, Райнис утверждал, что целью национально-освободительного движения латышского народа является не отделение от России, а, напротив, еще большее сближение с прогрессивными слоями русского общества; он призывал жить вместе с русским народом «в одном государственном организме», итти рука об руку с русским рабочим классом, который «уже давно и успешно борется с абсолютизмом». Для Райниса классовые интересы, интересы пролетариата стояли выше узко национальных интересов.

С поражением революции 1905 года Райнис оказывается вынужденным на долгие годы покинуть Латвию. 25 декабря 1905 года Райнис со своей женой Аспазией, в то время известной демократической поэтессой, эмигрирует в Швейцарию. Он поселяется в маленьком горном городке Кастаньоле, вблизи Лугано, где живет вплоть до 1920 года.

Райниса не утрашили временные поражения и неудачи, он не отчаялся, не поддавался панике. Вдали от родины он продолжает быть верным своему народу, верным его революционным традициям. Не имея возможности прямо, непосредственно принимать участие в борьбе, он участвует в ней своим творчеством. В трудных условиях эмиграции он работает много и напряженно, с чувством большой ответственности перед народом. Райнис выпускает один за другим сборники стихов: «Новая сила» (1907), «Тихая книга» (1909), «Те, кто не забывают» (1910); пишет поэму «Ave soll!» (1906—1908), фрагменты эпоса «1905 год» (написаны главным образом в 1906 году). С 1907 по 1908 год он издает свои календари «Вихри». Работает и над пьесами. В 1910 году выходит его пьеса «Золотой конь», в 1911 — трагедия «Индулис и Ария», в 1913 — «Вей, ветерок». Как и в период революции 1905 года, так и теперь, в годы столыпинской реакции, Райнис является ведущей фигурой в лагере латышской прогрессивной литературы. Он укрепляет в ней революционные, пролетарские традиции, своим личным примером указывает, как нужно служить народу, как помочь освободительной борьбе трудящихся масс при новом соотношении классовых сил.

Однако с приближением первой мировой войны в Райнисе начинает сказываться известная усталость. Напор различных идеалистических теорий, особенно сильный в период реакции, в конечном счете оказывает влияние и на Райниса. В ряде вопросов он отступает от позиций последовательной марксистской философии и революционной социал-демократии.

Наряду с тем, что целый ряд произведений Райниса последних

лет перед мировой войной — таких, как стихотворения «Класс основной — тебе» (1912), «Майский манифест» (1913), поэма «Суд в Талси» (1914), — проникнут подлинным духом борьбы, подлинно революционным настроением, поэт начинает проповедовать также «самоотверженную любовь», моральное самоусовершенствование. Порой ему кажется, что рабочий класс уже одним только своим моральным величием и высокой идейностью сможет переубедить и одолеть своих противников.

Райнис никогда не опускался до оппортунизма, но в известной мере революционную последовательность он в это время потерял. Во всяком случае, он не смог правильно оценить новый мощный прилив в рабочем движении в 1912—1914 годах. Окруженный в последние годы эмиграции латышскими меньшевиками и другими мелкобуржуазными идеологами, Райнис чувствует себя одиноким, до некоторой степени ненужным рабочему движению, в его лирике оказываются преобладающими субъективные мотивы, а социальная символика его пьес теряет свойственную ему прежде остроту и определенность.

В период подъема рабочего движения перед первой мировой войной мужественная поэзия Райниса, созданная преимущественно в 1900—1911 годах, продолжала звучать как мощный набат, зовущий к решающей классово-битве, но его литературно-общественная деятельность этого периода (после 1912—1913 годов) уже не имела больше того руководящего, направляющего значения, она находилась в стороне от решающих схваток.

Несмотря, однако, на некоторый спад революционного энтузиазма у Райниса, несмотря на отмеченные нами колебания в его мировоззрении, он правильно разобрался в империалистическом характере войны 1914—1918 годов. Старый революционер и марксист взяли в нем верх.

В своих публицистических статьях, написанных во время войны, Райнис указывает, что международный пролетариат «признает только единственный род войны — революционное восстание в интересах пролетариата». Он гневно клеймит немецких правых социал-демократов, которые перешли на сторону немецкого империалистического капитала и тем самым предали международную солидарность пролетариата. Все свои надежды Райнис возлагает на русский революционный рабочий класс и на его партию.

В 1916 году Райнис составляет резолюцию протеста против готовящегося немецкими империалистами и прибалтийскими баронами присоединения Латвии к кайзеровской Германии и выдвигает лозунг: «Свободная Латвия в свободной России!» В этой резолю-

ции, напечатанной в изданиях зарубежной печати, Райнис подчеркивал: «Мы, латыши, требуем освобождения, которое означает не отрыв от России, а свободное национальное развитие на основе латышского языка и самобытности, поскольку это возможно в рамках политической автономии всей Латвии и в государственном союзе с Россией».

«Для Латвии,— указывал далее Райнис,— отрыв от России означал бы отрыв от условий своего экономического существования. В этом случае Латвия из государства передового в культурном отношении и развитого экономически превратилась бы в аграрное государство, эксплуатируемое Германией».

Насколько справедливыми были эти слова великого поэта, доказало дальнейшее развертывание событий, когда латышской буржуазии с помощью западноевропейских, особенно немецких империалистов удалось временно оторвать Латвию от России и превратить ее в аграрное государство, эксплуатируемое империалистической и фашистской Германией и другими империалистическими государствами Запада — Англией, Францией, США.

В 1917 году Райнис приветствовал февральскую буржуазную революцию в России. Однако очень скоро он понял, что эта революция неспособна претворить в жизнь выдвинутые в 1905 году политические идеалы. И его отношение к февральскому революционному перевороту резко изменилось. Он писал: «Я ожидаю третью революцию».

В апреле 1917 года Райнис высказывает желание переехать в Москву. Но тяжелое состояние здоровья помешало исполнению этого его желания: он вынужден был остаться в Швейцарии.

Советское правительство Латвии обратилось к поэту с просьбой разрешить издание его произведений. Отвечая на эту просьбу согласием, в своем письме Райнис с глубоким удовлетворением отмечает: «Это доказывает, что пролетариат инстинктивно понимает главное: возможность расцвета поэзии, а в особенности пролетарской поэзии, возможность, существующую лишь в высшей свободе, какую буржуазный мир никогда не был в состоянии дать, ибо сам основан на угнетении».

Говоря в том же письме о латышском революционном пролетариате, Райнис заявляет: «От этого латышского пролетариата я и ожидаю, что он мне даст ту Латвию, в которой душа моей поэзии».

К сожалению, поэт смог вернуться на родину только в 1920 году, когда его родная Латвия снова оказалась под гнетом капитализма.

Последние девять лет жизни Райниса, проведенные в буржуазной Латвии, отмечены внутренними противоречиями, ошибками, за-

блуждениями, упорными поисками и глубоким внутренним трагизмом.

В эти годы он пишет свой роман в стихах «Пять эскизных тетрадей Дагды», заканчивает трагедию в пяти действиях «Илья Муромец», продолжает трагедию «Стенька Разин», выпускает целую серию сборников детских стихов.

Преисполненный самых радужных надежд возвратился Райнис в Латвию из пятнадцатилетней эмиграции. Огромной массе народа, собравшейся встретить своего любимого поэта, он сказал: «Дорогие братья, друзья, товарищи!.. Я вернулся к вам на родину, чтобы снова почерпнуть силы и продолжать работу, которую делал. Латвия должна воистине стать свободным государством, в котором нет никакого угнетения, ограничения, неволи и рабства». Райнис надеется, что буржуазную Латвию можно будет преобразовать настолько, что она будет гарантировать свободу и права самым широким массам трудящихся и мирным, парламентарным путем перейдет к социализму. Но его ожидало горькое разочарование. Скоро он увидел страну, которая управляется капиталистами и идет на поводу у западного империализма, он увидел республику, враждебную интересам пролетариата. Поэт быстро убедился, что на шею латышского трудового народа вместо черных немецких баронов теперь уселся серый латышский барон — кулак и капиталист, что народ вовсе не свободен, что переменялись только сами эксплуататоры и форма эксплуатации. Уже в августе 1920 года в своей первой депутатской речи Райнис заявил: «Когда мы, ссыльные, вернулись в Латвию, мы надеялись увидеть свободную Латвию. Мы ее не нашли, но все же мы не теряем надежды, что мы ее построим».

Борьба Райниса с латышской буржуазией, в реакционности которой он убедился, в последние годы его жизни протекала в границах буржуазного парламентаризма (одно время поэт даже входит в состав социал-демократического правительства в качестве министра просвещения) и уже не достигает того напряжения, которое было свойственно ей в период революции 1905—1907 годов. Тем не менее в своих статьях и депутатских речах Райнис никогда не переставал обличать антидемократическую, враждебную народу политику латышской буржуазии, он резко нападал на партию кулаков, руководимую Ульманисом. Еще в 1924—1925 годах Райнис отмечал, что буржуазная Латвия, как государство кулаков и капиталистов, стоит на пути к окончательной потере национальной самостоятельности, на пути к хозяйственной и политической зависимости от немецких юнкеров и империалистов, что «действительно уже тяжело дышать в Латвии мыслящему человеку», что прихо-

дится бежать из нее, искать «новую родину», и «если для Латвии существует надежда на будущее и дальнейшую культуру, то эта надежда — в рабочем классе».

В 1925 году, в предисловиях к отдельным томам своего собрания сочинений, поэт неоднократно с глубокой горечью упрекал буржуазную демократию в том, что «дух последних лет неблагоприятен для литературы, не говоря уже о литературе прогрессивной, указывающей путь в будущее...»

Латышская буржуазия и ее писакы, особенно фашистские говорорезы, начали тогда против Райниса грязную травлю, поносили его революционное творчество, пытались его морально и физически уничтожить.

В буржуазной Латвии Райнис, по его же словам, жил точно «в ссылке», точно на чужбине. Постепенно он начинал терять веру в буржуазный парламентаризм, на практике убеждаясь, что последний служит только орудием в руках реакционной буржуазии и кулачества. Поэтому в самые последние годы поэт все чаще приходит к убеждению, что ему нужно духовно «обновиться», найти себе новую опору в жизни. И он обращает взоры к стране строящегося социализма. Все больше он интересуется тем, что происходит в этой стране — стране, где вся власть находится в руках трудящегося народа. Он читает книги советских писателей, вдумывается в то, о чем пишут ему его друзья — коммунисты, проживающие в СССР, П. Дауге и сестра Дора Стучка, он проникается сознанием, что диктатура пролетариата, а не парламентский строй есть единственный и самый верный путь к социализму. У Райниса появляется мысль покинуть затхлую, тесную для него буржуазную Латвию и переселиться в Москву, в столицу свободной советской страны.

В 1926 году поэту удается в качестве делегата от Латвии поехать в Минск на академическую конференцию по реформе белорусской орфографии и алфавита. Глубоко потрясенный всем увиденным, он отмечает в своем блокноте:

«Новая Белоруссия с большим энтузиазмом и вдохновением переживает свое духовное возрождение. Нет большей радости для поэта, как видеть, переживать вместе с народом и быть захваченным ясным, ярким потоком света. Эту радость я испытываю в дни, когда на мою долю выпала честь присутствовать на белорусской академической конференции. Растроганный, буду наблюдать, как этот поток энтузиазма увлечет за собой белорусскую поэзию...»

В Минске Райнис сердечно сдружился с Янкой Купалой и Якубом Коласом, к творчеству которых он уже давно испытывал глу-

бокую симпатию. Из Минска он поехал в Витебск, где провел несколько дней в тесном и дружеском общении с работниками советского искусства и культуры. Его приглашали в Москву, но по состоянию здоровья он отложил свою поездку до следующей весны. К сожалению, ни следующей весной, ни позже поэту не удалось попасть в Советский Союз: латышская буржуазия и ее приспешники — меньшевики не пускали больше поэта в СССР.

На всю жизнь Райнис сохранил свои симпатии к революционному русскому народу и к его великой культуре. Победу русского рабочего класса — Октябрьскую революцию — он рассматривал как осуществление самых глубоких и самых заветных чаяний народа. До конца своих дней он с глубокой признательностью вспоминал о том большом значении, которое имела для него лично и для всего латышского народа русская литература. В своей последней публицистической статье в сентябре 1929 года он писал:

«Что касается русской литературы, то мы, латыши, всегда ею интересовались и учились у великих русских писателей».

Ян Райнис умер 12 сентября 1929 года. Ему так и не довелось увидеть осуществление своей заветной мечты — построения социализма и вступления его горячо любимой Латвии в братскую семью свободных народов, возглавляемую великим русским народом.

* * *

Райнис вошел в латышскую литературу уже вполне зрелым поэтом и идейно и художественно. Его боевая публицистическая деятельность времен «Нового течения» вырастила в нем бойца, народного трибуна; изучение теории марксизма, общение с революционными марксистами заострили, углубили его мысль, сделали ее целенаправленной, содействовали утверждению в поэте его революционного мировоззрения; наконец, переводы лучших произведений русских и мировых классиков помогли ему выработать свой стиль, овладеть мастерством художественного слова, научиться выражению мыслей и чувств с помощью ярких художественных образов. Свой путь поэта Райнис начал не как новичок, который робко и неуверенно делает свои первые шаги, но закаленным жизнью мужем, твердо знающим, что сказать и как сказать.

Его первый сборник стихов «Далекое отзвуки синего вечера» вышел в июне 1903 года, когда поэту было 38 лет. Сборник включал в себя стихотворения, написанные в период с 1881 по 1902 год, преимущественно во время Слободской ссылки. Это своеобразный поэтический дневник, в нем нет строгого единства тематики, в нем

много своего, личного, но это дневник революционера, мятежника, большого и революционного мыслителя. Предчувствие грядущей обновляющей бури, страстное желание этой бури — таков основной мотив стихов, составляющих книгу «Далекие отзвуки синего вчераша». Поэт не предаётся унынию, он полон сил, и он хочет передать эту силу читателю:

Не плачь, не жалуйся, не ной!
Круши преграды, стой стеной.
Борись, не медли, рвись вперед —
Напор реки ломает лед.

(«Мартовские дни». Пер. М. Замаховской)

Он призывает в своем стихотворении, посвященном социал-демократической партии:

...Встаньте, слезы осушите,
Лоб горячий освежите,—
Уж заря встает над лесом!
. . . . .
Разгоните кровь по жилам,
Топайте ногами смело,
Чтобы всюду загремело,
Чтоб ворчал, разбужен, сонный.

(«Утренние ветры». Пер. Вл. Невского)

Подъем революционного рабочего движения по всей России с необычайной силой сказывается на поэзии Райниса. Если в самых ранних его стихотворениях, входящих в сборник, нередко звучали и мотивы одиночества, индивидуалистические настроения, то по мере приближения событий 1905 года его поэзия все в большей степени проникается революционным оптимизмом, уверенностью в торжестве всего передового и светлого. В стихотворении, относящемся к 1901 году, ставшем впоследствии боевой песней латышского пролетариата, поэт восклицает:

Враждебная сила, волну вздымай,—
А все ж мы увидим счастливый край!
Ты можешь сломить нас, щепой разметать,
Достигнем мы дали, где солнцу вставать!

(«Сломанные сосны». Пер. В. Рождественского)

В одном из наиболее острых стихотворений предреволюционного периода — «Дне страшного суда» — Райнис показывает, как в угнетенном народе непрестанно нарастает революционное чувство.

ние, пока наконец вся земля не «содрогается от гнева», каждая попираемая тиранами «песчинка» не восстает и все здание несправедливости не обрушивается на воздвигнувших его. В стихотворении «Fiat justitia» Райнис выражает свое убеждение в том, что только путем насилия, путем революции можно разрушить мир феодализма и капитализма. Личное, индивидуальное у Райниса постепенно отходит на второй план, оно как бы сливается с социальным, с мыслями о революции, только в них и находит себя.

Райнису не чужда и любовная лирика. Он знает любовь и умеет говорить о ней настоящими словами. Характерно, что тема любви для Райниса — не замкнутая, не узко интимная тема. Чисто любовных стихотворений мы не найдем в этом сборнике. Любовь осмысливается поэтом в самом высоком, не частном плане, она для него существует в своих высших, социальных проявлениях.

Бесцельна была эта жизнь —
Ее осмыслила ты;
Пустынной была эта жизнь —
Посеяла ты цветы...

...И солнце славит опять
Моя ожившая речь;
Я вновь надежду могу
В застывших сердцах зажечь.

(Пер. Т. Кладо)

Это типичный образец любовной лирики поэта. Любовь здесь воспевается прежде всего как источник энергии и душевных сил для борьбы, для жизни не ради себя, но ради людей. Любовь у Райниса — это любовь революционера, любовь борца за народное счастье.

В «Далеких отзвуках» ярко проявилась еще одна сторона таланта поэта — сила его иронии. Ирония органически присуща Райнису, он владеет ею легко, под его пером она живет, сверкает всеми красками подлинно народного остроумия. Она направлена у него всегда против врагов пролетариата, против буржуазии, мещан, против всяких социальных явлений, чуждых и глубоко враждебных пролетарскому сознанию. Поэтическая форма, в которую чаще всего облекается у Райниса его ирония, — сатирическое стихотворение, эпиграмма. В предельно короткое по своим размерам стихотворение вкладывается максимум обличительного содержания, поэтическая мысль оказывается в высшей степени сконцентрированной, заостренной — и ее выразительность от этого многократно

возросшей. Райнис — мастер эпиграммы. В эпиграмме «Благодетель» он высмеивает лицемерие либерала:

Хоть богат — жалеет бедных
И, растроган их нуждой,
Вынимает из кармана...
Свой платочек носовой.

(Пер. Б. Тимофеева)

В другой эпиграмме — «Честный человек» — он с гневным сарказмом говорит о заживевшем и довольном собою буржуа:

Честный труд — чужой рукой.
От чужой беды — покой.
На других глядит с презреньем,
Отличаясь ожиреньем...
Ох, наверное, в аду
Я легко тебя найду!

(Пер. Б. Тимофеева)

Эпиграммы Райниса редко бывают направлены против отдельных конкретных личностей. По своему характеру они близки жанру сатиры: их обличение чаще всего имеет совершенно определенную социальную направленность.

В «Далеких отзвуках синего вечера» проявились наиболее яркие особенности поэтического дара Райниса: искренность, глубокий лиризм, живой народный юмор, предельная насыщенность и одновременно ясная простота слова. Вместе с тем первой книге стихов поэта свойствен яркий романтический колорит. Разумеется, это не та романтика, которая уводит в туманные дали, — это романтика, теснейшим образом связанная с живой, реальной действительностью. Самый порыв к борьбе многомиллионных масс в период русской революции 1905 года был во многом романтическим, и певец борьбы, певец революционного народа не мог не быть романтиком. Романтизм Райниса — революционный романтизм. В этом Райнис в большой мере напоминает раннего Горького. Неслучайно некоторые стихотворения сборника «Далекие отзвуки» прямо перекликаются с такими произведениями великого русского пролетарского писателя, как «Песня о Соколе», «Песня о Буревестнике», «Старуха Изергиль». В стихотворении Райниса «Трубач» юноша, подобно романтическому горьковскому Данко, в час общего малодушия один, «со своей трубою, вышел в поход, готовый к бою». В «Сломанных соснах» сломанные непогодой сосны, напоминая нам смелого и гордого

Сокола из песни Горького, восклицают: «Враждебная сила сломила нас, но битва не кончена и сейчас. Ведь в каждой ветке отпор живет. И в каждом стоне — порыв вперед!» Интересно, что свои стихотворения «Трубач» и «Сломанные сосны» Райнис написал как раз в то время, когда переводил «Песню о Соколе» Горького.¹

Первая книга стихов Райниса имела большой общественный резонанс. Она сразу же выдвинула поэта на ведущее место в латышской литературе. О сборнике «Далекie отзвуки» народный писатель Латвийской ССР Андрей Упит пишет: «Далекie отзвуки» являются одной из тех книг в мировой литературе, которые, как в фокус, вбирают в себя течения целой эпохи и затем сквозь призму излучают далеко в будущее. . . Нет другой латышской книги, которая могла бы по силе влияния на народ сравниться с «Далекими отзвуками». Это поэзия, которая не стареет; сегодня она кажется такой же свежей и полнозвучной, как в тот период кануна революции».

«Далекie отзвуки» оказали огромное воздействие на все дальнейшее развитие латышской лирики, которая до той поры, за исключением отдельных острых, наполненных социальным протестом стихов Эдуарда Вейденбаума и некоторых стихотворений других демократических поэтов, носила преимущественно интимный, камерный характер. Она словно плыла по тихой луговой речке, между бережками, по излучинам, вдали от людского шума, под шелканье соловьев. Райнис своей книгой вовлек латышскую лирику в русло общественных задач, поднял ее на небывалую идейную высоту. В этом неоспоримое значение «Далеких отзвуков синего вечера».

Вскоре после выхода в свет первого сборника стихов Райнис начинает работать над драматическим произведением «Огонь и ночь». Напечатана драма в 1905 году, в год революции, и ее содержание, заключенное в форму историко-символического действия, вместе с тем в высшей степени созвучно революционным событиям того времени. Неслучайно Райнис назвал свою пьесу «старинной песней в новых звуках». Драма «Огонь и ночь» насыщена идеями

---

¹ Влияние Горького на поэзию Райниса, разумеется, не ограничивается лишь рамками одного сборника «Далекie отзвуки». И в стихотворениях, входящих в другие сборники, нередко можно заметить воздействие великого русского пролетарского писателя. Так, в стихотворении Райниса 1907 года «Червяк о соколе», в стихотворении 1905 года «В полной мере» слышится отзвук сказки о Данко.

народно-освободительной борьбы. Материалом ее служит историческая борьба латышского народа за свою свободу, борьба не только против немецких рыцарей-захватчиков, но против всякой эксплуатации человека человеком. В своей драме Райнис широко использовал как мотивы латышского фольклора, так и мотивы, даже отдельные образы эпоса А. Пумпура «Лачплесис» (1888).

Действие пьесы начинается в XIII веке, когда на латышскую землю напали немецкие псы-рыцари. В бой против них отправляется латышский богатырь, воплощение силы народной, Лачплесис (в буквальном переводе — раздиратель медведей). На стороне врагов борется предатель Кангар (имя которого, подобно имени Иуды, сделалось нарицательным для всех предателей латышского народа). Дочь латышского предводителя Айзкрауклиса, красивая и гордая, но самолюбивая Спидола (светящаяся), влюбленная в Лачплесиса, из ревности укрывает от него его возлюбленную Лаймдоту (дающую счастье), а сама на некоторое время оказывается вместе с врагами народа — немцами. Лачплесис отправляется на поиски Лаймдоты. После многих сражений он побеждает врагов и добивается свободы народа. Но тогда появляется Черный Рыцарь и вызывает Лачплесиса на бой. От Кангара он узнал, что сила Лачплесиса в ушах, и потому в борьбе сразу же отсекает ему уши. Оба борющихся падают в Даугаву. Спидола, перешедшая на сторону народа, отправляется за Лачплесисом в глубины Даугавы, чтобы помочь ему победить Черного Рыцаря — темные силы реакции.

«Огонь и ночь» является своеобразным произведением, в котором современные идеи, глубокая авторская мысль о судьбах родной страны и народа воплощены в фантастические и символические образы. Действие пьесы происходит на протяжении многих столетий. Ее герои, воплощающие различные человеческие, народные, социальные начала, не остаются неизменными, они поданы в их внутреннем развитии, движении, которое должно выразить сложную диалектику исторического процесса.

Если в первой половине пьесы Лачплесис, символ народной борьбы и вечно живой силы народа, представляет латышское крестьянство, то в конце пьесы в его борьбе слышатся отголоски революционной борьбы рабочего класса.

В одном из писем 1908 года Райнис сам указывает: «Если хотите иметь материальный субстрат Лачплесиса, представьте себе пролетариат, который фактически держит на своих плечах всю классовую борьбу и воплощает дух борьбы».

По ходу пьесы изменяется и Спидола, являющаяся своеобразной персонификацией искусства, науки и культуры, духом стремле-

ния и постоянного беспокойства. Вначале она выступает с господствующим классом против народа, но затем, под влиянием борьбы Лачплесиса, «меняясь к высшему», она преобразается, преодолевает себя, и в конце драмы уже другая Спидола идет вместе с Лачплесисом как выразительница высшей, революционной идеологии.

Спидоле в пьесе в известном смысле противопоставлена Лаймдота. По словам Райниса, «Лаймдота — это идеал в каждом определенном цикле развития, с его достижением наступает покой и удовлетворенность... Спидола является противоборствующей ей силой, которая заставляет измениться самый идеал (Лаймдоту). Борьба Спидолы и Лаймдоты ведет к идеалу в следующем цикле».

«Огонь и ночь» — философская драма с весьма сложной символикой. Но это отнюдь не значит, что Райнис в этой своей драме выступает как символист. Идея пьесы, идея извечной народной борьбы за свободу, высокий общественный пафос пьесы не имеют ничего общего с реакционным в своей сущности символизмом. Символы Райниса, его иносказания — это грандиозные социальные обобщения, философское осмысление конкретно-исторических фактов борьбы народа со своими угнетателями. В них нет ничего туманного, недосказанного, мистического. Они ясны и прозрачны, как самая мысль поэта. Протестуя против возможных обвинений его в символизме, Райнис пишет: «Я не являюсь символистом... так же, как я не импрессионист, не романтик. Необходимо найти другое слово, чтобы выразить комплекс моих новых замыслов по изображению общества».

Своей драмой «Огонь и ночь» Райнис хотел укрепить волю к борьбе в латышском пролетариате.¹ И это ему удалось. Борьба света и тьмы, Лачплесиса и Черного Рыцаря, все то, что ярко кистью художника изображено в пьесе «Огонь и ночь», не могло не волновать читателей, зрителей не только сразу же после появления пьесы, в период революции 1905 года и последующий период столыпинской реакции, но и во времена буржуазной Латвии, когда велась борьба против современных черных рыцарей и кангаров, и во времена Отечественной войны, когда латышский народ вместе со всем советским народом вел жестокую и кровопролитную борьбу с фашистскими захватчиками. Пьеса не потеряла своей актуальности и поныне. В наши дни советские люди слышат в ней отзвук широко развернувшейся борьбы миролюбивых народов против международного империализма.

---

¹ Подробнее об этом см. в примечаниях в конце книги.

В 1948 году за постановку «Огонь и ночь» работникам Художественного театра Латвийской ССР была присуждена Сталинская премия.

В атмосфере освежающей революционной грозы Райнис создает свою вторую книгу стихов — «Посевы бури». Он пишет ее в те дни, когда, по его словам, уже «созрел момент, и все дышали в жутко красивом предчувствии и подготавливали великий 1905 год».

«Посевы бури» полны юношеского порыва, мужественной отваги, ликующей радости в надежде на победу. Они написаны как бы одним дыханием — и это дыхание революции.

Посевы бури — это посевы революции. Революцию Райнис всюду сравнивает с бурей, весенней бурей, рассеивающей все «пары, угары, испарения и болотные туманы», несущей земле солнце и рассвет. Для Райниса революция — весна в жизни народа. Яркими красками рисует он ее победное шествие: над землей бушуют грозы, гремит гром, тают снега, несутся потоки и увлекают с собой все обреченное на гибель; рушатся горы насилия, распадаются ледяные замки реакции, солнце вспахивает землю золотым плугом, поднимает ее глубокие пласты — народ. Наконец власть зимы сломана, сквозь черные тучи пробилось солнце, раскрываются почки, зеленеет трава, расцветают цветы — весна пришла.

Своему сборнику Райнис предпосылает в качестве эпиграфа мужественные слова римского поэта «Агма virosque сапо» — «пою о войнах и оружии». И сборник Райниса по праву может быть назван героической песнью борьбы.

Хватит вам ждать без конца,
Надо не клянить, а брать! —
(Пер. А. Островского)

воскликает Райнис в стихотворении «Метогандит». В стихотворении «Так не останется!», которое во времена революции сделалось одним из самых популярных в Латвии, он говорит:

Лед, как ни крепок, упорства уже не умножит.
Сердце, что рвется к свободе и жизни, — сильнее!
Так не останется, так оставаться не может,
Все переменится в мире до самых корней!

(Пер. С. Липкина)

Поэт знает, что «то время новое, что слышится во всем, к нам не придет, коль мы не приведем». Он с гневным сарказмом клеймит либералов и оппортунистов, которые, изменив революционному народу, сокрушаются, что, мол, «нет ничего сильнее тельца зла-

того», и «громко проповедуют покой». Мещанам, которые не в силах расстаться с уютом домашнего очага, всем сомневающимся, недоверчивым, не могущим решиться, он с гордым презрением говорит: «Прочь с дороги, заслужившие пинка ногой, мы должны идти вперед!»

В стихах периода революции 1905 года Райнис отражает и конкретные события действительности.

В стихотворениях того времени поэт воспеваает мужественных носителей революционной власти, изображая их лучшими сыновьями народа, и беспощадно бичует их кровавых палачей. Не одно стихотворение Райниса посвящено также личности Фердинанда Гринья, видного латышского революционера-большевика и смелого бойца 1905 года, зверски убитого впоследствии полицейскими слугами царизма.

Книга «Посевы бури» была крупным явлением в истории переломной латышской литературы. Она принесла с собой не только новое, революционное содержание, но и новую форму. Боевой, острой тематике книги соответствовал и самый ее язык, исполненный энергии, силы, величавой простоты и мужества — качеств, свойственных лишь истинной поэзии. Можно сказать, что эта вторая книга стихов Райниса вполне и во всех отношениях отвечала тому поэтическому *profession de foi*, которое Райнис провозгласил в одном из самых замечательных стихотворений сборника:

Стань острой, мысль!
Стань грозным, слово!
Стань чуждым ржавчине клинком из стали,
Чтоб гражданин мог смело взять тебя,
Чтоб ты сверкало, камни стен дробя,
Чтоб цепи пред тобой и брони пали!

(«Стань твердой, мысль!». Пер. В. Брюсова)

Одной из лучших и наиболее любимых латышским народом книг стихов Райниса была и осталась до сих пор «Тихая книга». Несмотря на то, что она написана в период самой тяжелой реакции, главным образом в 1907—1908 годах, это одна из самых смелых и решительных книг Райниса. Недаром царская цензура конфисковала «Тихую книгу» сразу же после ее выпуска, а латышская буржуазия во время своего парламентского и фашистского господства считала ее весьма опасной и «вредной».

«Тихая книга», эта книга «с черными листами», — не вопль отчаяния, не песня уныния, но песня несломленного духа, мужественная, сильная, трагическая, полная высокого гражданского пафоса.

В ней «каждая буква рдеет, об умолкших сожалеет, пламя в бодрствующих будит». Романтически приподнятые, пьянящие стихи сборника «Посевы бури» сменились здесь стихами более трезвыми, собранными, быть может более интимными, но попрежнему боевыми, революционно устремленными. Здесь тот же голос поэта-борца, та же вера в свой народ и его грядущую свободу, но здесь уже другое время — время глубокого траура: революция потерпела поражение. И вот голос борца становится то скорбно-нежным, то преисполненным высокой и спокойной мудрости, то вдруг необычайно сильным и огненно-гневным. Без каких бы то ни было эффектов, удивительно просто доносит он до читателя большую трагическую правду:

Где некогда весело
Косы пели —
Болото затянуто
Бурой цвелью.

Там мальчик скитается
Без ответа.
Зовет как потерянный:
«Тятя, где ты?»

Не жди — не придет он,
Лежит, застрелен,
Под буро-коричневой
Ржавой цвелью.

(«Ржавая цвель». Пер. Вл. Невского)

Он поет славу павшим героям:

Павшие, вы — счастливые,
В расцвете лет ушли вы из жизни;
В глаза последней своей минуте
Смотрели с улыбкой победителей...

«Лишь в героизме начинается человек»,—
Эту истину огненными знаками
Ваши пальцы запечатлели у нас на груди —
Так, что прожгло ее до самого сердца.

(«Счастливые юноши». Пер. Вл. Невского)

Здесь звучат язвительная насмешка и гнев, когда идет речь о «согласных» и «приспособившихся», о «миролюбивых», о тех, кто принадлежит к «партии порядка».

«Тихая книга» в годы столыпинской реакции учила народ не падать духом, не терять веры в свои силы, но готовиться к новой схватке, которая неизбежно грядет и завершится победой. Она была источником величайшего оптимизма для латышского народа. Ее глубокую мысль, внутренний пафос прекрасно выразил сам Райнис в стихотворении «Источники силы»:

Смерть бежит моих песен,
И нет в них отчаянья места.
Гнев и борьбу я пою,
Силу, надежду, огонь.

— Как смеешь ты петь сегодня,
Когда по домам ходит горе?
— Мысль о будущем — щит,
Сила моя — мой народ.

(Пер. Л. Закс)

Приблизительно в то же время, что и над «Тихой книгой» — в 1907—1908 годах, — Райнис работает над календарями «Вихри», предназначенными для трудящихся. В них он нападает на немецких баронов, «черную сотню», капиталистов, высмеивает и бичует кадетов, пасторов, всякого рода бюрократов, мещан, подхалимов, оппортунистов, декадентов. В календарях он чаще всего использует форму короткого, сатирического по своему содержанию стихотворения, предельно простого по языку, эпиграмматически заостренного. Основная экспрессивная нагрузка в этих стихотворениях падает, как правило, на последние строчки.

Чего нам ждать от либерала?
От либералов толку мало...
Неторопливость им под стать,
Заминка — не помеха:
Сегодня их пощекотать —
Дождешься завтра смеха.

(«Тихий нрав». Пер. Б. Тимофеева)

Наряду с сатирой и юмором в календарях «Вихри» помещались и серьезные статьи, печатались, в частности, отдельные отрывки из трудов Маркса и Энгельса, в которых разоблачалась система капиталистической эксплуатации и показывалась неизбежность ее гибели.

В 1908 году Райнис заканчивает свою поэму «Ave sol!». Замысел поэмы относится еще к годам Слободской ссылки. Революция

1905 года, ее поражение, глубокая, неумирающая вера поэта в окончательное торжество света и правды побуждают его вернуться к незавершенному замыслу. Поэма по мере своего создания публикуется отдельными главами в периодической печати. Отдельным изданием она выходит в 1910 году.

В поэме «Ave sol!» особенно ярко проявилась та характерная черта лирики Райниса, которую можно было бы назвать ее диалектичностью. Райнис — поэт движения, становления, развития. Всюду он видит изменение, мучительное рождение нового и смерть старого, не простой круговорот, а движение вперед. Именно эта великая идея марксистской диалектики — борьба нового со старым в жизни — является преимущественным пафосом поэзии Райниса. Поэт говорит о движении как атрибуте материи, о рождении сознания в недрах органического мира, об яростной революционной борьбе со старым в человеческом обществе, о неизбежности победы нового над старым. Жизнь непрерывно развивается в сторону прогресса, ибо новое всегда сильнее старого. Покоя нет нигде.

Чудесная солнечная песня «Ave sol!» начинается строфами, в которых поэт задается вопросом, как назвать ту «древнюю песню», которая заполняет даль вселенной, проявляется во всем, что происходит в неорганическом мире, заставляет цвести ростки, ту песню, что «звучит в каждой смене явлений, когда погибают остатки старого и рождается новый мир», и отвечает, что это — движение, развитие, революция, разрешающая все противоречия, пробуждающая все на новую жизнь.

Образность поэмы носит весьма своеобразный характер. В ярких картинах в поэме изображены пробуждение весны, праздник цветов под лучами всеоживляющего солнца, дни летней страды, победа солнца над тьмой и холодом, его исчезновение с наступлением осени и зимы и новое возвращение с новой весной. Однако за стихами, которые рассказывают о жизни природы, о вечном движении, борьбе и смене явлений, гибели и рождении миров, явно ощущается дыхание иной жизни, иная, человеческая, классовая борьба. Этот великолепный гимн солнцу и свету в годы реакции должен был иметь и имел совершенно определенное социальное и открыто революционное звучание. Любопытен эпитафия к первой главе поэмы: «Non est vivere, sed valere, vital» — «Не только жить, но быть сильным, вот жизни!» В этих словах — чувство подлинного борца, революционера. «Ave sol!» по существу не есть поэма во славу мирового светила. По своему глубокому пафосу, по своему внутреннему содержанию это торжествующая песня свободы, песня революции и ее героини. «Сыновьями неба» называет Райнис бор-

цов за свободу, «людей борьбы и гнева». Революцию он утверждает стихами своей поэмы:

Смотрит пахарь ясным взором:
«Ах, пусть буря ломит рощи,
Пусть по ниве хлещет градом,
Пусть разлив поля размоет,
Пусть хоть гибель,— но я видел
Миг великий пробужденья,
За которым жизнь и солнце!»

Грядущую победу революции славит поэт:

Солнце мощное свободы
Светит новой силе мира:
Каждый слабый стал героем;
И сыны труда стремятся
Праздновать расцвет свободы!
Люд рабочий — здесь все расы
И народы — майский праздник
Свой справляет и клянется
Строить братство, быть борцами,
Чтобы всем сверкало счастье
В человечестве едином.
В боевых речах и песнях,
Рвущих воздух гулким громом,
Блеском солнца над полями
Рдеют алые знамена,
И сквозь маки алых стягов
Солнцелико блещет юность
Сыновей труда и солнца!

(Пер. Н. Манухиной)

Вскоре после выхода в свет отдельным изданием поэмы «Ave soll» Райнис выпускает еще один сборник стихов — «Те, кто не забывают». В сборник вошли стихи, написанные с 1904 по 1910 год, главным образом периода эмиграции. В них много настоящей любви к родине, к своему народу с его славными революционными традициями, к «родному полю», к земле «юных дней». Это элегическая песнь — но это вместе с тем песнь большого, мужественного сердца. Как отмечает видный латышский критик того времени Я. Янсон, «Те, кто не забывают», наряду с «Тихой книгой», «принадлежит к самому драгоценному, что дала латышская литература».

Необходимо также отметить как одну из характернейших черт книги «Те, кто не забывают» ее пролетарский интернационализм. Во время эмиграции Райнис написал немало стихотворений, в которых говорит о революционной борьбе мирового пролетариата против капитализма, показывает солидарность рабочих различных народов и рисует картины будущего, когда все народы тесно объединятся в дружбе и братстве. Очень ярко это выражено в написанном в 1910 году и вошедшем в сборник «Те, кто не забывают» стихотворении «Величайшая родина». Поэт мечтает о будущей социалистической родине и говорит, что ему тесно в узких рамках своей маленькой страны, что нужно строить новое, социалистическое государство, в котором будет простор мыслям и все народы будут жить в братстве. Эту свою грядущую родину пролетариат воздвигнет

Светлей и шире всяких стран иных.
Мы из величья духа возведем
Ее, из чувств во всей их глубине,
Во всем размахе,
Что свойствен человеческой душе!
Ее воздвигнем мы из братства всех людей,
Всех наций, всех народов,
Всех рас и всех наречий,
Из братской связи рук, умов, сердец,
Объединившихся для общего труда.

(Пер. Н. Манухиной)

В другом своем стихотворении — «Переключка» — Райнис показывает, как на страже своей свободы перекликаются революционные борцы всех стран света: хмурого севера и солнечного юга, Азии, Европы и Африки:

— Братья, вы на страже?
Мы на страже, мы на страже!
Мы внимаем, братья, мы слышим!
Мы внимаем, братья, мы видим!
Мы на страже!

(Пер. А. Глобы)

В период приближения первой империалистической войны и после нее, когда империалисты начинают подготавливать новую мировую бойню, Райнис в своих стихотворениях призывает на борьбу с войной, против империализма, как злейшего врага народов. В первоммайском номере за 1913 год нелегального центрального органа ЛСДРП «Циня» («Борьба») напечатано одно из наиболее

политически заостренных и принципиальных стихотворений Райниса — «Майский манифест». Это стихотворение с полным правом можно сравнить с лучшими образцами политической лирики революционного пролетариата. Как современно звучат следующие строки:

В великом коммунистов манифесте
Призыв к трудящимся — итти всем вместе
С тобой, пролетариат!

Мы любим братьев, гнет нам ненавистен,
Мы — пролетариат.
Война войне! Вот высшая из истин!
В великой битве ради лучшей доли
Мы солидарны. Близко, далеко ли —
Поможет брату брат.
Пусть громом прогремит воззванье наше,
Пускай войне клич мира будет страшен —
Зовет пролетариат!

(Пер. А. Островского)

В 1912 году Райнис издает книгу стихов «Конец и начало». В этой книге поэзия Райниса приобретает черты глубокой сосредоточенности, она как бы уходит «внутрь», проникает в тайники человеческой души и жизни. Он поднимает в ней множество так называемых «мировых вопросов», в частности и особенно вопрос о соотношении личности и общества, — и разрешает их по-новому, с точки зрения активного, общественного человека.

Сборник «Конец и начало» не похож на предшествовавшие сборники стихов Райниса. Мы почти не найдем в нем произведений с непосредственно революционной тематикой. Но неслучайно сборник открывается стихотворением, которое посвящено пролетариату:

Класс основной, тебе
Служить бойцом — где честь найдется выше? Твой
К всечеловечеству и солнцу путь — прямой.

(«Класс основной, тебе!» Пер. Н. Манухиной)

Следует заметить, что все сборники стихов Райниса своеобразны по своему подбору. Они составлены не по хронологическому принципу, а по принципу тематическому. В каждом сборнике имеется какая-то своя, особенная и преимущественная тема, которая придает сборнику соответствующую окраску. Таков и сборник «Конец и начало». В нем собраны стихотворения, написанные поэ-

том с 1901 по 1912 год. Они не вошли в предыдущие сборники, так как были оставлены для отдельной книги.

В годы перед первой мировой войной Райнис много работает и в области драматургии. Он создает ряд выдающихся пьес, большинство из которых написано по мотивам народных песен и сказок.

Первая из пьес этого периода — «Золотой конь» — написана в 1909 году. Как и большинство пьес Райниса, она написана в стихах, размером латышской народной песни. Ее сюжет строится на фольклорном сказочном мотиве о младшем сыне, который благодаря своей самоотверженности, мужеству и великодушию добывает счастье. Он поднимается на золотом коне на стеклянную гору, оживляет и сносит вниз принцессу, которую черные вбóроны держали долгие годы заточенной в гробу, в заколдованном сне.

Эта пьеса-сказка необыкновенно чиста, прозрачна, в лучшем смысле этого слова оптимистична. По выходе в свет она пользовалась неизменным успехом и популярностью среди передового латышского читателя и зрителя. Латышский народ видел в ней отражение своей собственной борьбы за свободу, находил в ней отзыв своей горячей вере в счастливый и радостный исход этой борьбы.

В 1911 году Райнис пишет трагедию «Индулис и Ария», которую Андрей Упит называет первой настоящей трагедией на латышском языке. Действие трагедии происходит в XIII веке, в период борьбы латышского народа против немецких захватчиков. Однако исторический материал служит лишь фоном для художественного выражения высокой мечты поэта о светлом будущем, когда народы смогут жить в дружбе между собой, когда латыши и литовцы, свободными и равноправными, войдут в «государство всех народов». Герой трагедии, вождь латышского племени Индулис, влюбленный в дочь немецкого рыцаря Арию, поднимается до идеи о братстве народов, но погибает, будучи не в силах преодолеть волчий закон старого мира. Великая идея братства народов — такова главная мысль этой глубоко волнующей трагедии Райниса.

В самый канун мировой войны, в 1913 году, Райнис пишет одну из самых известных своих пьес — «Вей, ветерок». Вся проникнутая духом народной песни, близкая к народной песне и содержанием и формой, ясная, гармоничная, пьеса рассказывает о трагической судьбе прекрасной и чистой девушки-сиротки Барбы,

Что лучшее людское воплотила,
То тонкое изящество и скромность,
Что счастьем человечество венчает.
(Пер. Н. Асеева)

Пьеса «Вей, ветерок» трогает своей задушевностью и лиризмом, своей глубокой симпатией к простым трудовым людям. От ее образов и картин веет подлинной, народной Латвией, в ней точно ощущаешь свежий ветерок с родной латышам Даугавы. Пьеса популярна не только на родине Райниса. Ее знает и любит и русский, и украинский, эстонский, литовский и другие народы. Поэтическая история латышской девушки-сиротки сделалась достоянием всей многонациональной советской семьи. Государственный художественный театр Латвийской ССР в 1947 году с большим успехом показывал пьесу в Москве. Пьесу затем поставили русские театры Москвы и Горького. «Вей, ветерок» показал Львовский театр им. Заньковецкой во время декады украинского искусства в Москве. Пьесу ставят также в театрах Литовской и Эстонской ССР. В 1927 году она издана на немецком языке.

В годы первой мировой войны Райнис пишет пьесы «Играю, пляшу» (1915), «Вороненок» (1917), полные непримиримой ненависти к вековым поработителям латышского народа — немецким захватчикам. Эти пьесы звучали особенно злободневно в то время, когда новые немецкие полчища под флагом германского империализма ворвались опять на латышскую землю и опустошали ее.

По мотивам пьесы «Играю, пляшу» латышский советский композитор А. Скулте написал балет «Сакта свободы», удостоенный в 1951 году Сталинской премии.

В годы войны Райнис работает и над своим крупным драматическим произведением «Иосиф и его братья». Пьеса была начата в 1912 году, в основном закончена в 1914. В ней заметно отразился тот спад революционного энтузиазма, те идейные колебания, которые характерны для Райниса этой поры. Сюжет пьесы взят из библейской истории о Иосифе и его братьях. В пьесе герой ее Иосиф, сделавшись всемогущим правителем Египта, внезапно отрекается от власти, отрекаясь вместе с тем от своей гордыни. Он чувствует себя виноватым перед братьями, которые пришли к нему в Египет просить хлеба и которых он, подавшись чувству мести, всячески старался унижить. Он просит у них прощения и, в поисках душевного спокойствия и ясности, уходит от людей, чтобы в одиночестве утвердиться в высшей справедливости, в высшей человеческой любви:

Я в смерти не умру — послы от солнца
Меня на крыльях унесут с собой
И приведут в страну, где солнце вечно.
Пойду я там на новую борьбу:
Солью я с солнцем и свое сиянье,

В созвучье со вселенною приду;
Со всеми слившись, обрету покой.
Не будет грани там меж мной и миром,
Меж правым и неправым, быть — не быть.
Тогда приду я — принесу вам солнце.

(Пер. Я. Страуяна)

Здесь уже не революционный романтизм, потому что он уходит от общественной борьбы, зовет к примирению, к выравниванию противоречий. Не революционная, а пацифистская идея звучит в пьесе. Недаром ее подняли на щит различные мелкобуржуазные критики, называвшие пьесу «возвышенной песней любви» и причислявшие ее к лучшим произведениям мировой драматургии.

Последнее большое драматическое произведение поэта создано на основе русских былин. Это трагедия в пяти действиях «Илья Муромец», которую Райнис закончил в 1922 году. Он работал над ней долго, на протяжении многих лет: еще в 1912 году он собрал обширный материал по русским былинам и русской истории, набросал подробно разработанную характеристику Ильи. Писал пьесу Райнис главным образом в годы войны и революции.

В развитии сюжета, характеристике героев пьесы Райнис придерживается материала былин. Илья Муромец изображен как защитник народа, как борец с его угнетателями: с чужеземными захватчиками и собственным князем Владимиром и его слугами. Однако идея пьесы шире и глубже былинной. В своей пьесе Райнис проводит ту мысль, что герой, каким бы великим он ни был, может победить только с помощью народа. Илья Муромец у Райниса слишком уж полагается на собственную силу, и поэтому он не в состоянии осуществить задач, за которые взялся. Поэт указывает, что на смену старому богатырю придут новые герои, которые, опираясь на революционную силу масс, смогут выполнить свою великую историческую миссию.

Искренней симпатией к русскому народу и его свободолюбивым стремлениям дышит эта пьеса, вызвавшая отрицательное отношение к себе латышской буржуазии.

В лирике Райниса, написанной им по возвращении в Латвию в 1920 году, заметно ощущается глубокое разочарование поэта. Желая укрыться от мрачной и тупой буржуазной действительности, Райнис в своей поэзии обращается преимущественно к любовной и детской тематике. Он публикует целую серию сборников детских стихов, в которых вводит детей в мир природы, игрушек и фантазии, развивает в них наблюдательность, внимание к животным и

товарищеские отношения между собой. Многое из написанного Райнисом для детей пленяет своей чудесной душевной теплотой и тонким пониманием детской психологии.

Теме любви поэт посвящает книги своих стихов «Серебристый свет» и «Дочь луны». По глубине и чистоте чувства, изяществу формы они стоят на уровне лучших произведений этого рода в мировой литературе. Но и здесь пробиваются мысли о классовых противоречиях буржуазного общества, возмущение поэта господствующей несправедливостью. Райнис постоянно напоминает себе, что Латвия еще не свободна, что все еще держатся в ней старые, ненавистные порядки:

Свобода гибнет — новой жизни скрепа;
Вновь льется кровь — позором мир покрыла,
Порядок старый вновь встает из склепа.
Вновь на борьбу ступай со злом постылым!
Искусство же даст свежесть гордым силам.

(«Снова борьба»)

Несмотря, однако, на отдельные взлеты подлинно революционной мысли в поэзии Райниса последних лет, в ней все же отчетливо проступает стремление поэта уйти от действительности, отгородиться от нее своим личным, интимным, замкнуться в мире собственных грез и мечтаний. Это отражается и на форме стихов. Они теряют былую ясность и прозрачность, все чаще становятся импрессионистическими.

Конец творческого пути Райниса свидетельствует о глубоком внутреннем кризисе поэта: атмосфера буржуазной Латвии, естественно, не могла быть благоприятной для великого певца революции.

Литературное наследство Яна Райниса огромно: больше 30 книг стихов, 14 законченных пьес и большое количество пьес начатых и незаконченных. В кратком вступительном очерке, разумеется, трудно дать развернутый анализ всего творчества поэта. Настоящий очерк на это и не претендует. Его задачей было наметить основные вехи творческого пути Райниса.

Творчество Я. Райниса, одухотворенное революционными идеями, воспитало в латышском народе горячую любовь к свободе и жгучую ненависть к угнетению, ярко осветило путь его мужественной борьбы за социализм, вошло в сокровищницу величайших культурных ценностей народа.

Творчество Райниса является частью того вклада, который латышский народ вносит в общую сокровищницу мировой культуры.

Райниса сделало мощным величие идей, которые он отстаивал в своем искусстве со всей силою своего таланта. Эти идеи были идеями революционного пролетариата. Поэтому Райнис всегда был близким и родным латышским трудящимся, чужим и ненавистным — буржуазии.

В годы ульманисовской диктатуры латышская коммунистическая молодежь нелегально, в подполье издавала революционные стихи Райниса. Поэзия Райниса была вместе с латышскими рабочими, крестьянами, интеллигенцией на баррикадах; со стихами Райниса в солдатской сумке латышские стрелки-гвардейцы в дни Великой Отечественной войны шли в рукопашный бой с гитлеровцами; вместе с его Лачплесисом партизаны пробирались по лесным тропам сбрасывать в Даугаву новоявленных черных рыцарей и кангаров — немецких фашистов и латышских буржуазных националистов.

В 1940 году, когда для Латвии наступил конец господства капитализма, одним из первых актов молодой советской власти было присвоение любимому национальному поэту почетного звания Народного поэта и организация специального фонда для собирания и исследования его литературного наследства.

Советской социалистической Латвии Райнис особенно дорог и понятен. Под плодотворным воздействием Райниса, продолжая его лучшие традиции, развивается латышская советская поэзия. Произведения Райниса издаются в Советской Латвии в сотнях тысяч экземпляров. Светлые, возвышенные идеи его творчества переключаются с грандиозным созидательным трудом советского народа, с величественной, невиданной в истории борьбой свободолюбивых народов за мир против поджигателей войны.

В братской семье дружественных советских народов латышский народ приступил к осуществлению высшего идеала человечества, о котором всю жизнь мечтал и к которому стремился Райнис, — к построению коммунистического общества. В этом великом деле вместе с народом Латвии, вместе со всеми свободными народами нашей родины все лучшее, что есть в творчестве Райниса, идет в боевом строю.

К. Краульнь

1

КРЕСТЬЯНИН

Шаг крестьянина нетороплив и грузен:
Так идет в поту он с плугом в поле,
Так идет и в праздник, отдыхая:
Не привык нигде он торопиться...
На свою глядит он только пашню:
Он родной землю вспоен-вскормлен,—
Что искать ему в далеком небе?
От земли обрел свою он силу.
Великана сын — он прост, нескладен,
Но восстав, задушит и медведя!

1882—1884(?)

ЮНОШАМ

Юноши, будьте
Смелы, задорны.
Люди на улицах
Смотрят, дивятся.

Где б ни прошли вы,
Искры пусть тлеют:
Боя в испуге
Все сторонятся.

Громче зовите,
Срывайте покровы!
Людам все ново:
Смотрят, дивятся.

Ткните в глаза им
Пламенный факел —
Пусть у них мысли
Вдруг прояснятся!

В бой за свободу
Смело, рядами!
Люди за вами
Выйдут сражаться.

1883—1888(?)

ОН ЭТО ЗНАЛ

Знал он и чувствовал,
Лежа в постели,
Что лихорадка
Сделает дело.

Знал он и чувствовал . .
Биением сердца,
Что скоро умрет он,
Очень скоро.

Он видел многое,
Он понял многое:
И то, что было,
И то, что будет. . .

Вокруг постели
Стояли дети
И рукавами
Глаза утирали.

С глазами сухими
Дрожащей рукою
Жена подавала
Глоток последний.

Он видел ясно,
Ясно как днем,
Какая доля
Семью ожидает.

Вся беспокойная
Жизнь человека,
Труды и заботы
Прошли напрасно...

Что он оставит
Жене и детям?
И нищим больше
Дают в богадельне...

Он видел многое...
Умирая,
Тюфяк соломенный
Сжал он зубами.

И перед смертью
В полном сознании
Он до последнего
Был мгновенья.

1884—1888(?)

ФИЛИСТЕР

Чудо, как скоро,
Чудо, как быстро,—
Ты в два-три года
Полный филистер!

Вольного смеха
Нет и в помине:
Общему мненью
Вторишь ты ныне...

Ус твой солиден,
Нравом ты мирный,
Ходишь спокойно,
Гладкий и жирный...

Важен ты видом,
Строг ты в costume:
Каждая складка —
Благоразумье!

Служишь ты рьяно
Принципам новым:
«Верная прибыль —
В деле торговом!

Биться о стену —
Смысла немного:
Чтить надо власти,
Данные богом!..»

Бросил безумства
Ты торопливо,
Кровь остудило
Доброе пиво...
. . . . .

Ныне ты новым
Предан заботам:
Жизнью так быстро
Ты обработан.

1884—1888(?)

ЧЕСТНЫЙ ГРАЖДАНИН

Честный труд — чужой рукой,
От чужой беды — покой.
На других глядит с презрением,
Отличаясь ожирением. . .
Ох, наверное, в аду
Я легко тебя найду!

1892—1895(?)

БЛАГОДЕТЕЛЬ

Хоть богат — жалеет бедных
И, растроган их нуждой,
Вынимает из кармана...
Свой платочек носовой.

<1896>

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРАВИЛА

1

Каждый грош храни, как нищий,
Скопишь так рублей немало.
Урезай, что можешь, в пище,
Проживай в сырых подвалах:
    Если денег не умножишь,
    Рано лечь в могилу сможешь!..

2

Каждый грош беречь — нескверно,
Ведь богатству он — основа,
Но пойми меня ты верно:
Все хватай у рта чужого!..
    Соберешь тогда немало
    И грехов и капитала!..

<1896>

ЛЮБЯЩИЕ ОТЕЧЕСТВО

Кто любит свой уют и тихий дом,
Что от беды и от дождя укроет,
Те жаждут только хлеба и покоя,
Им дела нет, что ночь стоит кругом.

Но тем, кто верен до конца отчизне,
Чья грудь как сталь под молотом-судьбой,
Боль родины — мученье целой жизни.

Их обрекают на позор и муки,
К стене поставив, связывая руки.

1897

ПЕРВЫЕ ВЕСТНИКИ

Снег не стаял по полям,
А уже вернулись птицы
До того, как озарила
Землю солнечная сила.

Птичьим громким голосам
И охрипнуть и затихнуть...
Эти птицы до земли
Песнь весны не донесли.

Смолкли птичьи голоса,
Их уже не слышно в поле.
Лишь замолкли — началось:
Половодье разлилось!

1897

СТОНЫ МОРЯ

Из прошлых дней мне слышен
Угрюмого моря вой.
Швыряя пену, дышит
Разгневанно прибой.

Чем дальше, тем мрачнее
На дюнах стонет он. . .
О, если бы скорее
Окончился вечный стон!

1897

НА ПОРОГЕ ВЕЧНОСТИ

Теперь -- мне умереть?
Я трусом не был. В жгучей боли
Я выковал себе несокрушимость воли,
Чтобы в небытие уйти и смерть узреть.
Теперь — мне умереть?

И все же мерзко мне, меня знобит,
Когда в мои глаза убийцей смерть глядит.
Зрачки мне ширит страх, по телу дрожь бежит...
Ужель нить жизни вдруг должна перегореть?
Ужель мне умереть?

Теперь — мне умереть,
Когда свободный путь жизнь предо мной простерла?
О, незаконченный мой труд! Сжимает горло...
Мне вновь на атомы распасться? Мне истлеть?
Теперь — мне умереть?!

1897

ДОЛГИЙ ПУТЬ

. . . . .
Все выше, выше путь тебя ведет,
Даль впереди рассветной тает тенью.
Все разреженной воздух восхожденья.
Но все же выше путь тебя ведет.

. . . . .
Земные с тела падают оковы:
Зло, ненависть и твой недуг суровый.
Без жалости глядишь и без желаний
На утреннее золото мечтаний.
Свободен дух, легко парящий в сини,
Душа как снег на ледяной вершине.
Исчезла тяжесть. Нежности дыханье
В твоей душе как звездное мерцанье...
    Но выше, выше путь тебя ведет!

. . . . .
Путь пройденный рассветной тает тенью,
Все холодеет воздух восхожденья,
Все выше к солнцу путь тебя ведет.

Его в веках ничто не оборвет!

1897

ПЕСНЯ БЕДНЯКОВ

Вечно согнувшись,
В вечном скитанье,
С жалобным стоном
Ждать подаянья!

Худшая доля
И не приснится,
Как унижаться
Перед убийцей!

Перед отнявшим
Лучшую долю,
Душу и тело
Взявшим в неволю!

Как же просить нам,
Чтоб хоть немного
Стала длиннее
Жизни дорога?

За чечевичной
Нашей похлебкой
Мы, унижаясь,
Тянемся робко.

Глупые люди,
Смертные люди,

Жалости к трусам
Больше не будет!

Плачьте и сердце
Жгите слезами!
Лучше уж пасть вам,
Вспыхнув, как пламя!

1894—1897(?)

КОРОЛЕВНА

В этот грозный день
Кровь лилась фонтаном,—
Провалились в землю замок с королевной.

В глубине земли
Прелесть королева
Все сидит над пряжей, шесть столетий сряду.

Стены там — янтарь,
Пол — зеленой меди,
Свод — из перламутра, кладка — синей стали.

Прялка — словно гром
В ручках королевны,
Бриллиант — катушка, нити — волны молний.

В кресле золотом
Все сидит над пряжей.
Мрачно взор пылает... Черный пес у кресла.

Черный пес порой
Поднимает морду
И рычит, почуя сверху запах крови.

В некий грозный день
Брызнет кровь фонтаном,—
В этот день восстанут замок с королевной.

К пряже новых дней
Сядет королева:
Молнии — основа, а уток — сноп радуг.

Тканью новых дней,
Солнечным покровом,
Всех тепло оденет, всех, рожденных в скорби...

1881(?), 1898

ГЛУБОКОЙ ЗИМОЙ

Зимой ушел я,
Зимой суровой
В сторону чужую,
К чужому крову.

— Мир на земле вам,
Мир, люди, с вами! —
Гудело в небе
Колоколами.

Слепящий ветер
Смежал мне вежды,
Рвал в злобном смехе
Мои одежды.

Метель закрыла
Завесой дали.
Под снегом ели,
Дрожа, стояли.

О, мир над миром!
И сон покоя! . .
От боли сердце
Сжималось, ноя.

Весну я в сердце
Взял на чужбину,
А вам, уснувшим,
В сугробах стынуть.

Весну с собою
Я взял в дорогу —
Вы не в ладах с ней,
Вам с ней не в ногу.

Ее вернул бы
Я вам охотно,
Когда б не спали
Вы беззаботно.

Зима еще ли
Томит вас снами?
Земля еще ли
Спит под снегами?

Еще ль вещают
Мир с колоколен?
Еще ли людям
Сна не довольно?

Жду, не услышу ль,
Считая годы,
Что миновали
Зим непогоды.

Мечты уносят
К родному краю,
С тоской к отчизне
Взор обращаю.

1898—1902(?)

СТАРЫЕ НЕДУГИ

Горе! Будни заглушили
Солнца смех в душе твоей,
И заботы тусклых дней
Сердце обручем сдавили.

Победи заботы те:
Им, что гадам, крыться в норы,
Не взнестись за нами в горы,
Не подняться к высоте!

1899—1902(?)

ЗАПОЗДАЛЫЙ ЛУЧ СОЛНЦА

Непокорные губы смеются,
А сердце бьется тревожно,
И плачет неведомый голос
В его глубине сокровенной.
Не плачь, мое скорбное сердце,—
Ничего, ничего. . .

То солнца был луч запоздалый,
Горел он мерцающим светом —
То вспыхнет, то снова угаснет,
Подобно лесной косуле.
Искал он солнечных братьев
И солнце — мать дорогую,
Но что от этого сердцу?
Какое, казалось бы, дело?
О чем же ты, сердце, плачешь?

Луч меркнет, в тени мы остались.
Но легче в прохладе бороться!
Это знали когда-то греки,
Сражавшиеся в Фермопилах.
Бой будет жестоким,
Он согреет уставшее тело,
Пламя битвы осушит слезы.
— А сердце? — ты спросишь.
А сердце смягчится,

Боль потонет в сочувствии к людям —
Так много кругом беззащитных,
Горя так много. . .
Твой долг — помочь им!
Овладей же собою,
И не плачь больше, сердце,
Но сражайся!
Ничего, ничего! . .

Луч солнца пришел издалека,
Его удержать ты не в силах,—
Ничего, ничего.
Луч солнца блеснул
И погас. . .
Но душа остается, душа растет,
Ведь она словно солнце,
Что горит постоянным светом,
Ясно, ровно сияет,
Неугасимое. . .
Тише, плакать не надо,—
Ничего, ничего. . .

Это солнце не скроют тучи,
Осени мрак.
Щедро лучи расточая,
Сильнее зимы и смерти,
Оно проникает туда,
Куда не проникло
Золотое, цветное,
Семицветное солнце мира.
Придает оно силы во мраке
Сердцам одиноким,
Стремящимся к свету.
Ничего, ничего. . .
Ведь ничего не случилось.

Одинокое сердце, ты плачешь?
Да, я слышу, ты все еще плачешь,
Слезы от всех скрывая.
Плакать не надо!

Переполнилось сердце слезами
И стало тяжелым.
Довольно! Довольно!
В борьбе обрети победу
Иль смерть!

1899(?)

ТРУБАЧ

«Да, действовать решительнее надо! —
Был общий крик,— вся жизнь полна разлада!..»

И вот уж сигнал трубач проиграл
И многих к походу позвал...

Кричал один: «Пошел бы я смело,
Да силы нету, вот в чем дело!..»

«Хоть я и силён,— восклицал другой,—
Вперед я не лезу, мой нрав такой!..»

«Я занят!» «Боюсь!» — голоса звучали.
«Какое нам дело?» — иные кричали...

И лишь трубач со своей трубою
Вышел в поход, готовый к бою...

1899—1900(?)

БЛУДНЫЙ СЫН

Ночь непроглядна, ветер, дождь и град,
А он — босой, лохмотьями покрытый.
Вы думаете — в отчий дом назад
Вернулся блудный сын, судьбой убитый?

Но разве вы не видите, что взгляд
Его сверкает гордостью открытой,
Лохмотья алым пурпуром горят?

Не ждите — под ярмо он плеч не склонит.
Он, как судья, идет и вас из храма гонит!

1899—1900(?)

ЗВУЧАЩЕЕ ПЛАМЯ

На нить нанизанные звуки
Плывут и реют в вышине:
Моей души мечты и муки
Горят и плавятся в огне!

Душа горит, сгорает ярко,
В огне расплавлена она.
Пусть сердце полно кровью жаркой —
Душа огнем претворена!

В ней все тяжелое сгорело,
Она свободна и легка:
Все плавится, что тяготело,—
Томленья, ужасы, тоска.

Огонь! Пройди до глуби темной,
Где крылись муки, страхи, гнев,
Развей по ниве подъяремной
Свой пламенеющий посев!

Огонь, звенящий без предела,
Сжигай все думы,— чтоб разнес
Потом их пеплом, пылью белой
Свободный ветер новых грез!

Но все плывут и реют звуки,
И думы нижутся на нить:
Моей души мечты и муки
Горят, чтоб белым пеплом стыть!

1899—1901(?)

НОВАЯ СИЛА

Разрушить это тело — в вашей власти,
Мой стан согнуть и кости сокрушить,
Лучи огней бездремных потушить
И, по суду, суставы рвать на части;

Во власти пытками и дух терзать,
Пока застонет он от мук суровых,
Чтоб скорбь свою страдальцам передать...
Но дух — не ваш! И преданный оковам,
Свободен, он восстанет с солнцем новым!

1899—1901(?)

ДЕНЬ СТРАШНОГО СУДА

Dies irae, dies illa
Solvat coelum in favilla

Немало пылких
Замрет сердец,
И мощных станов
Найдет конец;

Немало темных
Пройдет ночей,
И искр погаснет
До тех огней;

Костями вновь будут
Поля полны,
И кровь прольется —
До тишины;

Немало грудей
Испустит стон;
Восстанет гордый,
Падет, согбен;

Нахлынут волны,
И отойдут,
И снова, снова
Валы взметнут!

Пусть сотни сотен
Прошли: за них
Вот сотни тысяч
Пришли других.

Смолк голос: десять
Взамен звенят,—
Пока просторы
Вкруг не взгремят;

Пока от гнева
Не дрогнет лог
И каждый смятый
Ногой цветок!

Землетрясенье
Дома сметет;
На вас обрушит
Железный свод;

Стеной вы мнили
Жизнь защитить:
Рванутся камни —
Кровь вашу пить!

С плеч ваши замки
Стряхнет скала,
Главу возвысив,
Горда, светла.

Куда бежать вам?
Врагов не счесть!
И дол и горы
Готовят мечь!

Моря, озера
Не примут вас,—
Потопом хлынут
В тот грозный час.

К болотам черным
Бежать? Увы!
Вы — их чернее,
Им чужды вы!

Земля немая,
Свой зев раскрыв,
Задышит серой,
Вас поглотив!

1899—1902(?)

FIAT JUSTITIA!

Одна лишь существует справедливость,
Себе равна, извечна, неизменна,
Она возникла испокон веков,
Чтоб на земле поддерживать порядок.
И если б даже весь наш мир погиб,
Останётся навеки справедливость.
Fiat justitia, ruat mundus! ¹

Над миром поднят трон ее высокий,
Чело ее окутано туманом,
Глаза покрыты темною повязкой.
На камне и железе трон стоит,
На пирамиде трупов и костей.
Из пушечных стволов — столбы победы
И ножки трона. Сплетено сиденье
Из тех цепей, в которые народы
Закованы, виновные лишь в том,
Что не смогли сопротивляться силе.
В руках весы. Огромный меч на чаше.
Кровь праведная — на другой. К земле
Клонится чаша, что с мечом тяжелым.
Она одета в золото и пурпур,
Атласный плащ алеет на плечах,
Лежит на тальи плотный медный пояс,
А на ногах — сандалии стальные.
У пояса — топор, законы, кнут.

---

¹ Да здравствует правосудие, да погибнет мир! (Латин.— *Ped.*)

Она сидит, сквозь стиснутые губы
Слова роняя скупю, с неохотой.
И каждое как лезвие ножа.
И все ее веленья, приговоры,
Свистящие, как взмахи топора,
Приводятся тотчас же в исполненье.
И кровью полнится земля, встает,
Как зарево, кровавый в небе отблеск.
Fiat justitia, ruat mundus!

Вот трон свой оставляет справедливость,
Чтоб утвердить свою повсюду власть
И всех равно заставить подчиняться.
Она идет с повязкой на глазах,
Не отличая доброго от злого,
Не видя ни деяний, ни причин,
Ни слез, ни лиц, нуждою изнуренных,
Ни рук, что столько раз вздымались в муке,
Пред тем как преступленье совершить.
Да, одряхла, видно, справедливость!
От вечно неснимаемой повязки
Померк ее когда-то острый взор.
И кажется мне — стала глуховатой
Иль клочья шерсти положила в уши:
Она проходит безучастно мимо
Взывающих к ней голосом охрипшим.
Пусть кричат! Не могут изменить
Ее решений крики подлой черни —
Fiat justitia, ruat mundus!

И стан расплылся. Медленно бредет
Она вразвалку. Трудно ей гоняться
За виноватым, но рукой костлявой
Она спешит невинного схватить.
Лишь обонянье — тонкое, как прежде:
Ей неприятен дым и чад лачуг,
Она спешит их обойти подальше.
А если ей приходится зайти —
С покорными становится покорной,
И вежливой, и кроткой, и послушной.

Она не лезет нагло на глаза,
Не столь горда, как издали казалась.
Когда же деньги говорят — молчит.
Шутить и торговаться позволяет,
Готова первая пойти навстречу.
С могучими и смелыми отважна,
Облечена всей строгостью закона,
Совсем не знает жалости она,
Своим словам не терпит возражений.
Ей дела нет: пускай погибнет мир,
Пусть тысячи несчастных стонут в муке,
Пусть кулаки с угрозой поднимают,—
Но правосудие должно свершиться.
Готова все преграды сокрушить,
Чтоб только сорняки с корнями вырвать,
Чтобы изречь среди стонов и проклятий:
Fiat justitia, ruat mundus!

Да, одряхла, видно, справедливость,
День ото дня становится слабей.
Дни сочтены ее и с каждым часом
Все меньше остается сил, лишь злоба
Еще растет и подлое коварство.
Гримаса низкой зависти у губ,
Искривлен рот улыбкою зловещей.
Не держат ноги, в высохших костях
Уже нет мозга; лишь один костыль
Скелету служит шаткою опорой.
И все ж порой упавшего толкнет
И на лицо просящему наступит.
Fiat justitia, ruat mundus!

Час старой справедливости пробил,
На волоске ее существованье.
И скоро рухнет с грохотом колосс
Под звон костей и черепа пустого.
И черным облаком взвьется пыль
От высохших потоков алой крови,
Что пролита была ее веленьем,
От ядовитых струй ее слюны,
От всех обломков мертвого былого,

От куч навозных, долгие века
Копившихся и отравлявших воздух
Миазмами зловонных испарений,
Давивших грудь, дыхание стеснявших,
Губивших все живое. Но сквозь прах
Ростки живые путь находят к свету,
Над старым миром возникает новый.
«Ruat justitia, fiat mundus!»¹

1899—1902(?)

---

¹ Да погибнет правосудие, да здравствует мир! (Латин.— *Ред.*)

ВЕСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Кругом дыхание весны,
Луга и поле цветов полны —
    Не видите?
И ветер гонит вдаль песок,
И стонут сосны у дорог,—
    А вы не замечаете,
    Вы голову склонили.

В открытом поле бури вой,
Весь мир под тучей грозовой,
    Вы гроз не понимаете,
    Вы их всегда бранили.
Уже деревья дождь сечет,
Земля, как жаждущая, пьет,—
    Ужель не замечаете?

И по небу грохочет гром,
И вихри властвуют кругом,—
    Нет, вы не понимаете!
    Вы и глаза закрыли.

Земля проснулась. День придет —
Весь мир воскресший зацветет,—
Но вы не понимаете,
Всегда вы только ныли.
Вы так и не открыли глаз.
Что ж, обойдемся и без вас,—
Всегда вы только ныли!

1899—1902(?)

МАРТОВСКИЕ ДНИ

Не плачь, не жалуйся, не ной!
Круши преграды, стой стеной,
Борись, не медли, рвись вперед,—
Напор реки ломает лед.

Все тоньше мартовские льды,
Все горячей лучей следы.
Чем тоньше лед — бурней ручьи,
Забили звонкие ключи.

И хлынула из берегов
Река, неся обломки льдов.
И нет оков, преград, границ,
И своды падают темниц!

И все, что давит, душит, гнет,
Исчезло под напором вод. . .
То половодья бурный пир,
То кубок жизни поднял мир!

1899—1902(?)

ПЕСНЯ ДЕВУШКИ

Не пой, соловушка, не пой
С такой печалью надо мной!
Ведь завтра мне вставать чуть свет,
А не томиться силы нет.
Пока поёшь и песнь течет,
Печалью сердце изойдет.

Ведь завтра мне вставать чуть свет,
Итти туда, где солнца нет.
Шестнадцать медленных часов
Работать надо у станков.
Там копоть ламп и пыль кругом.
Не пой так грустно под окном!

Ты будешь песни распевать,
А мне с зарей уже вставать.
Тебе росу ночную пить,
А мне ярмо свое влачить.
Не пой, соловушка, не пой
С такой печалью надо мной!

1899—1902(?)

СЛОМАННЫЕ СОСНЫ

Сломил беспощадно ветер злой
Высокие сосны на дюне морской.
Их взоры стремились до края земли,—
Скрываться и гнуться они не могли.

«Враждебная сила сломила нас,
Но битва не кончена и сейчас.
Ведь в каждой ветке отпор живет,
И в каждом стоне — порыв вперед!»

И сосны, хотя и сломило их,
Плывут кораблями средь волн морских.
Идут против бури грудью крутой,
И снова с волной закипает бой.

«Враждебная сила, волну вздымай —
А все ж мы увидим счастливый край!
Ты можешь сломить нас, щепой разметать —
Достигнем мы дали, где солнцу вставать!»

1899—1901

* * *

Бесцельна была эта жизнь —
Ее осмыслила ты;
Пустынной была эта жизнь —
Посеяла ты цветы.

Холодной была эта жизнь —
Дала ты лучи тепла;
Без света была эта жизнь —
Ты солнце над ней зажгла.

И солнце славит опять
Моя ожившая речь,
Я вновь надежду могу
В застывших сердцах зажечь.

1899—1902(?)

РАВНОДУШНЫЕ

Он к вам пришел с душой открытой, светлой,
Подобной солнцу утренней порой,
И вам в лицо пахнуло свежим ветром.

Вы по уши укрылись одеялом,
Дрожа как бы от стужи ледяной.
«Наш сладкий сон нарушить? Небывало!!

Его слова сердец не задевают.
В далекий край зовет он за собой.
Но надо ли туда итти? Бог знает...

Неужто мы за тем пойдем послушно,
Кто красотой считает прах земной?
Прекрасное должно быть равнодушно.

Кротки сердца, и души полны мира.
Нас убаюкал сладостный покой
Среди цветов, средь нежных волн эфира.

Пусть тот, кто в иступленном дерзновенье,
В грязи валяясь, хочет за собой
Вести — да примет вечные мученья!»

Рядя убогость в пышные наряды,
Вот так они болтают день-деньской,
За треском фраз позор свой спрятать рады.

А он ушел с душой открытой, светлой,
Подобной солнцу утренней порой,
И веяло прохладным свежим ветром. . .

1899—1902(?)

УТРЕННИЕ ВЕТРЫ

Вы, что плакали в подушку,
Встаньте, слезы осушите,
Лоб горячий освежите,—
Уж заря встает над лесом!

Вы всю ночь глаз не смыкали,
Все обиды, все несчастья,
Все насилье самовластья
На себе вы испытали.

Затемнен был мысли пламень,—
Все же сердце не поддалось,
Все же искра в нем осталась,
Для зари ее спасли вы.

Веют утренние ветры,
Гляньте вдаль! С огнем во взорах,
Скиньте с плеч скорей страданье,
Пусть в груди угаснут стоны!

Заржавелые суставы
Шевельните, распрямите,
Грудью высохшей вдохните
Воздух утренний, прохладный;

Разгоните кровь по жилам,
Топайте ногами смело,

Чтобы всюду загремело,
Чтоб ворчал, разбужен, сонный.

Ставни настезь распахните:
Даль звенит многоголосо,
Новый, юный свет забрезжил,
И в траве мерцают росы.

1899—1902(?)

ВЕДИ СЕБЯ С УМОМ!

Я слышу, слышу! В добрый час!
Вы поняли на этот раз,

В чем песни смысл, о чем рассказ,—
Но мало пользы в том для вас.

Кто был сперва ошеломлен,
Теперь почти не удивлен,

С открытым сердцем, без затей,
Воскликнет: «Здорово, ей-ей!»

Потом шепнет: «Я так и знал,
Но быстроты такой не ждал».

Другой вещает: «Смелый шаг!
Но разве можно сразу так?

Нам торопиться не под стать
И надо «действий» избегать.

Не прошибешь стены башкой,
Потерпим лучше год-другой.

Горячность в деле не нужна.
Придут иные времена!

Нельзя же разом так махнуть!
Довольствуйтесь хоть чем-нибудь!

Не надо думать о борьбе,
Кто требует — вредит себе!

Лишили человека прав?
Что нам за дело? Он неправ.

Пускай кричит — напрасный труд!
Кто вежливый, тому дают.

Дразнит жаркое аппетит?
Не будь упрям — и будешь сыт!

Надейся! В этом нет греха,
Когда надежда неплоха.

Простим поэтам дерзкий стих!
Мы втайне понимаем их.

Но в жизни от гордыни вред.
Карьеру не губи; поэт!

Сто раз пониже поклонись,
Но крикнуть громко берегись!

Пускай тебе плюют в глаза,
Ударом отвечать нельзя.

Итак, веди себя с умом!»
Я с этим «правилом» знаком.

1899—1902(?)

СЕРДЦЕ НОЕТ

Так уныло
Над полями
Ветер воет.

Поле, рощи
И дороги
Мглою кроет.

Из тумана
Чьи-то злые
Тени строит.

Дождь осенний,
Бесконечный
Землю моет.

Осыпают
Цвет свой астры...
Сердце ноет.

1899—1902(?)

MEMORANDUM¹

Долго покорно вы ждали,
Столетиями жили надежды.
«Как это требовать? — Нет,
Надо смиренно молить».

Верить, конечно, неплохо,
Смирение — всегда добродетель.
Хватит вам ждать без конца,
Надо не кланчить, а брать!

1899—1903(?)

---

¹ К вниманию. (Латин.— *Ред.*)

ЗИМНИЕ СУМЕРКИ

В желтоватом и неярком блеске
Солнце в зимних сумерках уходит
День за днем все тою же дорогой.
Ночи вяло тянутся, зевая,
И не мне ускорить их движенье,
Бледный свет их удержать на небе,
Землю повернуть навстречу солнцу.
Вас хочу томить тоской по солнцу,
Разжигать в груди пыланье гнева,
Незаживших ран перстом касаться,
Чтоб вы к этой тьме не привыкали
И не верили бы в силу ночи!

1899—1903(?)

БОЛЬШИЕ ГЛАЗА

Марии А. Р.

Страшно мне встречаться с вами.
Столько в вас тоски-тумана,
Голубые и пустые —
Два родные океана!

А они: «Душа — как море,
Но она пуста, бесплодна...
Ах, когда б на дне открылся
Ключ воды живой, свободный!

Ветра, брызг и волн хочу я,
Чтоб рассеялась истома,
Чтоб вошла мне в душу буря
В буйстве грянувшего грома!»

1899—1903(?)

КИТАЙСКИЕ ЖРЕЦЫ

На синий ясный небосклон
Восходит солнце, но злой дракон
Возник вдали, внушая страх...
Вещают жрецы. Народ в слезах
О солнце, о милом солнце.

«Драконы поглотят солнца свет.
Земля во тьме. Спасенья нет!
Спешите укрыться к себе домой
И там следите во тьме глухой
За солнцем, милым солнцем!»

Хоть слышится трусов унылый плач
О том, что мучит их злой палач,
Хоть гнутся они под тяжким ярмом,
Хоть и готовы забыть о нем,
О солнце, милом солнце,—

Мы больше не верим их жрецам,
И злые драконы не страшны нам!
Они исчезнут при свете зари...
Пусть вечно мечта в народе горит
О солнце, милом солнце!

1899—1903(?)

БЫЛОЕ

...Там, в свете волшебном, средь радуг мерцанья,
И звуков и отзвуков есть сочетанья,

И песнями Лиго наполнены дали,
Ивановой ночи костры запылали.

Там сумрак таинственный спящего бора,
Подводный дворец и хрустальные горы,

И грустен и сладостен смех у наяд,
И феи всю ночь в хороводах скользят.

Всю ночь сирота за работой поет,
На барщине он у суровых господ.

Но тем, кто приносит насилье и горе,
Муку свою смеет змея среди моря,

И сабля наточена младшего брата,
С зарею выходит он на супостата.

Сквозь тьму поднимаясь из сна векового,
Подводный дворец засияет нам снова,

И солнце запляшет, и на небе ясном
Блеснет оно синим, зеленым и красным.

1900—1902(?)

ЕДИНСТВЕННАЯ ЗВЕЗДА

.. Прекраснейшая из идей
Не знает жалости людей.

Но кто постиг ее сиянье,
Презрел и гибель и страданье.

Собой и дружбою людей —
Всем, всем пожертвовал он ей.

Его хулят — а он вперед,
Не слыша ничего, идет!

Пред ним весь мир окутан тьмой,
Он за своей идет звездой.

1900—1902(?)

ОДИНОКАЯ ВЕРШИНА

Глубок покой долины,
Нет ветерка нигде,
И ни одной морщины
Не видно на воде.

И в ельнике молчанье,
И в соснах тишина.
Тревогой ожиданья
Природа здесь полна.

Вершины слышен лепет
На дереве одном. . .
И той вершины трепет
Обходит лес кругом.

1903

ГЛЯНЬ НА ВОЛГУ:

Глянь на Волгу!

Хмурит лоб скала,
Мрак морщин дремуч.
До бровей сползла
Шапка черных туч.

Вечер мглой одет,
Дол туманов полн.
Солнце зыблет свет
В волнах, в спадах волн.

Пароход гудит,
Говорит: «Прощай!»
И в волне дрожит
Солнца рдяный край.

Красота. И даль, и даль...
Даль...

1903

НЕУЕМНЫЕ ЖЕЛАНИЯ

Тебя тоска пробудит вдруг от сна,
Ты мрак пронзаешь воспаленным взглядом...
Песнь петуха пока что не слышна,
Ты ощупью одежду ищешь рядом.

В борьбе суровой рассветает день,
Душе прозя сомнений черным адом,
Пока роса смывает ночи тень...

Врезаясь взором в тьму над всей землей,
Пролей лучей сиянье золотое!

<1903>

ПОЛЕВОЙ КАМЕНЬ

Отброшен плугом,
Лег в стороне
Тяжелый камень.
«Обидно мне!

За что я брошен,
Кому мешал? —
Тяжелодумно
Он повторял.—

К опушке катят
Меня из ржи.
С зеленой гонят
Меня межи,

Как будто в поле
Я рожь давил,
И вышел колос
И пуст и хил.

Вороны сколько
Склевали там,
Прошли колеса,
Хозяин сам.

Меня же гонят
Лишь одного!»
Не может камень
Понять всего.

Болтает вечно
Лишь о своем
И обрастает
Зеленым мхом.

О глупый камень!
Всегда таких
Подальше катят
С полей людских.

1903—1905(?)

ПОШЛОЕ ВРЕМЯ

Людская мелочь, везде обман...
Повсюду серый плывет туман —
Не слышит призыва мир глухой,
Всего дороже ему покой.

Людишки морщат свой узкий лоб —
Платок у носа, слова захлеб.
Давно болтают про новый путь,
Но как из пепла огонь взметнуть?

А вихрь промчался. Нельзя назад!
Хэй! Хо!
Теперь уж прошлого больше нет!
Большое время. Слепящий свет.
Туман рассеян. Гремит гроза,
И больше дым не ест глаза.

Даже людишки, чей сонный бред
Длится десятки и сотни лет,—
Даже они со всеми в ряд
К свету из пепла подняться хотят.

1903—1905(?)

ИДЕТ МЛАДОЕ ПЛЕМЯ

Небо и солнце,
И волны моря,
Стройные сосны,
Трава и песок —

Все это, юность,
Твое богатство;
И летний полдень
Твой недалек!

Так пой отважных,
Кто бьется с горем;
Младое племя,
Твой путь широк!

1904

ПЕРВЫЕ ЖЕРТВЫ

Как эту боль сдержать и перенести!
Как душу горько разрывает жалость!
— Так много павших! — Их не счесть, не счесть,
И раны их еще зияют ало.

У вас в душе одно желанье есть:
Собрать ту кровь, что землю наплатала
И призывает молчаливо месть.

Глаза глядят, как будто угрожая,
Дрожишь невольно, этот взор встречая.

1904

ПРЕДПРАЗДНИЧНЫЙ ВЕЧЕР

Зачем все это?
Какой в том прок?
За что удел наш
Так жесток?

Одной дорогой
Всю жизнь бредешь,
С утра до ночи
Одно и то ж!

Идет ли дождик,
Иль даль ясна,
Бушует осень,
Пришла ль весна,

Мозги ли сушит
Июльский зной,
Иль от мороза
Дрожишь зимой,

Сухой ли ветер
В глаза пылит,
От сквозняка ли
Спина болит,—

Одной дорогой
Всю жизнь бредешь,
Вдохнешь — и снова
Пот жаркий льешь,

«И то все мало!» —
Тебе упрек,
Зачем все это?
Какой в том прок?

Жить без работы
И голодать
Ничуть не хуже,
Чем так страдать!

Довольно! Хватит!
Пусть с этого дня
Гудит машина
Без меня!

Пусть без меня
Труба дымит,
Котел клокочет,
Шатун гремит,

Мелькают шпульки,
Челнок снует,
Напильник пилит
И молот бьет,—

Я пальцем не трону
Их с этого дня:
Посмотрим, как справятся
Без меня!

Сегодня предпраздничный
Вечер у нас,
Мне отдых нужен,
Чтоб дух не угас.

Зачем удел наш
Так жесток?
Хотим мы в жизни
Увидеть прок.

Мы жить желаем,
И есть, и пить,

Мыслить и счастье
Себе добыть.

Так стой, машина,
Брось колесить!
Не будем больше
Тебя просить.

Печи из глоток
Харкнут огнем,
Мы приводные
Ремни порвем!

Так стоп, машины!
Вот наш наказ.
Исполнить это
Заставим вас!

1904

ДАЖЕ ЕСЛИ СОЛНЦЕ СПИТ

...Солнце спит —
Но уже блеснул рассвет,
Снившийся нам в годы горьких бед,
И меж туч заветный луч скользит,
Даже если солнце спит.

...Солнце опит,
Но бледнеет ужас тьмы,
Страх полночный забываем мы,
Нет сомнений, ясный путь открыт,
Даже если солнце спит.

...Солнце спит,
Но проснется песнь в лугах,
Птичий щебет зазвенит в кустах,
Пастухов сиянье озарит,
Даже если солнце спит.

1904

ЛЕДЯНАЯ ГОРА

Победа, наша победа!
Блестящая в искрах света,
Трещит ледяная гора:
Ее мы долбили, и грызли, и рыли
Упорно, с утра до утра. . .
Она зашаталась в громе боев.
Тает чудище льдов.

Скоро конец черным снам:
Солнце вернулось к нам!
И логово твое подточено,
Еще удар — и с ним покончено. . .
Да, ты заколебалась, зашаталась.
Мы победим — недолго ждать осталось!

Гул и гром кругом,
Шире трещины.
Обломки летят с высоты. . .
Сегодня иль завтра погибнешь ты!
Льдина за льдиной в бездну срывается,
Весенняя дымка к небу взвивается.
Рокот и плеск!
Грохот и треск!
Тебя исхлещет грозный бич,
Слышен уже победы клич:
Хой-хо! Хой-хо!

За первым таяньем снега —
Первая наша победа!
Жребий брошен, братья,—
Вперед вихревой ратью!

1904

ОТДЫХ КОСАРА

Луч солнца золотого!
Ты в сердце рушишь темень
В любое время,
О да, в любое время!

Как влажный лист кленовый,
Мне щеки гладишь в чаще,
Как шелк шумящий,
Как ткани шелк шумящий.

Два солнца светят чудесно,
Впадаю я в забытье. . .
Одно — в синеве небесной,
Другое — сердце твое!

1904

ЧУДО ТИХОГО ДНЯ

Синеет небо в тихий день осенний,
На листья мирных лип лучи легли.
Здесь хорошо дремать на свежем сене,
Здесь воздух полон запахом земли.
Душа свободой дышит неземною,
Как будто в мир чудес ее ввели,
А сердце тает в воздухе и зное.

Так, побеждая боль, растет душа,
Одним прекрасным на земле дыша.

1904

ДЕРЕВО ПОД ВЕТРОМ

Почувствовать себя вдруг человеком новым! . .
Все замерло вокруг в молчании суровом.
И спрятать нечего, бежать — заказан путь. . .
Пора бы наконец, раскрывши грудь, вздохнуть!
Вот дерево стоит, свободу, жизнь вдыхая
И ветви мощные до неба простирая.
Над ним — лишь небеса, вокруг — одни поля,
Где влаги дождевой так жадно ждет земля.
И солнце яблоком с небес оно срывает,
И землю милую корнями обвивает.
Стоит перед грозой, стоит и гордо ждет,
Когда же наконец желанный бой придет!

1904, 21/1 1910

ПОД ПОКРЫВАЛОМ ФИЗИДЫ

Все познать и не пасть душою,
Смело за правду бороться с тьмою —
Вот, человек, твоя судьба.
Каждый пусть помнит: жизнь — борьба!

1904(?)

ВОЮЩИЙ ВЕТЕР

Хлещущий ветер и снег,
С воем летящие в поле,
Кто ограничить бы мог
Ваше сейчас своеволие?

С дерева буйной рукой
Кудри зеленые рвете,
Узкой дороги края
Топите в снежном омете.

Буйно врываетесь вы
В каждый покой пропыленный.
Стены трясете дворцов,
Рушите древние троны.

Нет, вас ничем не прогнать,
Страже не оправиться с вами.
Воины тщетно спешат
Стан опоясать мечами.

Вас не посадишь в тюрьму,
Не уничтожишь, сжигая!
Реете вы над землей,
Гниль и старье разрушая.

С ветром крутящийся снег
Многих пугает, тревожит.
Это предвестье весны,—
Кто задержать ее может?

1903—1905

СТАНЬ ТВЕРДОЙ, МЫСЛЬ!

Стань твердой, мысль!
Стань зычным, слово!
Стань наковальной, мысль!
Стань колоколом, слово!

Тьмы кузнецов тебя куют века:
Ковач великий, беспощадный голод,

Всею тяжестью обрушивает молот,
И скромным сонмом быют исподтишка,
Со стороны, и сгорбленны и седы,
Старухи сестры, маленькие беды.

Стань твердой, мысль!
Стань зычным, слово!

В горниле мук белей раскалено,
Закалено огнем и сожжено!
Мехи вздувают пламя неуклонно,
Тебя палят неистовым огнем,
Толкают в самый жар, сжимают в нем
Давленьем атмосферы раскаленной.

Стань рассекающим мечом!

Стань острой, мысль!
Стань грозным, слово!

Стань чуждым ржавчине клинком из стали,
Чтоб гражданин мог смело взять тебя,

Чтоб ты сверкало, камни стен дробя,
Чтоб цепи пред тобой и брони пали!

Стань острой, мысли!
Стань грозным, слово!

1903—1905

Солнце землю нашу
Медным плугом пашет,
Новые пласты подъемлет,
Гниль затаптывает в землю.

Буря поле засекала,
Туча поливала.
Соберем посевы бури,
Гром пробьет нам путь к лазури!

1905

БОЛЬШИЕ МЕХИ ВЕТРА

Мехи ветров мы раздували
Нетерпеливыми руками,
Чтоб стало белым жаркое пламя
В печке солнца.
Пламя кипело с грозным шумом,
Нас овеяла жарким дыханьем.
Растаял снег, и лед сломался,
Вольный шумит поток.

Тучи плывут, как горы,
И ветер переходит в вихрь,
Который ветерки и дуновенья
В порыве мощном с собой влечет:
Срывает листья,
Зверье из нор привычных гонит,
В своем круженьи уносит нас.
Мощной рукой все возносит буря
И мчит вперед неудержимо —
Дальше, дальше. . .

Шумом все она будит,
Подснежники сквозь покров снегов
Уже из земли выходят.
Листья глядят на свет,
В деревьях бродят весенние соки,

С юга прилетают стаи
Первых гонцов весны.
Это пришла она!
Синь в небесах.
Замок света встает!

1905

ПОСЛЕ ДОЛГОГО СНА

Дым лениво тает
Над высокой кровлей,
Разомлев на воздухе весеннем.

Горизонт в тумане,
И снега осели,
И березы расправляют ветви.

Люди жадно дышат,
Будто бы очнувшись
После пережитого недуга.

На щеках — румянец.
Улыбнулись губы
С удивленьем или недоверьем.

А глаза стыдливо
Щурятся от света,
К радости весенней привыкая. . .

1905

САМЫЙ ПОКОРНЫЙ

Покорным — и тем нелегко сейчас!
Только спроси — но с глазу на глаз

Спроси: — Что, не нравится холод такой?
— Он душит меня ледяною рукой.

Мне скоро конец! — Так встань, не лежи!
— Что можем мы, бедные, сделать, скажи?

— А если все вместе? — Вместе — да!
Тогда к нам весна придет навсегда.

Мы все проклинаяем этот мороз:
Нам всем одинаково плохо пришлось.

Да, каждый, и самый покорный, в беде,—
Об этом уже говорят везде.

Нет, только все вместе, вместе, да!
Тогда к нам весна придет навсегда.

1905

ТАК НЕ ОСТАНЕТСЯ!

Так не останется, так оставаться не может,
Глупо надеяться, что пронесется вода,
Реки спадут, иссякая, и день будет прожит
Так же, как прежде. . . О нет, никогда, никогда!

Лед, как ни крепок, упорства уже не умножит.
Сердце, что рвется к свободе и жизни,— сильней!
Так не останется, так оставаться не может,
Все переменится в мире до самых корней!

1905

ВЕСЕННЯЯ БУРЯ

На западе готова буря грянуть...
Могучий вихрь несется из-за гор,
Волною катится по небосклону
И падает на доли с высоты,
Протяжным ревом оглашая воздух.
О берег море с громким гулом бьет.
Проходит вихрь тяжелою стопою,
Ломает толстый ледяной покров,
Дробит его на тысячи осколков,
Как ребятишки в новых башмачках,
Ломающие тонкий, хрупкий наст.

Бушует море, воеет и ревет,
Вздывает ветер гребни волн косматых,
Бросает клочья мутножелтой пены.
Вдруг возникает из разверстых вод
Подобие огромной головы,
Дымящейся, пытящей, безобразной.
Пар изо рта, из глаз — воды струя.
То бог морской, владыка океанов.
Лицо багрово, словно от пощечин.
От холода и гнева он дрожит:
Кто здесь посмел покоить его нарушить?
От злости он не может молвить слова,
Лишь сотрясает зычным ревом берег.
А ветру что? Хохочет громко он
Да за хохол хватает старикашку
И мчится вдаль, ликуя и гремя,

А вместе с ним кричат, смеются чайки,
На легких крыльях в воздухе скользя.

Вздымая пыль, несется ураган
Над дюнами, полями и холмами,
Повсюду сея смуту и тревогу.
Он мчится через мирные леса,
Дрожат деревья под его ударом,
В испуге прижимаются друг к другу.
Березы ветви зябко поднимают,
Склоняются смиренно и покорно,
Чтобы сердитый вихрь их не сломил.
То падают, то вновь они встают,
В немой мольбе протягивая ветви. . .
Вот ветер, стаю подхватив ворон,
Швырнул их ввысь. Забавно кувыркаясь,
Лететь пытаются. Второй порыв —
И с карканьем они спешат укрыться.

Морской песок со снегом пополам
Сечет сухие ветви сосен. Гневно
Поводят сосны мощными плечами,
Качают станом под напором бури
И встряхивают гордо головой,
Чтоб волосы им глаз не закрывали.
Со свистом мчится вихрь, взвивая прах,
Срывая хвою и ломая сучья.
Убрать весь этот хочет сор и хлам,
Что здесь с весны прошедшей накопился.
Он стаскивает простыни снегов,
Все перетряхивает, очищает
И, горницу промозглую зимы
Всю наполняя свежим дуновеньем,
Заглядывает в каждый уголок:
Нигде пылинки не должно остаться,
Все надо вытереть и обмести,
Проверить надо: все ли здесь в порядке,
Все ль сил полно и все ль расти способно?
Целы ли кровли, крепки ли столбы?
Что отжило — безжалостно крушит
И вдаль несется в яростном порыве.

Он подметает улицы, поля,
Расчесывает волосы деревьев,
Снег убирает, топит старый лед;
Дорога как стекло должна быть гладкой!

Ведь это все — к приходу Госпожи,
В шелках зеленых, в златотканых ризах,
В узорах белоснежных свежих лилий,
Струящих благовонный аромат.
Пусть не коснется прах ее одежды,
Пусть не замочит в лужах башмачков.
Пусть старое не сломит новой жизни,
Что замирая ждет и не дожидется,
Когда ж в дыханьи ароматных струй,
Лелеемая многими сердцами,
Придет Она — отрада всех отрад
И всех надежд прекрасное свершенье!
Так тихо ступит белоснежный конь,
Что под копытом травы не примнутся,
Что пыль цветочная не опадет
С кистей пушистых шелковой попоны.
Златое одеянье заблестит
На солнышке, и ярко засверкают
В ее руках довольство, мир и счастье.
Пройдет улыбка по лицу земли,
Улягутся бушующие волны
Несущихся безудержно мгновений,
И время остановит буйный бег.

1905

ВЕСТЬ СИННИЧКИ

Птичка весело поет
На столбе резных ворот.

Сколько вешнего тепла
Нам синичка принесла!
И поет она, поет:
— Весна идет!
— Весна идет!
Против зимы начинайте поход!

Птичка качает ветку березы:
— Кончились вьюги и злые морозы!

Звонко кричит она в наше окно
Только одно, только одно:

— Дело весны начнем,
Все вместе, все вместе начнем,
Все вместе, все вместе, все вместе!

1905

ВЫХОДИТЕ!

Синички малые
И листья нежные,
На свет выходите!

Тонких веточек ростки,
Иголки хвои,
Пролески белые —
Майская поросль,
Птицы-скворушки,
Светлячков огни,
Гномы подземные,
Из глубин, из недр
Выходите!

Поднимайся, багульник;
Шуми листвою,
Береза, тихо
Мглу развевая.
Зажгитесь, очи,
Пламенем ярким!
Выходите!

Из праха ада,
Из черного дыма,
Из недр подземных
Седые гномы
Гордо выходят,
Зовут с собою.

Багровый пламень
Их путь освещает.

Все мечты о счастье
Свершатся нынче.
Муки и терзанья
Уснут в покое.
Ярче радостный день,
Скрылось темное облако,--
Выходите!

1905

ДОРОГИ, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Пусть каждый к нам встречать придет
Свободы пламенный восход!

Должны открыть сегодня мы
Ворота вековой тюрьмы.

Пускай нам врозь потом идти,
Сегодня — общие пути.

Вам, может, завтра отдыхать,
А нам без усталы шагать,
Нас ждут борьба и труд опять.

Сливайтесь, разные дороги,
Пусть все, кто угнетен нуждой,
Встают в единый строй!

1905

ЧЕСТНЫЙ ЛИБЕРАЛ

Он шел со всеми, но свернул назад,
Туда спеша, где началась дорога. . .
Взгляни, как бойко ножки семят!
Ну, что ж! Вокруг толпа, народу много.

На общей мельнице не хуже он любого,
И все твердит — впопад и невпопад:
«Нет ничего сильнее тельца золотого!»

Он всюду проповедует покой,
Сам презирая мерзкий облик свой.

1905

ДАЛЕКИЕ ОТЗВУКИ

Смутные вдали,
Синих вечеров
Отзвуки брели
По траве лугов.

Шли издалека.
Нет пути конца...
Полночи рука
Сжала им сердца.

«Всей ли вы душой
Вслушивались в них?» —
Кто-то, головой
Покачав, затих.

Полночь мглой своей
Кроет берега,
Пареньки коней
Гонят на луга.

На траву росой
Утром жемчуг лег...
И коров с зарей
Гонит пастушок.

Парни с пастушком
Босиком брели...
Слышались кругом
Отзвуки земли.

Там издалека
Грустно песнь лилась...
Радостна, близка
Песнь весны сейчас.

Слышен шум времен
На земле моей...
Скоро гул и звон
Грянут в глушь полей!

1905

**СТОИТ ЛИ СЕЯТЕЛЮ
ТУЖИТЬ?**

За сутками сутки —
Дождей потоки.
Ростки зачахнут
В полях широких. . .

За сутками сутки
Злой ветер воет.
Все, что посеешь,
Он вмиг разроет.

Но не напрасно ль
Сеятель тужит?
Пусть будут злее
И снег и стужа.

Сон не смертелен —
В земле, в покое
Нальются силой
Ростки весной.

Растопит солнце
Лед понемногу,
И стебель к свету
Пробьет дорогу!

1905

ГЕРОИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ

«Так уныло
Вечно длится
Дней печальных
Вереница,
Мрак полночный теснит нам грудь.

Грустных песен
Звук щемящий,
Ужас вечный,
Леденящий —
Сердцу трудно их гнет стряхнуть.

Только будни
Всюду в силе,
В божество их
Превратили,
Спину привыкли пред ними гнуть!»

Как ничтожны
Вы сердцами!
Скоро грянет
Гром над вами:
Время великое вышло в путь!

1905

ФИЛИСТЕР В АПРЕЛЕ

«То снег исчезает,
То вновь намело...
То злые морозы,
То снова тепло!..»

Скажите, что будет?
Схожу я с ума:
А вдруг вместо мая
Вернется зима?..»

Что будет? Не ясно ль —
Гляди, не ворчи:
Весеннего солнца
Всё ярче лучи!

Пусть снег еще виден
И дождик идет —
Зимы и морозов
Окончен гнет...»

Земля готовит
Весны убор:
Зиме уж прочитан
Приговор!..»

1905

СТАРАЯ ЖАБА

Жила-была жаба старая
Под замком в пыли и плесени.

Так долго света не видела,
Что стала глухой и незрячею,

Ко всем, ко всему равнодушною
И злющей, хотя рассудительной.

И было жабе поручено
Следить, руководствуясь прописью,

Чтоб мысли, и речи, и прочее
Все было в границах дозволенных,

Чтоб шло все по старым обычаям,
Чтоб не было новшеств бессмысленных.

И плотно уселась жабища
На ценности, духом рожденные.

Живое она уничтожила,
Чего не смогла — испоганила.

К чему прикасалась лапками —
Все чахло, в ничто обращалось.

Но разве могут незрячие
Увидеть луга цветущие?

И могут ли слух потерявшие
Услышать весну голосистую?

Бессильный старик только бесится,
Когда его дразнят мальчики.

Не страшны слова ядовитые
Той жизни, что мимо проносится.

Вот так-то от злобы неистойвой
Все глубже в себя замыкается,

В ничтожный комок превращается
И скоро подохнет жабища.

1905

БУДЕТ ЛЕГЧЕ

Прекрасен этих дней поток!
Уж в поле ты не одинок.

Уже береза не одна —
Там поросль новая видна.

На вырубках поднялся лес;
Листва густая, как навес.

Я рад увидеть, что весной
Зазеленел мой край родной.

Уже сбылись твои мечты.
О да! Страдал недаром ты!

И глубоко вздыхает грудь.
Теперь уж легче станет путь!

1905

НОВОЕ ВРЕМЯ

То время новое, что слышится во всем,
К нам не придет, коль мы не приведем.

Чтоб делу славному расти и жить,
Всяк должен к делу руку приложить.

Пусть каждый разжигает правды свет,
Чтоб мир был жарким пламенем согрет.

Пусть каждый строит зданье в свой черед,
Где счастье человечества взойдет.

И ты, строитель, вознесенный ввысь,
Увидишь — в ликованьи все слились.

Но время новое, что слышится во всем,
К нам не придет, коль мы не приведем!

1905

НАПЕРЕКОР

На свете нет силы,
Что б нас победила!

Не зная покоя,
В ненастье глухое,
Сквозь ветер упрямо
Шагаешь ты прямо
В мороз леденящий
И в зной пепеляющий
Упрямо, упрямо. . .

На свете нет силы,
Что б нас победила!

1905

В ПОЛНОЙ МЕРЕ

Всем чувствам горячим,
Что в сердце теснятся,
Уже не под силу
Внутри оставаться.
И как им на волю
Не рваться, не рваться!

И, душу собою
Наполнив до края,
Кипят они, грудь
Разорвать угрожая,
Для блага и счастья
Родимого края.

Бери свое сердце,
Зажги его смело,
Отдай его людям,
Чтоб вечно горело
Для общего счастья,
Для общего дела!

1905

В ВЕЧНОМ СОЗВУЧИИ

Кто повредить мне может?
Тверда душа моя.
О нет, я не исчезну,
Хотя бы умер я!

С широким шумом моря,
Когда леса гудят,
С медноголосой бурей
Всегда пою я в лад.

Я с тучами, грозою
Звучу одной струной,
С потоком, что о берег
Бьет пеной снеговой.

Когда с востока ветер
Летит заре вослед,
Я вам с его дыханьем
Шлю утренний привет.

Когда же гаснет солнце
И затихает дом,
Заря меня скрывает
Померкнувшим плащом.

Кто повредить мне может?
Тверда душа моя.
О нет, я не исчезну,
Хотя бы умер я.

1905

ДЕМОНСТРАЦИЯ

То снег, то синь. Опять
Порыв метели.
Нет, ты не должен спать,—
Вставай с постели!

Завьюжена тропа,
Метель гуляет.
На улицах толпа
Все прибывает.

Над окнами, дверьми
И выше, выше
Усеяны людьми
Повсюду крыши.

Все дальше, все вперед
Идут рядами.
Метель кружит, поет
Под их ногами.

Как вороны черны,
Уходят тучи.
Их гонит дух весны
Волной летучей.

1905

МОГИЛЫ НАШИХ ГЕРОЕВ

От потомков скрыты их имена:
Лежат они, и грудь пронзена,
Но сердце бьется, шевелятся плечи
И гордые взоры молнии мечут.

Зарыли их без надгробных речей,
Песок притоптали, чтоб лег ровней,
И тешатся мыслью, что эта могила
Борцов за свободу навеки укрыла.

Но встанут они — их порыв не остыл:
И каждый, коснувшийся этих могил,
Исполнится силой для подвигов новых
И ринется в битву — хоть руки в оковах.

Так помните вечно могил этих ряд,
Где ваши герои бессмертные спят!
В минуты усталости и сомненья
Героев своих вспоминайте мученья! . .

1905

ПУЧИНА СТРАДАНИЙ

С печалью случайной, ничтожной
Иду я по берегу моря,
И в песне прибоя тревожной
Мне слышатся ропоты горя,—
Пучина страданий.

Внимаю — и с каждым мгновеньем
Свои забываю печали,
И полон я большим мученьем,
Сливаясь со стонами дали,—
С пучиной страданий.

И сердце рыдает с прибоем:
Их разное горе так сходно!
Мы муки вещаем иль кроем,
Но все мы в тоске безысходной,—
В пучине страданий!

Нет! Жить невозможно в тумане,
Где мучит ничтожное горе.
Открой мне величье рыданий,
Ты, море, великое море,—
Пучина страданий!

1905

ВСЕ-ТАКИ . . .

Слово это вы
Вспомните в час,
Когда сочтете
Мертвыми нас!

Того не дождетесь
Во веки веков,
Чтоб нас задавила
Тяжесть оков!

Бессильно руки
Не упадут,
Хоть голод и жажда
Желудок жгут.

Сердца наши жестки,
Дави их, тесни,—
И все-таки дышат,
Живут они!

Слово «все-таки»
Есть у нас.
Оно омрачит вам
Победы час.

Пусть молния хлещет,
Грохочет гром,—
Мы на колени
Не упадем!

Не склоним шею
Под вашу власть,
Хотя бы горы
Могли упасть.

Слово «все-таки»
Помните в час,
Когда мертвецами
Сочтете нас!

1905

НА ГРИЗИНЕ

«Что за шум и крик?
За работу, шпик!
Мчись на Гризинь поскорее:
Флаги алые там реют,
И открыто, при народе,
Говорят там о свободе. . .
Что есть сил туда спеши,
Всё узнай и запиши.
Ног своих не пожалей —
С головы по пять рублей!»
    Шпик без лишних слов
    Мчится на улов.
Площадь — что живое море. . .
Радость всем — шпику лишь горе:
Весь народ — чудное дело! —
Запись сам проводит смело.
«Всем властям по шапке дать!
Прокурора к черту гнать!
По хорошему пинку
И жандарму и шпику!»
    Разорвав свои оковы,
    Все шагают к жизни новой,
    Вольным ветром дышат жадно —
    Одному шпику накладно:
«Вдруг и впрямь сметет народ
И царя и царский сброд?
Пропадут тогда, увы,
Пять целковых с головы!»

1905

КОНЬ И ОСЕЛ.

Чем больше терпит спина,
Тем чаще под плетью она;
Коня, что лягает метко,
Бьют редко!

1905(?)

ТЕРПЕНИЕ КРЕСТЬЯНИНА

Работал мужик, не жалеючи силы:
Земля ему пышную жатву взрастила...
Но только он стал убирать урожай,
Явился помещик: «Аренду давай!..»
Блюститель порядка пришел за уловом,
А там и сам пастор с отеческим словом...
Чиновник спешит, а за ним и судья,
И каждый твердит: «Где же доля моя?..»
Налоги, да взносы, да новые сборы —
Так весь урожай и расхватан был скоро...
Остаток — растащен воронами вмиг...
Вот тут за дубину и взялся мужик!..

<1905>

ВЕЧНЫЙ ИДЕАЛ

«К богатым сам доход идет,
Кто беден — прибыли не ждет» —
Так учит древний Марциал.
У богачей один идеал:
Их капитал! . .

1905(?)

РАБАН

«Зачем стремиться к правде нам и воле?
Забота наша — есть да пить». —

«Но как, скажите, пропитанья долю
Без правды и свободы вам добыть?» —

«Хозяин выделит». —

«Ну, тот

Себе за это большее урвет». —

«Уж так пошло спокон веков:

Нам хватит маленьких кусков. . .»

Да что тут разводить рацеи?

Дать таким по шее!

1905--1907(?)

ВЕЛИКИЙ ПОКОЙ

Чем жарче горит сраженье,
Спокойнее сердце во мне,
И грудь моя дышит легче,
И видят глаза ясней.

С людским потоком вместе,
Как веточку, вперед
Весеннее половодье
С собой меня несет.

Куда? Поток все знает,
И ты ему поверь!
Я слезы забываю
И боль былых потерь.

Один найти дорогу
Не может человек.
К свободе рвется сердце,
К морям — потоки рек.

Как будто в день Купалы,
Стремясь к его лучу,
И я с людским потоком,
Как облачко, лечу.

1905, 3.VII.1906

НИКОГДА

Я не увижу никогда,
Я не вдохну твоей прохлады,
В час отдыха иль в час труда —
Я не увижу никогда
Тебя, мое родное поле!

Мне не почувствовать хоть раз
Ни неги утренней прохлады,
Ни зноя в полуденный час. . .
Мне не почувствовать хоть раз
Тебя, мое родное поле!

Нет, никогда мне не обнять
Тебя, когда блещут Плеяды
Иль жницы точат серп опять! . .
Нет, никогда мне не обнять
Тебя, мое родное поле!

1903, 5.VIII.1906

ТРИ ПРИМЕТЫ

Вера в святость дальней цели,
И надежда на работу,
И любовь к людскому роду...
Вот в природе их приметы:
Синь небес, и зелень луга,
И кровавый пурпур жизни.

26.VIII.1906

ПЕРВОЕ И ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО

Суровым словом обладаю.
Когда сомненья слабый дух гнетут
И сам собою ты измучен, тут
Единственное средство знаю:
Труд!

4.IX.1906

UNA BARCA

Вновь ропщет море, у ног бушует;
Хрустит так мягко белый песок.
Не из отчизны ль ветер дует?
В душе так мирно, и мир — глубок!
«Le piace una barca, signore?»¹
Ах, да! Я где же? Где жаждал я быть?
Зачем, о сердце, себя томить?
Тому — не быть!

13.IX.1906

---

¹ Не угодно ль лодку, сударь? (Итальянск. = *Ред.*)

ПУТЬ ГЕРОЯ

В прошлом — забвенье.
Что впереди?
В борьбу и опасность
Хочу итти.
Смерть, красота ли
Меня зовет.
Потоком горным
Ринусь вперед.

29.IX.1906

ОДНО СЕРДЦЕ

Как холодно блестят винтовок дула:
Двенадцать пуль, а сердце — лишь одно.

«Да здрав...» оборвано раскатом гула,
И сердце за свободу пронзено.

2.X.1906

ДОРОГАЯ СВОБОДА

Всё же мы, всё же мы — люди!
Однажды открылось нам это,
Только теперь познаем
Дух человеческий мы.

Наши жилища сгорели,
И кровь наша поле поила,—
Но слово грядущей свободы
Можно лишь кровью купить!

18.XI.1906

СМИРЕННЫМ

Смиренье — давний свой недуг —
Привыкли вы лелеять умиленно.
Вам ли познать святой свободы дух,
Когда всю жизнь вы дышите стесненно?
Как вам понять порыв души героя
В унылой дреме вашего покоя?

1906

ИДЕИ И ГОЛОВЫ

Враги заносят косы размах,
Чтоб срезать идеи у нас в головах,
Что в жажде свободы бесстрашны.

Но нас не заставят они отступить.
Идеи бессмертны. Враг хочет скосить
Не мысли, а головы наши!

1906

ПРОТИВ СОЛНЦА

Псы лают на луну от сотворенья света.
Теперь у них основана газета.
Они свой нрав здесь проявить желают:
Уже не на луну — на солнце лают. . .
Ну, что ж! Не пропадет их рвенье даром:
Сразит их — солнечным ударом!

1906

НАРОДНЫЙ ЗАЩИТНИК Г.

Нашим доверьем облечен,
Ныне — помещик важный он:
Труд по заслугам вознагражден...
С полей возьмет он доходов немало:
Ведь кровь народная их поливала!..

1906

**ПРЕДЛОЖЕНИЕ О ПОДАРКЕ
НАШИМ НАРОДНЫМ ЗАЩИТНИКАМ**

Для наших думцев — лишь слетятся вновь —
Подарок ценный, край мой, приготовь:
Штаны стальные — вид почетных лат, —
В них наши думцы долго просидят
И не почувствуют, когда их пнут под зад.

1906

ПОУЧЕНИЕ С ЛЮБОВЬЮ

«Дети! Каждому ведь ясно:
Новизну грехом мы числим.
Думать — это так опасно,
От лукавого все мысли. . .

Посмотрите: тот, кто грешен,—
Исхудал, измучен, болен. . .
Только праведник утешен:
Гладок телом, сыт, доволен. . .

Потому-то он и тучный,
Что идет дорогой верной:
Только грешник ходит скучный
И всегда одетый скверно. . .»

1906

ВЕРА — ЛЮБОВЬ — НАДЕЖДА

Символ веры бюрократа

«Я верую в тельца златого силу,
И в сына от него, чье имя — рубль,
Я верую в счета и в векселя,
В двойную бухгалтерию, в проценты,
И в чековую книжку, и в баланс,
Я верую в ту власть, что даст мне прибыль. . .

Люблю акциз, секвестры, обложение,
Налоги косвенные и прямые,
Люблю свой в меру гибкий позвоночник,
Люблю я то корыто, где кормлюсь,
Люблю безмерно точный срок, в который
Я получаю месячный оклад. . .

Надеюсь я на то, что потихоньку
На высшие ступени поднимусь,
Надеюсь на введение в дворянство,
На членство в клубе, на сословный герб. . .
Надеюсь на почетный высший орден,
Награды и покой. . . Да будет так!»

1906

ХОЗЯИН-ОТЕЦ

Хозяйство наладил я умело. . .
Будет вам хлеб, лишь не стойте без дела.

Хватит работы вам вполне:
Ваше усердие нужно мне.

Ты любишь кашу в тарелке мять —
Люби, батрак, и камни ломать!

Не хочешь рваный ходить и босой —
Ко мне приходи махать косой!

Если батрачке юбка нужна,
Пускай мне пряжу прядет она!

Трудиться приходится вам до поту,
Но я ведь хлеб даю за работу.

Кому же работать надоело —
Прочь отсюда, и кончено дело!

1906

НИЧЕГО ДАРОМ

Когда ты родиться решил на свет —
Имей при себе запас монет!

Сначала плати за свои крестины:
Ведь церкви нужны рубли и полтины!

Позднее, когда дорастешь до свадьбы,
Важнейшее дело — деньжонок достать бы!

Желаешь ты к браку иметь отношенье —
Купи у пастыря ты разрешенье!

Надумал ты в мир отойти иной —
Э, нет! Напоследок тряхни мощной!

Хоть право на смерть получает каждый —
Плати! Конца нет для пастырской жажды. . .

1906

ЭПОС 1905 ГОДА

СЛЕЗЫ И КРОВЬ

Я пою слезами вам и кровью,
Воплями войны, предсмертным стоном. . .
Песни прежние грозою смыты,
Кровь течет ручьями, листья кружит.
Нежные любви признанья
Не слышны за плачем ветра,
Золотое кукованье стихло.
Журавли кричат, летя далеко. . .

6.V.1906

СТАРЫЙ ВОРОН

Старый ворон, семь веков проживший,
Потому что только мертвечиной
Он питался, а ее с избытком
Было в Латвии за это время,—
Старый вор созвал к себе все племя
Воронов и воронят когтистых,
С галками, с воронами впридачу.
К ним сороки присоединились,
Все разбойники к нему слетелись,
Берег речки, каркая, покрыли,
Зачернили, как золой и сажей. . .

Старый ворон в мудрых изречениях
Воронью вещал большую радость:
Этот год несет смертей немало,—
В Латвии доселе не видали
Столько трупов, сколько нынче будет.
Вся страна от трупов провоняет,
Трупы будут воронью по вкусу:
Не ягнят, не кур, не старых зайцев —
Будет только человечесьё мясо,—
Женщин и детей, мужчин-героев!

6.V.1906

ПАСХА

Звон протяжный колокольный
Возвещает светлый праздник,
В храм всю волость созывая:

«В этот день христос воскреснет,
Смерти силу побеждая.
Свой великий день встречайте,
Пасху праздновать идите
И молитесь благодарно.
Искупил грехи он ваши!»

Храм наполнился народом.
Упадая на колени,
Люди «Отче наш» читают,
Песни жалостные тянут,
Благодарны, что Спаситель
В год мятежный уберег их.
Молят боженьку, чтоб снова
Все по-старому направил.
Пусть воистину воскреснет
Он — величие и сила,
Старые вернет законы,
Чтоб покаялись, кто грешен,
Чтоб трудились в послушанье:
За полтину в день — поденщик
И за двадцать пять — батрачка,
Пастушок — за семь копеек.

Так со святостью на лицах,
Ожиревшие и злые,
С мертвой, высохшей душою
Они встретят воскресенье
Не свое, а Иисуса.

А природа не проснулась.
На погосте у ограды
Ветви голые чернеют.
Песнопения уныло
Льются в воздухе весеннем.
Ветер вдаль уносит звуки.
Светлый праздник воскресенья
Заслонен вечерней мглою.

По ту сторону ограды,
Где ни кустика, ни травки,
На земле песчаной, белой,
На земле неосвященной,
От других могил в сторонке,
Есть два холмика недавних,
Еле видных в полумраке.
А на кладбище, что рядом,
Мертвецы выходят, скалясь,
И слышна их речь глухая:
— По ту сторону ограды
Две позорные могилы!
Те, кто лег в них, говорили:
«Смело, люди, поднимайтесь!»
Пули их самих сразили.
Не удастся им подняться,
Как других поднять хотели.
Что ж их голосов не слышно,
Что звучали громко, властно? —

Шепчут призраки с издевкой
И с зубовным скрежетаньем
За кладбищенской оградой.

Спозаранку солнце встало.
На погосте за оградой
В голых сучьях ветер свищет.

По ту сторону ограды
Ночью чудо совершилось:
Обе скромные могилы
Свежей зеленью покрылись.
Ярко пламенеют розы.
Неужели же природа
За одну лишь ночь воскресла?

Нет! Воскресла не природа —
Это души пробудились.
Еще с трепетом, в испуге,
Как цветы весною ранней,
Темной ночью быстрым шагом
Люди шли к могилам этим,
Украшали их цветами.
Голос грешников, который
Поднимал, будил, тревожил,
Был из-под земли услышан:
«Люди, смело поднимайтесь
К новой жизни, к счастью, к свету.
Вместе с этим новым солнцем
Дни великие сверкают».

12.V.1906

МОЙ НАРОД

Мой народ, грядущего создатель,
Ты уже разбил свои оковы,
На куски кроша их, отрывая
Вместе с кожей от живого тела.
Еще руки острыми краями
Кандалов изрезаны до крови,
Тело все твое в глубоких ранах,
На груди они алеют ярко,
Словно лепестки огромной розы.
Язвами, сочащимися гноем,—
О позор! — твои покрыты плечи.
Вся спина в рубцах и шрамах, точно
Борозды на каменистом поле:
Эти язвы — след кровоточащий
Семь столетий длившегося рабства —
Подживут — их снова растравляют.

Их скрывал ты от людского взора,
Покрывал их пеленой забвенья.
Если бы увидели их люди,
В ужасе они б оцепенели,
А потом опять о них забыли.
Такова природа человека:
Даже к страшному он привыкает,
Только новое его волнует.
Много ужасов земля видала,
Оттого она и постарела
И покоя жаждет, повторяя:
«Видывала я и не такое!
А теперь пора уж отдохнуть мне,
Насладиться всем, что накопила!»

Ты скрывал свой тяжкий гнет и цепи
За веселой, за разгульной песней,
За печалью тихой, сиротливой.
Мелкие вседневные заботы,
Бедности покорное смирение,
«Мудрая» умеренность мещанства,
Согнутые спины подхалимов,
Самохвальство наглости крикливой
Заслонить могли лишь от незрячих
Мук твоих терзающую горечь,
Грустные глаза твои, в которых
Стыд порою вспыхнет оттого, что
Опустил ты руки, а порою
Ярый гнев, и сила, и отвага.

14.V.1906

МАТЬ ПРОВОЖАЕТ МСТИТЕЛЯ

Тихо солнце осени спускалось,
Подобравши огненное платье;
Синим облачным закрывшись покрывалом,
В тьме пещер глубоких исчезало.

«Солнце милое, зачем уходишь
В глубину и тьму пещер подземных?
Как уйдешь от ужасов и ночи?»

У окна в раздумье мать поникла.

«Сын мой, солнышко, зачем ушел ты?
Двери тьмы закрылись за тобою,
Звук шагов твоих умолк за далью.
И, почуяв твой уход, вплотную
Подползает ночь ко мне. . . Когда же
Взор твой, ясный, словно звезды утра,
Эту тьму зловещую прогонит?»

Вот уже четыре дня за лесом
Виден дым на самом горизонте,
Белой тучей по земле ползущий. . .»

17.V.1906

ДУША УБИТОГО В СРАЖЕНЬИ

...Яркий свет грядущего увидит. . .

На гору теперь меня снесите,
Уложите под корнями сосен
В белую песчаную могилу.
Корни заскорузлыми руками
Пусть меня обнимут, обогреют.
Пусть меня укроет дерн зеленый,
Так легко под ним дышать мне будет,
Встать легко, трубы слышав звуки.

На крутой горе лежать хочу я,
Чтобы издали мне было видно,
Как в горячей, дымной бане братья
Обливаются кровавым потом.
Ветры горные туман рассеют,
И победу братьев я увижу.
В чистом поле соберите части
Моего изрубленного тела,
Чтобы в нужный час со мною были:
У плеча — рука, меж ребер — сердце,
И во рту чтобы сверкали зубы.

Так несите же меня, несите,
Тело больше мне служить не хочет;
Значит, надо отдохнуть немного.

Сосны осенят меня ветвями,
Тихим шелестом навеют дрему,
Раны вылечат для новой битвы
Плотью новою меня оденут.
В прежних битвах старая сносилась
Словно обветшала одежда.
Очи вытекшие будут видеть,
Вырванный язык — греметь словами,
Двигаться — отрубленные руки,
Грудь простреленная — подниматься,
Сердце — словно пламя, ввысь стремиться.

Бережно несите по тропинкам
На гору истерзанное тело.
Где росы кровавой капнет капля —
Огненные цветики укажут
Место моего успокоенья.
Девушки придут ко мне с цветами,
На ресницах — горькие слезинки,
А на сердце — ласковые речи:
Воин никогда таких не слышал.

Золотые девушки, не плачьте!
Сладко спит сраженный в битве воин.
Плачьте лучше, девушки, о слабых;
Тем, кто в бой идет, цветы отдайте,
Тем, кто бьется, — ласковые речи.
А слова погибшего героя
В глубине души своей запрячьте,
Чтобы враг не вырвал их оттуда,
Чтобы соглядатай не подслушал.
В памяти мое храните имя,
Вздохами легчайшими окутав,
Пусть оно там почивает мирно
До поры, пока зальются трубы.

А душа убитого в сраженьи
Будет спать под холмиком песчаным,
Осененная ветвями сосен.
В теплый полдень из могилы легкой
Будет выходить она на волю,
На песок усидится погреться;

Вон пастух, в лесу оставив стадо,
Видит сны с открытыми глазами;
Вон смеются батраки на ниве —
Те, что век смеяться не умели;
Вон домой идут на отдых ранний
В белоснежных праздничных одеждах
Те, что отдыха вовек не знали,
Те, что век скитались безнадежно
По миру, гонимые судьбою,
И теперь нашли покой желанный.
Сосны, вскинув гордые вершины,
Взоры устремят в простор широкий
Через нивы, и леса, и горы
До полосы голубой тумана.
И душа моя, в ветвях качаясь,
Взоры устремит в простор бескрайний
Через нивы, и леса, и горы
До полосы голубого моря,
О котором ей без слез не вспомнить.

Теплый воздух будет подниматься
И, на маковку сосны высокой
Вместе с ним взлетев, душа увидит
Даль, которую не видят сосны.
В полночь солнце сказочное встанет,
Разольется над моим народом
Нерушимое сиянье счастья;
За него боролись мы отважно,
За него легли в могилу рано;
И душа сквозь время и пространство
Яркий свет грядущего увидит.

18—19.V.1906

ЧЕТЫРЕ ВЕТРА

Их четыре — два больших, два малых.
Вместе шли они и дни и ночи,
Во все стороны кладя дорогу,
Дождевые тучи угоняя,
Осушая топь, лесные тропы,
Легкий путь везде готовя смелым.

* * *

Солнце смелых щедро согревало.
Шли весь день они до темной ночи.
Яркий месяц, блещущие звезды
Их вели во тьме дорогой верной,
Ни на миг очей не закрывая.
Лес густыми прятал их ветвями,
Нес им шумом отовсюду вести.
Где они по нивам проходили,
Рожь примятая вдруг поднималась,
Провожая, кланялась им в пояс.

* * *

С дальних мест, со всех концов округи
Группами вперед они спешили
По три, по четыре, по десятку,
Разделяясь и сливаясь в сотни.
И на солнце при ходьбе сверкали
Вилы, ружья, топоры и косы.
Тихо все идут и исчезают.
Кто же это? Призраки могилы
Или же обманчивые тени?
Чуть мелькнут — и в поле их уносит.
Вот еще... еще... куда ни взглянешь.
Так ручьи в лугах текут весною
И, журча, спешат, спешат все дальше.

22.V.1906

У СОЖЖЕННОГО ДОМА

Вместо рощицы — пустырь унылый.
Вырублено все. Зола и пепел.
Для чего же пни здесь корчевали?
Только отвернись — и вкось работа!
Где ж лесок? Взойду-ка на пригорок.
Ничего не вижу. Дом-то где же?
Ведь отсюда он как на ладони.
Иль сошел с ума я, что не вижу?
Или дым, туман глаза мне застыят?

Иль я у соседей заблудился,
Не узнал жилья отцов и дедов?
А всего три месяца скитался,
Укрываясь от убийц проклятых,
Что гнались по следу новой власти.
Нет, я не ошибся. Здесь был дом мой.
Что ж мутит мне разум злым виденьем?
Нет как нет! Иль взор туманит радость?
Аромат родной земли вдыхаю,
Той, где я родился и где буду
Отдыхать, в ее вернувшись лоно.
Что за нежности! Но дом мой где же?
Подхожу. Там хлев был, там сарай...
Где же сад? Где яблоньки родные?
Что виднеется там черной кучей?
Подбегаю ближе, задыхаясь...
Гарь и уголь... Пепелище дома...
Жалобно сверчки одни стрекочут.
И к земле припал я и заплакал.

Голосок привычный, серебристый,
Одинокой грустью исходящий,
Раздается здесь, на поле смерти.
Иль самой земли он порожденье,
Голос пережитой ею скорби?
Но куда девались все родные?
Или в землю прах их лег обратно?
Где мой маленький курчавый мальчик?

23.V.1906

ВЕЛИКАЯ ЗАГАДКА

Повелел нам всем народ латышский
Отгадать грядущего загадку.

Дети, отгадайте мне загадку,
Думайте о ней, пока пою я,
Думайте, приглядываясь к будням,
Думайте, ища свой хлеб насущный,
Думайте, ни одного мгновенья
Из ума ее не выпуская.

Думайте о ней на людях, дома,
Думайте за плугом, над косою,
Ночью и вставая на работу,
Думайте, прядя, беля холстину,
Над шитьем и под пастушью песню.
Вам всю жизнь отгадывать загадку,
Лишь о ней мечтая, жить народу,—
И тогда увидит он век солнца!

Дети, отгадайте мне загадку:
Ты велик душой или ничтожен,
Можешь ли по своему желанью
Колесо вертеть судьбы народа?
Отгадай великую загадку,
Душу напруги, свой дух и сердце
И войди стремленьями всей жизни
В будущее своего народа!
Только весь народ объединенный
Разгадает ту загадку — или
Сгинет, средь народов растворится,
И потерян будет ключ к загадке:
— Свободная Латвия.

24.V.1906

ЧЕРНАЯ СОТНЯ

- Заскулили ветры над могилой,
Зарычали глотки: — Чтоб ты умер!
Заскрипели перья: — Чтоб ты умер!
Засвистела сабля: — Смерти! Смерти!
Зашипели змеи пуль: — Умрешь ты!
Кандалы запели, вторя дружно:
— Ты умрешь, умрешь ты без сомненья!
Тщетно рвешься ты из стен тюремных,
Тщетно хочешь сбросить путы рабства!

Все они от радости скрежещут:
— Где теперь твой вольный дух, мятежник?
Рухнул ты, придавлен, неподвижен!
Латвию убитые покрыли.

Курземе, и Видземе, и земли
Малены, Латгалии в потоках
Буйной крови, брызнувшей из тела.
Этой кровью все залется пламя
Подожженных в мятеже поместий!

25.V.1906

РАНЫ НАРОДА И ЧЕСТЬ НАРОДА

Для чего свою ты прячешь рану,—
Если сквозь повязки кровь сочится?
Ложь речей и власти славословье,
Вымученное твое веселье,
Позолота звезд и пожеланий
И врагу угрозы и проклятья —
Всё на свете
Скрыть не в силах той глубокой раны,
Что сочится тихо кровью сердца.

Ведь она не заживет вовеки,
Болью будет мучить в непогоду
И, когда придет победы радость,
Выдаст всем тебя гримасой боли.
А настанет час с врагом сразиться —
В самый грозный миг рука ослабнет.

Мал твой рост и слишком слабо тело,
Средь больших народов ты — ребенок,
Маленькая девочка-крестьянка.
Пахарь ты, народ трудолюбивый,
С мирным нравом и привычкой к дому.
Где герой твой, находящий смелость,
Чтоб не только огрызаться волком
В окруженьи своры псов рычащих,
Но и гнать гонителя отважно.

А героев время наступило! . .

Где же у тебя герой великий,
У кого в груди живет отвага,
В голове всегда большие мысли,
А в душе всегда большое чувство?

Погибают без конца, без счета
В общей яме, залитые кровью,
Люди с выплаканными глазами.

Не вода в ручьях, а ржавь болота,
Много слез, но больше льется крови.

В час, как шли враги по нашим нивам,
Были золотом их рты набиты,
Сапоги налиты нашей кровью.

Тут конец моей некроткой песне,
Долгой же борьбе — конца не видно.

Сказано: презрен народ, который
Неспособен к жертвам ради чести,
Сказано: кто жизнь свою спасает,
Тот ее теряет без возврата!

26.V.1906

ИДУЩИЙ ПОВЕЖДАТЬ

Бодро шел ты за победой светлой,
Грусть мою врачуя ярким словом:
«Новые порядки будут в мире!
Прочь враги трусливо убегают,
Кто еще остался — к нам приходит,
Вороны весну как будто кличут,
Солнце в нашу сторону стремится,
И великий день не за горами.
Будут нами править мир и счастье,
Что везем мы в пышной колеснице».

Бодро уходил ты, сын мой милый,
Но когда вернешься, ненаглядный,
Чтоб одна я долго не грустила,
Чтобы утром вышла на дорогу
И с улыбкой на лице счастливым
Встретила, как будущее, сына?
Чую я ликующую силу,
Сына молодость ее взрастила,

Это не умрет, хотя б ты умер,—
Солнечное счастье предо мною.

В горести тебя я воспитала,
Руки оттянул ты мне младенцем,
Нарезая хлеб тебе, согнулась,
Сгорбилась, когда ходить учила.
Но ты жизнь мне снова возвращаешь!
Ты когда вернешься, ненаглядный,—
Помощь и поддержка мне, старухе?
Не хочу теперь тебя тревожить,
Ты к победе шествуй безмятежно,
Тех с собою поднимая к солнцу,
Кто так долго прозябал в неволе.
Мать твоя, с веселою надеждой
Гордо ждет тебя одна во мраке.

Волосы твои поцеловать бы!
В носовой их завяжи платочек
И пришли мне из чужого края,
Чтобы сердце матери утешить.

27.V.1906

У МАТЕРИ ОТНЯЛИ СЫНА

Злые звери рвут меня на части,
Отрывают душу, плоть от плоти —
Сына, порожденного в страданиях.

Я тебя к груди своей прижала,
Косами лицо твое укрыла,
Окружила рук своих броней,
Спрятала на материнском лоне,
Для людей во все века священном.
Лютый зверь, переломи мне руки,
Вырви волосы мои седые,
Материнское святое тело
Растопчи тяжелыми ногами,
Лишь тогда отнять ты можешь сына,—
Мной рожденный, он со мною сросся,
Связан сердцем, жилами и кровью!

И они мои седины рвали,
И ломали твердые ладони,
Вывернули локти из суставов,
Отрубили на́прочь эти руки,
Что за тело сына ухватились,
Но и омертвев, в крови горячей,
Все равно они на нем висели.

Сын мой, ты теперь четверорукий,
Силу двух мужей ты, сын, имеешь,
Ты теперь как победитель мира —
Ангел смерти с четырьмя руками.
Вам, таким, принадлежит победа!

Что же вы бледнеете, убийцы,
Материнские увидев руки
На плечах его кровоточащих?
Им вовек не разлучаться с сыном!

11.V.—1.VI.1906

ТРУХА СМЕРТИ

Как мука, летит вся жизнь по ветру,
И нужда растерла жерновами
Твои кости, твое сердце, душу.

* * *

Все, что даст земля, то враг отнимет
Где ты раз в году пахал и сеял,
Трижды враг пройдет, собирая жатву,
Чтобы и зерна не оставалось
Прокормить тебе детей голодных.
Истребить народ — врага задача.

* * *

По земле сейчас Судьба шагает
С решетом, наполненным разрухой,
Пыль невзгод нам на головы сеет.
Серая, тяжелая, покрыла,

Словно ржавчина, она все травы,
Пеплу извержения подобна.
Никнут зеленеющие ветви,
Вместе с ними головы и души.
Так Судьба, развеяв всюду горе,
Сор, что в решете у ней остался,
На латышские кидает нивы
Грубую труху голодной смерти...
Пасть ее со злобой извергает
Смертный пар над нашими полями,
И на сотнях нив посохло семя,
Падает на землю, вянет колос.
Небо так черно, а дни белесы.
Гром про судный день уже вещает,
И кровавые уносит вести
Буря к братьям над Невой широкой.
2.VI.1906

* * *

Лишь воля может мне помочь
Стряхнуть неподвижность и усталость.
Противно — вечно кровь и ночь...
Где ж синь небес и солнца алость?

Всё это стерпит лишь народ,
А человека вне народа
К земле обуза крови гнет,
Сколь ни сильна его природа.

Тот груз кровавый наземь сбрось,
Замкни в кровавых песнях гневных,
Чтоб сердце жизнью вновь зажглось,
Дыша и в ужасах вседневных.
28.VIII.1906

ПО ПОЛЯМ РОДИНЫ

— Эй, вечерний ветер, в путь-дорогу!
Что в своем углу дрожишь ты темном?
Плащ дождя и шапка из тумана,
Мы со свистом полетим над нивой —

Только тучи закружатся следом
В треске разрывающихся капель!

* * *

— Эй, вечерний ветер, в путь-дорогу!
Полетим, посмотрим, что там люди
Делают, с осенней кончив жатвой,
Новые постлав покровы сева,
Животы наполнив до отказа.

* * *

— Ты куда с большой повозкой сена?
Конь твой от натуги еле дышит.
— Это сено лошадям драгунским.
Своему Гнедку — солома с крыши.
— Эй, вечерний ветер, мчимся дальше!

* * *

— Ты порожняком откуда едешь?
Понабив сарай, спешишь ты к дому?
— Гонят нас с подводами в именье,
А своя стоит работа в поле...
— Эй, вечерний ветер, мчимся дальше!

* * *

— Что ж ты, человек, коня так гонишь?
Разве ты сейчас спешишь на свадьбу?
— Я гоню во весь опор в именье,
Догонять «воров» приказ мне отдан.
Не задерживай! В именьи пули,
И меня те пули ожидают.
— Эй, вечерний ветер, мчимся дальше!

* * *

— С вилами, дубинами куда вы?
Иль охотиться на жирных зайцев?

— Не к чему смеяться, незнакомец!
За «лесными братьями» в погоню
Гонят нас. Отстанешь — двести палок!
Так хозяин в нас вселяет бодрость.
— Эй, вечерний ветер, мчимся дальше!

* * *

Старики идут и молодые
По приказу барского имения
На невыносимую работу.
Платят барщину они, оброки,
Предают родных своих и братьев.
Пот течет с них, слезы жгут им щеки...
— Эй, вечерний ветер, мчимся дальше!

* * *

Повстречались барские холопы.
— Завтра вновь на барщину, в дозоры!
Всем выплачивать долги на месте.
Строгий штраф наложен на всю волость.
Весь батрацкий род пороть нещадно,
Сжечь пять изб бунтовщиков немедля,
Шестерых — по жребию — к расстрелу!
— Эй, вечерний ветер, мчимся дальше!

* * *

Повстречались люди из имения.
Человек в телеге, рядом мальчик.
— Ты откуда, мальчик? Из имения
Ты отца везешь, где пил он пиво?
— Нет, не пил отец в имении пива,
Кровь отца в имении этом пили.
Лижут псы ее сейчас в конюшне,
Там, где получил он двести палок.
— Эй, вечерний ветер, вей крылами,
Охлади бедняге эти раны
И лети проведать люд крестьянский!

Нивы черные в дождях намокли,
Хлеб в полях стоит, еще не убран,—
Даже птицы не клюют здесь зерен,
В плесени неубранное сено.
Даже звери травки здесь не тронут,
Не молочен сноп, земля без пашен.
— Молотить кому, коль молотильщик
Сам иссечен тяжкими цепами?
И пахать кому, когда сам пахарь
На полу лежит, избит до крови?
И кому смотреть за домом, если
За хозяином в остроге смотрят?
И косить кому, когда, подкошен,
Сам косарь лежит, в лесу зарытый?

А в лесу — обугленные сосны,
Кирпичей обломки, сруб горелый,
Груды щебня, ржавый лом и пепел.
А когда-то дом был с прочной клетью...

Стой, вечерний ветер! Кончен путь наш.
Молоти снопы, смотри за домом,
Подмети получше пепелище,
А золу снеси в большую кучу.
Над хозяином, лежащим в яме,
Ты насыпь песку сухого с дюны,
Чтоб костей не растащили волки!

Оставайся здесь, вечерний ветер.
С утренним теперь помчусь я ветром!

22—24.XI.1906

13 ЯНВАРЯ

Отчего сугробы стали таять,
Ведь зима не повернула к лету?
Отчего снега в полях алеют,
Ведь заря багряная не встала?
Отчего так стелются туманы,
Ведь поля еще не обогреты?

Лес еще от инея седеет,
И река еще лежит в оковах,
И глаза озер синеют сонно —
Далеко еще до пробужденья,
Что придет весеннею порою.
Что же это, отчего я вздрогнул?
Теплая капель на грудь упала.
Милая земля моя родная,
Далеко еще до пробужденья,
Что придет весеннею порою.
Что же ты в ненастье содрогнулась?
Теплая на грудь твою упала
Кровь твоих детей, земля родная,
Что убиты вражеской рукою.
Таяли снега от этой крови,
И простор алел от этой крови,
Поднялся туман от этой крови.
Мать-земля, скорее просыпайся,
Скинь снегов кровавых покрывало
И зеленым одевайся шелком,
Наряди поля и рощи в бархат,
Растопи нам солнечную печку!

Выдают сынов следы по снегу,
Голые леса укрыть не могут,
Им в мороз без крова не согреться,
От врага жестокого скрываясь. . .

1906

ЖАЛОБА ЗЕМЛИ

Матери-земли душа пылает.
Как немой ей в жалобе излиться?
— Где же это жизни обновленье,

Что обещано в сказаньях древних,
В песнях, распевавшихся от века —
Новое рождение и солнце?
Сладкой я давно полна истомой,
Тайну я живую слышу в жилах,
Я давно уж в праздничных одеждах —
Только новой жизни все не вижу. . .

* * *

В клочья мне одежду разодрали,
Травяной ковер мой весь истоптан,
Нивы мои все еще пустуют,
Новой жизни я нигде не вижу.
Кто же разодрал мои одежды?
Разорил тучнеющие нивы?
Кто бесплодным сделал это лоно?

* * *

Рожь, пшеница и ячмень усатый
Морем шелестящим расстилались,
Что ни год мне радовали сердце
В буйном половодье урожая.
А теперь, куда ни глянь — не поле,
А сухие, голые пригорки!

Лишь зима — она ведь милосердна —
Саваном их снежным покрывает.
Где теперь луга те заливные,
Что пестрели яркими цветами?
Высохли они, соломой стали,
Жесткою топорщатся осокой.

Где теперь зеленые лужайки?
Шелестит лишь мятлица сухая,
Мелкий вереск выгоревших просек.
Высосано поле под парами
Цепкой порослью чертополоха.
Сорняки, сурепица повсюду
Расползлись унылой желтизною.
Лозничок, который прежде жался
На межах и по краям оврагов,

С сорняками наползает в поле...
Говори, кричи о том повсюду —
Мне, немой, не высказать ни слова.

Что же пахари так разленились?
Почему не могут хлебопашцы
Злые сорняки убрать с посевов,
Ржи, пшенице дать почет и место?
Волосы мои косой не снимут,
Щеки-нивы нежно не погладят...
— Мать-земля, напрасно их винишь ты.
Пахари твои не разленились,
И спины они не разгибали,
Не дали костям итти на отдых,
С той поры, как «рабство отменили»,
Стала вдвое их трудней работа,
Вдвое тягостней ярмо на шее.
На телах их пот не высыхает,
На ладонях множатся мозоли.—
Матери-земли душа пылает,
Но о скорби рассказать не в силах.

— Или дерн стал вдвое тяжелее?
Или травы стали вдвое жестче?
Вдвое глубже режут грудь мне плуги,
Вдвое больший урожай рашу я?
Что ж выходит пахарь невеселым
И пастух без песен гонит стадо?
Косы блещут, а певцов не слышно.
Разве я весной не наряжалась,
В солнечных лучах смеясь, играя?
Почему невесел пахарь в поле?
За меня ответь! Уста немые
Даже жалобы излить не в силах.

— Мать-земля, напрасно упрекаешь.
Пахари с корыстью незнакомы.
Вся их жизнь — тяжелый труд да песня.
— Отчего ж тогда поля пустеют,
И куда все пахари девались?

Тишина вокруг подобна смерти.
Чем детей своих я обижаю?
Я нема, я упрекать не в силах.
Говори же за меня, и громче!

— Мать-земля, рыдай и плачь, родная!
Убежали, скрылись твои дети
В темный лес, в неведомые дали,
В край чужой копить добро чужое,
Убежали, скрылись твои дети
В дымный город, в душные строения
В рабстве умножать добро чужое.—
Матери-земли душа пылает.
— Чем своих детей я обижаю,
Что бегут от материнской груди?

— Мать-земля, рыдай и плачь, родная!
Ты своих детей не обижала,
Но дела большие совершились.
У тебя нет пахарей свободных,
Есть батрак голодный и хозяин.
Бедняки, лишенные надела,
Кто куда давно уж разбежались. . .

— Кто же от моей их гонит груди?
Или в рабство увели их войны?
Почему ж не слышно гула пушек?

— Не было ни войн, ни гула пушек.
Злое дело совершилось тихо.
Старое ярмо с тебя не снято,
А уж новая ложится тяжесть.
Под суровым гнетом двух хозяев
Вдвое тяжелей работа станет.
У твоих детей ярмо двойное. . .
Мать-земля, рыдай и плачь, родная!

— Тише! Ведь слова твои смертельны.
Где же обещанье новой жизни?

Мать-земля молчит в глубокой скорби.
1906

ИЗ ПОЭМЫ „СУД В ТАЛСИ“

Души мертвых простились в ветре,
Провожая стоном день и лето.
И дохнули холодом ворота,
В ночь и смерть ведущие пришельцев.

Вечером в ноябрьскую субботу
С гулким, ржавым скрежетом открылись
Старые тюремные ворота.
Пятерых ввела в ворота стража
Светлолицых юношей героев.
Краткий после жаркой битвы отдых
Им тюрьма дарит, а на рассвете
Ждет иной страдальцев горький отдых. . .
Поминальный ветер глухо стонет.

. . . . .
Осеньет мысль чело героев,
Лучшая из самых лучших мыслей
Человечества и всей вселенной.
Через смерть — рождение новой жизни,
Через их страданья — путь к свободе.
Ведь они глашатаи свободы,
Ей отдавшие свое дыханье:
Говорят, не говоря словами,
Говорят они горячей кровью.
Пламя крови их — цена свободы,
За свободу многих сотен тысяч
Отдают себя они бесстрашно.
Юноши с улыбкою надежды
Помышляют о народном счастье.
Вспоминают давнее насилие,
Вспоминают о былых обидах,
О высоких, светлых и прекрасных,
Но растоптанных ногами чувствах,
О страданиях неотомщенных
И неумирающих надеждах.
Юные борцы в любви к народу
На последнее идут сраженье.
Побеждая смерть, они уносят
В черный мрак могил свои страданья.

. . . . .

На лужайке невысокий холмик.
Всё. В молчании толпа уходит.
Будет вечно жить героев слава,
Вечное презрение потомства
Ждет тебя, палач, презренный Раден!

Яблони весной могилу вашу
Освежат душистым белым цветом,
Ветер осени в печальных стонах
Вашу смерть прекрасную оплачет.
Что ж вы плачете? Не надо стонов.
Никогда герой не погибает.
Через смерть, из крови их и праха
Рати мощные борцов родятся.

29.XI.1906. 9—11.VII.1914

ЧЕРНИЛА И КРОВЬ

Когда поднялся шквал над всей страной,
Казалось вам: чернила в том виной,
Которыми писатели смогли
Поднять простых людей своей земли.

Но если сызнава народ
В смятение великое придет —
Призывом будет против вас
Та кровь, что льется из-за вас сейчас! . .

3.I.1907

РЖАВАЯ ЦВЕЛЬ

Где некогда весело
Косы пели —
Болото затянуто
Бурой цвелью.

Там мальчик скитается
Без ответа,
Зовет как потерянный:
«Тятя, где ты?»

Не жди — не придет он,
Лежит, застрелен,
Под буро-коричневой
Ржавой цвелью.

4.I.1907

ОПЯТЬ НОЧЬ

Кругом лежала ночь.
Дремали все, недвижно, одиноко,
Объяты страхом; тягостный, глубокий
Сон охраняла ночь.

И если где звенел
Вдруг голос, он звучал так бесприютно. . .
Лишь тени белые вздыхали смутно:
«О ночь, где ж твой предел?»

Вновь, как когда-то, ночь. . .
Кровавый дождь и буря в бездне черной. . .
Но молотами бьют бойцы упорно
И не отступят прочь.

«Нам новый голос прозвенел,—
Поет их молот,— день сиял, хоть краток.
Не дрогнем мы, наш шаг не будет шаток:
Мы видим тьмы предел!»

4.1.1907

БЕДНЫЙ БРАТ

Где мать? где отец? Где товарищи?

Один я стою на пожарище,
Все отнято, милый мой брат!

— Да, все они могут отнять.

— Но только не в силах заставить тебя застонать!

Твое это, бедный мой брат!

А руки мои окровавлены,
Веревками крепкими сдавлены,
Свободы лишился я, брат!

— Да, все они могут отнять.

— Но только не в силах заставить тебя застонать!

Твое это, бедный мой брат!

В тюрьму меня бросить намерены,

И там я погибну, затерянный.

Мне солнца не видеть, мой брат!

— Да, все они могут отнять.

— Но только не в силах заставить тебя застонать!

Твое это, бедный мой брат!

Иль в степи угонят холодные,
Голодные степи, бесплодные. . .

Без хлеба томиться мне, брат!

— Да, все они могут отнять.

— Но только не в силах заставить тебя застонать!

Твое это, бедный мой брат!

Под пули, быть может, поставленный,
Лежать буду всеми оставленный,
В могиле безвестной, мой брат!
— И жизнь они могут отнять.
— Но все же не в силах заставить тебя застонать!
Как гром то молчанье раскатится,
Другими твой подвиг подхватится:
Твое это, бедный мой брат!

14.1.1907

БЮРОКРАТ И ОРДЕНА

Сколько ты мог — вымогал, воровал,
Льстил, пресмыкался, шпионил и врал.
Все, что позорно, ты на душу брал.

Вот и случилось, что в пятнах ты весь.
Что ж! Ордена на те пятна навесь!

5.II.1907

УМЕРЕННОМУ

Ты чтишь свободу, виселицу — тоже;
Народу служишь, служишь и вельможе;
Всегда быть хочешь осторожней, строже,
Меж крайних — ищешь средний путь без гнева,—
Зато и бьют тебя как справа, так и слева!

5.XI.1907

НЕПРОЩЕННЫЙ ДОЛГ

— Где отцы? — кричат убийцам дети.—
Требуем за кровь от вас ответа!

— Где мужья? — кричат убийцам жены.—
Требуем за кровь от вас ответа!

Девушки кричат им о любимых:
— Требуем за кровь от вас ответа!

Матерей же голоса всех громче:
— Тех, кого в мученьях мы родили,—

Наших сыновей вы убивали,
Латвию и все края другие

Залили их кровью драгоценной!
Вы в долгу за эту кровь пред нами,

Этот страшный долг вам не простится,
Как и вы долгов нам не прощали,

Взыскивали всё с нас до копейки,—
Так и мы с вас кровь до капли взыщем!

8.II.1907

СОВРЕМЕННЫЙ ВРАЧ

«О врач! Полны мы ожиданья,
Приди и прекрати страданья:
Несчастный выживет едва ли,
Ему уж двести палок дали! . .» —

«Всего две сотни? Ну, так что же:
Пятьсот такая стерпит кожа. . .
Мужик привык, живуч к тому ж. . .» --
«Тебя бы так, ученый муж! . .»

8.II.1907.

БЕСПАРТИЙНЫЙ ПОЛИТИК

Нет! Тебе не надо
Рисковать собой:
Встать с другими рядом —
Значит лезть на бой.

Шалый да безумный
Лезут напролом.
Правильней — бесшумно
Скрыться за углом. . .

Победит же кто-то,
И придет пора —
Распахнув ворота,
Крикнешь ты: «Ура!»

1905, 26.11.1907

БАНЯ

Выйди, народ, настезь двери открой.
Свежий воздух глотни струей!

Выпарен ты в бане,
Сжат тисками страданий,
Дымом глаза твои съело,
Розгой исхлестано тело.
Снова подбавлен жар в парной,
Снова лоза свистит над тобой.
Ты огневою водою облит,
Ты холодным потом покрыт.
Ужас, смертный ужас спирает дыханье...
Выпарен ты в бане.

Старый пот с твоего горба,
Дрожь, сомненья, бессилье раба
Поркой и паркой свели с тебя.
Выпарен ты в бане.

Так выходи же, чистый, вон,
Ты теперь обновлен, силен.
Все бывшее сброшено, как сон,
Все отмыто, и молод ты,
Тело и дух навек чисты.
Выпарен ты в бане.

Выйди, народ, настезь двери открой,
Все, что мешает, отбрось ногой.
Долгий еще путь пред тобой!

1.III.1907

СОСУД ЖИЗНИ

Проснулась пташек лесных семья,
Щебечет спросонок о чуде,
А солнце восходит уже, неся
Всем жизнь в золотом сосуде.

И каждый прильнуть к этой чаше рад,
А счастье всем головы кружит,
И люди целуются, плачут, шумят,
От зимней спасенные стужи.

С надеждой смотрят больных глаза
В лазурь, залитую светом,
И все, кто грустит, чья горька слеза,
Спешат издалека с приветом.

Великой жизни бежит тепло
По бледным и горестным лицам.
И высохли слезы, в душе светло,
И тень морщин не ложится.

А солнце в лазурный вздымается свод,
Огнем чудесным сияя.
Ушли даже тени былых невзгод,
Всех радость озаряет.

О солнце, жизнью налитый сосуд,
Дай силу ты нам и дерзанье!
Рассеяв тьму, наши дни зацветут,
Грядущего выстроим зданье!

1902, 22.III.1907

ЩЕДРАЯ РУКА

Мне щедрая судьба дала, любя,
Блеск солнца и зеленые просторы,
И за рекой синеющие горы,
И ночью черной звездные узоры,—
Но здесь нет дома, моря и тебя.

6.IV.1907

ПЕСНЯ МАЯ

Пусть снег метет, кружат бураны,
Пусть хлещут ливни, бор шумит,
Пусть злобно воют ураганы,
Пусть град сечет и гром гремит.

Пусть на пути вся нечисть встанет,—
И все ж придет весна, придет!
И май свободный зацветет,
Свободный гордый дух воспрянет!

Не задержать вам Май!
Придет весна в мой край!
Рабочий, свергнув рабства гнет,
Свободу обретет!

Пускай, наставив жерла пушек,
Стреляют в нас, разят огнем,
Пускай грозят: «Мы вас задушим,
И кровью землю мы зальем...»

Пусть жгут дома и сеют горе
И сотни, тысячи смертей,
Пусть в злобе не шадят детей,—
И все ж народ в борьбе упорен!

Не задержать вам Май!
Придет весна в мой край!
Рабочий, свергнув рабства гнет,
Свободу обретет!

Пускай предательством шпиона
Борец в темницу заточен,
В цепях, под пыткой, непреклонный,
Не дрогнет он, не сдастся он.

Пускай его пытаются снова,
Безжалостно глумясь над ним,
Ведь дух борца непобедим,
Его не заковать в оковы!

Не задержать вам Май!
Придет весна в мой край!
Рабочий, сбросив рабства гнет,
Свободу обретет!

Не думайте, враги, что сила
Ослабнет от невзгод у нас!
Мы сила та, что хлеб взрастила,
И он пробьет — ваш смертный час!

Без нас не вырастет пшеница,
Без нас культура пропадет,
Без нас живое все замрет!
И нам в победе усумниться?

Не задержать вам Май!
Придет весна в мой край!
Рабочий, сбросив рабства гнет,
Свободу обретет!

Порой мы терпим поражение,
Но все равно нас не сломить.
Мы снова ринемся в сражение,
Не можем мы не победить!

Ряды сомкнуть пора настала.
Иного нет у нас пути.
В бою свободу обрести
И сбросить иго капитала!

Не задержать вам Май!
Придет весна в мой край!
Рабочий, сбросив рабства гнет,
Свободу обретет!

Мы в битву двинули колонны
Не ради мщенья и войны.
В борьбе за счастье миллионов
Великой правдой мы сильны.

И, не боясь штыков, винтовок,
Мы завоюем города.
Мы к жизни вольной навсегда
Трудящихся поднять готовы.

Не задержать вам Май!
Придет весна в мой край!
Рабочий, сбросив рабства гнет,
Свободу обретет!

В борьбу, которой мир расколот,
Вошли защитники труда.
Бесправие, нужду и голод
Мы уничтожим навсегда.

Пора народам угнетенным
Капиталистов сбросить гнет,
И песня майская зовет
К борьбе упорной, непреклонной.

Не задержать вам Май!
Придет весна в мой край!
Рабочий, сбросив рабства гнет,
Свободу обретет!

В любой стране рабочий с нами!
Единством воли мы крепки.
Везде, где реет наше знамя,
Рабочих строятся полки.

Мы славим Май! Кругом природе
Он обновление несет.

Мы славим битву, что ведет
К победе, к счастью и к свободе!

• Не задержать вам Май!
Придет весна в мой край!
Рабочий, сбросив рабства гнет,
Свободу обретет!

24.IV.1907, 1911

ВИШНЯ И ЛУГ

Нагибая бусы ягод,
Вишня к лугу гнется кроной.
Соблазнительно, с улыбкой
Зыбля сладкий дар склоненный,
Луг поймать его стремится
В фартук шелково-зеленый.

27.VI.1907

ПОВИЛИКА

I

Крошка-повилика,
Беленький цветок,
Я тебя встречаю
Возле всех дорог.

Где б ни проходил я —
По земле отцов,
На Литве, в России —
Посреди лугов,

Всюду у дороги
В душный летний зной
Ты белеешь скромно,
Цветик мой родной.

II

И теперь далеко,
В чуждой стороне,
Вновь ты у дороги
Улыбнулся мне.

Что ж ты, повилика,
Дома не сидишь?
Кто тебя обидел?
Почему молчишь?

Оба мы скитальцы,
Бедная моя,
И таим обиду
Вместе — ты и я. •

III

Сожжены селенья,
И в крови лежат,
Пулею убиты,
И отец и брат.

А кто жив остался,
Тот в тюрьме сырой
Иль в далекой тундре
С нищенской сумой.

28.VI.1907

КАПЕЛЬКИ РОСЫ

Блещет озеро средь трав,
За лесами день встает.
То мое восходит счастье,
Из глубин сердечных мук
Расцветая.

Тускло озеро блестит,
Горе в сердце у народа.
Но туман уйдет с озер,
И народ увидит солнце!

5.VII.1907

АЛМАЗ

Прекрасен в перстне твой алмаз!
Погасший уголь, из тысячелетней
Подземной тьмы он блеск донес до нас.
Еще прекрасней, тверже, многоцветней
Познавшее страданий острие —
Сердце твое!

6.VII.1907

ЖИВОЕ ПЛАМЯ

Солнцем жизнь озарена
Многие тысячелетья.
Пусть проходят племена,
Но из рода в род нам светит
Дух свободы. Им полна
Солнца вечная весна.

13.VII.1907

ВОТ ОНА, ЗОЛОТАЯ КАЗАНЬ!

Вот она, золотая Казань!

Усыпляет равномерный
Шум колес у парохода,
Обнимает ветер шею,
Нежный ветер веет снизу.

Опираясь о перила,
Как во сне, я отплываю.

В блеске солнечном мелькают
Города, заводы, села,
Толп волнующихся полны,

Полны солнца, силы, смеха,
Красоты, здоровья, жизни!

28.VII.1907

ДАЛЕКИЕ ОКНА

Окна вдали пылают,
За рядом светится ряд.
Вечернего красного солнца
В них отразился закат.

Они горят за рекою,
Далеко к ним идти.
Глядеть в них любит солнце
В конце дневного пути.

Во тьме приятен взору
Вечерних окон вид.
Везде печальные тени,
А там еще пламя скользит.

31.VII.1907

СЕРЫЙ И ЧЕРНЫЙ БАРОНЫ

— Барон на себя остается похожим —
Обтянут он черной иль серою кожей. . .

Немецкий — черный, латышский — серый,
Но скроены мы одинаковой мерой.

Пускай нас в корчме отделяют стеною,
Сидим за одною мы кружкой пивною.

Плюет на серого черный порой,
Но все ж на один мы пошиты покрой.

Хоть споры меж нами бывают подчас,
Но враг ненавистный один лишь у нас:

Батрак безземельный и вечно голодный,
Рабочий, что требует доли свободной.

У нас и земля есть, и мощь капитала,
И нашею власть на родине стала.

Но есть у нас много и общих забот:
Что, если восстанет батрак на господ?

Нам надо быть вместе — и серым и черным,
Чтоб шеи свернуть тем чертям непокорным.

Преследуем оба мы цель не одну ли?
Социалистам — веревку и пули!

Обоих нас «братья лесные» страшат,
Мы щиплем вдвоем батраков, как цыплят.

Мы вместе их давим ярмом беспощадно,
Чтоб было им впредь бастовать неповадно!

Батрацкую дерзкую зная натуру,
Сдерем с бунтаря мы последнюю шкуру!

Мы рядом идем к одинаковой цели,
Поссориться можем мы лишь при разделе.

С бароном барон останется схожим —
Обтянут он черной иль серою кожей. . .

9.VIII.1907

ВРЕМЯ — ДЕНЬГИ

«Время — деньги!» — молвит ныне
Богатей, мощной звеня.
Время есть и у меня,
А вот денег — нет в помине!

15.X.1907

РОСА И ЯГОДЫ

Осенний голый кустик при дороге
В багряных каплях, в белых каплях весь,—
Цвет слез и крови. Грудь полна тревоги:
Не путники ль их проливали здесь?

Нет, это лишь роса и россыпь ягод,
Что осень тут поберегла для птиц.
Так пусть же в сердце тени мук не лягут!

Боль уврачуй, к природе дух склоня,
Забудь о прошлом. Верь приходу дня!

2.XI.1907

Последний грош
Пришлось отдать...
А дальше что ж —
Кулак глодать?

Детей корми
Травой одной?
Иль — черт возьми! —
Иди с сумой?

Нет, никогда
Таким путем,
Хоть зла нужда,
Мы не пойдем...

Я — человек!
И этих прав
Не взять вовек,
Меня поправ...

Пускай в суде
Закон решит,
Защита где
От злых обид?

И суд решил:
Кто в поле жнет,
Кто рожь растил —
Без хлеба тот...

А все тому,
Кто ел да спал,
В своем дому
Забот не знал...

. . . . .

Тех обделив,
Чей тяжек труд,
Ох, справедлив
Подобный суд!

Бедняк, хоть плачь,
Свое отдай,
Ну, а богач —
Еще хватай!..

Всегда таков
Суда закон:
Ряды веков
Незыблем он...

. . . . .

Вот почему
Нам все ясней:
Вся власть тому,
Кто всех сильнее!..

Добьется прав
И сбросит гнет,
Лишь бой приняв,
Боец — народ!..

1905, 17.XII.1907

ПРИЗРАК ПЛЯСКИ

Съезжаются все званые на бал.
Ряды карет. Огни сверкают в зданье.
А у крыльца толпа стоит в молчанье,
Дивится, смотрит. Шепот пробежал.

Танцуют гости. Музыка ликует.
Победу торжествует шумный зал.
Где грозный призрак? Изгнан в даль глухую...
Лишь кто-то шепчет в страхе: он придет,
Когда толпа начнет свой хоровод!

18.XII.1907

ПАТЕТ JANUA, EXI¹

Ты жить устал? Устал от мути века?
Что ж, путь свободен, двери широки,
Но презри те, что указал Сенека,
Где примешь смерть от собственной руки.
Иди в другие, чужд привычки ложной,
Где жизнь свою отдать за братьев можно,
Где миги смерти — светлы и легки!

19.XII.1907

.

---

¹ «Двери открыты, выходи» — изречение Сенеки, указывающее, что человеку всегда остается возможность избежать страдания путем самоубийства. (*Прим. Райниса.*)

ДЕЛО ЖИЗНИ
(Друзьям на родину)

Одно звено потеряно из цепи,—
Пусть отдохнут орудия труда.
Топор затуплен — так бросать работу?
Один пресекался путь, но цель осталась —
И надо новые искать пути!
А наша цель — не выдумка пустая:
К ней неуклонно жизни путь ведет.
Постройку ведь не покидает плотник,
Когда он руку занозит случайно?
И хоть его постигла неудача,
Но он не бросит нужную работу.
И пахарь тоже не оставит поле,
Коль небо хмурится пред непогодой.

Так как же бросить труд великий жизни,
Нам подаривший силы и надежды,
Тот труд, которым мы живем и дышим?
Не будь его — нас не было бы тоже!

И бросить мы должны лишь потому,
Что выпало одно звено из цепи?
Что отошла горячая пора,
Что время кажется неподходящим
И спутники вдруг стали отставать?
Но не они ведь возглавляли массы?
Нет, не они! Что ж потеряли мы?

Мы дорожим лишь теми, кто остался,—
Они сумеют биться до конца!
Не для попутчиков терять нам силы!
Для основного класса сбережем их —
Нам надо в нем поднять самосознание!
Вам кажется неподходящим время?
Да, правда, жизнь ведь не часы, что можно
И заводить и ставить как угодно. . .
Но все же можно перестроить жизнь,
Поняв, к чему стремится дух эпохи.
Сам человек — лишь материал для жизни.
А дело — лишь одно для всех времен:
Царит ли тишина, грозит ли буря,
Иль за́ ночь все вверх дном перевернется,—
Но важно лишь одно: поднять скорее
Самосознание в классе основном.
Лишь он способен дело завершить;
Свободы дело для него не торг,
Не компромисс и не забава — жизнь!
Не знает он пощады и сомнений.
Сам завоеует он свободу; к ней
Все человечество он поведет.
Вот — наша цель, вот — дело нашей жизни!

21.XII.1907

ИСТОЧНИКИ СИЛЫ

Смерть бежит моих песен,
И нет в них отчаянью места.
Гнев и борьбу я пою,
Силу, надежду, огонь.
— Как смеешь ты петь сегодня,
Когда по домам ходит горе?
— Мысль о будущем — щит,
Сила моя — мой народ.

23.XII.1907

РОДИНЕ

«За ширью полей, болот и лесов,
Далеко от этого дома,
Лежит моя родина, после трудов
Объята полуденной дремой,
И солнечно-синий небесный покров
Ее укрывает от бурь и ветров...»¹

Так песня моя начиналась одна;
Ее продолженье забылось:
Была на чужбине пропета она,
А прошлое пылью покрылось;
Когда я вернулся на родину вновь,
Не стал ворошить запыленных листов.

Когда я вернулся на родину вновь,
Совсем другой она стала:
И солнечно-синий небесный покров
Ветрами с нее сорвало,
И грозы и бури мятежных дней
Свободно, стремительно мчались над ней.

Мы, бывшие ссыльные, сразу ожив,
Свое ощутили призванье;

---

¹ Эта строфа была написана во времена «Далеких отзвуков» и использована там в качестве эпиграфа; продолжение стихотворения я не нашел. (Прим. Райниса.)

До самых окраин пронесся порыв
Всеобщего ликования,
И новая жизнь, что едва расцвела,
Расплатой за наши страданья была.

Едва эта новая жизнь расцвела —
Увы, мы с нею простились;
Над нами снова нависла мгла
И вороны закружились,
И снова настал расставанья час,
Ворота отчизны закрылись для нас.

Без злобы уходим, и в дальнем краю
Для нас ты останешься милой;
Мы, дети, не мать обвиняем свою,
А тех, кто лишил тебя силы.
Должны тебе новую жизнь мы добыть,
Те искры, что тлеют едва, сохранить.

О родина, нивой под грозами зрей,
И пусть летит над тобою
Привет от далеких твоих сыновей,
Как облачко дождевое;
Ничто наши узы не разрывает:
Ведь мы — те, которые не забывают.

Мы в памяти всё — и бывшее храним
И то, что еще не настало.
Верны устремленьям грядущим твоим,
Грядущим твоим идеалам,
Они в нашем сердце не умирают:
Ведь мы — те, которые не забывают.

1902, 1907

ДОСТОЯНИЕ БЕДНЯКА

Скажите, что есть у меня, бедняка?
Ни собственной травки, ни колоска!

Охапки соломы нет на кровать,
Горсточка сена мне негде взять.

За плугом чужой иду полосой,
На барском лугу звеню косою.

Для пахоты барин купил коня
И руки за грош купил у меня.

Скажите, что есть у меня, бедняка?
Ни собственной травки, ни колоска!

Лишь стон, которым отчизна полна,
Лишь гнев, которым пылает она.

Одно у меня достояние есть —
И я не отдам его — право на месть!

1903, 1907

ТУШЕНИЕ ОГНЯ

Итак, борьбы погашен первый пыл:
Он нашей кровью щедро залит был...
Но разве навсегда потух пожар?
Вдруг с новой силой вспыхнет скрытый жар?

Глупцы! Одно ведь непреложно:
Гасить огонь и вашей кровью можно!

1907

ПРАВО ГОЛОСА

«Пускай громовым раскатом
У вас голоса звучат —
Никто их и не услышит,
Они словно писк мышат.

Пускай голоса ваши громки,
У них права голоса нет.
Кричите вы или плачьте ---
Никто не подаст ответ!

Что ваши угрозы, проклятья
И полный отчаянья стон?
Один их покроет голос,
И право имеет он!» —

«Но чей тот могучий голос,
И чем же он знаменит?» —
«Прислушайтесь — и поймете:
То золото звенит!»

1907

ТИХИЕ МОГИЛЫ

На тихие могилы
Итти так близко нам. . .
Своих родных и милых
Везде находим там.

Пусть ни креста, ни ветки,
Ни холмика там нет —
У нас в груди навеки
Оставлен ими след!

Нам плакать запретили
Над тем, кто мирно спит,
И каждого зарыли
Там, где он был убит.

Но все ж трава весной
Пробилась по краям —
То всходы жизни новой
Идут навстречу нам.

1907

КАЗНЯМ НЕТ КОНЦА

Кровь шествует дорогой похоронной,
Но крови новой требуют бароны.

Все воют волки: «Крови, крови алой!»
Повешенных, расстрелянных им мало.

Как рассказать об алчности убийцы?
Он хочет кровью досыта упиться.

Ужель так сладок нашей крови запах,
Что волк все пьет, сжимая жертву в лапах?

Терзает семь столетий наше тело —
Ужель страданиям этим нет предела?

Ужель живьем пожрет нас волчья злоба?
Нет, раньше лопнет жадная утроба!

Нет, зверь кровавый нас не одолеет —
Тот победит, кто пашет здесь и сеет!

1907

ДАВНЕЕ ВИДЕНИЕ

Земля в крови дымится, как зола.
Тяжелый запах поднялся парами.
Еще не все лежат в могильной яме,
Куда ни ступишь — мертвые тела.

Сомкнешь ли ты или поднимешь веки —
Кровавое виденье пред тобой.
Сливается оно с твоей судьбой,
И от него ты не уйдешь вовеки.

Земля в крови дымится, как зола.
Идешь туда, гонимый мукой страстной.
Туда стремится сердце с силой властной,
Где дорогая сердцу кровь текла.

Еще отравлен воздух крови чадом.
Тебя он гонит в бой за твой народ,
Пока не сгинет тьма, пока не рассветет,
И псы кровавые не будут взяты адом.

1907

ВСЕМОГУЩИМ НЕМЕЦКИМ! БАРОНАМ

Вы господа нашей жизни и крови,
Лишь знак подадите — и нож наготове.
Вы всемогущи, вы бич страны,
Но вы не страшны мне, хоть и сильны!

Вы и сейчас дрожите часами,
Пленных казня руками своими.
Вы и сейчас бледнеете сами,
Стольких губя, издеваясь над ними.

Вы и сейчас боитесь расправы,
Кровь латышей ручьем проливая.
Вы и сейчас стучите зубами,
Девушек наших муча, терзая.

В холодном поту вы спускаетесь в ад,
О крови взываете все упрямей.
Ваши сердца еле стучат,
Когда развлекаетесь вы пирами.

Ваша защита — железные латы,
В наглых речах — боязнь расплаты.
Пьянейте в кровавых и винных парах —
Скоро придет похмелья пора,
Придет пора!

1907

ДЕЛО ЯСНО

Все то, что мы завоевали,—
Свободу нашу и права,—
Берут назад. Враги попрали
Свои же клятвы и слова.

Они нам вновь ярмо готовят,
Томят под сводами тюрьмы.
Пусть их ничто не остановит —
Ужель им покоримся мы?

Нет, наше принято решение,
Ясны дела, ясна судьба,
И невозможно промедленье —
Нам все назад вернет борьба!

1907

РЕШАЮЩИЕ ГОЛОСА

Запрещено нам подавать свободно,
Борясь за право, наши голоса.
Пускай у нас отнимут их совсем!
Поднимутся из недр тогда другие,
Всех вместе взятых голосов весомей,
Чтобы сказать решающее слово.
Они тихи: народа тяжкий вздох,
Извечный стон, проклятий жгучий шепот
И, самый тихий голос,— голос крови:
Ведь даже камни к небу вопиют,
Народа кровь на них лилась рекой.
Они решают!

1907

ВЗВЕШЕННЫЕ

Давно вы взвешены: тяжелой обузой
На шее народа сидите вы грузом.
Не думайте так удобно и впредь
На шее его сидеть!

Терпению тоже есть предел —
Долго этак никто не сидел:
Для взвешенных всех наступит час —
И на́ землю сбросят вас!

1907

ТИХИЙ ПРАВ

Чего нам ждть от либерала?
От либералов толку мало...
Неторопливость им под стать,
Заминка — не помеха:
Сегодня их пощекотать —
Дождешься завтра смеха.

1907

ЧЕРВЯК О СОКОЛЕ

Зачем он в поднебесье реет?
Что ищет в воздухе пустом?
Я в куче корм найду скорее,
А если лезу на деревья,
То лишь за вызревшим плодом...
По соколу — возьмут прицел:
Его убьют, я буду цел!..

1907

ДУМЫ ДУМЫ

Всегда работы от Думы вы ждете?
Напрасно! Она непригодна к работе...
Не этим занята Дума:
Ее обязанность — слушать без шума...
Одна близка лишь Думе дума:
    Когда же ударами в спины
    Ее разгонят дубины?

1907

ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ ТРУД

«Государственные интересы требуют положительного труда: не следует разрешать проповедовать фантастические учения и болтать о том, что будет,— надо выполнять положительную работу».

Черные голоса

«Труд положительный» — что за штука?
Его узнать — небольшая наука,
Нужна ли здесь длинная речь?
Труд положительный — «нам не перечь!»
Всех, кто бунтует,— сечь!
Труд положительный — кнут и картечь:
Бей и руби, чтоб крамолу пресечь!

1907

БАРОН И КРЕСТЬЯНИН

Барон

Ты, мужик, со мной не ровня:
Из семян мы самых старых...

Крестьянин

Самых старых? Ну, такие
Никуда уж не годятся!..

1907

.

ГДЕ ЭТО МЕСТО?

Где вы, леса и рощи родины,
Где пел весной пастух так весело?
    Чернеет кровь
    На всей земле моей. . .

Где вы, лужайки моей родины,
Где встарь венки плелись узорные?
    Чернеет кровь
    На всей земле моей. . .

Где вы, поля и нивы родины,
Все потом латышей политые?
    Чернеет кровь
    На всей земле моей. . .

Увы, найду ль в отчизне место я,
Где сердце не исходит мукою?
    Дрожит от ужаса оно.
    Ужель мне видеть суждено
    На всей земле лишь кровь?

А волки воют вновь:
Нужна им кровь и кровь. . .
И на дорогах моей родины
Зверье глумится над убитыми.

    Чернеет кровь
    На всей земле моей. . .

Но я сквозь вой, сквозь стон и муки
Уже иные слышу звуки:
Мы победим в бою великом —
То павшие нас будят криком,
То кровь зовет на земле моей!

1907.

РЕФОРМИСТЫ

Не лучше ли довольствоваться малым
И небольшую прибыль накопить,
Чем добиваться ломки небывалой,
Которая все может погубить?

Не торопись и дорожи собою:
Достигнуть цели можно и без боя!

<1907>

**СПРАВЕДЛИВОСТЬ,
ИЛИ МЕДВЕДЬ И КОРОВА**

«Медведь, ты плохо поступил:
Корову ты в лесу убил...» —
«Ах, в этом, право, не моя вина:
Зачем свободно бродит там она!»

М О Р А Л Ь:

«Нехорошо, медведь, лить кровь народа!» —
«А почему нужна ему свобода?»

1907

НАСЧЕТ НАКОПЛЕНИЯ

«Копить... Беречь... Как сделать это?
Где лишнюю найти монету?
Ужель и впрямь — не ест, не пьет,
Кто миллионы создает? !.» —
«Внеси поправку небольшую:
Он копит... денежку чужую...»

<1907>

МИРНОЕ СОГЛАШЕНИЕ

Басня

Волк вышел из леса к овечьему стаду:
Метнулись овечки от волчьего взгляда...
«Куда вы? Не сделаю вам я вреда,
Со мною самим приключилась беда!..»
И волк, заскулив, стал показывать раны:
«Смотрите, овечки, глядите, бараны,
Лесными я братьями сильно избит,
От шайки их злой натерпелся обид...»

И мигом столпилось все стадо овечье:
Все начали волка жалеть за увечье...
Был дружен их громкий сочувственный хор:
«Как это возможно! Да это ж — позор!..»
«Для них,— плакал волк,— все мы равно нелюбы:
Дай срок — и у вас заберут они шубы,
Нам надо держаться семьею одной
За общее дело и дом наш родной!..»

От радости овцы подпрыгнули даже,
А волк продолжал: «Нашу силу покажем:
Ведь если мы будем теперь заодно,
Врагов опасаться нам просто смешно!..»
Заблеяли овцы: «Прекрасно! Прекрасно!..»
Бараны с поклоном сказали: «Согласны!
Пусть будем отныне мы в дружбе большой:
Единое тело с единой душой!..»

«Итак,— волк добавил,— любезное стадо,
Теперь договор заключить бы нам надо,
Во всем помогать мы друг другу должны,
Пусть жертвы порой даже будут нужны!..»
«Конечно!» — овечка одна закричала,
И волк ее тут же и съел для начала.
«Докажем,— сказал,— что мы в дружбе большой:
Единое тело с единой душой!..»

<1907>

УСТАРЕВШАЯ ПОГОВОРКА

«Аппетит приходит к нам с едой»...
Несогласен с истиной такой:
Аппетит пришел, да вот беда —
Что-то не является еда!..

<1907>

МОИ ДРУЗЬЯ

Кто мои друзья? При вешнем снеге —
Юные зеленые побеги;
Поколений будущих семья —
Вот мои друзья, мои родные!
Здесь же дышат вокруг меня чужие,
И где родина — не знаю я!

9.III.1908

ЛУЧ СОЛНЦА

Луч солнца теплом спешит осиять
Лесные топи и сени,
И ветви, голову вскинув опять,
Курятся дымкой весенней.

Луч солнца! Немало тебе забот:
Пьешь лужи и ветви подъемлешь,
И всякий тебя на помощь зовет,
И слабым ты чутко внемлешь.

На небе все еще много туч;
Ты еле прорвал их груду
И лишь обещаешь покуда, луч,
Веселую зелень всюду.

Хотя и сверкаешь ты горячо,—
Тобой лишь верхушка согрета,
А нижние ветви зябнут еще,
Не зная зари и света.

Пьешь лужи и ветви подъемлешь ты;
Ускорь же работу эту:
Ведь нижние ветви стремят мечты
Из тьмы к рассвету, к рассвету!

Тогда лишь конец работе твоей,
Когда под пламенным оком
Весь ствол, до самых глубинных корней,
Налется жизненным соком!

1904, 16.IV.1908

СЧАСТЛИВЫЕ ЮНОШИ

Павшие, вы — счастливые,
В расцвете лет ушли вы из жизни;
В глаза последней своей минуте
Смотрели с улыбкою победителей
И жизнь молодую, сверкающую
Достойным концом завершили;
Испытали свою непомерную силу
И последние капли ее из кубка
Выплеснули в глаза смерти.

Вы хотя б на мгновенье увидели
Наяву великую вашу идею,
Которую мы лишь в расплывчатых образах
Воспринимаем духовным взором,
Хотя и стремимся к ней постоянно,
Одной бесконечной мечтой томимы.

Павшие, вы — счастливые,
Вы ушли, изведав счастье любви,
Величайшее счастье, какое дано человеку.
В женских руках дарует нам счастье любовь,
Но тут же хитрит и жалит,
И, чем полнее себя отдаешь,
Чем сильнее и ярче любишь,
Тем сильнее и глубже себя презираешь
За эту любовь.

Но бесхитростна и светла счастливая,
Увлекающая все наши чувства.

Возвышенная любовь к человечеству.
Не может она ни хитрить, ни жалить,
От нее не требуешь для себя ничего:
Ни жарких объятий,
Ни блеска глаз, ни страстных лобзаний,
Ни ласковой поддержки в долгой жизни,
Ни платы, ни славы, ни памяти даже,—
Ей в жертву приносишь себя, безымянный,
Свершая заветный подвиг.

Волны восторга, все выше вздымаясь,
Вольной весенней рекой разливаются;
Бескрайний вдали открылся простор,
Благодать половодья льется и льется,
Восторга волны неся свободно.
Свежесть и радость идут по земле.
А гром, сотрясающий облака,—
Это лишь смех счастливых юношей,
И молнии, что сверкают в тучах,—
Это счастливых юношей мысли.

Первыми эту любовь всеобъемлющую
Познали вы и раскрыли пред нами
Во всем богатстве ее обличий:
В образе бурной весенней реки,
В образе молний, пронзающих тучи,
В образе первых ласточек и соловьев,
В образе грозных опасностей, мира
и вечного солнца.

Вы увлекли нас своей стремительной поступью
И, падая, подняли нас до вершин героизма.
«Лишь в героизме начинается человек» —
Эту истину огненными знаками
Ваши пальцы запечатлели у нас на груди,—
Так, что прожгло ее до самого сердца.
Те жгучие знаки вовек не померкнут,
И даже обыденность гладкой своей рукой
Не сгладит их, не засыплет пылью,
И в этой обыденности зародится
Новый подвиг в наших сердцах.

Павшие, вы — счастливые,
Свершая свой подвиг, призвали вы
Новый век, и нагрянул он в огненной колеснице;
Свершая свой подвиг, исполнили
Завещанный долг и уходите с миром,
Но ваша жизнь продолжается в наших жизнях;
Свершая свой подвиг, вы подняли нас
Творить великое дело жизни.

Павшие, вы — счастливейшие,
Но мы со своими слабыми силами
Остались для еще более великих трудов.
Одна лишь мысль поддержать нас может:
Эти труды не одни лишь герои свершат,
Но весь народ.

31.XII.1906, 18.IV.1908

НЕПРАВЕДНОЕ БОГАТСТВО

«Что нажил обманом — в том нет благодати»...
Сейчас изречение такое некстати:
Здесь — правдой иль кривдой собрал капитал,
Процент одинаковый он тебе дал!..

29.IV.1908

ЛЕВАЯ СТОРОНА

«Сердце — солнце доброты,
Меч — защитник слабых ты!

Отвечайте оба мне,
На какой вы стороне!» —

«Слева, слева место нам,
Счастье мира только там!»

1.V.1908

SALVE!¹

Южное небо в закате.
Животворящая синь...
Северных дней сероватых
Будни — покинь!

Полдни на юге так жгучи,
Так ослепителен путь...
Тучи на севере, тучи,
Полночь и жуть.

Благоуханье живое
Южных цветов и весны...
Сыплется севера хвоя
С каждой сосны.

Юга, всегда молодого,
Силу земную молю!
Вырви у севера злого
Душу мою!
Salve!

Солнце и южные светы...
А там — родная семья...
К северу, к северу, лето,
Снова веди меня!
Salve! Salve!

12.V.1908

---

¹ Salve — привет (лат.).

БЕССМЕРТНЕ

И росы утра не тают днем,
И ароматы не отлетают прочь.
    Как мимолетный отблеск солнца,
Все они вечно живут во вселенной.

И мысль не гибнет, хотя бы распался мозг,
Не гибнут чувства, если и в сердце смерть.
    И страстная любовь не гаснет,
Но в человечестве живет извечно.

14.V.1908

МОИ ВРАГИ

Не враги мои, гордясь по праву,
Победят когда-нибудь меня.
Победить меня — такую славу
Вы получите, мои друзья:
Вы пойдете далее, чем я!

25.VI.1908

* * *

В книге с черными листьями
Песни пишем потаенно,
Чтобы ужасы и стоны
В ней укрыть, как в черной ночи.

В книге с черными листьями,
Как в земле зарыты черной,
Будут тысячи покорно
Спать вернувшиеюся ночью.

В книге с черными листьями
Каждая пусть буква рдеет,
Об умолкших сожалеет,
Пламя в бодрствующих будит.

Книгу с черными листьями
Спрячу на своей груди я,
Чтоб зардели в дни иные
Эти черные страницы!

23.XII.1907, 3.VIII.1908

ВСЕ К ДОБРУ

Ну, что ж теперь, о мудрецы,
Умеренности образцы?
Признав, что плохи времена,
Что осмотрительность нужна,
Не отойти ли вам с пути,
Чтоб осторожность соблюсти?
Не быть добру!

Да, вы предупреждали нас
И говорили нам не раз,
Что впереди немало бед,
Что много требовать не след,
Что пламя есть в игре идей,
Что для юнцов опасность в ней,
Не быть добру!

Что ж, откреститесь от всего,
Как бы от черта самого,
И минет чаша вас сия,
И позабудет вас судья,
Даст вам спокойно наблюдать,
Как люди выйдут умирать,
Стремясь к добру.

А кто из вас умней других,
Пускай предаст друзей былых
Исподтишка! Для явных дел
Какой предатель будет смел?

Ведь это тоже мудрый шаг —
Отгородиться от бродяг
    Себе к добру.

Идеи к благу не ведут,
Примитесь за полезный труд:
Вам тоже надо есть и пить
И где-то лишний грош схватить. . .
С идеей дело не пройдет,
И то любой дурак поймет
    Себе к добру.

Карьера — вот ваш идеал,
Копить вам надо капитал!
Свобода вам и здесь нужна,
Та, что порядку предана.
Идеи будут лишь мешать
Такой культуре процветать
    Лишь вам к добру!

18.XII.1907, 5.VIII.1905

ИСТИНА

Есть истина — ее мы прославляем,
Одна есть правда — мы ее храним. . .
Разбитые — дрожать вас заставляем,
Презреньем ваше торжество клеймим!

Вас мучит стыд, вам день грядущий страшен,
Вас тайное сомнение берет. . .
Пусть алой кровью весь наш путь окрашен —
Вы знаете: вселенная падет,
Коль снова мы не двинемся вперед! . .

6.VIII.1908

СТРАДАНИЯ И НАДЕЖДЫ

У нас одни страданья,
Надежды и мечты.
В моем привычном горе
Свое узнаешь ты.

У всех друзей и братьев,
Где б ни были они,
В каких песках, сугробах
Ни длили ссылки дни,—

Одни и те же муки:
Всех родина зовет.
Ее цветущей видеть
Надежда в нас живет,

Ее цветущей видеть
Ценой своих скорбей.
Нам высшей нет награды
За все, что дали ей!

22.VIII.1908

ПАРТИИ ПОРЯДКА

«Нам надо жить без споров,
Приняться за дела,
Да смолкнет шум раздоров:
Борьба для нас прошла...

Достигли мы свободы,
Что требовалась нам:
Упрочили доходы,
Уселись по местам...

Не все еще добыто,—
На то она и жизнь,
Там — кланяйся открыто,
Здесь — тайно подслужись...

Порядок мы устроим,
А тех, кто лезет в бой,
Мы живо успокоим
Могильной тишиной!..»

27.VIII.1908

ЖЕНСКАЯ ДУША

Кротких ли слов нам
От матери ждать,
Коль сына ставят
К стене — умирать?

У девушки смехом
Блеснет ли взгляд,
Коль милого стены
Тюрьмы томят?

И как же сестре
Не бледнеть в слезах,
Коль брата навеки
Прячут в стенах?

Но женское сердце
Не жалость лишь греет:
Оно ободрять
Усталых умеет.

Есть в женской душе
И восторг и сила;
И справедливость
Она вместила.

Пусть схватят свободных,
Расправятся с ними:
Из женской души
Восстать им — живыми!

29.VIII.1908

ДЕТСКИЕ УСТА

Устами детскими
Грядущее поет,
Угрозу старому
Та песнь с собой несет.

Наивным лепетом
И пухом на щеках
Всему отжившему
Она внушает страх.

Путь стар^{ый} кончится,
Начнется нов^{ый} путь,
Свершатся детские
Мечты когда-нибудь.

Пусть невелик певец
И песня чуть слышна,
Но завтра зазвучит
На улицах она.

Устами детскими
Грядущее поет.
Из искры пламя
Ветер разовеет.

29.VIII.1908

ОДИНОЧКА

Пусть одиночка
Падет, обреченный,
Чтоб вольно катился
Поток миллионный!

Гибнут герои,
Страха не зная,
Силе прибоя
Путь открывая.

29.VIII.1908

ПРИМЕТЫ ПЕРЕХОДНОГО ВРЕМЕНИ

Да, прошли борьбы великой годы...
Всякой нечисти я вижу всходы:
Веселиться ныне им угодно —
От законов и ума свободны,
Пьют, пируют в оргиях разврата,
Предавая мимоходом брата...
И, смеясь, хотят они гуртом
Свой народ загнать в публичный дом!

4.IX.1908

МГНОВЕНИЕ

Памяти ученицы-товарища

Мгновение сверкающей отваги,
Свободный, звонкий крик души!
В порыве вдохновенном сердце
Твое кипящих не сдержало чувств,
Когда предстала ты пред теми,

Что уважение тебе внушали,
Казались образцами доблести,
Хвалились, что тебе открыли путь
К добру, и красоте, и благородству,
Учили подкреплять слова делами
И жертвовать собой
Одной великой цели ради.

И вот настал он, час заветный,
Добро, и красота, и благородство
Весенним пышным цветом расцвели.
Ликуя, этот час ты встретила,
Готовая пожертвовать собой.

Но в мелочные погрузясь расчеты,
Они держались в стороне, и ты
На них смотрела недоумевая,
И гибла вера детская твоя.
Тогда, беспомощная, хрупкая,
Такая маленькая девочка,

Еще краснея, трепеща, пред ними
Предстала ты, наглядно утвердив
Добро, и красоту, и благородство:
Мгновение сверкающей отваги,
Свободный, звонкий крик души!

И все безвольное, трусливое,
С глазами сонными и ватой в ушах,
Вскочило вдруг встревоженно,
Услышав чудеса и ужасы,
Еще неслыханные на веку.

Они, глазами хлопая,
Глядели на тебя, стоящую
С огнем во взоре, вскинув голову,
С чертами просветленными,
Казалось — выше ростом ставшую,
Вдруг превратившуюся из ребенка
Во взрослую и в героиню.

* * *

Когда я вспоминаю о тебе,
Я думаю о тысячах таких же,
Которые пожертвовать собой,
Стремясь к великой цели, могут;
Я знаю больше:
С т а к и м и мы достигнем этой цели.

1905—1906(?), 16.IX.1908

КАЖДАЯ БОЛЬ

Отвращенье в каждой боли,
Ибо в каждой есть обида:
Если даже боль красива,—
Кто из трусости ей верит,
С тем она пребудет век!

Раздвоенье в каждой боли,
В ней как будто резкий окрик:
Жизнь тебя остерегает,
Что покоя нет, и нужно
Корень боли обломить!

Слабость — вот что в каждой боли:
В одиночку с ней не сладишь.
Только боль свою бросая
В море всех людских страданий,
Ты победу обретешь!

4.X.1908

МАЛЫЕ ДЕЛА

В малых не вязни заботах
В будни помни о звездах.
Если работа в пыли,
Небо да будет светло!

Буднями труд распылен,
В мелочи тянет тебя.
Только великая цель
Малому смысл придает.

5.X.1908

О ВЕЛИЧИИ

Стоит отдаться борьбе,
Борьбе, вдохновленной величием.
Только народ величав.
Только народу служи.

Гибнет боец одинокий,
Ломоть отсеченный крошится.
Встанет народ величав,
Силы в единство собрав.

5.X.1908

О ВОЗРОЖДЕНИИ

Все поднялось и взмывает,
Сор и песок оседает,
Поле в наносах теперь,
Пахарь боится потерь.

Зелень пробьется ростками,
Полю не быть под песками,
Силой стократной полно,
Вот оно,— возрождено!

5.X.1908

НОВЫЙ ДЕНЬ

До героизма
Поднимемся снова.
Живет сознание
Силой былого.

Былое храним мы
Как достояние —
Оно как солнца
Жар и сияние.

13.XI.1908

ГОТОВНОСТЬ

Неизвестен времени приход,
Но уже слышны его шаги.
Будем выполнять дневной свой труд,
Чтобы путь он времени открыл!

Будем же готовы каждый миг
То свершить, что время повелит.
Надо даже в малом быть большим,
Надо тверже закалять свой дух!

20.XI.1908

ПЕСНЯ ПТИЧКИ

— Пела я, пела я
И замолчала...
— Песен ли больше нет,
Иль язычок стерся?

— Песням конца нет,
И язычок не стерся.
Я на опушке слышу
Пороха запах!..

1908

СОВРЕМЕННЫЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ

Вот его оборот:
Он рабочих наберет,
Не платя им, долго врет,
А потом: «Прочь от ворот!..»

1908

ПРЕДОСУДИТЕЛЬНАЯ НАГОТА

«Нагота — всегда греховна,
Нагота — противна вере
И таит в себе опасность. . .» —
Так всегда нас учит церковь,
Но всего страшнее церкви
Повстречаться с голой правдой. . .

1908

ИДЕАЛ

«В чем, либерал,
Скажи, твой идеал?» —
«Ах, сердцу близки очень
Свет, правда и... дешевый труд рабочих!»

1908

1908

«Каким будет он, девятьсот восьмой?» —
«Похожим на этот, как брат родной.
Коль не изменим нашу жизнь,
Он будет такой:
Счастья с ним станешь напрасно ждать,
Родины счастье придет не с ним,
Но каждому он по заслугам его
Может воздать». —

«Но будет ли длиться война весь год?» —
«Пока не свергнем мы власть господ,
Нам быть в бою! И кровью платить
Немалый счет!» —

«Когда ж они кончат кровь лакать?» —
«Есть место еще, где могилы копать,
Есть палачи, и деньги есть,
Чтоб их награждать». —

«А Дума счастье нам принесет?» —
«Да, если в Думе будет народ.
Коль сам займется судьбой он своей,
Горе пройдет». —

«А Латвии будет ли лучше судьба?» —
«Свободу иль смерть принесет борьба!
А малодушных ждет лишь позор,
Ярмо раба!» —

«А стачкам, локаутам снова быть?» —
«Иди к нам, чтоб вместе врага разбить.
Настала пора или в битве пасть,
Иль победить!» —

«Ужель революции пыл погас?» —
«Нет! Так уверяют мещане нас.
Боятся они, что она сметет
Их всех сейчас». —

«Так, значит, мы снова на битву пойдем?» —
«Конечно! Но путь мы иной изберем.
Мы к счастью, к свободе этот путь
В борьбе найдем!» —

«Так что же? Ночь будет давить нас опять?» —
«Нет! То, что мы взяли в боях,— не отнять!
Товарищ, мы будем с надеждою новой
Наш год встречать!»

1907—1908(?)

НАШИ ДНИ

Пусто — сегодня,
Завтра — туманно,
Время вчерашнее
Скрылось с закатом..

В поле пустынном
Носится ветер,
Листья печальные
Им позабыты. . .

Жизнь так ничтожна,
Дни как песчинки:
Что здесь добудешь?
Что здесь навеешь?

Прошное бросило
Зерна недавно.
Бури посевы
Будут удачны.

Чуть показались
Первые всходы —
Смотрит рабочий,
Трусит хозяин. . . .

В прошлое сброшены
Зори заката.

Новые зори
Встанут с востока.

Вихри взволнуют
Море колосьев.
Труд и упорство —
Вот путь к расцвету!

Так с Новым годом
И новым счастьем!

<1908>

· ВЫШЕ РИМА

Вместе с великой задачей
Вырастут силы и доблести.
Римлян могучий размах
В истории не повторен.

Но превзойдут пролетарии
Даже могущество римское:
Рабство всемирное — там,
Вольность всемирная — здесь!

1908(?)

В ПОБЕДЕ МИР

Вспомни правило это,
Когда унываешь душою,
Когда тебе говорят:
— Нас одолели враги!

Рим знавал пораженья,
Но он воевал до победы.
Сражаясь, помни и ты:
Мир лишь победа дает!

1908(?)

САМОДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Смелой должна быть борьба!
Как движется время — мы знаем.
Слепо история шла.
Ныне укажем ей путь!

Смелой должна быть борьба!
Нет, никогда не сдавайся.
Время, что слепо бредет,
Может весь мир погубить...

<1908>

ДОМ НА КАМНЕ

На камне построим дом,
На камне большом.
Из стали в нем отлиты своды —
Крепко дело свободы!

<1908>.

ПОСЛЕОБЕДЕННОЕ ВРЕМЯ В ЛОДКЕ

Блестит меж берегов озерной глади круг.
Блеск преломляется там, у домов прибрежных.
И сердце омота дрожит. И слышен звук
Журчащих волн, что жалуются нежно.

Бросает небо синий отблеск вниз.
Но вот вскипает черный вал мятежно,—
И зелень, чернота и синева слились...
А струи сетуют, текут, сверкают ясно,—
Лишь сердце знает, как они прекрасны!

27.III.1909

КОГДА НОЧЬ...

Прекрасно соловей поет
В ночной тиши,
И счастье к нам всего скорей идет
В ночной тиши.

Когда мечтаешь, из дому иди
В ночной тиши
И про себя мечты свои таи
В ночной тиши!

6.V.1909

НА СТАРОМ МЕСТЕ

Я снова там, где был, как будто
Блуждал всю ночь я по полям,
Чтоб поводырь привел беспутный
Меня к исходным рубежам.

И только утром на рассвете
Увидел, бедный путник, ты
Обманные тропинки эти
И вытоптанные следы.

Что ж! Я об этом не жалею!
Пусть сделан только шаг вперед,
Величественней и яснее
Дворец грядущего встает.

2.IX.1905, 3.VII.1909

.

ВОПРОС

Да, человечество больше,
Чем человека, любил я:
Мелкой частичке всегда
Целое предпочитал.

Люди платили мне тем же:
Они меня не замечали,
Труд мой казался ядром,
Сам я — скорлупкой пустой.

Что, если мы заблуждались?
Работа в работниках зреет,
Мощь человечества нам
Лишь в человеке видна!

7.IX.1909, 4.II.1910

ВОПРОСЫ ДЕВУШКИ

Скажи мне, милый, милый мой,
Где взял ты столько пестрых слов?
— Смотрел я на поток людской.

Где ж взял ты столько ярких слов?
— Смотрел я на закат родной.

Где взял ты столько мощных слов?
— Смотрел я на морской прибой.

Где ж взял ты столько тихих слов?
— Смотрел я, что с моей душой.

Где ж взял ты столько милых слов?
— Смотрел во взор твой голубой.

Где ж взял ты мощь глубоких слов?
— Глубь смерти взор увидел мой.

Ах, милый, милый, милый мой!

7.IV.1909, 10.IX.1912

ЧАША С ДРАГОЦЕННОСТЯМИ

Когда встающий день просторы золотит,
Ночь утру дивные сокровища дарит,
И те сокровища готовятся в тиши,
Когда не спящих нет на свете ни души.

Но утро тот сосуд разбило второпях,
Алмазы сыпятся, блистая на полях. . .
Пусть люди просто их росой назовут!
Ребенок и поэт, смеясь, их соберут.

8.IX.1909

ВЕТЕРАН

Не трусь, поближе подойди,
На эту рану на груди
Взгляни без ужаса и дрожи,
Не жмурь глаза свои, гляди:
Уж рана затянулась кожей.

Смотри, как врублена она
В середину груди. В битве мною
За храбрость приобретена.
Пусть телу не дает покою,
Но чести даст покой она.

Вот этот длинный белый шрам
Зардеет нежно, вспомню только
Тот день и залпы по врагам,
Тот день, в который грязи столько
Кидают те, кто мерзок нам.

Все силы отдал я борьбе
И дал покой душе и телу.
Что мог я получить в пальбе?
Не мне ведь слава, слава — делу.
Но шрам оставил я себе.

Вот он! Кому из вас такой
Знак суждено носить — не знаю.
Вас вдохновляет лишь покой,
А не простреленное знамя.
Когда же снова грянет бой?

Я не виню вас. Воздух тих,
Не пахнет порохом и кровью,
А сколько смелых, молодых
Могло б войти в семью героев,
Когда пришла эпоха их! . .

<1909>

КРАСНАЯ СОТНЯ

Встает народ.
Эй, сотня красная, на бой!
Пойдут полки отважных за тобой
Вперед.

Не знали света мы.
Заволокла все небо тьма густая.
Томились люди в этом царстве тьмы,
От рабского труда изнемогая.
Но видишь, друг,
Как искра вдруг
Разбила ночи темный круг,—
А факел духа вспыхнул и пылает!

Да, в слове был огонь!
Рожденный искрой, он горит и рдеет.
То истины огонь, его не тронь —
Он мысль зажжет, а мысль сердца согреет.
Взгляни, взгляни,—
Еще огни!
Вот люди, факелы несут они.
Десятки факелов высоко в небе реют.

Встает народ,
Эй, сотня красная, на бой!
Пойдут миллионы за тобой
Вперед.

Навстречу ночь дымит,
Рвет буря факелы, дождь тушит пламя,
Но сотня факелов теперь горит,
Встают мужи, озарены огнями.
За рядом ряд
Они спешат,
Их тюрьмы скоро не вместят.
Все больше факелов горит над нами!

Идет рабочий класс.
Дрожат земли всеильные владыки.
Один порыв и цель одна у нас —
Разрушить мир жестокий и двуликий.
Из всех краев
На властный зов
Поднялись тысячи бойцов
Принять участие в борьбе великой.

Встает народ.
Эй, сотня красная, на бой!
Все человечество идет с тобой
Вперед.

9—11.IV.1910

О ДРУГЕ, МЕЧТАВШЕМ ПОБЫВАТЬ ДОМА

Памяти Ф. Гринина

Скажи, хотел бы ты, друг мой,
Прийти домой?
— О да, хотя б когда-нибудь
Пуститься в путь
Домой!

Пусть хоть единственный разок,
Один разок!
Пускай разлука ждет потом,—
Увидеть дом
Денек!

А коль несбыточна моя
Мечта — что ж, я
Был рад побыть хотя бы миг
В своих родных
Краях!

Найти не мог покоя он
Нигде, ни в чем.
Едва забрезжит луч зари,
А он горит
Огнем!

Мечтал: — О, если б в край родной
Вел мост, домой
Пришел бы я взглянуть и — в путь! . .
. . . Погиб. Легла земля на грудь плитой.

13.VI.1910

ТЕКУЧИЕ ВОДЫ

«Я растекаюсь, как вода,
Я иду из страны в страну».

Армянская народная песня.

Мы — текучие воды. . .
Мы льемся по землям и странам,
Повсюду стелемся влажным туманом,
И всходят за нами зеленые нивы. . .
Близки нам те, кто душою живы.
Вперед путем неустанным!
Мы — текучие воды. . .

Мы — текучие воды. . .
Струясь, извиваясь,
Бежим все дальше, в полях разливаясь.
Волны литься не могут обратно,
Они испаряются в час предзакатный,
В дождливые тучи опять превращаясь.
Мы — текучие воды. . .

22.VI.1910

ПО РЯНОМУ ПОЛЮ

Моим когда-то ваше слово было.
Внимаю, поражен: и голос мой,
А мне сперва слышалось — чужой!
И в мыслях давнее былое всплыло.

Ужель в сердцах, как семя, слово зрело?
Привет ростку, чье молодое тело
Хранит зеленый цвет. Красы какой
От зерен считанных достигло поле!

И будет впредь цвести средь бурь на воле!
22.VI.1910

ИЗ ГЛУБИНЫ

Жаворонки ль осенью
Поют?
Ранние ль рабочие
Идут?

Иль напрасно мы живем
В надежде?
Иль все только кажется
Как прежде?

Яснее взгляни:
Идут они!

18.X.1910

У КОТЛОВ ЖИЗНИ

Что мы сидим тут
Без движенья?
Потерянные,
Ходим вокруг,
В смутных мечтаньях
Жалуясь тихо?

Там за рекою
В полях широких
Земля дымится
Влажным туманом,
Как будто в дни
Своего рожденья.

В печи огромной,
Что пышет жаром,
В огне гудящем
Варится жизнь
В борьбе жестокой
Огня и пара.

Вода и пламя
Там в поединке
От этой битвы
Нас оторвали.
Мы тихо стонем
Вдали от бури.

Там тот же ветер,
Там то же пламя.
Там те же чувства —
Любовь и злоба.

Смотри же зорче
Сквозь клубы дыма:
Там наши братья
Стоят у печи
И в самом пекле
Ведут работу.

Что мы сидим тут
Без движенья?
Потерянные,
Ходим вокруг?
Пойдем скорее
Туда, где жарко!

Жизнь закипает,
Переплавляя
Старье, чтоб стало
Преображенным.
Давайте и здесь
Эту печь затопим!
Здесь, где стоим
В стороне от жизни,
Отброшены ею.
Лишь бы бурлила
Жизнь молодая,
Всегда и всюду
Лишь бы кипела!

Юг и север,
Восток и запад
Пусть сольются
В общем кипенье!
И клубы пара
В просторном небе
Встают могучими
Деревами.

Их тень покрыла
Просторы мира,
И в тени этой
Необозримой
Уже сейчас мы
Мир видим новый. . .

4.VII.1907, 22.X.1910

ВЕЛИЧАЙШАЯ РОДИНА

Мы всё покинули, что мы любили!
Так водорослей скошенную прядь
Со дна речного вдаль уносят волны.
Напрасно вьются длинные волокна,
Цепляясь за песок родных затонов,
За гальку гладкую и за камыш упругий,—
Их вдаль несет. . .

Так от родимых берегов теченье
Нас унесло. Нет родины у нас.
Что нам осталось?
Мы нового приюта ищем,
Чтобы расти, чтобы трудиться снова,—
Но родины уж больше не находим.
Пусть новый край богаче и прекрасней,
И ярче солнце, зеленее травы,
И даже люди человечней,— все же
Нам родиной не станет он!

Чужая родина не даст нам счастья
Нигде, нигде!
И горе нам, когда б мы с ней сроднились.
Но также горе нам, когда бы
Мы примирились
Со старой родиной нашей.

Тот маленький и солнечный клочок
Похитили у нас.

Но за него теперь
У вас отнимем мы весь мир,
Весь шар земной.

* * *

Да, наша родина тесна для нас,
Нам родина нужна пошире:
В ней не хватает места нашей мысли,
Простора — нашим чувствам,
Дыханье сдавлено в оградах тесных,
И сердце может разом разорваться
От чувства, что созрело на просторе!
О родина, как стала ты тесна!
Взамен той родины, что отняли у нас,
Мы новую воздвигнем — краше,
Светлей и шире всяких стран иных.
Мы из величья духа возведем
Ее, из чувств во всей их глубине,
Во всем размахе,
Что свойствен человеческой душе!
Ее воздвигнем мы из братства всех людей,
Всех наций, всех народов,
Всех рас и всех наречий,
Из братской связи рук, умов, сердец,
Объединившихся для общего труда.
Лишь те, кто лишены всего —
И очага и родины своей,—
Лишь те способны реять выше,
Чем будничный и обыденный мир.
Да, лишь в изгнании созревает семья
Идей великих.
Да, лишь в страданиях изгнанников родится
Грядущий мир, который
Потомкам счастье принесет.

* * *

Да, лишь в изгнании могла созреть,
Вдали от родины, идея новой
И величайшей родины, грядущей
Из златотканых мыслей и мечтаний,

Из голубой тоски, и слез жемчужных,
И алой крови, и надежд зеленых. . .
И после черных и глубоких вздохов
Взлетает пояс радуги небесной,
Единым счастьем
Весь обвивая мир!

26.X.1910

ПЕРЕКЛИЧКА

С сурового севера,
С нежного юга,
Из Азии — отечества
Племен, народов, человечества,
С равнин Европы,
Из зноя Африки,
С безбрежного океана —
Клич в громах гроз и урагана:

— Братья, братья,
Ближний, дальний — без изъятия!
Зов: братья, вы на страже?
Зов: братья, отвечайте!

Отовсюду гневный клич несется,
В целом мире эхом отдается.
Несется из дали такой,
Что месяцы, годы пройдут над землей,
Пока донесется сюда.
Несется сквозь землю, гранит и года,—
Слышишь, кричат камни, земля, вода:
Мы с вами, братья!

И есть голоса,
Что слабы, как вздох или шепот,
И есть голоса:
Сокрушителен грозный их рокот.
И те, что на молчанье были обречены,

И те, что были тише тишины,
Как корни, что в скалы врастают,—
Окрепли и могущественны стали.
Клич: братья, мы бодрствуем с вами —
В дали, в недрах, в глубинах!
Клич: братья, мы вашему зову внимаем,
Вам братский привет посылаем!
Как будто ветров перекличка,
Друг друга слышим ближе и ближе,
Родину слышим,
Вселенную слышим.

— Братья, вы на страже?
— Мы на страже, мы на страже!
Мы внимаем, братья, мы слышим!
Мы внимаем, братья, мы видим!
Мы на страже!

1910

ЧТО Я ЗНАЮ

Я знаю голод, стужу зим,
И немочи горечь проклятой...
Конца б не стало рассказам моим
О том, что терял я когда-то!

То, что сейчас вам поведал я,
Часть малая повествованья.
Как ты ни жалуйся, боль моя,
Сердце осилит страданья.

В нем солнце есть, весна живет,
Цветы в нем, птичье пенье,
Луга, леса, зари восход,
Светлых озер виденья.

Знает сердце, что дух силен,
Знает ум — нет ему препон.
Сердцу, уму немощь покорна,
Я вам об этом твержу упорно.

1904, 1910

Ты понял явственней и глубже всех других,
Что применяться ни к чему нельзя
И что нельзя идти на компромисс.
Вступай в сражение при ярком свете
И не страшись затронуть словом резким
                  Того или иного,
                  Когда свое бичуешь время!

1910

РОЖДАЮЩАЯСЯ ДУША

Чуть успел понять, что существуешь,—
Сразу выразить себя стремишься,
Ощупью бредешь во тьме рассветной.

Сердце мучится тоской по слову,
Каждой боли хочет дать названье,
Каждому цветку определенье.

И слова медлительно-тягуче —
Сладость меда с горечью печали —
Темным золотом тяжелым льются.

Спят еще в том золоте все формы,
И душа, раскрывшись, выраженье
Лишь в немой поэзии находит.

29.VI.1906. 1910

ЛИТОВСКАЯ ПЕСНЯ

Бедная Литва,
Воля где ж твоя?
Спряталась, что ли, в небесном просторе?
Где отыскать ее?
Или в могиле?

Куда ни бросят несчастные взгляд —
Глядят на восток,
На запад глядят,—
Везде нищета, насилие, гнет,
Пот от работы, кровь от кнута
Залили край просторный.

Милая Литва,
Воля где ж твоя?
Сжался над нами, с неба сойди!

<1910>

ИЗ ЭСТОНСКИХ ПЕСЕН

Древних рун сказитель славный,
Ты ударь веслом о волны,
Пусть помчится челн волшебный
К берегам седых преданий.
Золотой орел там — песни,
Среброкрылый ворон — сказки,
Меднопёрый лебедь — были
Рассыпают словно жемчуг
Из резных шкатулок предков.

Птицы мудрые, скажите,
Вы о том пропойте, волны,
Громко, ветры, протрубите:
Где же прежние герои,
Где очаг мужей могучих?

Что скажу я, вестник скорби?
Чахнет молодость в пустыне,
Средь нагого поля бедствий,
Под березами печали.

В дни далекие, иные
Как свирель моя звенела,
Серебристой нитью песен
Расшивая ткань златую!
Много знал тогда я былей,
Много сказок знал чудесных. . .

<1911>

Слава героям!
Павшим героям!
Первую крепость
Взяли мы с боем.

Убийцам братьев
Наше проклятье!
Мы поднимаемся
Грозною ратью.

Слава героям!
Павшим героям!
В новой отчизне
Счастье построим!

1905, 13.VII.1912

Когда проходят звезды в небесах
И угол мой под звездным взором светел —
Я о тебе мечтаю.

Когда луна, светясь и золотясь,
Растет и снова убывает грустно —
Я о тебе мечтаю.

Когда за окнами встает заря,
На грудь мою бросая луч свой первый —
Я о тебе мечтаю.

И если ставни замкнуты мои,
Нет ни созвездий, ни луны, ни солнца —
Все ж о тебе мечтаю.

17.XII.1912

ВЕЛИКИЙ МАЙ

Торчит труба над корпусом фабричным;
Ее пятой придавлены, свой пот
Мы превращаем в жемчуг для господ,
И черным дымом пышет зев кирпичный.

«Дым больше не идет!» —

«А что там в небе красное такое?

Не пламя ль развеивается над ней?

Эй, поспешим на помощь ей!» —

«Спешить не стоит.

Пускай сегодня ваш обсохнет пот:

Над ней не пламя —

Свободы знамя,

Сама труба — гигант угрюмо-дикий —

Скликает вас на Первомай великий!»

* * *

«Ах, каждый год мы этот май справляем,

А где плоды труда — хотя б цветы?

Цветенья сосен не дождешься ты. . .

Зачем в открытый бой мы не вступаем?» —

«Растратить силы? Нет!

Пускай назреет ненависть настолько,

Чтоб в битве неизбежно победить;

Единство надобно растить! . . .» —

«Растить, и только?» —

«Растить, и вырастет на соснах цвет:

Смотри, над нами
Алеет знамя,
На грустных соснах рдеет цвет гвоздики —
То вас к борьбе сзывает Май великий!»

* * *

Как на войну, идут, идут колонны.
Чивик, чивик — в гнезде кричит птенец;
Ряды, ряды — да где же им конец?
Парят, парят над толпами знамена.

«Единство — видишь? — вот!» —
«А нам, отсталым, путь кто обозначит?» —
«Вон, с авангарда не сводите взгляд:
В единстве братья побеждают!» —
«Так стачка, значит?» —
«Да, прямо к цели этот путь ведет:
Одно над нами
Алеет знамя,
То наших братьев строй тысячелик
В бой за свободу поднял Май великий».

* * *

Умолкнет сердце мира, и дыханье
Замрет, коль кровь остановилась в нем.
А если вдруг вскипит она огнем?
Пылать, взрываться будет мирозданье?!

«Мы — чувство, сила, страсть.
Не рассуждать, а драться — наше дело,
Один порыв, и рушится стена!
Что, схватка? Скоро ли она?» —
«Теперь — назрела;
В бою стремительном враг должен пасть:
Свободы знамя
Горит над нами,
На поле боя — буря, грохот, крики.
Придет однажды май иной, великий,
В цветах — победы Май великий!»

КЛАСС ОСНОВНОЙ, ТЕБЕ!

Класс основной, тебе,
Кто будет жить, расти, осуществлять, творить,
Пока в сердцах людей всем ранам не зажить;

Класс основной, тебе,
Кто, над самим собой поднявшись, победит —
В единстве — классы те, кем род людской разбит;

Класс основной, тебе
Служить бойцом — где честь найдется выше? Твой
К всечеловечеству и солнцу путь прямой!

1912

СТРАННИК

Если кто в моих скитаньях
Мне любовь свою вручает,
Я ее глубоко в сердце,
Как в сокровищницу, прячу;
Ей оттуда не исчезнуть.
Если мне и вскроют сердце —
Я сокровища не выдам:
Там найдут любовь живую,
Сросшуюся с тканью сердца.

Ласку каждую там сыщут,
Каждое прикосновенье
К волосам, и взор приветный,
И глоток воды студеной,
Что от жажды спас в пустыне;
Теплое рукопожатье,
И улыбку, и слезинку,
Опасенья и тревогу
За меня в моих скитаньях;
Каждый взор, что вслед мне брошен,—
Мне, скитальцу-пилигриму,
И любовь еще найдут там,
Робко-сдержанное чувство,
Что подарено устами,
Открывавшими мне душу,—

Там нашли бы... Не просеять
Этих перлов! Но легка мне
Та сокровищница сердца:

Чем полней она, тем легче.
Чем длиннее путь скитанья,
Тем любви дарят мне больше —
Незаслуженной, неожиданной.

Кем подарок дан мне каждый,
Уж не помню. Сердцем тысяч!
Голоса больных и слабых
Мне шептали утешенья;
Глаз заплаканных сиянье
На меня лилось: опору
Я встречал в руке усталой;
Воду жаждущие лили;
Руку жали мне калеки;
И на золотом подносе
Мне сердце алмазных груду
Подносили толпы нищих.

Ту любовь, что сам дарил я,
Возвратили мне стократно;
Даже те, кому вблизи я
Был далеким,— мне дарили;
Даже те, кому бессилен
Был помочь я, ожидая,
Что любовь взойдет повсюду,
Заглушая поросль злобы.

Ту любовь, что в годы странствий
Собирал,— не унесу я;
Вам ее оставлю в сердце
В час, когда оно замолкнет.

Вот тогда разрежьте сердце,
Вот тогда богатства выньте,
Сросшиися с тканью сердца.
Лишь ему доверить мог я
Ту любовь, что вы дарили,
И носил ее с собою,
Чтоб отдать не знавшим солнца
И любовь навек забывшим.

Ах, когда я путь продолжу,
Там, в просторе безграничном?
Там, где нет сердцебиенья,
За великим тем порогом?
Я для вас тот путь продолжу.
Только вашей любовью,
Что мне душу пронизала,
Победить смогу я ужас
Перед жизнью той,— покуда
Не вернусь домой, чтоб снова
Новое вручить вам счастье.

8.V.1908, 15.IX.1912

ВЫЗОВ

«Око за око
И зуб за зуб.
Кровью зальем мы
Землю вокруг!»

Это ваш клич
Разбоя и боя
Волки и вороны,
Идите, каркая, воя!

Что ж, мы слышим,
Мы будем драться:
Око за око
И зуб за зуб!

Но знайте, запомните:
Глаза у нас зоркие,
И они все видят,
Видят сквозь ваши одежды.

И жир вашей плоти,
Гниющих костей труху,
Видят сквозь тонкие ребра
Трусливо дрожащих
Гиен сердца.
Знайте, запомните:
Зубы у нас как пилы.

Они разгрызут
Ваши кости и жилы,
Ваших панцырей медь.
Они подточат
Основы основ —
Вы рухнете разом!
Что ж! Вы сами хотели.
Так, око за око
И зуб за зуб!

1907, 1913

ПЕСНЯ СИРОТ

Ту песню буду петь я снова,
Что пел народ во тьме суровой,
Ту песню скорби, слез и боли,
Скупой бессолнечной неволи,
Ту песню тяжкого былого.

Та песня, что без солнца пелась,
Так до конца и не допета,
И стих неспетый давит тучей,
Шумит грозю неминучей
Та песня, что допеть не смели.

Та песня, что рабы певали,
Не спета до сих пор народом:
На камне мелет змей средь моря
Муку, насильникам на горе,
Все мелет, мелет год за годом.

Та песня так и не допета,
Но допоют ее в отчизне
В тот час, когда с живыми вместе
Восстанут мертвые для мести
И засияет солнце жизни.

1913

МАЙСКИЙ МАНИФЕСТ

(Всем трудящимся)

Мы общества основа — класс великий,
Мы — пролетариат,
Что должен стать грядущего владыкой,—
Не милостью святого провиденья,
А пламенной борьбою, единеньем,
Что чудеса творят.
Мы оглашаем манифест сегодня,
Повсюду пусть летит призыв свободный:
«Привет, пролетариат!»

Мы поднимаем на борьбу мильоны,
Мы — пролетариат,
И там, где слышны были только стоны,
Свободу угнетенным возвещаем,
Своей рукой разрушить призываем
Капитализма ад.
А манифест, что в феврале «дарован»,
Его отвергнет с гордостью суровой
Весь пролетариат.

Из ножен вынут меч, готовы к бою
Мы — пролетариат.
Струится слово мощью огневою,
Сердца пылают, пламенеют очи,
Кто силы влил в единый строй рабочий —
Сильнее стал стократ!

В великом коммунистов манифесте
Призыв к трудящимся — итти всем вместе
С тобой, пролетариат!

Мы любим братьев, гнет нам ненавистен,
Мы — пролетариат.
Война войне! Вот высшая из истин!
В великой битве ради лучшей доли
Мы солидарны. Ближко, далеко ли —
Поможет брату брат.
Пусть громом прогремит воззванье наше,
Пускай войне клич мира будет страшен —
Зовет пролетариат!

Могучи мы, победа будет с нами!
Мы — пролетариат.
В груди колосса — яростное пламя.
Его ли потушить кровавым током?
Свободы гимн! Из недр тюрьмы жестоких
Его слова звучат,
В одном порыве всех соединяя.
С надеждою великой повторяет
Их пролетариат.

Волнуется, как океан огромный,
Весь пролетариат.
Уже слышны вдали раскаты грома.
Кто с бурей поспорит огневою?
На смерть пойдут безвестные герои —
Их подвиг свят.
Свободы реет манифест над нами.
Все выше красное взвивает знамя,
Чтоб ярче разгорелось в душах пламя,
Сам пролетариат!

1913

СТРАЖ ЖИЗНИ

Все в жизни, все — хорошее, плохое —
Ты должен пережить в пути своем.
Душа просить о помощи стыдится,
А сам никто на помощь не придет.

«Смерть — вот исход. И мне ль ее бояться?» —
«Ты слеп, ты много больше должен знать
И в битву с ней вступить вооруженным».

Смерть — жизни враг. Нам с ней не по пути.
Ты — жизни страж, брожение сил ее!

9.V.1910, 17.I.1916

ТРОПИНКА ЖИЗНИ

Тропинка жизни — вниз с горы суровой. . .

— Ужель и ты?

Нет! В новом лике ринься к жизни новой!

2.V.1916

ОГЛЯДЫВАЯСЬ

Не знал такой забавы никогда я,
А вот гляжу на все, что протекло,
И, строки старые мои читая,
Печально вижу дней моих число.

Что ж? Век я прожил, лишь в мечтах витая,
Но знаю я, что труд меня зовет.
Прочь, старое! Смелей, мечта святая!

Я оглянулся. Кончен ли полет?
Нет! Втрое шире вольный небосвод!

8.IX.1916

НЕ ТОЛЬКО ЖИТЬ...

Не только жить, не только отражать,
Не быть кустом иль заводью зеркальной,
Но жизнь творить и вечно подымать!

7.XI.1916

ОДИНОКОЕ ОБЛАКО

Смотрю с горы: осенней тишиною
Приглушены в долинах голоса,
Как на столе, лежит передо мною
Последняя прозрачная краса.

Ввысь облако уходит утомленно.
Струится влажный воздух сквозь леса,
Дух листьев прелых и травы зеленой.

Сквозь запах тленья льется запах трав,
С уничтоженьем жизнь навек связав.

13.XI.1917, 9.VIII.1918

ОГНЕННЫЙ ЦВЕТОК

Огненный цветок —
Мой рот горит, но бьет ознобом тело.
Приди, чтоб взором сердце мне согрело.

Ты — нежное тепло в моей душе,
И от тебя она полна весною.
И днем и ночью солнце надо мною.
Ты — светоч, что зажжен в моей душе. . .

Всю жизнь меня великая мчит сила
Туда, сюда. . . Я б на груди затих
Твоей, как пена на волнах морских,
Я слушал бы дыханье губ твоих. . .
Но к северу магнит ведет кормило. . .

15.II.1920

ВЕРЮ ТВЕРДО

Смерть уступает жизни — верю твердо!
Ведь жизнь всегда права.
Борись за жизнь! Стремись за солнцем гордо!

23.VI.1920

Я всех любил вас равною любовью.
В награду вы меня
Обманывали, предали злословью.

А ваши души — жалкие калеки!
Их солнце не зажжет,
С другими в лад им не звенеть вовеки!

О, если б вас мой пыл сумел расплавить
И вместе бы могли
Мы солнце тысячеголосно славить!

Вы молоды, но ваши мысли стары!
Когда ж я встречу тех,
Кто будущее жаждет строить яро?

10.VIII.1921

ДУШИСТОЕ ЧУДО

Букет цветов поставлен мне на стол...
Хотя поля пусты, деревья голы,
И все кругом убито злым морозом...
Но чудо на столе моем цветет.

Оно дарит мне вдохновенья жар,
Как ты, весна, что недоступна стужам.
Поля вокруг мертвы, деревья голы.
Объаты зимним холодом сердца...

Цветы тобой поставлены на стол
И, словно сердце юное твое,
Всегда цветут.

27.XII.1920

МИЛЫЙ МАЙ

Наш красный май,
Приди в наш край!
Привет! Скорей, любимый,
Чтоб встать с рабочими всех стран
В единый строй могли мы!

Война по всей земле прошла,
И сталь ревет и рвет тела,
И стынет кровь, и гнев кипит,
Повсюду стон и плач стоит,
На братьев братья в бой идут,
Друзья друзей не узнают,
И лишь в народе трудовом
Единства луч горит огнем.

Наш красный май,
Приди в наш край!
Дай смелость нам, любимый,
Чтоб вновь шагать вперед
С народами могли мы!

Мы говорим: войну долой,
Буржуев в пекло головой!
Все цепи, все оковы сбить!
Все тюрьмы, все остроги срыть!
От сабель произвол отнять!
Все должен сам народ решать!
Ведь только трудовой народ
Желает мира, солнца ждет.

Наш красный май,
Приди в наш край!
Дай силу нам, любимый,
Чтоб вновь для мира стать
Опорою могли мы.

Мы говорим: наш труд суров,
Работать восемь лишь часов!
Лишь хлеборобам землю дать!
Власть из когтей вороных взять!
На общий труд людей вести
И всем свободу, свет нести!
Прав только трудовой народ:
В социализме счастья ждет.

Наш красный май,
Приди в наш край!
Привет! Скорей, любимый,
Чтоб встать с рабочими всех стран
В единый строй могли мы!

1920

ОТВАЖНАЯ МЫСЛЬ

«Фантазия, фантазия!
Больше скажу я:
Призраки!»

Да, да, я больше скажу вам:
Слишком была дерзновенною мысль —
Из бездны холопства, смиренья,
Из глубочайшей, темнейшей неволи
Свободным властителем мира встать,
Светлую власть в свои руки взять...

Не облегчать ярмо,
Не укорачивать кнут,
Не притуплять острия шипов,—
Нет, и кнут и ярмо изломать,
Новую силой себя осознать!

Отважной и дерзкой та мысль была,
Но в ней — основа грядущих событий,
Об этом вы миру всему возвестите!

1920.

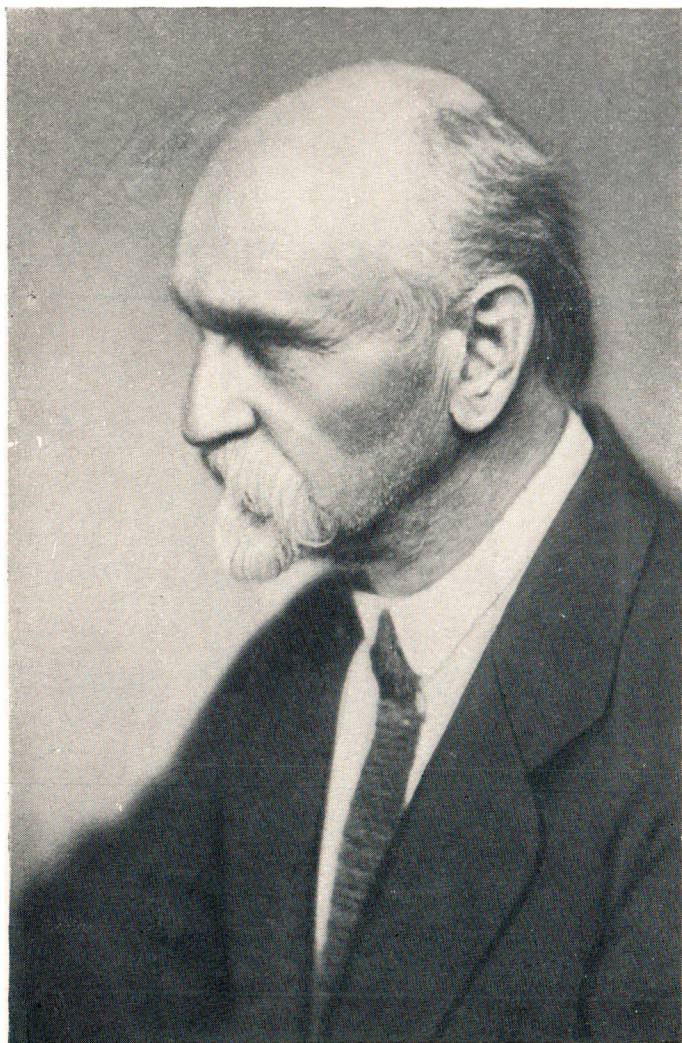
ТЕБЕ ОПЯТЬ В БОЙ!

Не опьяняйся красотой искусства,
Не прикрывай глаза туманным флером:
Ясней сознание и острее чувства,
Когда на жизнь открытым смотришь взором.

Конец свободе, строю новой жизни.
Кровь льется, человечество позоря,—
Порядок мертвый водворен в отчизне.

Так вновь борись со старым злом сурово
И силой духа укрепляйся снова!

1921

ЧЕРНОЕ ПОКРЫВАЛО

Когда твои глаза не светят мне,
Смотрю на звезды в темной глубине.

Тогда луна касается реки,
Как нежность бархатной твоей щеки.

Окутан покрывалом тьмы ночной,
Я без тебя ступаю как слепой.

2.IV.1922

ЖАР ОЧЕЙ

Возвратился я,
И добился я
Блеска сотен тысяч жарких глаз.

Время в путь. Я стар.
Что ж оставлю в дар?
Жаркий блеск моих бессонных глаз.

<1922>

ТЫ СМЕЕШЬ

Орех сказал: — Грызи меня,— ты смеешь,
Я телом бел, твои белее зубы.

Сказала вишня: — Что ж, кусай,— ты смеешь,
Твой рот красней моей багряной крови!

Вино сказало: — Пей меня,— ты смеешь,
Моей души твое дыханье слаще!

А сердце бедное молчит, трепещет,
Оно горит в твоей руке, стыдясь. . .

Что жарче? Нежная рука
Иль сердце?

2.III.1923

ПРАЗДНИК ВОЗРОЖДЕНИЯ

Праздник весенний отпраздновав, солнце приступит
к работе.
Так и рабочий проснись, празднуй и труд продолжай!

Труд твой не только за хлеб — он дает тебе право
бороться.
Труд твой пока что — ярмо, радостью будет он впредь.

Солнце и рядом рабочий — вот главная сила вселенной.
Солнце пусть греет весь мир, жизнь пусть рабочий
творит.

1923

БЕЗУХАННАЯ СИРЕНЬ

Если я тебя встречаю,
Все вокруг вдруг исчезает,
Ничего не вижу и не слышу.

Запахи цветов люблю я,
Но когда тебя я вижу,
Даже и сирень не пахнет.

22.X.1924

ПРИМЕР МАЯ

Красные думы —
Вольные думы
Всех угнетенных
Судьбой угрюмой.

Вам ли мириться
С нуждой и слезами?
Вашей судьбы вы
Хозяева сами!

Это сознание
Силы рабочей —
Нового зданья
Будущий зодчий.

Тесно дружины
Соединяя,
Все вдохновляйтесь
Примером Мая!

Май-победитель
Мрак уничтожит.
Пусть и рабочий
Делает то же!

1924

ЗВЕЗДЫ, ЦВЕТЫ И ДУША

«Вот бери что захочешь!» —
«Что ж ты мне дашь?» —
«Звезды, цветы или душу —
Сам выбирай!» —

«Звезды цветут, но не пахнут,
Пахнут цветы, но безмолвно,
Души цветут с ароматом и речью,—
Дай же мне душу!»

1924

ПЕРВОЕ ПИСЬМО

Держу я первое твое письмо.
По телу шелест счастья пробегает...
Словечки милые и обещанья —
Я пережил их сотни раз, наверно,
Ведь аромат души так драгоценен.

Все ново, неожиданно, как чудо!
Как будто мир чужой ты приоткрыла.
Дрожа от радости, смотрю, плененный.

<1925>

НЕУМИРАЮЩАЯ ПАМЯТЬ

Все то, что я любил года,
Мне не наскучит никогда, —

Как о любви убить воспоминанья?
Как вырвать камень, плод труда,
Из мной воздвигнутого зданья?

<1925>

КРАСОТА МОРЯ

Как море блеск струит,
Как ласков ветер!
Как алы губы твои
В алом меркнушем свете!

Чудесен моря вид
Под лучезарным светом!
Иль я, по берегу бродя,
Не знал об этом?

Не правда ль, надо вновь
Поехать в море, чтобы
В том убедиться? — Поезжай!
— Нет, оба! Оба!

<1925>

ДОРОГА В СТРАНУ СЧАСТЬЯ

«Где дорога в край далекий счастья?» —
«Я не знаю, у меня тоска.
Знает облако, что на высотах,
Белое, счастливое, плывет». —

«Облако! Где край далекий счастья?
Белое, счастливое, скажи!» —

«Я не знаю счастья, я тоскую,
Исчезаю в воздухе, грустя.
Белое, лучистое, стремлюсь я
Вдаль. . . О счастье, верно, знают ветры,
У которых жизнь — сплошная пляска!» —

«Ветры, знаете дорогу к счастью?
Ветры, ваша жизнь — сплошная пляска!» —

«Мы не знаем счастья, мы тоскуем:
Слышишь наш протяжный, скорбный вой?
Облетели землю — не нашли мы
Счастья. . . Лишь всевидящее солнце,
Счастье излучая, светит нам».

«Солнце, солнце, где дорога к счастью?
Счастье излучая, светишь ты!» —

«Я не знаю счастья, я тоскую
И — слепое — расточаю свет,
Путь держа к первоначальным солнцам. . .

Знает месяц, у него спросите:
Даже тьма его очам открыта!» —

«Месяц, месяц, где дорога к счастью?
Даже тьма твоим очам открыта». —

«Я не знаю счастья, я тоскую
По тому, чего на свете нет.
То, что было, я ищу во мраке.
Где мне! Дочь мою спроси: она
Знает все глубины, даже душу». —

«Месяц, подари мне дочь свою!» —

«Засылай к ней сватов, если можешь!» —

«Закружилась голова. Мне страшно».

<1925>

ГЛАЗА ЛЮДЕЙ И ОЧИ ЗВЕЗД

Свет дневной глаза людские
Властно пробуждает к жизни,
Вместе с тем он неуклонно
Очи звездные смежает.

Ночь. . . Она живет и дышит!
Небо звездами клокочет, —
Вовлеченная в созвездья,
Ввысь душа моя стремится.

Вечер сном глаза смыкает,
Очи звездные подьемлет.
Сон и явь — где их граница?
Жизнь и смерть — как отличить их?

Вековечные вопросы. . .
День отождествляем с жизнью
Только мы. А для вселенной
Нет подобного различья.

<1925>

КТО СВЕТ?

Ведь ты, ты — свет и ясность, смех и радость,
В тебе вся жизнь и все тепло земное,
Всей тяжестью земной меня ты тянешь
И крепко держишь.

<1925>

ИЩУЩЕМУ

Не напрасно ль
    новую борьбу ты ищешь?
Разве кончена
    та, старая борьба?

Стой на прежнем
    боевом посту бессменно!
В новом облике
    все тот же враг пред нами.

1926

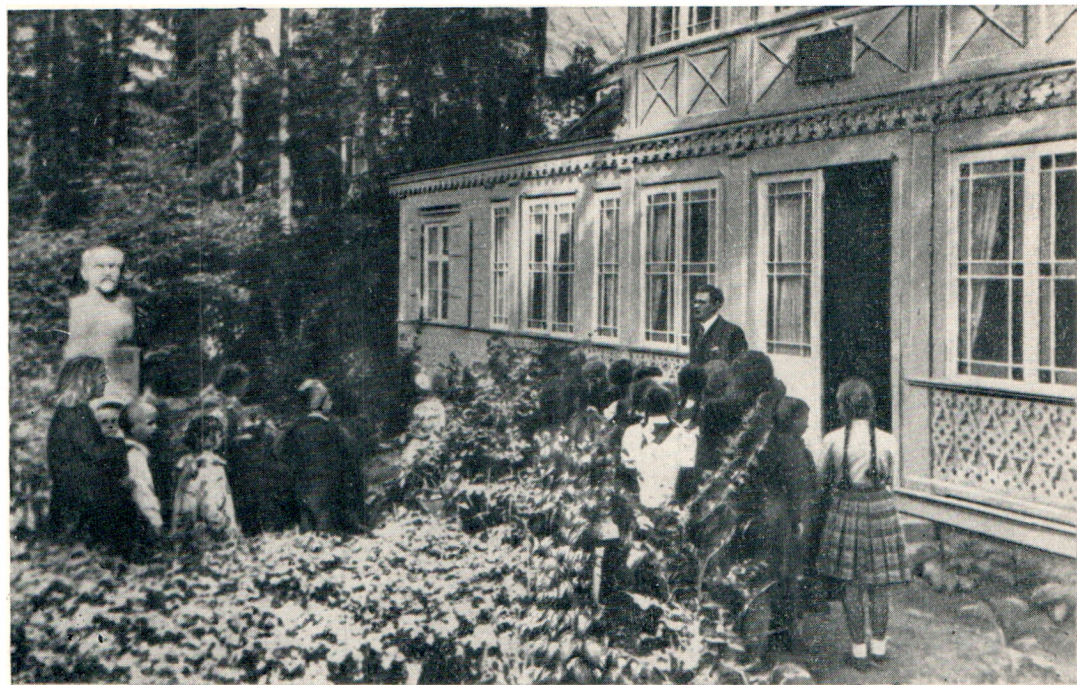
НЕ ЗАБУДЬ О СЕБЕ!

Рабочий — ты основа
И ты всего сильнее,
Другие классы держатся тобой.

Ты должен стать ведущим,
Свободу в мир несущим,
Ты ценности творишь своей рукой.

Крепи свой дух и силы,
Чтоб свергнуть строй постылый,
Создать непобедимый новый строй!

1928

II

A V E S O L !

(1906—1908)

III

До дна души волнует сила эта,
Безмерна боль: блеск нестерпимый бьет;
Безмерна радость: в ликованьи света
Ты возрожденья чувствуешь полет.

Сомнения, владевшие душою,
Уходят прочь: стал синим небосвод.
И дух на подвиг вдохновлен борьбою.

Смерть не страшит высокие сердца:
Струит им солнце счастье без конца!

РАННИЙ ВОСХОД

Non est vivere, sed valere, vita!

Не только жить, но быть сильным,—
вот жизнь!

Учение римлян.

I

Как самой лачуге, душно
И тому, кто в ней ютится.
Стены копотью покрыты,
Потолок нависший давит,
Дым и чад ползут лениво,
И потухшим мутным взглядом
Вдаль окно глядит, мигая.

II

А в полях ветрам раздолье:
Старых крыш солому треплют,
Дым развеивают в клочья,
Гнут деревьев голых ветки,
Гонят желтый лист осенний,
Вихрят снег в метелях буйных,
Волны мчат, колеблют скалы,
Облака сгребают в кучу
И, сметая, черной грудой
Валят их в провалы неба.

III

А в полях ветрам раздолье:
Просветлев внезапно, небо
Открывается бездонно,
Солнце вынырнув, блистает,
Взор слепит как бы ударом,
И на миг под ярим блеском
Замирает в страхе сердце,
Голова, хмелея, никнет.

IV

И тогда в душе все выше
Пламя радости взмывает,
Под теплом лучистой ласки
Сон стряхнув, светлеет разум,
Нет в груди оцепененья;
Чувства, новому открыты,
Сотней рук вбирают радость,
В сотне образов — всё сразу —
Как в беспамятстве хватая.

И глаза опять раскрылись
Блеску яркому навстречу
И, еще как бы в смущеньи,
Очарованные светом,
Устремляются в восторге
Вслед ликующему солнцу.

V

Солнце поднялось высоко,
Широко лучи раскинув,
Мрачный сумрак разогнаю,
Все кругом окрасив счастьем:
Лес угрюмый лба не хмурит,
Ветки смело распрямились,
Расцвела улыбкой пашня,
Раздается щебет птичий,
Звери норы покидают,

Дали ширят гром весенний,
Дымкой пар с земли струится.
Все кругом преобразилось!
И глаза, встречая солнце,
Обновленной видят землю!

VI

Солнце поднялось высоко,
Свой великий путь свершая,
Холодком слегка повито.
С моря — ветры-ледоломы,
Гул вокруг, и треск, и грохот,
И томят и манят дали.
Вскинув солнечные копыя,
Ветры снег разят блистая,
Колют лед, ручьи вскрывают,
Будят сразу их от спячки,
Выпускают их на волю;
На дремавших тихо нивах,
Что к земле припали робко,
Буйный шум теперь гуляет,
И томят и манят дали,
Нежной шелковой нитью
Путь прокладывая к солнцу.

VII

Солнце, весело шагая,
Все улаживает быстро:
Дни растит, срезает ночи,
Растянувшиеся слишком,
И ущербный чахлый месяц
Сталкивает с небосвода:
«При ночах ты был дозорным,
Как же дал им свет осилить?
Вот теперь во мрак и стужу
Ночи землю заключили».

И серебряной секирой
Месяц бьет по наковальне,

Так что брызжут звезды-искры:
«Юным стань, блистай поярче,
Светлым взором тьму пронзая,
Пусть и ночью нет ей места!»

VIII

Солнце шествует со смехом
По тропе борьбы суровой,
Гонит мрак из всех задворков,
За вихры леса таскает,
Из яров мороз волочит,
Прячущийся под корнями,
Ливни шлет, ручьи вздувает,
Градом бьет, ломает бурей.
Смотрит пахарь ясным взором:
«Ах, пусть буря ломит рощи,
Пусть по ниве хлещет градом,
Пусть разлив поля размочит,
Пусть хоть гибель,— но я видел
Миг великий пробужденья,
За которым — жизнь и солнце!»

IX

Солнце на пути великом
Над землей шагает звонко:
Отшвырнув обломки мрака,
Золотой свой след роняет
На луга, поля и нивы,
На болота, боры, горы,
На простор широкий моря,
На высокий, необъятный
Свод небес,— в его лазури
И на травах изумрудных
Золотыми письменами
Путь свободы отмечает.
Льет свой блеск до стран полных
С вечным сумеречным снегом,
Словно вал навстречу вставшим.

Х

Солнце на огромных крыльях
Мчится по небу, сверкая,
Золотым орлом в лазури,
Распростершим мощно крылья
От востока до заката;
Перед ним простор распахнут;
Словно перья, рвутся тучи.
Нет преград полету солнца!

Все пространство им объято:
И над полюсом сверкает,
И в твоих глазах смеется.

Ширит крылья, вздыбив перья,
Когти в лед, как в воск, вонзает
И с землей-добычей мчится.

XI

Солнца огненные очи
Смотрят смело и победно,
Вкруг всего земного шара
Тьму выискивая зорко:
В чаще леса и в пещерах,
Под камнями, на болотах,
И в ущельях, по обрывам.

Холод, ночь и зло таятся,
Уходя все глубже в чашу,
И хоть им и страшно, всё же
Слуг своих под гнетом держат:
Всех червей и змей коварных,
Пресмыкающихся, черных,
Злобно жалящих, шипящих.

XII

Солнца огненные очи
Все пронзают, всюду ищут,
Где еще у ночи норы.

Проникают в лбы тупые,
Где укрылись злые мысли,
В скорлупу сердец жестоких —
Темных дел приют укромный,—
Разрывая те покровы,
Что соткал холодный разум.

Низость, зло и преступленья
Беспощадно обнажают
Перед взорами людскими.

XIII

Солнца огненные очи
Смотрят смело и победно
В темень нор, где дым и копоть,
Где еще, все глубже прячась,
Ночь зловещая ютится:
Сквозь зловонье узких улиц,
В затхлый мрак сырых подвалов,
Где, навек пленен, томится
Из живущих в целом мире
Самый слабый и несчастный —
Человек, что в рабстве жалком
У другого человека.

XIV

Солнца ласковые очи
Пронизали дым и копоть
И сквозь толщу стен подвальных
К обездоленным пробивались.
И струят тепло лучами
В изможденные от горя
И невзгод сердца людские,
Чтоб поднять их вместе с солнцем
К настоящей яркой жизни!
Раны старые врачуют,
Пробуждают вновь надежду
Вместе с гордостью забытой.

И сердцам, под лаской солнца,
С дрожью радостною мнится,
Что назад из синей дали
Мчится светлое их детство,
Канувшее в сумрак ночи.

ПРАЗДНИК ЦВЕТОВ

Будь у тебя в сердце тысяча ворот,
как в Фивах,— впускай радость во
все ворота.

Древнегреческая поговорка.

I

Солнце, с юной, новой силой
Засверкав, стоит в зените.
В нити длинных дней горячих
Ночи краткие вплетает,
Зная лишь недолгий отдых
Меж трудов великих света.

Гонит мрак и рушит царство
Гнета, злобы и насилья,
Новой жизни путь готовя.
В прах отжившее крошится,
Отползает мрак все глубже,
Вот клубком в земле свернулся
И шипит в бессильной злобе:

«Над землей пусть светит солнце,
Вглубь ему ведь не проникнуть
И не вызвать жизнь в могиле!»

II

Солнце, с юной, мощной силой
Засверкав, стоит в зените,
Смотрит вниз, светло смеется.
Бороздит поля лучами —
Кони белы, златогривы,
Лемеха блестят алмазно,—
Зерна света сыплет в землю
Из огнистого лукошка;
Дерн с могил срывает старый,
Из мочаг вбирает влагу,
Град и ливни шлет, и воздух
Вихрит, ветры раскаляя,—
Все дела свершает разом!

III

Солнце с ласковою силой
Смотрит вниз, смеется мягко
И, своих лучей потоки
Щедро всюду проливая,
Все от нежности трепещет.
Жесткие сухие ветки
Ласкою живит лучистой,
Под корой деревьев грубой
Будит вновь живые соки.
Те очнулись, забродили
И, бурля, стремятся кверху,
У ветвей по гибким пальцам
В каждой жилке разливаясь;
Из ветвей и нежных стеблей
Манят почки и бутоны.

IV

Солнца ласковая сила
Землю в зелень трав одела,
Разлила повсюду чистый
И душистый запах травный,
И пыльцой — цветов дыханьем —
Воздух свежий напоила.

Яркий венчик свой колебля,
С ясноглазою улыбкой
И дыханьем благовонным,
Все цветы раскрыли губы-
Лепестки и, млея, рдеют,
Только взглядом признаваясь
В той любви, давно таимой,
Что томилась, так стыдливо
О взаимности мечтая.

На детей любви прекрасной
Солнце смотрит улыбаясь.

V

Солнце целый день сверкает
Золотом бледнозеленым,
Убаюканную землю
Золотой окутав сетью.
На горах и в море неба,
В быстрой смене радуг — синих,
Ало-белых и зеленых —
Пляшет солнце, сыпя искры.

Головой встряхнет — струятся
Золотых волос каскады,
Над землею расстилаясь
Шелковистыми волнами.
А земля в тепле блаженном,
Дрожью сладостной объята,
Улыбаясь, раскрывает
Тысячу очей озерных,
Вся для счастья пробуждаясь.

VI

Солнце целый день сверкает,
А земля навстречу дышит:
Сладостной любви дыханье
От полей несется в полдень,
Из лесов плывет под вечер.

В норах скрытых мрак бормочет:
«Ты пляши, пляши, красуйся,
Это пляска над могилой,
Там свою ты справишь свадьбу,
Гроб любовным будет ложем!»

А цветы в ответ смеются:
«Гроб и тлен — тебе оставим!
Мы, рожденные любовью
Брака солнечного дети,
Мы идем владеть вселенной!»

VII

Солнце все сильней сияет,
Тьмы глаза от злобы слепнут:
«Над землей пляши, над морем,—
Не сиять тебе в глубинах:
В тундре — вглубь лишь полсажени —
Мерзлота лежит веками,
Вглубь полсотни сажен в море —
Тьма извечная простерлась
На пятнадцать тысяч сажен;
В тьме — светящиеся рыбы,
Им совсем не надо солнца,
Им наверх подняться — гибель:
Лишь под гнетом жить и могут».

А в ответ смеются волны,
В них, как блёстки солнца,— рыбки:
«Царством смерти правь в пучинах!
Здесь, вверху, всей жизнью правит
В ликованьи блеска — солнце!»

VIII

Солнце в ликованьи блеска,
Целый день сверкает яро,
А земля навстречу дышит.
Дали радостно разносят
Песни славы и победы:

Солнце силой всемогущей
Одолело мрак и немощь.
В воздухе струится дымка,
Море, до краев вздымаясь
И взыграв, с размаху плещет
Пену белую на берег.
Солнцем мир в парчу наряжен:
Горы — в бархат серебристый,
Небо — в звездные алмазы,
Тень долин — в живое пламя,
Чтобы вдосталь дети солнца
Пили, праздную свободу!

IX

Солнце без конца сияет.
Ты стоишь, охвачен солнцем,
Все глядишь — не нагладишься:
Ливень блеска золотого
Льет в лицо — на лоб, на щеки,
На глаза, на рот, на кудри,
Так что шейный шарф срываешь,
Грудь открыть потоку солнца.
Солнце льется прямо в сердце,
Где сгустился мрак давящий,
Стоны скорби вырывая.
Льется,— и бывшие муки,
Как придушенные змеи,
У тебя из рук валятся,
И твой дух, согретый солнцем,
Вместе с воздухом полудня
Ввысь взлетает, крыленный.

X

Солнца светом весь объятый
И теплом его пронизан,
Чувствуешь себя прозрачным.
Любопытными глазами
Сам себе ты смотришь в душу,—
Словно в нити бус янтарных,
В тайны сердца проникая.

Ты дивишься: нет обиды,
Душу ненависть не душит,
Ясен ум, беззлобно сердце,—
Это будни их давили.

И душа преобразилась
И летит навстречу солнцу
В легком облачке воздушном,
Как в сорочке белоснежной,
Где каймой синеет небо.

XI

Солнце без конца сияет;
Из сердец лучится солнце:
В них любовь рождается снова.
И они, самозабвенно
Разливая светом разум,
Увлекая братьев к солнцу,—
Сами зеркало для солнца!

Мрак язвит, сомненья сеет:
«В сердце зло живет извечно:
Корни трав — в земле, во мраке,
Корни сердца — в себялюбьи;
Не преобразить их солнцу,
Сердце в злобе вновь застынет».

Но сердца, лучась, смеются:
«Сердце, что ни тьмой, ни кровью,
Ни сомненьями не смято,—
Мир возьмет в обличье солнца!»

XII

Солнце греет всех, свободой
И любовью наполняя.
Все сердца легки и ясны,
И у всех большие мысли
Через время и пространство
Мчатся в новый мир, где — верят —
Будет равенство и братство.

Снова мрак язвит сомнением:
«Сам ты добр, но пусть ягненком
Станет волк, слугой — хозяин;
Или будет все как было». —
Смех глушит сомненья мрака:
«Солнце нас растит и учит,
Пусть мы злы поодиночке, —
Воля масс к добру стремится,
Всех ведя с собою к солнцу!»

XIII

Солнце без конца сияет,
И ему навстречу толпы
Из глубин земли выходят;
Зыблясь как цветы, как травы
Покрывая ширь земную,
Вылезают из подвалов,
Двигутся сквозь дым и копоть,
Сквозь зловонье узких улиц,
С фабрик, где их пот струится,
Из цепей и мрака тюрем,
С ледяных полей пустынных,
От страданий, мук и крови. . .
То из всех живущих в мире
Самый слабый и несчастный —
Человек, что в землю втоптан
Алчной властью человека. . .
И текут рабочих толпы,
Искалеченных и бледных,
Но в глазах огонь пылает —
Солнце жгучее свободы!

XIV

Солнце мощное свободы
Светит новой силе мира:
Даже слабый стал героем;
И сыны труда стремятся
Праздновать расцвет свободы!

Люд рабочий — здесь все расы
И народы — майский праздник
Свой справляет и клянется
Строить братство, быть борцами,
Чтобы всем сверкало счастье
В человечестве едином.
В боевых речах и песнях,
Рвущих воздух гулким громом,
Блеском солнца над полями
Рдеют алые знамена,
И сквозь маки алых стягов
Солнцелико блещет юность
Сыновей труда и солнца!

ПОЗДНИЙ ЗАКАТ

Крепитесь — и сохраните себя
для будущих дел!

Виргилий.

I

Полным блеском блещет солнце,
Золотым смеется смехом
В полдень, в середине лета.

Небо — сплошь одно сиянье,
Весь простор как отблеск света.
В поле каждая травинка
Налита блаженно солнцем;
На дороге — все песчинки
Словно звездочки мерцают.
На меже, едва присядешь,
Как тебя охватит зноем:
Целый день земля и солнце
Вместе жаром ярим дышат.
Озеро до дна прогрето,
Душны сны у поздней ночи.

II

День пропитан ярим зноем,
И наседкою-орлицей
На гнезде-земле расселось
Солнце; перья распушило:

В зной пойдут ростки быстрее,
Все скорлупки треснут, всюду
Вылупится жизнь, ликуя:

Лес густой — на голых дюнах,
Волны ржи — на тощем поле,
Шелк лугов — в песках бесплодных,
Звери — в чашах, в реках — рыбы,
Стаи птиц — в просторах неба,
Семена живые — всюду.
Солнце каждой малой искрой
Жизнь несет в сердца людские;
Целый мир в них отражает
Солнце — созидатель жизни!

III

Солнце, созидатель жизни,
В голубом эфире стоя,
Щедрую рукой зеленой
Сыплет жизненные блага.
Ветер плащ свой шелковистый
Развевает над полями
И пыльцу у ржи цветущей
Легкой дымкой подымает,
Чтоб волной — из поля в поле —
Семена переносились.
Запах зреющих колосьев
Всем сулит покой и счастье,
А медвяный запах хлеба
Обещает изобилье:
Целый год все будут сыты,
Голодать никто не будет!
Ночь, таясь в корнях, на травы
Отряхает злобно иней:
«Ну-ка, глянь, создатель жизни!»

IV

Созидатель наш державный —
Солнце — все живое греет;
В счастья всех — величье солнца!

Кто идет, чтоб славить солнце?
Сотни маленьких сироток
Ножками бегут босыми:

«Солнце, словно мать родная,
Согревает нас, несчастных.
Золотой метя метлою,
Серебро семян посеяв,
Превращает наши слезы
В жемчуг радости бесценный:
Тех — сорочкой серебристой,
Этих — золотым кафтаном,
Всех надеждой оделяет
Из зеленой чаши неба».

Ночь, таясь в корнях, на травы
Отряхает злобно иней,
Сеет рознь в сердца людские.

V

Ярче пламенеет солнце,
За плечами ночи стоя,
И рукою белой утро
Зорь касается вечерних.
Бьется тьма в тисках у солнца.

Тьма шипит: «Уже успело
Завладеть ты всей землею?
Всем открыть источник жизни?
Все равно, как ни сияешь,—
Царствовать тебе недолго:
Дни твои пошли на убыль.

Ты хотело с корнем вырвать
Все старье? Украсить землю
Небывалыми цветами?
Вызвать мрак на поединок?

Тут и ждет тебя погибель:
Скоро жизни ключ иссякнет,

И земля зальется кровью,
И тебе — не быть, исчезнуть!»

Солнечно душа смеется.

VI

Ярче пламенеет солнце
И, сухим объято гневом,
Белым светится накалом:
Не дает и в полдень тени.
Засучив рукав, катает
Огненной рукою солнце
Шар каленый в знойном небе;
Истекая звездным потом,
Золотой кует кувалдой,
Ливнем искр на землю брызжет.
Где упали — дым клубится,
И пруды, мелея, слепнут,
Дрябло сохнут щеки топей,
Груды скал — в зигзагах трещин,
Травы старые поблекли,
Как и все, в чем жизни мало.

Горн готов: старье пусть гибнет,—
Выплавится новь на смену!

VII

Белым жаром пышет солнце.
Мрак, начав борьбу иную,
Даже зной берет подручным,
И ведет на битву с солнцем
Все мерзейшее в природе:

Из болот гадюк скликает,
Из прудов — слепящих мошек,
Множит смрад гнилой отбросов,
Бурой ржой колосья точит,
Голод шлет, болезни, беды,
Мор, лазутчиков, чудовищ,—
Синий град и дождь кровавый.

Всех иуд для жизни солнца,
Всех убийц для духа солнца,
Извращения и пороки,—
Всех на помощь созывает,

Чтоб и дух и плоть народа
В грязь втоптать и уничтожить!

Но душа к борьбе готова.

VIII

Белым жаром пышет солнце,
И в одной руке поднятой —
Меч серебряный, в другой же —
Сноп пшеницы золотистой:
Гонит мрак и в то же время
Урожай собирает с нивы.

Завершив свой труд великий,
Солнце может день убавить.

Подползает мрак все ближе:
«Кончен труд? Вороны веют,
Вороны молотят землю,
Что тебе цветущей мнилась,
А детей качают — совы.

Землю ты тревожишь только:
Коль согреешь — зеленеет,
Без тебя она бессильна,
И была моей, и будет!
Хмель цветов уже развеян,
Все готово к жатве смерти!»

IX

Белым жаром пышет солнце,
В золотых объятьях держит
Землю в пелене воздушной,

Дочь единственная солнца
Скоро станет сиротою:
Солнца дни пошли на убыль.

«Дочь-земля, не плачь напрасно:
Свежий цвет цветет — и вянет,
Пламя чувств горит — и гаснет,
Гром борьбы гремит — и молкнет,
Коль закончен труд великий.
Из цветов плоды рождаются,
А из чувств — дела, и время
Мчится в колеснице грома:
Все готово к жатве жизни!

Сила солнца урожаем
Одарила землю. В браке
Двух начал — исток вселенной!»

Тьма шипит: «Творец вселенной
Сам другому солнцу служит!»

Х

Белым жаром пышет солнце:
«Дочь-земля, тебя все выше
Понесу, к другому солнцу,
К матери всей нашей жизни;
Тьме туда и не добраться!
По кругам проходит время,
Каждый круг ведет все выше.
Путы тьмы с себя ты сбросишь
В миг великий столкновенья:
Мир весь пламенем охватит,
Пар заполнит все пространство,
Дым дойдет до звезд далеких,
В буре новая взметнется
Жизнь, вращаясь бесконечно.

Вещество в миры сгустится,
Что вскружатся в новой пляске,
Новых солнц лучами греясь».

Но земля понять не может,
Как ей жить без солнца,— молит:
«Солнце-мать, со мной останься!»

XI

Солнце в дальний путь собралось:
«Ты, душа, будь искрой солнца:
Утешай в сиротстве землю!»

Ей — душа: «Не плачь: ведь смерти
Нет для солнца! Вечно пламя
Льет оно, не зная тени,—
Ночью, днем, зимой и летом.

Ты, земля, лицо от солнца
Отвернешь в прохладу ночи —
И спешат на отдых люди;
Кажется, исчезло солнце;
А тебя заслонит месяц —
Кажется, затмилось солнце.

Ты — горошинка, а месяц —
Лишь песчинка в небе. Как же
Вам затмить собой светило!

Дождь, и снег, и тьма, и зимы —
На земле ведь, не на солнце,
И в разгар зимы к весенним
Дням сворачивает солнце».

XII

Солнца белый блеск желтеет.
И земля зимы боится:
«Солнце есть, а я погибну,
Вся краса моя исчезнет».

Ей — душа: «Умрешь — воскреснешь:
Жизнь из смерти вырастает,

Красоту оставишь детям.
Все умрут, но смертный — делом
В человечестве бессмертен!»
Солнце светом озаряет
Землю, и людей, и нивы;
Вереницы звезд, пространства —
Всё к вершинам подымает;
Раскрывая своды неба,
Растворяет двери тайны
И неравенство стирает;
И, в борьбе неутомимо,
Освещает вечным светом
Путь для новых поколений.

Уподобимся же солнцу!

ХІІІ

На закате солнце. Стелет
По земле туманы, словно
Простыни нежнее шелка,
А поверх туманов ветры
Пухлых туч кладут перины.

С резким воем мчится осень,
Опоясанная бурей;
И стеклянными глазами
Сумерки зима пронзает:
Не пора ли ей явиться?

Вороны, черны, угрюмы,
Точат клювы, чуя беды;
Влага оплотнела, гасит
Вид на горы золотые;
Белые орлы сиянья
Редко в тучах пролетают.

Рощи сплошь одеты в траур,
Плачут травы на полянах,
На изломах волн бурливых
Поздний свет мерцает жутко.

XIV

Солнце в дальний путь собралось
И себе наряд готовит:
Рдеет край небес багрянцем,
Шелкотканый плащ распахнут
Алою зарей вечерней;
Белую надев одежду,
В море — черную бросает.

В колеснице золотистой
На серебряную гору
Пить вино поедет солнце.
Два ковша в руках; но в правой —
Белый ковш; зеленый — в левой.
В правой — снег морозной пеной,
В левой — сладкий сок из листьев:
Смерть испить, чтоб вновь воскреснуть.

Колесница солнца медлит,
Алый плащ коснулся моря
Влажной, белой бахромою.
Тихо-тихо никнет солнце,
Золотым плодом играя.
Край небес, бледнея, меркнет.

XV

Край небес, бледнея, меркнет.
Швы еще багрянцем рдеют,
Синь и золото меж складок.
Дымно облака темнеют,
Вечереет, тьма — как ночью;
Гром гремит, пылает небо;
Север чашу гнева пролил:
Смесь дождя, паров и грязи.
В гуще туч бушует пламя.

В небе бьются исполины,
Мечут копья красной меди,
Тяжко рушатся на землю:
Вытоптать посева солнца,

Завалить колодец жизни:
«Все пусть гибнет! Пусть — не будет!»

Поле, жаждущее крови,
Собирает жатву смерти,
Близится зима босая,
И дрожат земля и души,
Но с закатом медлит солнце.

XVI

Но с закатом медлит солнце:
Обернуться бы, с землею
Прощаться, словом ласки
Перекинуться с душою!

Солнце гонит исполинов:
Смолк глухого грома грохот,
И сквозь щель в косматой туче
Свет забил лазурно-белый,
Воздух свежестью налился.

Но, растоптана, размыта,
Зябко спит земля, и в кокон
Бабочка-душа укрылась.

Солнце смотрит грустным взором
И дугою семицветной
Развило жемчужный пояс —
Знак надежд и обещаний:

«Вам воскреснуть вновь! Идите
Вверх по радуге лучистой
Через мрак и тучи — к солнцу!»

XVII

В сине-серебристом свете,
По великим сменам года
С их вращением извечным,
В дальний путь свой мчится солнце.

И детей своих с собою —
Землю, и луну, и звезды —
В громе, в блеске белых молний,
Рушась в бездны, мчит к сверх-солнцу —
К центру всей вселенной, к солнцу,
Смутно снящемуся душам.

Молния, родясь в тех безднах,
Миллионы лет несется,
Но земли достичь не может.

Там угасли все счисления,
Слиты время и пространство,
Млечный Путь светло струится,
Пылью звездною осыпан.
И туда летят и солнце
И душа, взыскуя света:
«Солнце новое, явись нам!»

ОГОНЬ И НОЧЬ

Старая песня на новый лад

ПРОЛОГ

Над рекой луною соткан
Мост, где свет и тени.
Духи сновидений
Из лесов скользят в тумане.

Гнется мост под их стопою,
Чуть дрожа, сверкает.
На волне мерцают
Золотые рыбы-звезды.

Голоса слышны из ночи,
Страшен гул их дикий:
Песни, стоны, крики,
Битвы шум и нежный шепот.

И приходят сновиденья
Белым, смутным строем,
И тела героев
На руках в гробах проносят.

Смерти сном не позабыться
Тем, кто пал в сраженьи.
Из полночной тени
Их тоска на землю гонит.

Старый бой еще не кончен,
Нет еще победы.

Чтоб отмстить за беды,
Гнев их поднял из могилы.

Каждый раз они выходят
Полночью глухою,
И звучит тоскою
Вечной битвы мрачный отзвук.

Из гробов и тьмы выходят
Биться неустанно:
При луне туманной
Блещут их мечи и брони.

Ночь с огнем вступила в битву,
Тьмою зло одето,
Но победу света
Торжествует жизнь над смертью.

Будет мир душе героев!
Мост ведет из тени
К новым поколениям,
Что окончат бой победой.

Над рекой луною соткан
Мост, где свет и тени.
Духи сновидений
Из лесов скользят в тумане...

Медлительно стелются туманы. Какая теплая майская ночь! Как нежно сияет луна в реке! И опять все ближе и ближе подходят ко мне мои сны, видения майской ночи...

Кажется, давно уже кануло в вечность тихое время ожиданий и тоски, тот май! Почти не узнаю я больше дорогих образов прошлого. Так бушевало море жизни, проходя вихрем по душе моей, таким зноем палило меня солнце, что уже почти не осталось места для иных видений. И вот вместе с тихою луной, в пору иной тоски и иных ожиданий вы опять идете ко мне, давние тени, длинное шествие теней. Точно похороны — гроб за гробом — скользите вы бесконечной вереницей. Нет, это не погребальное шествие! Опять, как в древней песне, откры-

ваются гробы, и опять поднимаются из них мужи-исполины: герои, одетые в панцырь, с мечом в руке. И женщины величественного облика следуют за ними — ряд за рядом.

Ближе, все ближе подходит шествие, и в лунном свете вижу я, как постепенно сгущаются расплывчатые образы, приобретают форму. Я уже могу разглядеть каждое лицо: яснее проступают черты, просыпается душа, чтобы длить недовершенную жизнь, продолжать незаконченную борьбу.

Это ты, Л а ч п л е с и с! Узнаю тебя по высоко поднятому челу, по скрытому сверканию твоего лица — так тайно тлеет уголь под пеплом. Это ты, сын Лиелварда, великий вождь!

С ним рядом — товарищи-воины; его друг и тоже вождь — К о к н е с и с, его певец и народный бард — П ў м п у р.

Вот и оба старца, вожди племен — А й з к р а у к л и с и Л и е л в а р д. А за ними старый мудрый Б у р т н и е к.

Облаченная в сине-серебристое сияние, словно окутанная плащом светлого летнего дождя, идет Л а й м д о т а. За нею подружки и прислужницы.

В стороне, во главе отряда гордых воинов, в красно-вато-золотистом блеске одежд, следует властная С п ѝ д о л а со сверкающими очами. А совсем поодаль, перед мрачной толпой выступает ее властитель К а н г а р, с перекосенным от злобы лицом. И, наводя ужас на всех этих девушек-ведьм, на старую колдунью и духов преисподней, следует Ч е р н ы й Р ы ц а р ь. Рядом с ним закутанный в белый плащ — Л а й к а в е ц и с (Старец Времени) со своими тремя Б е л ы м и Д о ч е р ь м и, наблюдающий, полный размышлений, чуждый всему, что его окружает.

Стремительность и гнев на лицах воинов. Оружие звенит тут же, передо мною, а кажется, что звуки доносятся откуда-то из могильной дали. Отряды шагают твердо, стремясь вперед, но они все время перед моими глазами. Я вижу их непрерывное движение, и ему нет и нет конца.

Воины шествуют смело, не касаясь земли. Шаги их подобны скольжению дыма над землею в ветреный день. Какие взоры бросают их застывшие очи, как неудержимо

стремятся они вперед! Но я вижу, что только у Лачплесиса глаза зажжены внутренним огнем. И кажется, что это он, один, влечет их за собою и только одна Спидола следует за ним по доброй воле, погруженная в мечтательность.

Иди, Лачплесис, иди, продолжай борьбу! Твоя победа еще мала, Победитель! Победи снова, и победи окончательно! Твори свое великое дело, освободи от нечисти землю! Ты слышишь далекие голоса? Это духи земли. Их стоны уже так близки, так легко различимы. Это уже не стоны, это стуки, подземные удары.

САМЫЕ УГНЕТЕННЫЕ БЛИЖЕ ВСЕХ К ПОБЕДЕ!

Ты слышишь? Там, на дне Даугавы, хранили они ключ от твоей свободы, чистили его до блеска горечью слез своих и солью крови своей, стекающей в волны. Вот он блестит, твой ключ! Мы хотим его поднять, но слишком слабы наши руки. Иди, и возьми его, и открой нам ворота в Замок Света!

Молча проходит Лачплесис, и лишь глаза его пылают. И доносится голос, как бы из потустороннего мира. Это говорит Лайкавецис.

— Не мешай Лачплесису на его опасном пути! Его борьба величественнее всего, что могли видеть люди: он бьется за то, чтобы стать совершенным. То, что созерцали вы в невыразимом страхе перед опасностью, только первый проблеск утра. День великой борьбы еще впереди!

Бодрствуйте, чтобы не застали вас спящими, когда придет время и Лачплесис поведет вас в последний, решающий бой! В вас самих — и ключ тот и Замок Света!

Но и тогда, когда вступите вы в Замок, еще не кончен путь Лачплесиса. Начнется чудесная бескровная борьба в царстве Спидолы!

Когда отзвучали слова потустороннего мира, тело мое содрогнулось, и я увидел огненный взор Лачплесиса, сверкнувший мне из-под тяжелых век. Уста Спидолы улыбались мне.

Я хотел вскочить, сказать, крикнуть: «Мы пойдем! Пойдем!» — но все затащило туманом. Лайкавецис стоял с поднятыми руками, широко расплескав за собой белый

плащ. Колыхнулись полосы света, приблизились чудные
голоса — тени сновидений продолжали свою жизнь —

Полночью глухою,
Темною порою
Длится эхо вечной борьбы. . .

Где я? Это опять ты, моя дорогая Родина! Я слышу
звуки беззаботных песен. . . Немцы уже начали свой за-
хватнический поход, но еще свободны латыши. Еще вы-
сятся древний, свободный замок латышского народа. . .

1907

.. Длится эхо вечной битвы..

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Замок Айзрауклиса над Даугавой.¹ Большая комната в старолатвийском стиле, сказочно украшенная. Стол и сидения. Ложе. Первобытные ткацкие станки. Вдоль стен скамьи. Печь.
Вечерет.

Спидола, Айзрауклис. Девять девушек чешут шерсть, прядут и ткут — трое в черном, трое в желтом, трое в красном.

Айзрауклис (*следя за работой девушек*)

Как мышки белые, бегут, скользят
По прялке пальцы девушек.

Чесальщицы

Шерсть пушистую
Чисти, гребень!
Шерсть пушистая
В ряд уложится.
Милому будет
На одеяло!

Айзрауклис

Коль милому, так надо постараться!
А вы, дочурки,
Тоже для него?

---

¹ Западная Двина. (Прим. переводчика.)

П р я д и л ь щ и ц ы

Шибче, шибче, прялочка,
Бегай, веретенце!
Вытки ниточку,
Белую, тонкую.
Пусть для друга милого
Тонкая, легкая
Будет рубашка!

А й з к р а у к л и с

Как будто все: рубашка, одеяло...

(К ткачихам.)

А что же ваши пальчики соткут?

Т к а ч и х и

Эй, челнок, спеши!
Нить с собой тyani!
Пусть основы —
Ниточка к ниточке —
Выткнут для милого
Кафтан коричневый!

А й з к р а у к л и с

Всего здесь вдоволь, сердце веселится.
Пора кончать работу. Поздний час.

(К Спидоле.)

Иль хочешь ночь работать напролет?

Спидола, прислонившись к окну, глядит вдаль; в лунном свете
ее одежда переливается красным, черным и золотым.

Уж люди начинают говорить,
Что слишком строгий у тебя отец,
До петухов, мол, держит на работе.

С п и д о л а

Они не знают доброты твоей.

А й з к р а у к л и с

Постой, еще не всё,
Еще другие толки ходят:

Что настоящий труд, мол, за полночь у вас,
Что ты сама и все подружки — ведьмы!

Девушки вскрикивают. Работа прервана.
Спидола быстро оборачивается.

Ну что же вы как будто испугались. . .
Ведь это, дочки, не мои слова.
Другие говорят такую чушь,
А я на это не повел и ухом.

С п и д о л а

Вот так и дальше слушай их, отец!

А й з к р а у к л и с

Ну, не сердись же, не сердись, мой светик!
Я только так. . . А чтобы кончить сплетни,
Работать брось и жениха скорее
Себе ищи. Сундук с приданым полон.

С п и д о л а (снова у окна)

Зачем спешить, отец?

А й з к р а у к л и с

Всегда так отвечаешь,
Всем женихам отказ. Смотри, они
Совсем уйдут. . .

С п и д о л а

Пускай!!

Ведь я из рода змей. Ты помнишь это?

А й з к р а у к л и с

Да, чистым должен быть наш род змеиный.
Избави бог! Глаза твои горят.
Как хочешь поступай, моя голубка,
Ты мне дороже, чем родная дочь.

С п и д о л а

Я знаю, как, отец, ты добр ко мне.
Но дай мне волю! Бурю ведь нельзя
Поймать простым капканом для лисят,
Нельзя звезду премудрости учить.

Ведь я всего, что на земле,
Прекрасней!
Оставь меня, отец. Спокойной ночи!
Еще есть время. . .

(Мечтательно.)

Времени немало.
Могу еще смотреть, как за горами
Луна восходит и заходит вновь..

А й з к р а у к л и с

Да, да, порá и на покой, иду.
Пускай поможет, дети, вам господь!

(Уходит.)

Девушки сразу же весело, беспечно бросают работу.

Первая

Господь помог. От нас ушел он.

Вторая

Получше бога черти нам помогут.

Все

Ха-ха, ха-ха!

Третья

Черт — нам, а мы ему поможем.

Все

Ха-ха, ха-ха!

Первая

Спидола,
Иль песенка тебе не по душе?
О чем ты все еще грустишь?

Другие

И разве мы всегда не так поём,
Как добрым людям надо петь?

Спидола

Поете складно,
От ваших песен в доме шум такой,
Что все сейчас сбегутся к нам.

Д е в у ш к и

А мы, чуть что, на них дракона спустим!

Д р у г и е

В глаза напустим дыму.

С п и д о л а

Девушки, девушки,
Давайте снова наши песни петь.

П е р в а я д е в у ш к а

Давайте снова наши нитки прясть.

В т о р а я

Давайте снова наши ткани ткать.

Т р е т ь я

Друзей своих на помощь звать.

В с е

Старуха где? Старуха где?
За печкой спит она.

Старая ведьма (*ее выталкивают
из-за печи*)

У-у! У-у!

С п и д о л а (*старухе*)

Старая ведьма скачи,
Шире платок размечи!
Нас учи ты чарам
Мудрым, старым!

С т а р у х а

Хэй! Прочь от огня!
Вам ли учить меня?
Прочь от огня!

(*Девушкам.*)

Что старику сейчас вы говорили?
Рубашку, одеяло вы сулили?

Чтоб выше встало пламя ада,
Другие песни петь вам надо!
(Суетясь, растапливает волшебную печь. Тащит на середину комнаты чурбан, расстилает на нем свой платок, кладет рядом топор.)

Ч е с а л ь щ и ц ы

Эй, гребешок,
Хорошо чеши!
Жизнь, как шерстиночку,
Всю мы расчешем,
Души пушинкой
По ветру пустим!

П р я д и л ь щ и ц ы

Шибче бегай, прялочка!
Алая нитка, вейся,
Струйкой кровавою
Грудь опутывай —
Людам колючая
Будет рубашка!

Т к а ч и х и

Эй, челнок, стучи!
Нитку волочи,
Ткем мы страсти,
Беды, напасти
Добрым людям
На смертный саван.

В с е

Чешем, прядем и ткем
Дружно, не споря,
Всем добрым людям
Горькое горе.
Как в паутину
Кутаем тесно.
Гость сразу сгинет,
Где — неизвестно.

Старуха колдует в печи и тянет из нее огненные нити. Девушки, став на скамеечки, развешивают эти нити крест-на-крест по потолку. Узлы вспыхивают светлячками.

Старуха

Вейся ярче —
В пламени чары,—
Вейся выше, огонь!
Жалом любого тронь!
Искры летят,
Искры трещат
Тр-р-р...

Девушки

К нам женихов кличь поскорей,
Берись за дело —
Веселых и смелых,
К ведьмам в гости кличь чертей,
Скорей!

Старуха

Полно, бесстыдницы, что за шутки!
Для Ликцепура мы делаем дело —
Так ворожите умело!
Надо из пепла огонь высекать,
Вам же все б только парней смущать!

Девушки

Колдуй смелей,
Зови женихов скорей!

Спидола

Ты сделай сначала нас зрячими!

Старуха (*втирает девушкам
в глаза волшебное зелье*)

Зелье ада, пылай,
Взору открой
Сумрак ночной!

(*Прикасается к ушам девушек.*)

Чувствуйте серный дух,
Пусть ваш проникнет слух
Сквозь двери, ограды,
Засовы, преграды!

Д е в у ш к и

Глядите! Глядите!
Идут, идут!

Спидола последней натирает глаза и видит, как идет Черный Рыцарь, который на сцене еще не появился.

С п и д о л а

Что вижу? Сам Черный Рыцарь идет!
Зачем он явился, угрюмый слепец?
К чему он для нашей бесовской игры?
Ужель оскудели бездны ада
И лучшего нет там? Я ухожу.

(Замечает там же еще невидимого на сцене Лачплесиса.)

Ах, вот он!
Что за мощь! Большой и сильный,
Полный жизни могучей,
Словно дуб, вечно юный!
Этого стоит сломить, склонить,
Листок за листком его ощипать —
Ведь это не то, что Кокнесис мой.
Раздуй мое пламя, отец огонь!

С т а р у х а

Эй, руби, топор!
В щепки бей затвор.
Черный дым клубит.
Он ползет,
Он растет.

Под платком, которым покрыт чурбан,
начинает дымить и греметь.

Д е в у ш к и

Руби! Что вздор бормочешь!

С т а р у х а

С ума сошли вы? Прочь, цыплята!
Черед держите!

Чесальщицы (одна за другой
ударяют обухом топора по чурбану)

Бью, рублю сегодня. Завтра будь что будет!

Выскакивают три черта в бархатных кафтанах, в треуголках,
в длинных чулках. Все в черном. Начинается их пляска
с чесальщицами.

Прядильщицы (все трое, одна
за другой)

Бью, рублю сегодня. Завтра будь что будет!

Выскакивают три черта в желтом и пляшут с прядильщицами.

Ткачихи (одна за другой)

Бью, рублю сегодня. Завтра будь что будет!

Выскакивают три черта в красном и пляшут с ткачихами.

Спидола

Бью, рублю сегодня. Завтра будь что будет!

Медленно, тяжело шагая, появляется Черный Рыцарь. Он
слеп, опирается на плечо поводыря. Пляска внезапно обры-
вается, девушки и черти робко отходят в сторону.

Черный Рыцарь (Спидоле)

Я прихожу с заданием к тебе.

Спидола

Сама себе задание я,
Другого нет!

Черный Рыцарь

Ты только царству тьмы должна служить.

Спидола

Нет, надо мной никто не властен,
И землянику есть я стану,
Когда хочу!

Черный Рыцарь

Тебя вознесть я мог бы
Превыше звезд, до бесконечной ночи,
Где царство непроглядной и могучей,
Бездонной, безначальной тьмы.

Спидола

Твое там царство. Что же мне там делать?

Черный Рыцарь

Но ты сильна, и власть твоя
Достойна этой тьмы.
Могла бы ты ее умножить силу,
А ты теперь лишь блеск звезды летучей.

Спидола

Свободна я, принадлежу себе,
А ты — лишь раб, и хочешь рабства всем.
Мне мерзок ты!

Черный Рыцарь

С судьбой борьба напрасна.
Ты ей подвластна, Спидола!
Так исполняй судьбы решенье.

Спидола

А что велит судьба? Что нужно делать?

Черный Рыцарь

Грядущее убить,
Того, кто будет сильным и могучим,
Кто вечной тьмы дерзнет разбить оковы,
Зажжет огонь сопротивленья,
Кто сам восстанет на властителей,
От векового сна рабов разбудит,
Поднимет тех, кто осужден дремать,
И скажет, что поток их жаркой крови
Сметет с земли закон могучей тьмы,
Убить того, кто нас придет учить.
Ты замысел его убей еще в зачатке —
Вот что велит тебе судьба!

Спидола

Но если так могуч он,
Что сокрушает даже силы тьмы,
То как я с ним могу бороться?

Черный Рыцарь

Но у тебя есть сила посильнее:
Ты на земле всего прекрасней,

И никакая в мире сила
Тебя не сломит грубыми руками,
В тебе — то счастье, полнота и мир,
Что верх берут над всем ничтожным, низким.
Ты — погруженье в ночь, успокоенье.
Так дай же мир ему, пусть, победив
Хотя бы раз, узнает он покой,
Из тьмы восстав.
Дай силу одолеть все заблужденья,
Чтоб он не бился больше ради битвы,
Верни его к земному
И счастье дай.
Вне красоты ведь в мире счастья нет!

С п и д о л а

Так вот как власть мою ты понимаешь!

Ч е р н ы й Р ы ц а р ь

Здесь, в этом мире, дай ему все счастье,
Раскрой ему все прелести земли,
Чтоб их навек хватило.
Пусть будет счастлив он и шлет другого
Туда, где сам погибнуть мог бы,
Покуда не предаст и не продаст
Добра и правды он, для нас созрев,
Не увлечет весь мир в глухую ночь,
Нависшую так мрачно над вселенной
В недвижной тьме!

С п и д о л а

Но я — движенье!
Я — сила. Вы же без меня бессильны!
Прочь! Он идет!
Прекрасней я всего на свете,
Всего, что на земле и в преисподней!

Ч е р н ы й Р ы ц а р ь

Все ж ночь поглотит этот жалкий свет!

Исчезает. За ним также исчезают черти.
Уходит и старуха.

Первая девушка
Бр-р-р! Словно лед!
И в пекле он не мог согреться!

Другая девушка
А ведь какой на всех наводит страх!

Спидола
Пойте, сестрички, меня наряжайте.
Встретить мне надо гостя.

Прядильщицы
Бегай, веретенце,
Вейся красной ниточкой,
Алою полоскою!
Ниточка к ниточке —
Белая милому
Будет рубашка!

Песня, носившая раньше бесовский характер, при появлении Айзкрауклиса и гостей становится медленней, и в ней уже нет прежней мрачности. Все сидят чинно и работают.

* * *

Входят старики: Айзкрауклис и Лиелвард.
С ними Лачплесис, Кокнесис и дружина.

Айзкрауклис
Вот, дорогие гости,— Спидола!
И день и ночь она с подружками.
Мы их сейчас застали за работой.
У нас, дочурка, гости дорогие,
По матери тебе родня прямая —
Сосед мой Лиелвард с могучим сыном,
Медведя разорвавшим пополам.
Вот так! Да! Да! У нас его теперь
Не иначе зовут, как Лачплесис.

Кокнесис
Тебя приветствую я, Спидола!

С п и д о л а
А! Здравствуй, Кокнесис!

Л и е л в а р д
Мы к вам в ворота ночью постучались
Затем, что порешили по дороге
К соседке столь прекрасной завернуть.
Мой сын намерен ехать в замок БуртниеК
Науку постигать, искусство боя.
Ему ведь суждено героем стать,
Какого не было среди латышей.
Он так силен, что побеждает всех!
Мой сын...

С п и д о л а
Достоин самой лучшей встречи!
Мы словно ждали гостя дорогого
И светлячками дом украсили.
(К Лачплесису, который, застыв в изумлении,
глядит на нее.)

Привет тебе, о будущий герой!
Мы угодим тебе, чтоб ты не мог
Нас разорвать, как разорвал медведя.
Бегите, девушки, готовьте ужин,
Гостям ведь нужен отдых.

Девушки, убрав прялки и ткацкий станок,
приносят серебряные и золотые кубки.

Л и е л в а р д
Ну, мне пора домой, Айзкрауклис!
Здесь погостить я оставляю сына.
Пусть сам он с божьей помощью потом
Уедет в замок.

(К Лачплесису.)

Честен будь, мой сын!
Прими совет — он будет лишь на благо.
Твоя судьба, сказал нам вайделот,
Который из лесу тебя принес,—
Со злом бороться и разить его
На западе и на востоке. Нет
У нас господ, свободно выбираем

Судью в дни мира и вождя в боях.
И все равны мы друг пред другом,
И тем сильны. Храни же Латвию,
Возвысь ее среди других народов,
Но дедовских обычаев держись.
Мы — пахари, и этим мы сильны.
Так с богом, милый сын!

Л а ч п л е с и с *(как бы очнувшись
от сна)*

Отец, иду я!

(Ударяет длинным мечом о пол.)

А й з к р а у к л и с
Давай еще раз, друг, осушим чаши!

Л и е л в а р д
Хозяину желаю я здоровья
И дочери его. Храни вас бог!

А й з к р а у к л и с
Нам, старикам, пора! А вы останьтесь тут!
(Уходит с Лиелвардом и дружиной.)

С п и д о л а
Ну, что же ты молчишь, герой?
Не нравится у нас? Подружки, угощайте!
Иль слишком прост наш дом? Иль в замке будет
лучше?

Девушки приносят яства, фрукты и цветы, помогают постелить
ложе, покрывают кресло золотыми покрывалами,
усаживают в него Лачплесиса.

Л а ч п л е с и с
Здесь чудно! Я глазам не верю.

С п и д о л а
Но ты устал с пути. Я постелю
Сама тебе постель. И положу
Поверх нее все в звездах одеяло.
Что ж ты молчишь? Иль мы не по душе?

Л а ч п л е с и с

Ты так прекрасна!

С п и д о л а

Взгляни смелей и подойди поближе!

Л а ч п л е с и с

Но я ослеп!

С п и д о л а *(берет кубок
и, стряхнув с ресниц зелье, сыплет его в вино,
которое подает гостю)*

На, пей вино, и сразу ты прозреешь,
Увидишь ты, как все вокруг прекрасно.
Глоток, второй — и станет даль прекрасной.
Еще глоток — и ты увидишь то,
О чем во сне мечтаешь, что всего
Прекрасней на земле и в преисподней!

Л а ч п л е с и с

Но послан я сюда бороться с адом.
Так Лаймой суждено.

С п и д о л а

Ты послан тоже? Ты не сам пришел?
Пей, все равно! И ты во сне увидишь
Все то, что Лаймой суждено тебе
Прекрасного и что всего прекрасней
Здесь, на земле, и глубже, в преисподней.

Л а ч п л е с и с *(пьет в третий раз)*

Я сам хочу все это видеть.
Какая радость разлилась в крови!
Я чувствую тебя, блаженства власть!
(Садится на ложе, откидывается на подушки.)
К тебе стремятся все мои мечты;
Нежны, легки их узы,
И тихо, тихо
Скользит с души оцепененье,
Белый, чистый свет ласкает очи,
Подобно ветерка дыханью.

Радость! Счастье!
Ты Лаймой дана мне, Лаймдота!

Постепенно засыпает. В темнеющей комнате стало совсем темно. Во тьме мерцает бледный свет, из которого возникает Л а й м д о т а, в голубой с белым одежде, окруженная серебристым сиянием.

С п и д о л а (пораженная)

Ах! Это — ты, ты, а не я!
Ты всех прекрасней в мире, ты — не я!
Так не ко мне ты, Лачплесис, стремишься?
Коль так — тебя убью я!

(Кидается к нему, но останавливается и слушает то, что говорит Лаймдота.)

Л а й м д о т а

Будь со мной!
Звать тебя мне суждено.
Ночью отнят мой покой,
От печали днем темно
Давно.
Сквозь леса убранство,
Сквозь время, пространство
Дорогою странствий
В небесном сияньи
Лечу я к тебе, как дыханье,
Давно.
Ты в снах моих со мною,
С моей мечтою,
Приди! Приди!

Призрак Лаймдоты приближается к Лачплесису
и трогает его покрывало.

С п и д о л а

Призрак, прочь!
Прочь, виденье! Прочь! Он мой!

Лаймдота исчезает. Лачплесис просыпается, вскакивает со своего ложа, стремится вслед виденью.

Л а ч п л е с и с

Куда исчез ты, счастья цветок,
Сон долгожданный, любви виденье,

Лазури свет, блаженство души,
День мой сияющий, день блаженный?
Дана ты мне матерью счастья Лаймой,
Спешу за тобою, звездой путеводной!

С п и д о л а

Герой мой, проснись, проснись скорее!
Живая явь прекраснее
Всех сновидений!

Комната украшена, как волшебный замок. Все озарено
красным светом.

Л а ч п л е с и с

О, где я? Что за чудеса кругом!
Встает и плещет пламенное море,
И разум мой бессилен.
Покой души, где ты?

Девушки-ведьмы начинают вокруг Лачплесиса
обольстительный танец.

Л а ч п л е с и с

Качается пол, качается,
Все кружится, вьется, свивается,
Гармония звуков нежная слышится. . .
Мечта! Мечтанье!
Жизни с огнем сочетанье!
Все небо в сияньи.
Нет, не небо —
То крови кипенье.
Встают предо мною виденья.
Сжался, сжался! . .

С п и д о л а

Скажи, яснее ли видишь теперь?
Узнал ли то, что всего прекрасней
Здесь, на земле, и там, под сводом преисподней?
Гляди, покорно мне все:
Держу в руках луну и все созвездья,
Я счастье могу подарить и отнять. . .
Будь моим! Будь моим!

Волнующееся пламя утихает. Обычный свет. Девушки исчезают.

Л а ч п л е с и с

Властитель Пёркон мне. И я им послан.
А кто же ты? И кто тебя послал?

С п и д о л а

Я — это я. Я лишь себе подвластна.
Иду куда хочу. Неведом мне
Мой путь,
Сияю собственным светом.
Я — Спидола,
Я — дочь огня,
Из недр земных встающая вечно,
Я всего, что живет,— дух пылающий!
В мир чудес! За мной! За мной!

Л а ч п л е с и с

Я послан биться.

С п и д о л а

Я знаю все, могу тебе помочь:
Могу приказывать ветрам
Как зерна сеять град, швыряя прочь
Врагов твоих, чтоб смерть шла по рядам.
Могу поднять метели злые,
Могу я развязать стихии —
Помочь тебе!

Л а ч п л е с и с

Не нужно мне помощи.
Сильнее тебя моя сила
Медвежья.

С п и д о л а

И сам медведь ты!
И уши твои медвежьи!

Л а ч п л е с и с

Моих медвежьих ушей не тронь!
Да, медведицей я рожден,
Как древней Латвии нашей герою.
В медвежьих ушах моих
Великая мощь и сила,

И всех она ведьм сильнее,
Что пламя вздувают и кружат снег.
Я послан землю от нечисти злой очистить!

С п и д о л а

Грубый и грязный ты мешок,
И впрямь — медведя отродье!
Вся сила твоя в ушах медвежьих!
А я — дочь змеи, гибкая, тонкая,
С острым жалом,
И я всего, всего прекраснее,
Всего, что на земле и в преисподней.
И все на свете мне подвластно.

Л а ч п л е с и с

Но сон мой тебя прекрасней.
Он — Лаймдоты образ.
К ней лишь одной я стремлюсь неизбежно,
А не к тебе, ты — пламя.

С п и д о л а (снова озаряется отсветом огня)

Так знай же, дерзновенный,
Что гнев ужасен мой.
Теперь по всей вселенной
Тебе лететь за мной,
За мной, что блещет, как звезда,
И от тебя скользит всегда!

Освещенная гаснущими лучами, Спидола отступает к окну. Девушки за нею. Отблеск пламени постепенно меркнет. На фоне окна, в полной темноте Спидола озаряется мерцающим светом — подобно видению Лаймдоты.

С п и д о л а

Ты будешь меня искать,
И, если стеснится дыханье,
Взгляни на мое сиянье,
Чтобы страстно меня желать.
Свет мой не знает границ —
Падай скорее ниц!

*(Сбрасывает черное покрывало и остается
в ослепительном белом наряде.)*

Л а ч п л е с и с

А!

(Закрывает лицо руками.)

С п и д о л а

Спидола жизни, света полна,

Выше лесов мчится она.

Хэй, ведьмы, хэй, ведьмы, хэй!

Лачплесис, защищаясь, размахивает мечом, срезая светящиеся колдовские нити. Одна из них прилипает к его мечу. Светлячки, словно огненные искры, сыплются на него с потолка. Лачплесис падает. Спидола исчезает. Золотой луч гаснет.

Д е в у ш к и - в е д ь м ы *(вскрикивают)*

Ай! Ай! Ай!

Снаружи в окна льется темнокрасный свет.

Хэй, ведьмы, хэй, ведьмы, хэй!

Хэй, скорей, хэй! Хэй!

(Окружают Лачплесиса.)

П е р в а я

На лунный зов

Под вой волков.

В с е

Хэй! Хэй!

В т о р а я *(Лачплесису)*

Медведь, в берлогу

Своей дорогой!

Т р е т ь я

Будем тебя душить, терзать!

Ч е т в е р т а я

Лаймдоту станешь напрасно звать.

П я т а я

Пыл твой остынет!

Ш е с т а я

Сгинешь в пучине!

Седьмая
Бессилье твою сломит силу!

Восьмая
Песком засыплет твою могилу!

Девятая
На лунный зов
Под вой волков!

Все
Ведьмы, хэй!
Ведьмы, хэй!
Ввысь!

Все гаснет. Лачплесис остается лежать на полу.

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Потонувший замок Буртниека на дне озера. Обширный зал. Стекланные стены. Направо большая, налево — маленькая дверь. Роскошное убранство, оружие, пергаментные свитки. Скамьи, столы, кресла.

Ночь. Зажжены светильники. За стеклянными стенами движение озера. В воде проплывают обитатели глубин: рыбы, змеи, струятся водоросли.

С п и д о л а

Был замок над озером вверен тебе,
Но ты его утопил в пучине.
Теперь сам хозяин идет сюда
С холодной, коварной Лаймдотой.
Властителя ада ты умолял
Не повергать тебя в пасть дракона,
Оставить в живых. Обещал восстать
На Перкона и мудрецов его,
Чтоб людям из тьмы уже не подняться.

К а н г а р

Но нужно ли клятву помнить?
Сама ты Перкону служишь...
Но волю твою я готов исполнить.

С п и д о л а

Ты раб преисподней, не равен мне,
А я лишь себе служу.
Ты мне подчинен,

Тебе закон
Все, что я скажу.
Уж Буртниеки близко, и Лаймдота с ним!

К а н г а р

Я сам заманил их сюда обманом.

С п и д о л а

Но вслед за ними идет и Лачплесис.
Он вырвет замок из пасти дракона.
Зови же всех духов ада,
Чтоб, скалы обрушив, закрыли замок,
Чтоб стеной поднялась вода и путь
Сюда преградили дюны!
Ты Ликцепуру служишь, ты раб его,
Ты ползал у ног его с мольбою.

К а н г а р

Меня ты порочишь! . .
Лишь ради тебя я позор несу,
Чтоб мощь и славу тебе добыть.
Я у людей заслужил доверье,
Я всеми признанный вождь народа,
Единственный в мире мудрец и советник.

С п и д о л а

Известны советы твои! Ха-ха!
Ведь с ними лишь в пекло дорога. Ха-ха!

К а н г а р

Ну да, всегда я служил лишь тьме,
И к ней людей веду я,
Чтоб ниц они пред тобою пали,
И в этом, поверь, не вижу плохого —
Ведь ночь одолеет робкий проблеск!

С п и д о л а

Искусен ты в оправданьях!

К а н г а р

Не я, так другой поступит так же.
Ад без меня одержит победу.

С п и д о л а

Как мало, я вижу, себя ты ценишь!
Да, без тебя обойдется ад,
Но клятву ты дал служить ему.

К а н г а р

Да, я унижаюсь, но власть я добуду
Не сразу, как ты, но ползком и втайне.
Веду я во тьму, но о том не знают.
Сам Ликцепур меня возвеличит,
Мы царство тьмы с ним воздвигнем в Риге,
И всех подчиним понемногу Риму.
И Кокнесис готов поехать туда,
Если ты будешь ласковой с ним!

С п и д о л а

Нет, с ним отправится Лаймдота,
А с нею Лачплесис сам.

К а н г а р

Что, Лаймдота? Нет!

С п и д о л а

Ее заманил ты обманом в замок,
Но замок с нею уйдет на дно.

К а н г а р

Ну что же, она заменит тебя,
Ведь я же тебе не нужен.
Я знаю, ты грубого ждешь медведя,
Но чем он меня превосходит?
Мы с ним когда-то дружбу водили,
Силы в нем много, но нет ума.
Он, силой гордясь, колдовство отверг.
А я,
Я ради тебя покорился аду.

С п и д о л а

Не ради меня,
А ради денег!

Кангар

Чем же пленил тебя Лачплесис?
Я всей душой его ненавижу,
Но для тебя я готов на все.

Спидола

К чему мне раб, коль бессилен хозяин?
Ты мне не нужен. Прочь! Уходи!

Кангар

Для тебя я готов на стыд и позор.

(Пытается приблизиться к Спидоле.)

Спидола

Прочь!

Кангар

Что за надменность!
Грубый медведь над тобой смеется.

Спидола

Раб! Собака! Как смеешь ты...
Сам ты стал посмешищем ада!
Сюда! Эй, черти!

Прибегают семь чертей.

Спидола

Скажите ему, что он аду продан
За золото и за почет глупцов.

Первый черт

Он к нашим пал ногам, чтоб клятву дать,
Родной народ цепями зла сковать. Тьфу!

(Плюет на Кангара.)

Второй черт

Он к нашим пал ногам, чтоб клятву дать,
Сынов народа погубить, предать. Тьфу!

(Плюет тоже.)

Третий черт

Он к нашим пал ногам, чтоб клятву дать,
Что власть и гнет заставит он признать. Тьфу!

(Тоже)

Четвертый черт

Он к нашим пал ногам, чтоб клятву дать,
Борцов за волю бить, терзать, пытаться. Тьфу!

(Тоже)

Пятый черт

Он к нашим пал ногам, чтоб клятву дать,
Цепями рабства всех людей сковать. Тьфу!

(Тоже)

Шестой черт

Он к нашим пал ногам, чтоб клятву дать,
Свободный дух везде, во всем попруть. Тьфу!

(Плюет)

Седьмой черт

Он к нашим пал ногам, чтоб клятву дать,
Живую душу мучить, жечь, ломать. Тьфу!

(Тоже)

Кангар

Сжался надо мною!

(Падает на землю, ползет к Спидоле.)

Спи до ла *(чертенятам)*

Прочь! Прочь!

Черти тотчас исчезают.

Спи до ла *(Кангару)*

Вставай!

Кангар *(шипит)*

О, сколько злости в тебе!

С п и д о л а

Не шипи — иль спалю тебя в пламени!
Слушай и исполняй!

Кангар хочет уйти.

Что я слышу? Постой!
Ничтожный, мерзкий холоп,
Стой! Ты слышишь?

(Прислушивается, смотрит в окно.)

Прыгают рыбки и блестят,
Тихо бьется вода о стекла.
Это она — Лаймдота!

Кангар громко хохочет.

С п и д о л а

Тише!
Кто там такой?
Идет вода, бурлит,
Мечутся в страхе змеи,
Водоросли легли,
Муть поднялась,
Травы ко дну прижались. . .
Лачплесис!
Поздно уже защищаться,
Зови на битву весь ад! Беги!
Попал ты, медведь, в западню,
И задушит тебя вода!
Печь топи скорей, холоп!
Уши ему сейчас спалим!

К а н г а р

А разве в ушах его сила?

С п и д о л а

Калите железо! Несите гроб!
В нем я его заберу, беги!

(Смотрит на большую дверь.)

К а н г а р

Ха! Ха! Ха!

С п и д о л а

Молчи, холоп!

(Опять задерживает его.)

Видишь?

Как лен, ее бесцветны косы,
Глаза светлы и пусты, как озера,—
Так что ж с нее он не сводит взора?
И щеки бесцветны у ней, как сметана,
А он их считает красивыми. Странно!
Иль в холоде этом секрет ее власти?
Ни искры огня, ни задора, ни страсти!

К а н г а р

Идут! Беги!

С п и д о л а

Тише!

(Стоит, погруженная в созерцание.)

К а н г а р

Ты слышишь — воды стонут?
Он смутил глубины, затоны.
Раки, угри ползут из тьмы,
Бьют хвостом и дно мутят сомы.
Как страшно мне стало!.. Скорей уйдем!
Видишь, змеи выются кругом?
И чем так велик он? В нем все — разрушенье,
А он внушает любовь, восхищенье.
Твердый лоб его, знаю,—
Внутри скорлупа пустая.
Но подожди! Я найду, где таится
Сила твоя.
Предам тебя! Донесу! Свершится
Все то, чего желаю я.
Скрыться, Спидола, время!

С п и д о л а *(будто просыпаясь,
встряхивает черными кудрями)*

Видишь, блещут змеи волос?

Пусть же мокнет от слез лен проклятых кос!

Оба поспешно уходят. За стенами замка все пришло в движение. Исчезают звери. Пауза. Озеро бушует, рыба бьется о стены. Буря.

Входит Лаймдота. Сверкают золотые рыбки, переливается в легком сиянии вода. При появлении Лачплесиса все окружающее принимает более суровую окраску. Лачплесис задерживается на пороге, рассматривает оружие на стенах, все пышное убранство замка.

Л а й м д о т а

В озере страшно и странно,
Редко рыбка сверкнет.
Свету сквозь полог тумана .
Не разбудить этих вод.

(К Лачплесису.)

Зачем, как дитя, глядишь удивленно!
Сама я веду тебя в царство подводное.
Мне жутко. . . Иль нет из пучины сонной
Пути свободного?
Все самое страшное должен ты знать.

Л а ч п л е с и с

Лаймдота, трудно мне здесь дышать.
Серы запах льется,
Душно, темно, как в бездонном колодце.

Л а й м д о т а

Приблизься ко мне. Скорей!
Здесь адское пламя пылает,
И ужас мое сердце сжимает.

Л а ч п л е с и с

Позволь мне защитой быть твоей!
Счастье — в объятьях тебя держать!

Л а й м д о т а

Нет, в этом месте нам счастья не знать!
Древние свитки гласят, что любовь ко мне
Сердце сжигает в злом огне.
Что там горит во мраке густом?

За стеклянной стеной мелькают две искры.

Л а ч п л е с и с

Рыбка скользнула, сверкнув хвостом.
Куда ведешь ты, любовь моя?
Что здесь исполнить должен я?

Л а й м д о т а (*борясь с собой*)

Придется все сказать тебе,
Иначе спасения замку нет
И в нем не воскреснет больше свет.
Мне страшно стало. Конец борьбе!
В былое со мной погружался ты,
Его величие видел ты,
И мудрость его усвоил ты.
Она вовек неизменна:
Стать мудрым, пожертвовать жизнью. Надо
Путь свету пробить, уничтожить преграды,
Быть сильным, быть смелым, всегда вдохновенным!

(*Боязливо озирается.*)

Смотри, огоньки там опять горят!

Л а ч п л е с и с

То озера звезды, любовь моя.
Зачем ты меня привела сюда?
Иль тайных врагов скрывает вода?

Л а й м д о т а (*про себя*)

Мне страшно. . .

(*К Лачплесису.*)

Все сказано. Нет уже слов,
Не сыщешь ты большего у мудрецов,
Их древние свитки ты понял давно,
И здесь нам проститься с тобой суждено.

Л а ч п л е с и с

Но как мне уйти? Отыщи мне дело,
Где б силу я мог приложить умело.

Л а й м д о т а

Дело не в силах я дать;
Поздно, волнуется озера гладь.

Л а ч п л е с и с

Но другому меня ты учила.
Ты хочешь, чтоб зря пропадала сила?

Л а й м д о т а

Пока могла, я тебя вела,
Сам дальше итти ты должен.
Пусть будет дорога твоя светла!

Л а ч п л е с и с

И ты победы не хочешь моей?

Л а й м д о т а

Сквозь самое страшное шел ты к ней!
Здесь свет впервые увидела я,
И здесь окончится жизнь моя.
Как к свету цветок, я тянулась к тебе.
Без страха теперь отдаюсь судьбе.
Быть может, тогда избежишь ты зла.

Л а ч п л е с и с

Зачем уходить мне, ты так светла!
И если б моей ты всегда была!

Л а й м д о т а

Беги отсюда!
Страх сердце сжимает.
Ты видишь? Два пламени нам угрожают.

Искры за окном вспыхивают ярче.

Милый, уйдем, что нам спорить с судьбой,
Наш замок останется пусть под водой. . .

Л а ч п л е с и с

То запрещаешь, то манишь опять?
Зачем меня от борьбы увела ты
С собой в этот ад проклятый?
Иль хочешь покоем и счастьем смущать?
Не ты ль мне была путеводной звездой,
Ведущей к свету, в простор голубой?

Л а й м д о т а

Беда угрожает тебе в борьбе —
И больше, чем ты представляешь себе.
Бегут великаны перед тобой,
Ты смело всегда принимаешь бой,
Но здесь ты охвачен будешь тьмой.

Две чаши весов сейчас пред тобою —
Безмятежное счастье иль смерть героя.
Опасность и муки пройдешь ты в боях,
Тебя пленят у меня на глазах,
Вот меч твой сломанным вижу я,
Из уха крови бежит струя,
Упал ты, не кончив сраженья,
И терпишь ты вечно мученья,
Гибнешь в воде и в огне...
Беги! Нет, склонись ко мне,
Тебя я прижму к своей груди,
Останься! Нет, уходи!

Л а ч п л е с и с

Подумай, могу ль я внимать тебе?
Я только крепну душой в борьбе!
Я должен узнать...

Л а й м д о т а

Спасайся, беги!

Л а ч п л е с и с

Ты никогда еще так не боялась.
Чем ты пугаешь? Чего испугалась?
Я послан бороться и зло победить.
Молчишь? Я заставлю тебя говорить!
Не призрак ли ты?
Иль отсвет мечты?

Л а й м д о т а

Как злобно блещут огни во тьме!
Им тебя отдаю, хоть и горестно мне.
Смотри,
В пещере, давно замурованной,
(указывает на небольшую дверь)
Запрятан свет заколдованный,
И ждет он веками,
Чтоб стало свободным пленное пламя.
Лишь тот, кто отважен, кто в бой идет,
Из вечного рабства вырвет народ,
Лишь тот, кто в ночи не погибнет сам,
Оковы рабства разрубит нам.

Замок света встанет из вод,
И новою жизнью народ заживет.
С зари приходом
И я свою обрету свободу.
Тогда я стану твоей невестой.

Л а ч п л е с и с

Ну вот! Теперь мне все известно.
Ты счастье мое спешила скрыть,
В болоте будней меня утопить.
Ты зла или добра —
А моею станешь!
Молчи! Ты уже не обманешь.
Хэй! Где он, противник мой?

Бьют часы.

Л а й м д о т а

А время ведет свой счет.
Полночь бьет!

Л а ч п л е с и с (*целуя ее*)

Так пусть же бьет двенадцатый час,
Целую тебя двенадцать раз.
Хэй, не спорь со мной!

(*Вторит поцелуями бою часов.*)

Л а й м д о т а

Там ключ от свободы.
О нет! Уходи скорей!

Л а ч п л е с и с

Туда?

(*С мечом в руке бросается к маленькой двери.*)

Л а й м д о т а

Ты после полуночи
Увидишь огней лучи!
Опасность кругом.

Л а ч п л е с и с

Справлюсь я с нею!

Л а й м д о т а

Но если, мой милый, тебя одолеют?

Л а ч п л е с и с

Не падать учен,
А работать мечом! Хэй!

Л а й м д о т а *(дает ему зеркало)*

Душа моя в зеркале этом скрыта,
Оно от козней и зла — защита.
Сразят тебя — разобьется оно,
И души наши сольются в одно.

Л а ч п л е с и с

Мы будем вместе через час,
И счастье в замке встретит нас.

Л а й м д о т а

Я ухожу, но буду с тобой,
Так предначертано нам судьбой.
Адским огнем те глаза горят.
Гады ползут, исторгают яд. . .

Уходит. За прозрачными стенами понемногу собираются глубинные чудища.

Л а ч п л е с и с

Невеста моя! Уходи от бед!
Свободы ключ, появись на свет!

Сверкнул ключ. Лачплесис бросается к нему. Поднимается адский шум, ураган. Чудища мечутся во все стороны. Шипенье. Стены раскалены.

* * *

Л а ч п л е с и с один. Слетаются черти с раскаленными докрасна вилами, крюками и т. д.

Ч е р т и

Крюк калите! Жарьте печь!
Заколоть его и сжечь!
Пуш! Пуш!
Растянуть на колесе
У него суставы все!
Джинкш! Джинкш!

Грудь порвать ему багром,
Растерзать его живьем!
Швиркш! Шниркш!

(Прыгают вокруг Лачплесиса, шипят и скалят зубы.)

Л а ч п л е с и с

Хэй! Швиркш!

(Раскидывает их одной рукой.)

Эй, галчата, воронята, прочь!
Разве нет чертей сильнее?

Черти смущены. Давка. Кричат, перебивая друг друга.

Ч е р т и

Кто он такой? Кто он такой?
Мы для него лишь вороний рой.

Чуть он дохнет —
Пламя собьет.
Только куснешь —
Кидает в дрожь.
Все нипочем
Ему с мечом.
Валит он нас
Искрами глаз.

Г о л о с С п и д о л ы *(за сценой)*

Железным вас бить кнутом,
Спины каленым вам жечь колесом!

Ч е р т и

Э-ой! Э-ой!

(Снова бросаются на Лачплесиса.)

Крюк калите! Жарьте печь!
Заколоть его и сжечь!

Пуш! Пуш!

Растянуть на колесе
У него суставы все!

Джинкш! Джинкш!

Грудь порвать ему багром,
Растерзать его живьем!

Швиркш! Шниркш!

Э-ой! Э-ой!

Л а ч п л е с и с

Э-хэй! Э-хэй!
Биться с вами — потеха,
Лопну я сам от смеха.

Ч е р т и

Крепок медведь —
Не одолеть!
Э-ой! Э-ой!

Вдруг исчезают. Все стихло. Искры гаснут. Сверкают только глаза Спидолы. Свет постепенно принимает бледный, прозрачный оттенок. Падают редкие снежинки. Окна покрываются льдом. Трещит мороз.

* * *

Л а ч п л е с и с один. Вкатывается открытый гроб с мертвецом.

Л а ч п л е с и с

Зачем ты здесь? Кто ты такой?

М е р т в е ц (*загробным голосом*)

Хочу тебя забрать с собой!

Л а ч п л е с и с (*замахиваясь мечом*)

Вот получай!

М е р т в е ц

Хочешь не хочешь — мне жизнь отдай!

Мертвец сбрасывает с себя саван, и Лачплесис видит в гробу самого себя.

Л а ч п л е с и с

Как? Это я? Куда ж итти?

М е р т в е ц

От шерсти с ушей своих откажись,—
Без мук и страданий получишь жизнь.

Л а ч п л е с и с

Но я не боюсь страдать в пути.
Покончено с прошлым. Дорога ясна.

Мертвец

Суров твой путь, а смерть страшна.
Хочешь счастья на многие годы?

Лачплесис

Хочу лишь себе и другим свободы.
Мне стать преградой не может ночь!
С дороги прочь!

Гроб уходит в землю.

Ключ! Предо мной
Ворота замка мне открой!

Снова бросается к ключу, ударом меча распахивает дверь. Виден большой дракон. Пламя, выходящее из его пасти, освещает сцену.

* * *

Лачплесис. Дракон. Потом Спидола.

Лачплесис

Э-хэй! Э-хэй!

Рубит мечом. Дракон увертывается. За спиной дракона появляется Спидола. В ее волосы вплелись гадюки, спадая на плечи.

Спидола

Держись, отец! Пали огнем!
Не первый враг на пути твоём!

Лачплесис

Хэй! Хэй!

Рубит мечом. Дракон отскакивает назад.

Спидола

Спидола — вечно сияй!
Лачплесис — погибай!
Пламенем кос я стану жечь.
На куски разлетится меч.
Косы-змеи, шипите,
Медведя душийте!

*(Встряхивает волосами, бросает змею на Лачплесиса.
Меч его падает на землю.)*

Л а ч п л е с и с (*выхватывает зеркало
и поднимает его перед Спидолой*)

О злая кудесница!

Что мне змеи?

Гляди скорее!

Спидола исчезает. Лачплесис сшибает мечом корону с головы дракона и вонзает ему в грудь клинок. Дракон околевает с шипеньем и ревом. Поднимается ураган. Пламя из пасти дракона гаснет. Снова начинает сиять ключ. Лачплесис берет его. Колени его подгибаются от усталости.

* * *

Л а ч п л е с и с один. Позже — Б е л ы е Д е в ы.

Л а ч п л е с и с

Лаймдота! Лаймдота!..

Г о л о с С п и д о л ы (*издали*)

Ха! Ха! Ха! Ха!

Л а ч п л е с и с

Тьма, растай!

Ключ, открывай!

Свободы замок из тьмы явись

Туда, где солнце, где неба высь.

Свет и счастье — всем, всем! Берите!

Нет больше сил...
(*Ложится на обросший мхом и осокой бугорок.*)

Л а ч п л е с и с (*засыпая*)

Лаймдота! Лаймдота!..

Из полутьмы возникают три Белые Девы, облитые ярким сиянием. Они склоняются над Лачплесисом, навевая ему сон белыми покрывалами.

* * *

Л а ч п л е с и с и Б е л ы е Д е в ы.

П е р в а я

К нам новый день пришел опять —

Спи же, герой, спокойно!

В т о р а я

Не надо больше слез проливать,
Ты злую силу посмел унять.

Т р е т ь я

Бой ты провел достойно,
Спи же спокойно!

П е р в а я

Мы слышим дня дыханье.
Спи же, герой, спи спокойно!

В т о р а я

Твой вечный сон не пришел, герой,
Принес ты нам радость, свет, покой.

Т р е т ь я

Отважное сердце воина,
Спи спокойно!

Медленно уходят. Появляется Старец Времени — Видевуд.

* * *

Лачплесис, Старец Времени.

Старец Времени

Твой сон мои охраняли дочки.
Так спи же, мой сын, спокойно!
Ведь ты одолел проклятую силу
Самого властелина ада!
Ты жертвовал жизнью, себя победил ты.
Свободный, ты всем принес свободу
И замок подводный открыл для солнца,
Чтоб он по земле разлил сиянье!
Пусть в Латвии свет озаряет души,
Пусть радость в ней почувствует каждый,
Пусть горя стоны замрут,
Пусть люди поровну делят счастье,
Пусть будет работа у нас и отдых,
Пусть все свободно стремятся к солнцу,
Чтоб мысль и чувство оков не знали!

Растет человек — растет народ,
И расцветает, как сад душистый.
Отец народа я. С младенчества
Его в колыбели баюкал я,
Ключ свободы ему я выковал
Враг одолел — ключ ушел на дно.
Веками идет борьба со тьмой.
Ты поднял свет, продолжай, что начал.
    Веками идет борьба со тьмой,
Не уступай ей и, отступая,
Не налагай оков на свободу.
Крепко мой ключ держи. Коль упустишь,
Потонет замок, а с ним и ты.
Не поддавайся ни в чем обману
Не верь, что враг твой тебя сильнее.
Лишь мужеством ты добудешь победу.
    Борись! Борись!
Тебе предстоит великое дело:
Готовить землю для Царства Света.
    Борись же, борись без отдыха!

Старец Времени исчезает. Гаснет и его сиянье.

Л а ч п л е с и с (во сне)

Лаймдота! Лаймдота!
Невеста моя! Любовь! Мечта!
Приди скорей, чтоб мне легче было,
Молви: как долго ты спишь, мой милый!
Как нежно здесь голоса поют!
Ведут невесту мою. . .

Замок Света поднимается из озера. На его белых башнях звонят колокола. Постепенно рассветает. Восходит солнце.

* * *

Собираются люди Буртниека: вонны, крестьяне,
женщины, дети.

Х о р

Из тьмы зловещей,
Из адских трещин
Заре навстречу
Встал Замок Света.

Разбив оковы,
Из тьмы суровой
Для жизни новой
Встал, в блеск одетый.
Теперь он с нами,
И над сердцами —
Свободы пламень,
Сиянье жизни.
Дыша весною,
Нам жить в покое
Одной семьею
В своей отчизне!

Входят люди и видят спящего Лачплесиса.

Первый
Дракон! Смотрите!

Второй
С ним рядом спит он.

Третий
Смотри, меч сломан!

Четвертый
И все ж — победа!

Мужчины
Слава, Лачплесис, сильный душой!
Из черных глубин, из темноты,
Из бездны рабства поднял ты
Замок Света. Слава герою!
Разил ты чудищ-мучителей,
Неволи нашей хранителей.
Врага разбил ты в битве кровавой,
Мужам всегда был примером. Слава!

Свадебные голоса
Пойте, трубы, славу —
Ду-ду! Ду-ду!
Замок величавый!
Ду-ду! Ду-ду!

Каблуком, соседи,
Звонко, звонко,
Бейте в пол из меди
    Звонко, звонко!
Громче, барабаны,
    Рйбу, рўбу!
Все на пир наш званый,
    Рйбу, рўбу!
Свадебный подарок
    Для невесты,
Замок — светел, ярок —
    Встал из бездны.
Громче, барабаны,
    Рйбу, рўбу!
Все на пир наш званый,
    Рйбу, рўбу!

Вместе со всеми пришел и старый Буртние к

* * *

Л а ч п л е с и с

Милый отец!

Б у р т н и е к

Сын мой отважный,
Ты замок поднял из глубины,
Прекрасной невесты дождался.

Л а ч п л е с и с

Где Лаймдота? Где Лаймдота?

Б у р т н и е к

А разве она не с тобою?

Л а ч п л е с и с

Ты сам куда-то укрыл ее.
Замок возьми, но отдай мне Лаймдоту!

Б у р т н и е к (*рвет на себе волосы*)

Нет ее, нет!

Л а ч п л е с и с

Обратно в пучину я брошу ключ!
Верните мне Лаймдоту!

Б у р т н и е к

Ищите все!
Кокнесис, скорей! Дай приказанье!

Г о л о с и з т о л п ы

Нет здесь его!
Он скрылся с полночи.

Вбегае т м а л ь ч и к .

* * *

М а л ь ч и к

Лаймдоту нашу — я сам видел —
На колеснице дракон умчал,
Я ей на помощь бежал сначала,
Но догонять уже сил не стало,
И я вернулся в слезах домой.
Не видеть нам Лаймдоты родной!

Л а ч п л е с и с

Я должен ее скорей найти,
Хотя бы весь мир встал на пути!
Отец, я иду искать мечту,
Свою отыщу я Лаймдоту!

З а н а в е с

...Свою отыщу я Лаймдоту!..

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Вновь основанная Рига на берегу Даугавы.

На переднем плане шатер властительницы Спидолы: большая горница богато убрана в духе древнелатвийской варварской пышности со следами влияния западной культуры XII столетия.

Налево трон Спидолы. По бокам и против него кресла военачальников. Посредине большие двери, задернутые красным занавесом. Налево другая дверь, ведущая в личные покои Спидолы.

Направо — вход в помещение для воинов.

Когда открываются главные двери, видна строящаяся Рига и берег Даугавы с причаленными к нему немецкими кораблями и латвийскими лодками. За рекой — холмы, поросшие дремучими лесами.

Светлый, солнечный день.

* * *

Спидола стоит у главного входа, занавес которого поднят, и смотрит на берег Даугавы, где собралась большая толпа народу: латыши, ливы — крестьяне, воины, вожди племен. Среди них и немцы — мастера и надсмотрщики. Люди провожают корабли, на которых Каупа и его спутники готовятся отплыть в Неметчину.

*Люди (поют прощальные
приветствия, в которых ясно проступают
мрачные предчувствия)*

Счастливым вам, братья, путь до Рима!

О, горе нам, горе!

Пусть дары привезет он нам,

И невредимым вернется сам!

О, горе нам, горе!

Пусть братья и сестры вернутся с ним,

Благословенье пришлет нам Рим!

О, горе нам, горе!

С п и д о л а (*приказывает
опустить занавес над входом в шатер,
отходит со смехом*)

Братьев, сестер не дождетесь с ним,
И только рабство пришлет вам Рим!

Ударяет в щит. Входит воин.

Все ли готово?

В о и н

На палубе Каупа вместе с дружиной.
К тебе, госпожа, вожди направляются.

С п и д о л а

На корабле уже пленники?

В о и н

Нет, среди них наводят порядок.
Какой-то женщины речи
В них поднимают дух непокорства.

С п и д о л а

Что слышно о замке?

В о и н (*смеясь*)

Да ничего. Иль Лачплесис страшен?

С п и д о л а

Страшись за себя, чтоб тебя не забрали!

Ударяет в щит. Входят воины.

С п и д о л а

Сведите на судно!

В о и н

Владычица, о сжался, сжался, сжался!
Здесь у меня жена и дети!

С п и д о л а

Прочь!

Воина уводят.

Входят Кангар и вожди. Пока они собираются и выстраиваются, через открытую дверь доносится прощальная песня и рабочий шум строящейся Риги: стук молотков, возгласы надсмотрщиков, временами крики и стоны. Дверь закрывают.

Кангар

Наших к тебе я привел начальников.
 В Рим мы сейчас отправляем Каупу.
 Знатные Ригу продали Риму.
 Пусть крепость воздвигнут защитники,
 От всех врагов внутри и снаружи.
 Они тебе изъявляют покорность.
 Жалеют о том, что была вражда
 С Римом — другом и покровителем,
 И обещание дать готовы,
 Что непокорства уже не будет.

Выборные от военачальников

Мы всех виновных тебе назовем.
 Карай их своим судом
 За подстрекательство к борьбе!
 Мы выдадим Лаймдоту тебе.
 Тех, кто дерзнет роптать,
 Поможем заковать.
 Наместнице Рима служить хотим.
 Будь госпожою рабам своим!

Спидола *(коротко и презрительно)*

Служите, получите плату!

Военачальники

Слава! Слава! Слава!

Один из военачальников
 Владычица, пленных сюда ведут.

Голос Лаймдоты *(за сценой)*

Слушайте, братья, сестры, — внимлите.
 Горькие слезы из глаз катитесь,
 Чтоб растопилось железо цепей,
 Чтобы оковы распались скорей!

Э х о в д а л и

О, горе нам, горе!

Спидола приказывает отдернуть занавес. Видно, как ведут на корабли пленных. Среди них Л а й м д о т а в цепях, в изодранной одежде.

Л а й м д о т а

Что же я слышу одни только вздохи?
Или глаза у вас пересохли?
Или вы слез истожили запас?
Долго, века им струиться из глаз!

Э х о

О, горе нам, горе!

Л а й м д о т а

Руки в оковах, свободные прежде,
Пятна от крови на светлой одежде,
Цепи гремят от моих шагов.
Братья, познали вы тяжесть оков.

Э х о

О, горе нам, горе!

С п и д о л а

Ха-ха-ха! Лаймдота! Вот она —
Словно невеста наряжена!

Л а й м д о т а

Смейся, змея, недолго придется
С могуществом света тебе бороться:
Лачплесис придет, тебя разорвет.
Еще не бежишь,
Но в страхе дрожишь.

С п и д о л а

Жди!
Времени много еще впереди,
Он, разорвавший медведя, потом
Будет разорван и сам колесом.

Л а й м д о т а

Ты можешь сразить его — все равно
Сбудется то, что судьбой суждено,
За нами — другие. . .

С п и д о л а

Ты о рабах?

Л а й м д о т а

О всех угнетенных, о тех, кто в цепях!

С п и д о л а

Ты их зовешь к мятежу, как прежде,
Внушаешь им мужество и надежду,
Чтоб, жизнь за других отдавая свою,
Гибли в бою.
Раб — это раб!

Л а й м д о т а

Смейся, но знай, придет пора —
Станет героем вчерашний раб.

С п и д о л а

Придет пора — и раздавит вас.

Л а й м д о т а

Ненависть нам уснуть не даст.

С п и д о л а

Вам ненависть даст освобожденье?
Иль лучшей у вас и цели нет?

Л а й м д о т а

Нужна нам ненависть для отмщенья,
Всего нам дороже свободы свет!

С п и д о л а

Ха-ха-ха!

Л а й м д о т а

Слушайте, сестры, слушайте, братья,
Несем на чужбину цепей проклятье.

Идем далеко, но вернемся опять.
Нам надеяться, им — дрожать!

С п и д о л а

Убрать ее! Рот ей закрыть!

Пленных уводят. Барабанный бой.

Л а й м д о т а (*на фоне барабанов*)

Нам надеяться, им — дрожать!

Э х о

О, горе нам, горе!

К о к н е с и с (*из толпы
отъезжающих*)

Прощай же, прощай, Спидола!
Ради тебя уезжаю я.

С п и д о л а

Мудрости перстень вези с собой,
Ты ласково встречен будешь мной!

О т ъ е з ж а ю щ и е (*украшенные
цветами*)

Моря переплываем
Мы ради глаз твоих
И бури побеждаем
В лучистом свете их.
Об утес бурун дробя,
Море катит волны.
В час прощальный за тебя
Выпьем кубок полный!
Рим дары тебе пошлет,
В славе будешь скоро,
И тебе преподнесет
Сакту каждый город.
Моря переплываем
Мы ради глаз твоих
И бури побеждаем
В лучистом свете их.

Н а р о д (*издалека*)

Пусть сестры и братья вернутся с ним,
Благословенье пришлет нам Рим!

О, горе нам, горе!

Занавес у входа задергивается.

С п и д о л а

Ха-ха! Вы верите им сейчас?
Глупцы! Ведь они обманут вас!

Ха-ха!

(*К военачальникам.*)

Ступайте! За дело!

(*Уходит.*)

* * *

Военачальники и Кангар.

Военачальники

Скажи нам, чем недовольна она?
Что сделали мы? В чем наша вина?

К а н г а р

Нет, нет! Только строгими быть вам нужно.
Пусть люди молчат и работают дружно.

(*Уходит.*)

* * *

Военачальники отдергивают занавес и кричат людям, которые работали на стройке, а теперь с сожалением смотрят вслед уезжающим.

Военачальники

А ну за работу! Не пялить глаза!
Тот, кто уплыл, не вернется назад!

Г о л о с а

О, горе нам, горе!

Военачальник

Работайте молча. Живей, живей!
Не слушайте больше вздорных речей!
Военачальники уходят. Двое из них задержались.
Занавес задергивается.

Первый

Все хорошо. Вот Спидола только. . .

Второй

Сердится, ведьма! Ну что ж, ничего. . .

Первый

А изверг, злодей наш — Лачплесис?

Храбрец

Сюда придет —

Счастью конец!

Второй

Но Кангар мудрый человек.

Первый

Среди латышей подобного нет.

Второй

Послушно работают люди на нас.

Первый

Чего нам бояться? Рим нас хранит.

Второй

А Кангар всегда к сильнейшему льнет.

Первый

Станет крепче восток — откачнется к нему.

Второй

Всех обойти, видно, хочет. . .

Первый

Ложью!

Снаружи шум.

Люди

Что горит? Что блестит?

Солнца луч! Сердце стучит.

Вот он, избавитель!

Смотрите! Смотрите!
Замок он поднял из мрака,
Освободил нас от страха.
Лачплесис, наш друг,
Всех соберет он в круг!

Л а ч п л е с и с

Где злодеи, скажите?

Л ю д и

В шатре укрывшись.

(Отдергивают занавес.)

Л а ч п л е с и с *(военачальникам)*

Где он, мой враг?

В т о р о й в о е н а ч а л ь н и к

Кто? Лачплесис? Далеко!

Л а ч п л е с и с

Нет, здесь он, Кангара смерд!

А ну, получай!

(Убивает его.)

Хэй! Все выходите! Я жду!

В о е н а ч а л ь н и к *(за стеной)*

Горе! Горе!

Люди оставляют работу, возбужденные, собираются толпой.
Надсмотрщики кричат.

Л ю д и

Что горит? Что блестит?

Солнца луч! Сердце стучит...

Спасет он народ,

Солнце взойдет!

К а н г а р

Что здесь такое? О, ужас!

Л а ч п л е с и с

Стой! Не вопи!
Успеешь повить перед смертью.
Куда, негодяй, дел ты Лаймдоту?

К а н г а р

Я? Лаймдоту?
Я не виновен. Не знаю...

Л а ч п л е с и с (*трясет его*)

Ну же!

К а н г а р

Пусти! Ведь другом я был тебе.
Это ее вина,
Спидолы. Вот она!

Лачплесис отталкивает его. Входит Спидола
во всем величии.

С п и д о л а

Ты что избиваешь моих людей!
(*Кангару.*)

Коль жизнь дорога, беги скорей!
Кангар отходит назад.

Л а ч п л е с и с

Что сделала с Лаймдотой ты моей?

С п и д о л а

Ты все называешь ее своей?
Она тебе всех милей на свете?

Л а ч п л е с и с

Где Лаймдота? Где?

С п и д о л а

Пусть скажет ветер!
Он в дальние с ней улетел края.
Тебя, мой герой, жалею я.
Ты так велик душою,
Что слабым не место рядом с тобою.
Герой, ты не понят в своей стране.

Л а ч п л е с и с

Не понят? Кого жалеешь ты?
Жалость твоя непонятна мне.
Где Лаймдота? Где же Лаймдота?

С п и д о л а

Ее не найдешь ты здесь, герой!

Л а ч п л е с и с

Смеешься, змеиная дочь, надо мной!
Куда девала ты Лаймдоту?

(Выхватывает меч.)

С п и д о л а

Пугай рабов, вроде Кангара.
Тебя не боится Спидола!

К а н г а р *(выходит
из-за угла)*

Виною всему она одна,
Колдунья проклятая — Спидола!

С п и д о л а

Слушай, слушай, герой,
Раба, пощаженного тобой!

К а н г а р

Тебе не раб я, ведьма злобная.
Злодейка — вот кто ты!

Л а ч п л е с и с

Замолчи!

(Ударяет его.)

С п и д о л а

Великодушен по-царски ты.
(К Кангару.)

Эй, раб, целуй ему ноги!

К а н г а р (*злобно шипит*)

Ему? Да я... Я... Погодите!
Вам вместе не быть никогда!

(*Уходит.*)

С п и д о л а

Ему страшней всего на свете,
Что мы с тобою вместе.
И прав, конечно, он!
Когда мы вместе, мы всего сильней!

Л а ч п л е с и с

Ну, ну, довольно!
Куда ты дела Лаймдоту?

С п и д о л а

Нет, спроси, не она ль тебя бросила,
Герой мой несчастный!
Ее на волнах ладья колышет,
Она сейчас блаженством дышит,
К тому она сейчас прильнула,
Кто ей милей всего на свете.

Л а ч п л е с и с

О, проклятье!
Ты и меча недостойна!
(*В гневе бросает щит оземь.*)

С п и д о л а

Прочь все уходите! Вот как ты мне страшен!
Все выходят, задерживая занавес входа.

* * *

С п и д о л а

Что ж! Бейся с женщиной, ну!
Не веришь ты мне?
Знай же — Кокнесис увез ее.

Лачплесис отпрянул.

С п и д о л а

Он не был таким героем, как ты,
Но был ей тебя понятней.
Твое величие поймет лишь равный,
Сильный и вольный ум.
Только я!
Прекрасней я всего на свете,
Всего, что на земле и в преисподней.

(Все нежнее.)

Мы оба — горные вершины,
Поверх лесов мы друг друга видим.
Один и тот же свод небес
Над нами лег.
Одни и те же облака
От нас ничтожество земли укрыли,
Ее существ презренных.
Так пусть красоты неземной покров
Укроет нас от скорбей земных.

Ко мне, о герой мой!

(Развивает над ним свое покрывало.)

Л а ч п л е с и с *(очнувшись
от раздумья)*

Какой чудесной веет силой!

С п и д о л а

Я красота и сила,
Ты — только сила. Так будем вместе.
Ведь путь один нам — совершенство!

Л а ч п л е с и с

Нет, наши пути различны.
Глаза ты ослепляешь, словно солнце,
Слиты в тебе и жар и холод.
Пестрой сменой красок и звуков
Ты манишь и держишь в вечной тревоге,
Не зная покоя, ведешь в безвестность.
А мне и цель и путь известны,
Ты вся изменчива, я же вечен.

С п и д о л а (сперва с иронией,
а затем увлекаясь)

Да, я, как солнце, непостоянна,
Горю всегда переливами красок.
Весь мир согреваю моим дыханием:
И травы земли, и неба лазурь,
И то, что в недрах земли сокрыто.
Я красоты над вселенной солнце,
Даю всему я образ и форму.
И через меня одну все живущее
От века свою сохраняет сущность,
Вновь рождаясь, совершенствуясь вечно.
Мною красны цветы, зелены травы,
Простой жучок золотисто блещет,
И твои глаза на меня взирают,
Как глубь озер, синевой сверкая,
Светясь изумленно.

Л а ч п л е с и с

О да, сейчас чудесна ты,
Как волшебство, как греза!
Ты красота... и солнце!..
То явь ты, то призрак...

С п и д о л а

Я красота, властительная,
Непостоянная, как солнце.
Меняюсь я, но ответ мой
Неизменным живет от века,
Силе твоей подобный.
Ты без меня ничто, ты — один.

Л а ч п л е с и с

Ах!

С п и д о л а

Иди же ко мне, будь моим,
Я красота властительная!

(Накрывает его покрывалом, кладет на него руку.)

Л а ч п л е с и с (сначала
медленно)

Ты... красота... властительная!
(Все быстрее и быстрее, под конец отрывисто,
неудержимо.)

Не слишком ли рано ты властвовать стала!
Царит еще тьма повсюду,
Множится низость, и зло
Нас черными давит руками.
Бесы, драконы и змеи
Душно смердят вокруг.
Насилие губит жизни цвет.
И только чистый сердцем сразить
Может того, кто гнетет и теснит,—
Чтоб легче отныне дышалось.
Ты — красота, но вокруг некрасивое.
Своей красотой ты мерзости служишь.
Смотри же и слушай!

Распахивает занавес: видны строители Риги за работой,
слышны их вздохи.

П е р в ы й

Возим, катим и роем,
Крепость новую строим.

В т о р о й

Дом из камней воздвигаем.
Будет он нашим — не знаем.

Т р е т и й

Бьем мы киркою и ломом,
Стены кладем другому.

Ч е т в е р т ы й

Над подземельями бьемся,
Сами же в них задохнемся!

П я т ы й

Рубим мы бревна, рубим,
Сами в подвале жить будем.

Шестой

Бьет по камням наш молот,
Терпим и жажду и голод.

*Л а ч п л е с и с (снова задерживая
занавес)*

Ты видишь, ты слышишь?
Плечи в крови, вздохи, стенанья.

С п и д о л а (с иронией)

Со мной красиво все некрасивое.
А Кокнесис и Лаймдота
Одной красотой жить хотят.

Л а ч п л е с и с

О!.. Я на куски изрублю их!
Где же она? Скажи!
Ведь бой я не кончил с тьмою,
Она погубит
И Лаймдоту!
Она добродетель в порок превращает,
От нее и цветы гниением пахнут!

С п и д о л а

Слишком ты превознес ее.

Л а ч п л е с и с

Но только с нею я тьму осилил
И воскресил Замок Света.
Я отыщу ее, где бы ни скрылась,
На Острове Смерти или в море!

(Идет к двери.)

С п и д о л а

Куда пойдешь ты?
К чему искать?
И нужно ль мстить? В ней самой наказанье.

Сама потонет в будничном счастье
И от величия отвернется,
Пойдет ликуя своей дорогой.
Ее как частицу себя люблю я,
Но к цели придя, она слаба.

Л а ч п л е с и с

Хоть любишь, зачем ты нас разлучила!

С п и д о л а

Она — часть меня. А тебе нужно всё.
И я — это всё.
И судьба у нас одна.
Со мной останься.
Все уже найдено,
Вместе мы будем править миром.
Прекрасней я всего на свете,
Всего, что на земле и в преисподней.

Л а ч п л е с и с

Один мне путь —
Очистить землю.
Не будет Лаймдоты —
И зло исчезнет,
И я обрету покой.

С п и д о л а (грозно, предостерегающе)

Забудь о ней,
Страшись покоя!
Ты в нем без меня погрязнешь,
Своей не достигнешь цели.

Л а ч п л е с и с

Ха-ха! Смешна мне твоя угроза.
Изменчива ты и беспокойна,
А нужно, чтоб шла ты к ясности
И красотой своею.

С п и д о л а (*предостерегающе,
словно что предвидя*)

И сам меняйся к лучшему, Лачплесис!

(*Умоляюще.*)

И у меня останься!

(*Обнимающая его.*)

Л а ч п л е с и с

Хэй! Должен итти я!

(*Отталкивая ее.*)

С п и д о л а (*другим тоном*)

Лачплесис! Лаймдоту ты не найдешь!

Одна я знаю, где путь ее.

Л а ч п л е с и с

Найду, не уйдет!

С п и д о л а (*гордо и значительно*)

Нет, не бежала с ним она,

Моею властью увезена.

Спасая тебя, разлучила я вас.

Л а ч п л е с и с (*размахнувшись
мечом*)

Злодейка, ты умрешь сейчас!

(*Хочет ударить ее.*)

С п и д о л а (*насмешливо*)

Умру? Ты хочешь свет погасить?

Я им велела в ладье уплыть,

Печаль и радость делить вдвоем,

Друг друга любить в пути своем.

Л а ч п л е с и с

А!

С п и д о л а (*смеясь*)

Умру — она со мной умрет!

Твой меч ее уж не спасет.

Она мне в руки отдана,
Мной заколдована она!

Л а ч п л е с и с

Коварная!
Цели достигну в пути.
Должен я Лаймдоту спасти!
Хэй! Хэй!

(Поспешно уходит.)

С п и д о л а *(медленно,
в глубоком раздумьи)*
Меняясь, меняйся лишь к ясности. . .

З а н а в е с

... Меняясь, меняйся лишь к ясности...

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Берег моря на Острове Смерти.

Спидола летит по воздуху в колеснице, запряженной белыми лебедями, и опускается на землю из освещенных солнцем облаков.
Море спокойное, сверкающее. Легкий ветерок.

С п и д о л а

Ветер над морем ревет,
Тучи он гонит и рвет,
Там, в тумане.
Блещут просторы вод,
Спидолы тих полет,
Легкий, как дыханье,
Как дыханье.

К а н г а р подъезжает с другой стороны. В его колесницу впряжены змеи и драконы, его окружают черные тучи.
Море бушует. Воет ветер.

К а н г а р

Бури над морем вой
Тучи собрал толпой,
Гнева полный,
Тьму и ненастье сулит,
Неба сиянье темнит,
Злые катит волны,
Гнева полный!

С п и д о л а

Зачем гонишь Лачплесиса
На проклятый остров,
Где камнем становятся люди?

К а н г а р

Ты погубить здесь велела Лаймдоту.
Где Лаймдота — там и Лачплесис.
Одна судьба им, и ветер один.

С п и д о л а

В моей — не твоей! — он власти.
Ветром назад отбрось его!

К а н г а р

Уж поздно! Он близко.
Не зря же он силой прославлен.
Спаситель других, пусть себя он спасает.

С п и д о л а

Как же может спасти он себя,
Попав на ужасный Остров Смерти?

К а н г а р

Так пусть умрет — ты ж его ненавидишь!

С п и д о л а

Да, ненавижу, не больше, чем ты!

К а н г а р

И ты не хотела, чтоб камнем заснул он!?
А он ведь убил твою мать-колдунью,
Как в замке убил твоего отца!

С п и д о л а

Ах!

К а н г а р

Убил он трехглавого змея,
Сейчас он бьется с девятиглавым.
Чу! Клики радости слышишь там?
И это не черти ликуют.

Девятиглавого он осилил.
Всегда побеждает!
И братьев твоих на свете уж нет.
Его никто победить не может!
Тебя, как рабыню, себе он возьмет.
Но ты бы его могла одолеть
Моею силой!

С п и д о л а

Нет, то не победа, коль раб помогает —
Совсем не равен ты мне по рождению,
Чужд ты властной породе моей!
Один на свете воин
С ним в поединок вступить достоин.
Только я. Всего я прекрасней,
Что на земле и во тьме преисподней.
О Лачплесис мой,
Пред силой моею склонись, герой!
Плодом красоты владею я.
Мой род сразил ты своей рукою.
Умри, коль не хочешь остаться со мною.
О Лачплесис!

К а н г а р

Да, всех ты в мире прекрасней,
И все ж милей ему Лаймдота!
Своей красотой ты его не осилишь,
А я, ничтожный, презренный всеми,
Я всех вас с землей смешаю,
Чтоб вы под пятой моей взмолились!

С п и д о л а

Ха! Ха! Ха!

Уезжает на своей колеснице. Белые облака исчезают.
Все меркнет.

К а н г а р

Хо! Мало их лютой смерти предать!
Не пасть им героями в смертном бою,
Их душу буднями я убью!
Подобно мне вознесутся в мечтах
И обратятся в прах!

Туча моя, выше лети,
Кангар отыщет их след в пути!
Поднимается к небу. Черные тучи, провожая его, исчезают.
Светлеет.

* * *

Входит Лачплесис со своими товарищами, которые несут головы и крылья убитых змеев и драконов, переливающиеся различными красками, и другие трофеи победы.

Л а ч п л е с и с

Хо! Бой наш был нелегким,
Но пали драконы.
Ликуйте же, друзья мои! Хо! Хо!

В о и н ы

Хо! Хо!
Девять голов он
Мечом срубил.
Скаль же зубы —
Ужалить нет сил!
Хо! Хо!

Л а ч п л е с и с

Громче пойте, друзья!
Веселья не вижу я
И не могу вздохнуть.
Горе терзает грудь.
Довольно побед на пути,
Нам Лаймдоту надо скорей найти!

О д и н и з в о и н о в

Страшен этот остров проклятый,
Немой тишиной и туманом объятый.
Птицы спят здесь даже днем.
Чуть пошевелият крылом —
И опять объаты сном.
Лежат, превращенные в камень тела
Чужих моряков, что волна принесла,
Не дышат гребни волн,
Не шелестит листок,

И, тревоги душевной полн,
На сердце сон налег.
О, родина!

Д р у г о й   в о и н

Всего здесь вдоволь есть,
И золота не счесть,
Обилье нас манит,
Вот только сон томит.
О Лачплесис!
В край родной нас неси.
Лаймдоту мы должны найти,
А нет — на родину нас пусти.

Л а ч п л е с и с

Меня обступила мгла,
Но что мне победа дала?
Как ты была права,
О Спидола!
Меня печали душат!
Горе мне давит душу.
Того ль я искал в борьбе?
Где выход, где?
Тебя, мечта моя,
Достиг ли я?
Разве не может здесь меч помочь?
Сгинь, колдовство! Скорее прочь!

Ударяет мечом, и все вдруг изменяется.
Откинут занавес тумана. В сияющем, бледножелтом свете видна
яблоня с золотыми яблоками. Перед нею прозрачный хрустальный
источник.

В о и н ы

А! А! А!
Сколько здесь света
Нам яблоня льет!
В источнике этом
Солнце поет.
Нас мучит жажда, мы все в крови.
Иди, золотые яблоки рви!

Некоторые воины пьют из колодца и сладко засыпают.

Старшие воины

Стойте, братья!
Может, в ручье залятье,
Может, отравлена в нем вода?
Слышите, песня летит сюда?

Песня тихо звучит из яблони.

Пей мою ясность, пей
Из ручья,
В яблоне — ответ лучей,
Жизнь моя!
Кто смело пьет,
Себя найдет
И встретит новых дней восход!
Грусть его рассеется,
Сердцу легче станет,
Тяжесть горя светится
Ветерка дыханьем.
Будет он надеяться
Победить страданье —
Миром жизнь овеется,
Осени сияньем.
Он с души сотрет печать
Грусти и томленья.
Таять, никнуть, исчезать —
В этом цель стремленья.
Пей мою ясность, пей
Из ручья,
В яблоне — ответ лучей,
Жизнь моя!
Кто из меня
Выпьет огня —
Встретит сияние нового дня.
Кто смело пьет,
Себя найдет
И встретит новых дней восход!

Туман рассеивается. Видны богато накрытые столы, ложе для отдыха. Вокруг столов порхают легкие видения — молодые девушки с гирляндами цветов.

Старые воины

Как сладок отдых!
Кончен труд.

Молчит тревога,
Все мирно тут.

М о л о д ы е

Истома страсти
Сжигает кровь.
Сверкает счастье,
Зовет любовь.

Г о л о с п е с н и

Кто смело поет,
Любовь найдет

И встретит новых дней восход!

Спокойная, убаюкивающая музыка. Воины садятся за стол и во время пира тихо засыпают. Юноши склоняются к девушкам и засыпают в их объятиях.

Г о л о с п е с н и

О Лачплесис!

Кто смело поет,
Себя найдет.

И встретит новых дней восход!

Л а ч п л е с и с

О голос милый,
Влекущий сердце
С чудесной силой!
Солнце над головой —
Нужен душе покой.

Д р у г

Вокруг покой и согласие,
Твой краткий отдых похож на счастье.
Сними доспех свой бранный,
Забудь и кровь и раны.
Здесь все так ясно,
И жизнь прекрасна,
Прекрасна!

Г о л о с п е с н и *(звучит еще нежней)*

Лачплесис!

На зов мой отзовись!

По странам прошел ты многим.
Пора отдохнуть с дороги.
Чтоб счастья людей добиться,
Ты шел, и устал стремиться.
Достиг ли цели ты,
Своей мечты?
Лачплесис,
На зов мой отзовись!

Л а ч п л е с и с

Слышу чудесный голос я!
Так власть ее и в этих краях?
О, Спидола!

Г о л о с С п и д о л ы

Прекрасней я всего на свете,
Всего, что на земле и в преисподней!
Всюду мой голос тебе звенел.
И край отдаленного счастья
И Остров Смерти — для власти,
Для силы моей не предел.

Пей мою ясность, пей
Из ручья,

В яблоне — отсвет лучей,

Жизнь моя!

Кто смело пьет,

Себя найдет

И встретит новых дней восход!

Л а ч п л е с и с

Но где ж ты? Тебя зову.
Сейчас во сне я? Иль наяву?

С п и д о л а

Лишь захочу — и в одно мгновенье
Сон сделаю жизнью, а жизнь — сновиденьем.
Прекрасна будет явь, как сон,

Пей мою ясность, пей

Из ручья. . .

Л а ч п л е с и с

Откуда голос твой? Из ручья?
Явись же взору, прекрасная! . .

С п и д о л а

С глаз того, кто пьет,
Пелена спадет,
Ему открывает сон
Скрытое в тьме времен.

Л а ч п л е с и с

Тех, кто здесь пьет,
Тяжесть гнетет.
На воинов взгляни!
Дремлют они,
Забыв о долге. . .

С п и д о л а

. . . Дороге долгой,
Тревогах, волненьях,
Желаньях, стремленьях.
На Острове Смерти в неволе
Одной все покорны доле:
Здесь в забвенье погрузиться
И в красоте раствориться.

Л а ч п л е с и с

Здесь в забвенье погрузиться
И в красоте раствориться. . .

С п и д о л а

Все позабыть сейчас,
Что разделяет нас,
Боль и мечты избыть,
В вечном единстве жить —
О, Лачплесис!

Л а ч п л е с и с

Старался тебя избегать я,
Меж нами — вражды проклятье,
И все же смутной мечтою
Я следовал за тобою.
Все, чего ждет душа моя,
Нашел на Острове Смерти я:
Сон золотой,
Забвенья жизни земной.
Иду! Явись же, о Спидола!

Г о л о с   и з   д а л е к а   (*медленно, тихо*)
Лаймдота!

Л а ч п л е с и с
Ты слышишь, Спидола, слышишь ли?

С п и д о л а
Мой Лачплесис!

Л а ч п л е с и с
Не кончен мой путь,
Я должен вернуть,
Найти и вернуть Лаймдоту!

С п и д о л а
Достигнет ли цели душа твоя?

Л а ч п л е с и с
Когда станет вольною Латвия,
Достигнута будет цель моя!
О Латвии — Лаймдоте я томлюсь,
Душой к ней стремлюсь и слезы лью
О, как мне странствия надоели!
Скорей бы мне достигнуть цели!

С п и д о л а
Только счастливая, вольная Латвия?
Не вечная?
И это все?
И Лачплесис
Забудет все свои мечты?
Найдешь всё на Острове Смерти ты!
Стремишься к одной только Лаймдоте,
Не дальше — сквозь время к вечности?
Твой путь к концу никогда не придет, —
Ведь я зову тебя только вперед.
В путь, о Лачплесис!

Л а ч п л е с и с
Хочу, как ты обещала мне,
Здесь в забвенье погрузиться
И в красоте раствориться.

С п и д о л а

Лишь тот, в ком страсти уснуть успели,
Достигнуть может великой цели!
Но слишком душа твоя разгоралась —
Сломила тебя усталость,
А мог бы опору своей мечте
В моей ты найти красоте.
Счастья там льется свет,
Для духа цепей там нет,
Вечность, взмахнув крылом,
Мчится своим путем.

Л а ч п л е с и с

Ты разве бессмертна, прекрасная?
К чему ж твоя речь неясная?

С п и д о л а

Я вечная, и в бесконечности
Исчезну, достигнув вечности.
Сильнейший лишь может меня победить,
Коль стану сама об этом просить.

Л а ч п л е с и с

Ты вся загадка, Спидола!

С п и д о л а

Вдвоем мы решим ее смело.
Не ум твой здесь нужен, а дело.
Ведь только властью врага бесконечной
Я становлюсь и свободной и вечной.
Тебя победив, возвышаюсь я,
И к вечности мчится душа моя.

Л а ч п л е с и с

Доступна ль вечность для меня?
Я верен року от первого дня.

С п и д о л а

Здесь сам тебя настигает рок,
Ты вечной силы живой поток.

Л а ч п л е с и с

Судьбы ты знаешь все пути.
Скажи мне, кто я? Куда идти?

С п и д о л а

От вечности оба мы с тобой,
И листья ветки мы одной.
Вдвоем лишь мы победим в бою,
Лишь сами силу согнем свою.

Л а ч п л е с и с

Не знаю, вечен я или нет,
Но служит мне вечно счастье побед!

С п и д о л а

Тебя согнет последняя сила,
Тот низкий грех, что земля взрастила.

Л а ч п л е с и с

Не бойся! Приму я всякий бой.
Глупец, кто посмеет биться со мной.
Пусть с золотом вместо меча стального
Нагрянут враги — я сразу любого,
Мне только бы уши сберечь, — и тогда
Мне не страшна никакая беда.
Ха-ха-ха!

Г о л о с и з д а л и (тихо)

Ха-ха-ха!

С п и д о л а

Эй, Лачплесис,
Не смех ли мне послышался?

Л а ч п л е с и с

Чего ты боишься? Смеялся я.

С п и д о л а

Берегись! Беда стережет тебя.

Л а ч п л е с и с

Сказала мне Лаймдота давно:
Кто любит — бояться тому суждено.

С п и д о л а
Проклятое имя! Молчи о ней.

Л а ч п л е с и с
Оно живет в душе моей.

С п и д о л а
Оно замолкнет, и навсегда!
Прекрасней я всего,
Что на земле и во тьме преисподней!
Пей мою ясность, пей
Из ручья,
Любуйся красотой моей.
Это — я!
Полюбишь мою красу —
Силу твою спасу.
Пей мою ясность, пей
Из ручья!

Л а ч п л е с и с
Иду! Явись мне, любимая!
(*Пьет из родника.*)

С п и д о л а во всем блеске своей красоты появляется в яблоне.

Л а ч п л е с и с
Небо и солнце!
Вечная! Ясная!
Страшно мне видеть сияние властное.
Глядеть на тебя не в силах я...
(*Падает на колени.*)

С п и д о л а (*возникая из яблони.*)
Приди же ко мне, любовь моя!
(*Целует его.*)

Лишь по тебе я сгорала мечтою,
И наши пути сплетены судьбою.
Тебе защитой буду я,
И это мгновенье — награда моя.
Миры сошлись здесь — уста к устам,
Навеки пылать этим счастьем нам.
И вечность раскрылась теперь перед нами —
Ширится, высится страсти пламя!

Л а ч п л е с и с (вскакивая)

Страхнул я усталость тяжких лет,
И словно из недр я вышел на свет.
Родились желанья, зовут за собой.
Давно уж я силы не ведал такой!
Тебя обожаю, любовь моя,
Коснуться тебя не смею я.

С п и д о л а

Ты мой навеки!
И ты красоту сквозь миры пронесешь,
Герой, сильнейший на свете,
Сквозь бездны темные
И тьмы бездонные.
Алмазную гору мы рассечем,
Что блещет вдали голубым венцом,
Что блеском собственным вся согрета
И наполняет нас счастьем света.
Стремится к ней страстно человек,
Плененный ее красотой навек.
Все то, что мы любим и что клянем,
Как прах земли мы с себя стряхнем,
И солнце нам светлой короной станет,
И тело оденут лучистые ткани.

Л а ч п л е с и с

Хэй! Хэй! Иду я!

С п и д о л а

Не всё! Пстой!
Зовет еще дальше голос мой.
До края света дойдем с тобой,
Где небо сливается с землей.
Где солнца сад, где ворота рая,
Где дочки солнца, как розы мая,
Где Перкона дети злато куют,
Где силы стужи снегами метут,
Где вечером солнце, идя на покой,
Пылая, плывет в ладье золотой.

Л а ч п л е с и с

Скорей, скорей туда веди!

С п и д о л а

Нет, погоди. Путь впереди:
За краем неба, за краем света
Конца нет морю, что мглой одето,
Ни волн, ни ветра, ни дня, ни ночи,
Последний ужас глядит нам в очи.
В груди твоей
Живет ли сердце, что тьмы сильнее?
Рви же смелей
Яблоко!

Л а ч п л е с и с

Там все затмится —
К чему ж туда стремиться?
Там смерть ждет в тумане.
Зачем
Ты манишь?

С п и д о л а

Ты смерти земной боишься?
Испив меня, в ней растворишься.

Л а ч п л е с и с

Но смерть разве ты?

С п и д о л а

Нет, вечность я,
И скоро окончу путь бытия.

Л а ч п л е с и с

Но мир ты лишишь красоты земной.

С п и д о л а

Я ввысь унесу ее с собой.

Л а ч п л е с и с

Без силы земной твоя красота — одна мечта.

С п и д о л а

Ты сила земли, о Лачплесис,
На ней ты сильнееший, Лачплесис,

Но в явь превращаю я сновиденье
И снам живое даю воплощенье.
Прекрасна явь твоя, как сон,
Но в жизнь превратится скоро он.

Л а ч п л е с и с

Я всех сильнее здесь, на земле,
Но я бессилен там, во мгле.

С п и д о л а

Ты полон сил,
Ты, смелый, тот,
Кто все победил,
Кого вечность зовет.
В груди твоей
Отважное сердце — тьмы сильней.
Достигнем мы вечности в этот миг,
Где блещет Спидолы ясный лик.
Рви яблоко,
Жизнь и свет!

Л а ч п л е с и с

Где ж то, чего так душа ждала?
Дай яблоко смерти мне, Спидола.
Сильней я стал, как от вина,
И силой грудь моя полна.

Срывает золотое яблоко смерти и откусывает от него: из яблока сыплется зола. Лачплесис содрогается и, воскликнув «фу!», тихо засыпает на руках у Спидолы.

п е с н я с п и д о л ы

Спи, любимый мой,
Полный сил, герой,
На груди моей
Все забудь, родной!
Пусть тебя в полет
Вечность унесет,
Пусть в душе твоей
Сила восстает!
Ты пришел к мечте,
К жизни полноте,

Мир души твоей
В вечной красоте!

Пауза.

Душа моя страстная,
Ты волей властною
Достигла ль того, к чему
Стремилась всечасно я?
Закон миров, смелая,
Ужель одолела я!?
И власти сияющей
Достигла ль предела я?
Презрев жизнь пленную,
Став совершенною,
Могу ль наполнить я
Красой вселенную?

ПЕСНЬ ЛИКОВАНИЯ

Хэй, хэй, э-ой!
Весь мир живой
Отныне мой,
Ликуй и пой!

Спидола, встань, сверкая,
Скользи над землей, сияя,
Хэй! Хэй!

Прекрасней я всего на свете,
Всего, что на земле и в преисподней!

Голос издадека

Ха-ха-ха!
Лаймдота! Где она,
Что в камень здесь превращена?

Появляется Кангар.

Спидола

Как смел ты явиться?

Кангар

За друга я пришел вступиться.

Спидола

Прочь уходи! Довольно обмана!

К а н г а р
Победой тебе гордиться рано.

С п и д о л а
Ха-ха!

К а н г а р
Я тайну твою подслушал.

С п и д о л а
Да, предатель подслушивать рад всегда!

К а н г а р
Героя сразить уж нетрудно мне.

С п и д о л а
Попробуй! В моей он теперь стране.
Ха! Ха!
Мир ныне мой!
Ликуй и пой!

К а н г а р
Послушай-ка, Спидола!
Хочу я, чтоб другом ты мне была.
Пусть спит твой герой глубоким сном,
Забудь о сказочном царстве своем.
Лучше со мною власть дели
В Риге и всюду в Латвии.

С п и д о л а
Свои там вожди.

К а н г а р
Мы их проведем!
Пусть каждый только зовется вождем,
Власть их мы заберем себе.
Пусть служат они лишь мне и тебе!

С п и д о л а
Уйди! Надоел мне безмерно ты!

К а н г а р
Тебя пугают мои мечты?

С п и д о л а

И затея твоя презренная.
Мне царством будет вселенная!

К а н г а р

Ха! Ха! Прекрасная жизнь!
Но берегись!
Пятой растопчу я твой венец,
Мгновенье — и власти твоей конец!

С п и д о л а

Презренный раб! Где тебе!
Судьба помогает мне в борьбе.
Нет больше греха, чем себе изменить.
А он изменил. Я смогла победить!
Я — сила конечная!

К а н г а р

Ха! Ха! Спидола,
Мудрость тебя подвела.
За Царством Зла конечный успех,
Предательство — вот сильнейший грех.

С п и д о л а

Предатель! Змея!

К а н г а р

А кто меня так посмеет назвать,
Когда я победу могу одержать?
Тебя растопчет пята моя,
Лаймдота! Лаймдота!
Зовет тебя, Лачплесис, Латвия!
(Ударяет Лачплесиса по спине.)

Лачплесис просыпается, выплевывает кусок яблока смерти,
сдувает пепел с губ.

Л а ч п л е с и с

О!
Что со мною?
Лишь в горле застрял кусок.
Мрак стал глубок,
Дух захватило,

Бездна меня закружила,
Сверканье алмазных гор
Увидел издали взор,
Все стало черным, зеленым, алым,
Чудищ ко мне протянулись жала.

С п и д о л а

— А!

Сияние угасает. Свет становится опять бледным.

Л а ч п л е с и с

Спидола! Спидола!
Что же ее здесь нет,
Что же исчез прекрасный свет?

К а н г а р

Тебе она яблоко смерти дала,
Но дружба моя от смерти спасла.
Тебе пробудиться я помог,
Отравленный выплюнул ты кусок.
А мог лишиться Лаймдоты!
Ведь колдовством был опутан ты
И сном обманут в этот миг,
Когда ты цели уже достиг.
Невеста здесь, но спит она,
Колдуньей в камень превращена,
И сам заснул бы ты на века,
Когда б не дружбы моей рука!

Л а ч п л е с и с

А! А!

Что скажешь, Спидола?

Спидола молчит.

К а н г а р

А что ей ответить? Все правда тут.
Ударь по ручью — и чары падут.

Л а ч п л е с и с

Слова я жду твоего!

К а н г а р

Иль все продолжается колдовство?

Л а ч п л е с и с (опустился
на колени, но угрожающе поднял меч)

Я все еще слова жду твоего!
Однажды я был уж обманут тобой.
Ее обратила ты в камень немой.

Спидола молчит.

Л а ч п л е с и с (вскакивая)

Ну?

Рубит мечом воду. Из родника брызжет струя крови.

Г о л о с и з р о д н и к а
Стой! Стой!

К а н г а р

Мечом поразил ты колдуньи мать,
И Спидолы власти тебе не знать.
Руби! она с яблоней сгинет тоже —
Всех чудищ ты с ней уничтожишь.

Л а ч п л е с и с

Спидола!

Г о л о с С п и д о л ы

О горе, горе мне!
Отрезал ты к вечности путь себе,
Отвага твоя разлетелась дымом,
Ты перестал быть непобедимым.

К а н г а р

Ну что ж, теперь унижай его!
Твое разрушено колдовство!

Г о л о с С п и д о л ы

Руби, герой!
Бессмертия нам не достичь с тобой.
Нет вечного царства нам на земле,
Оплот красоты, пал ты сам во мгле,
Одной улетать мне к вечности,
Тонуть красотой в бесконечности!
Силы мне равной нет!
Спидола — свет!

Над миром, над солнцем мне скользить,
Светить!

Л а ч п л е с и с

Да, вечно будешь ты светла.
Вернись же на небо, Спидола!
Я — сила земная. Быть собой
Могу я лишь на земле родной.
Я в этом мире непобедим:
А там, за ним, я — только дым.

К а н г а р

Бей же скорей!
Внимать ты не должен ей.

Г о л о с С п и д о л ы

Ах, Лачплесис!
Тебе без меня дорога вниз.
Ты закоснеешь в довольстве своем,
Итти перестанешь вечным путем,
Погрязнешь среди пустых забот,
И жизнь сама с тобой замрет.
Пусть рок мне сулит разлуку с мечтой,
Пусть гибнет мой облик земной,—
Пойду с тобою, тебя храня!
Не манит иная власть меня.

К а н г а р (издеваясь)

Ему простою служанкой быть,
О небе и воле мечту забыть!
Ха! Ха!
Да ты ль это, Спидола?

С п и д о л а

Я буду ему еще верней,
Его не отдам я власти твоей!

К а н г а р

Не я, а Лаймдота власть возьмет.
Бей, Лачплесис,— пусть колдовство падет!
Руби верхушку!

Г о л о с С п и д о л ы

Вот мудрость, она ясна уму,
Гласит она: свет побеждает тьму.
Герой, я все тебе отдаю:
Себя и небесную высь мою!

Л а ч п л е с и с

Останься там, Спидола моя,
Тебя недостойн я.

Г о л о с С п и д о л ы

Но без меня
Нет жизни Латвии.

Л а ч п л е с и с

Что ж делать? Нужны мне слова твои!

Г о л о с С п и д о л ы

Руби ветвь с краю!
Небесную власть слагаю.
Где жало змеинное?
Ты стал господином мне.

К а н г а р

Не ветку руби — вершину прямую,
Не то сохранит она власть земную,
Руби вершину, руби смелей
И в мир загробный пошли скорей!

Лачплесис срубает одну из ветвей. Появляется Спидола. Лицо ее печально. У нее гордый вид властительницы, но в глазах сияет нежность, готовность к самопожертвованию.

Л а ч п л е с и с

О, как ты прекрасна!
Как взор твой сияет ясный!

С п и д о л а

Теперь я Лаймдоту
Сама отдам тебе!
Спидола — свет.
Смерти ей нет!
Камень, расколись,
Лаймдота, явись!

Л а й м д о т а

Лачплесис! В этот час
Меня ты навеки спас,
От бед спасла нас сила твоя,
Счастливою будет Латвия!

(Обнимает Лачплесиса.)

С п и д о л а

Камень, расколись,
Народ, сбрось чары и проснись
От сна векового — к обновленью,
От рабского сна к освобожденью!
Камень, расколись,
Пумпур, певец народный, явись!
Пой Лачплесиса всемогущего,
О прошлом пой и зови в грядущее!

Возвращенные к жизни каменные изваяния начинают шевелиться,
вставать. Оживают птицы, вся природа.

Р а з б у ж е н н ы е

А! А! А!
От нас уходит тень,
Блещет ясный день.
Птичий хор поет
Новых зорь восход.
Лачплесис! Лачплесис!
Чудом ты нас разбудил, герой,
Зло победил ты своей рукой,
Смерть ледяную поправ пятой —
Лачплесис! Лачплесис!

Л а ч п л е с и с

Мощная Спидола
Вас от беды спасла,
Жертвуя для людей
Властью небесной своей.

С п и д о л а (отходя в сторону)

Камень, расколись,
Кокнесис, встань, появись!

Кокнесис

Все, чем славен Рим,
Принес я к ногам твоим.
Власть неизменную
Прими над вселенною!

Спидола

О Кокнесис мой!
Я отдала бы весь мир живой,
И больше могла бы людям дать,
Да сил не хватило б им принять!

Кокнесис

Хоть речи мне не понять твоей,
Тебе я служу до последних дней.

Спидола

Свой дух я теперь хочу ограничить
И, ограничивая, возвеличить.
Ясней теперь вижу цель мою. . .
Враг вторгся в родную Латвию!
Веди нас в поход на него, герой,
Иди, о Лачплесис, смело в бой!

Занавес

...Иди, о Лачплесис, смело в бой!

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Замок Лиелварда на берегу Даугавы.

Зал в древнелатвийском стиле, украшен предметами роскоши, привезенными с Запада. Всюду победные трофеи, военная добыча, отнятая у других народов: оружие, ткани, металлические изделия и т. д.

На сцене справа два трона. У стен низкие сидения — для военачальников. Слева тронное кресло для Спидолы, также окруженное более низкими сидениями.

Глубина сцены закрыта большой завесой. Когда ее откидывают, видно крыльцо на крутом берегу Даугавы. За ним — широкая гладь реки и берег озера Курземе.

Справа, в углу сцены, ложе под богатым покрывалом. Рядом низкий стол, на котором кубки с вином и фрукты. Лачплесис в легком праздничном одеянии возлежит на ложе. Рядом на скамье Лаймдота, также в богатом домашнем платье.

Л а й м д о т а

Мое сокровище, отрада глаз,
Зеница ока и души алмаз,
Отныне ты мой, и только мой.
Тебя опасностям уж не отдам я —
Зверям, драконам, змеям и немцам.
Окончен бой, в котором Спидола
И Кангар служили твоей победе.
Возляжем с тобой на ложе счастья,
Пускай отдохнут героя руки.
Твои я волосы тихо глажу,
Спокойно после бурь вздохни,
Спокойно...

(Вздрагивает.)

Л а ч п л е с и с

Моя голубка, что с тобой?

Л а й м д о т а

Пустое, милый, добрый, благородный,
Навеки мой, судьбою нареченный!
Предчувствие коснулось вдруг меня,
Тревожно мне, не знаю почему.
Ужасно то, что длится все война,
И за тебя покоя мне все нет.

(Поднимаясь решительно.)

Врагов ты разбил, сражался достойно,
Так дай уйти им, пусть кончатся войны.
Миришь скорее с немцами, Лачплесис,
Не слушай озлобленной Спидолы.
Война ей для войны нужна,
И вечной злобой она полна.
Боюсь я ее, куда зовет,
К какой неизвестности ведет?

Л а ч п л е с и с

Голубка, не бойся! Ведь я с тобой
Обрел наконец и мир и покой.
Немало прошел я стран чужих,
Но родина сердцу дороже их.
Ведь только в счастье сила растет,
Своих достигая предельных высот.
Пусть счастье и мир будут в Латвии.
Что к чуждой стремиться мне вечности?
Здесь, в Латвии, я уничтожил зло,
И время мне жить для себя пришло.
Достигнуто все. И я судьбой
Доволен.

Л а й м д о т а

О мой повелитель! Любимый мой!
Живи для меня и жди короны.
Народы примут твои законы,
Богатую дань тебе принесут —
Все то, что рождает им щедрый труд:
Меха, мед, пшеницу, шитье золотое.
Богатством наполним мы эти покои,

Изделья красивые немцы нам
Доставят в Ригу по нашим волнам!
Какие шелка у них и атлас!
Взглянул — оторвать уж не можешь глаз.
Я видела немцев. Они сильны,
И с ними мы в дружбе жить должны.
Ты мир принесешь родной стране,
Богаче будет она вдвойне.
Какое счастье, что мы вдвоем!
Мне кажется все чудесным сном. . .

Л а ч п л е с и с
(про себя, мечтательно)

И станет явь прекрасней, чем сон,
И явью прекрасной будет он. . .

Л а й м д о т а
Всё, милый, сейчас у тебя во власти.

Л а ч п л е с и с
Ах нет!

Л а й м д о т а
Ты даришь мне высшее счастье,
И чуду подобен блаженства час.

Л а ч п л е с и с
Он вечен!

Л а й м д о т а
Не скрылся бы только от нас!
Входит слуга.

С л у г а
Там гости!

Л а й м д о т а
Печаль в душе моей.
Опасность грозит нам. Страшись гостей!

Л а ч п л е с и с
Не бойся, синичка!

(Слуге.)
Но кто же там?

С л у г а

Со всех краев приехали к нам —
И ливы, и немцы с подарками,
И Рыцарь Черный с татарами.

Л а й м д о т а

Нет! К ним не ходи!

Л а ч п л е с и с

Мир нужен им.
А мира и сами мы хотим.
Достигли цели мы своей.

(Слуге.)

Зови же сюда гостей и вождей!
Ты не был ли воином в свой час?

С л у г а

Когда-то...

Л а ч п л е с и с

Как время меняет нас!
Встарь лучше было...

Слуга уходит.

Л а й м д о т а

Идем скорей —
Нам нужно облечься в одежды царей.

Оба уходят.

* * *

Входят Спидола и Кангар.

К а н г а р *(вслед уходящему
слуге)*

Они предстанут в одежде царей...

С п и д о л а

Что нужно? Пришла я по просьбе твоей...

К а н г а р

Сюда сейчас весь двор сойдется.
А сердце, скажи, у тебя не бьется
При виде победы Лаймдоты?

С п и д о л а
Довольно! Не слишком ли дерзок ты!

К а н г а р
Ага! Видно, гордости трудно твоей
Признать, что другая гордость сильнее!
Мне тоже. . .

С п и д о л а
К чему это клонишь ты?

К а н г а р
Мы все здесь под властью Лаймдоты.

С п и д о л а
Я? Нет!

К а н г а р
Тебе нелегко сейчас. . .
За кем ты пойдешь?

С п и д о л а
За ним. У нас
Всегда путь один и судьба одна.
Где он, там и я — на все времена.

К а н г а р
Нет, с Лаймдотой он разделит пути.
Останешься ты ни с чем. . .

С п и д о л а
Уйди!

К а н г а р
Если тебя покину я,
Над кем же проявится власть твоя?
Остался один я служить тебе
Да Кокнесис, покорный своей судьбе.
Рабой ты станешь теперь на годы,
Лишь крохами Лаймдоты будешь жить.
Она — жена. А тебе кем быть?
Такой ли ждала ты свободы?

Где же гордая честью Спидола,
Из первых в могуществе — первая?
Где трон твой, что выше всех вершин?
Зачем ты сошла во тьму долин?
Всегда могучая, ясная,
Звезда прекрасная,
Земле ты и недрам горишь лучом,
Спидола, Спидола!
Но мне ли, червю, говорить о том!
Сама все скажи и очнись от сна,
Ты падать так низко не должна.

С п и д о л а (*тихо, угрюмо*)

Назад вернуться хотела б я. . .

К а н г а р

Где ж царство твое и страна твоя?

С п и д о л а

Правдивы твои слова —
Ведь я уж не Спидола!
Ветры уже не покорны мне,
Бури шумят одни в вышине,
Несутся своим путем.

К а н г а р

Лишь я покорен тебе во всем.
К тебе привязанный всей душою,
Твоей околдован я красотою,
Хоть душу терзаешь ты, злая,
Позором меня сжигая,
Плевками оскорбляя,
Но я люблю все сильнее и сильнее,
Во всем покорен я власти твоей.
Ты лучше всего, чем жизнь светла,
Хочу, чтоб ты выше всех была,
Лишь стань моею, о Спидола!

С п и д о л а

Ах, Кангар, себя ты любишь сильнее,
И страшно мне от любви твоей.

К а н г а р

Нет, нет, ты одна мне всегда мила!
Не бойся, о бедная Спидола!
Хоть низко ты пасть теперь могла,
С тех пор как Лачплесису помогла,
Хоть люди и ведьмы презрели тебя,
Я все же тебя не оставлю, любя,
И, если стану я королем,
Сидеть будем рядом, на троне одном.

С п и д о л а

Король пока — Лачплесис!

К а н г а р

Пасть ему дай,
Но пораженья с ним не разделяй,
Он силой твоей утвердил торжество.
Воспрянь же сама, отвернись от него.

С п и д о л а

Уж поздно! Я отдала ему
Всю силу и всю красоту свою.
Я жизнь, пылавшую с давних пор,
Как уголь швырнула в его костер.
Дышал он духом моим, огнем,
И грозная сила крепла в нем
И разрасталась с каждым днем.
Сильнейших сильнее он,
Возвышенных выше он,
Он цельный, он весь из куска одного,
А я вся в раздорах. Что я для него?
Вредить, помогать ему не могу я
И, с ветром весенним кочуя,
Лечу я
Исчезнуть
И умереть,
Без оков, без сознания кануть в смерть!

К а н г а р

Коль врозь у вас пошли пути,
То ты сама должна уйти.
Не веришь, что Лачплесис может пасть?

Его моя ниспровергнет власть!
За ним шла повсюду месть моя,
И в тайну героя проникнул я.
Ты к власти вернешься своей,
Когда я его лишу ушей.

(Простирает к ней руки, падает на колени. Ждет. Тихо.)

Его я золоту в плен отдам.
Пусть Черный Рыцарь приходит к нам!

С п и д о л а *(вскрикивает)*

Черный Рыцарь!

К а н г а р

Ха-ха-ха!
Ну вот! Ты имя его назвала,
Героя на гибель ты обрекла.

С п и д о л а

Его не звала я. Все это ложь!

К а н г а р

Того, кто героя сразит, зовешь.
Хоть миг, но таила намеренье злое.
Оружие в руки дано мне тобою.
Поверив в любовь мою, ты о том
Забыла, кто стал тебе врагом.

(Смеется.)

С п и д о л а

Ты любишь меня, оттого вдвойне
Способен внушить отвращенье мне.
И, ненавидя, героя люблю.
Вы с Черным не справитесь с ним в бою!

К а н г а р

Ха-ха! Но он будет роком сражен,
Сегодня же рухнет в бездну он.

С п и д о л а

Он сам себя погубит, если, путь
Прервав, хоть миг захочет отдохнуть,
Ища не подвига, а тишины.

К а н г а р
И отдых обретет у Лаймдоты.

С п и д о л а
О нет! Не хочет он отдыха.
В нем смерть! Жива еще Спидола!

К а н г а р
Ты хочешь лишить его Лаймдоты?
А то, что слуга сказал, помнишь ты?
Сказал он...

С п и д о л а
Уйди же!

К а н г а р
Пусть будет так!
Но Лачплесис скоро падет во мрак!

С п и д о л а
Ты раньше погибнешь. Рок иль мгла —
Их одолеет Спидола!
Мы всё одолеем вдвоем
И, полные счастья, пойдем...

К а н г а р
К падению!

С п и д о л а
Нет! К возрождению!
Со смертью уже встречалась я.
Он будет жить — смерть возьмет меня.

* * *

Входят воины с победными трофеями, за ними военачальники. Среди них Кокнесис со своей дружиной. Люди Кангара и Спидолы. Первые становятся направо, вторые — налево от трона Спидолы. Рядом со Спидолой — Кокнесис и его воины.

В о и н ы
Лачплесис! Лачплесис!
Славой, герой, гордись!

Немцы повержены,
Бурьяном скошенным
В груды брошены.
Чести достойные,
Жизнь славят воины.

Справа из своих покоев выходят Лачплесис и Лаймдота,
облаченные в великолепные, шитые золотом одежды.
Оба садятся на свои троны.

В с е

Слава, Лачплесис, герой,
Ты победой кончил бой.
Немцы раздавлены.
Вождь наш прославленный,
Первый герой в стране,
Мир дал ты родине!

Л а ч п л е с и с

Насмерть бились вы, воины,
Великой чести достойны вы!
Сражаясь за дело правое,
Своей вы обязаны славою
Кокнесису, Кангару, Спидоле.
Почтим же в них победителей.

В с е

Слава героям нашим,
Недруга одолевшим!

Л а ч п л е с и с (Спидоле)

Как туча просторная,
Ты косы раскинула черные,
Ты молнией сечи
Врагам сверкала навстречу,
Грозой была им карающей,
Спидолой побеждающей!

С п и д о л а

Я билась смело
Затем, что хотела
Спасти твое дело.

Л а ч п л е с и с

Ты, Кокнесис, с корнями рвал дубы,
Метал во врага их в пылу борьбы,
И немцы бежали, дрожащие,
Видя стволы летящие.

К о к н е с

Мне Спидолы алмаз помог.
Победы и власти в нем залог.

Л а ч п л е с и с

А Кангар с хитростью вышел в бой,
И немцы подумали — это свой!

К а н г а р

Сражаясь, я знал — возвеличится
Победою наша владычица!

(Берет у своих людей и подносит Лаймдоте ожерелье.)

Л а й м д о т а

Служил ты всех преданней нам в бою,
И ты получишь награду свою.

С т а р ы й в о ж д ь

Выслушай старца, в свой черед,—
Узнаешь, что думает весь народ.
Окончена, вождь, борьба твоя,
Желает жить в мире Латвия.
Бегут враги побежденные.
Дай отдых народу спасенному,
Король наш, властитель родной земли,
Там немцы о мире просить пришли.
Исполни их просьбу, мир им дай!
И щедр и богат их край.

С п и д о л а

По твоим украшениям вижу я.

К а н г а р

Ну что ж, такие же будут у всех.

С п и д о л а

Нас хочешь ввести в пресмыкательства грех?

Л а й м д о т а

Вели кончить распри, мой герой,
Дай людям отдых и покой,
Ведь так обещано тобой.

К а н г а р

Лаймдоте нужен мир — не война.
Сама ведь свобода и мир она.
Победы добились мы на войне —
Пусть все будут вольными в нашей стране.

Л а ч п л е с и с

Я вечной не хочу войны,
Я мир принес для родной страны.

В о ж д и

Наш спаситель и герой
Мир принес стране родной!

Л а ч п л е с и с

Хочу я, чтоб в мире мой жил народ,
Чтоб в силе и славе он шел вперед.

С п и д о л а

Мир — наша цель. Но не пробил час —
И солнце покрыто тьмой для нас.
Псов-рыцарей нам пора добить,
Чтоб больше они не могли вредить.
Прогоним немцев с земли родной,
И лишь тогда покончим с войной.
Не изгнан наш ворог. . .

К а н г а р

Но побежден.
Он гость, под защитой обычаев он.

С п и д о л а

Тебе что обычай!

Л а ч п л е с и с

(Спидоле)

Не спорь больше с ним!
Мы свято обычаи старые чтим.

С п и д о л а

Но немцы нам будут всегда угрожать...

К а н г а р

Пусть Лачплесис справится с ними опять.
Пускай-ка попробуют биться с ним,
Он полчища их развеет, как дым.

С п и д о л а

Не слушай его! Он только льстил.
Еще у нас недостаточно сил.

К а н г а р (*Лачплесису, льстиво*)

Но ты всех сильнеей.

(*Спидоле*)

Ты завидуешь?

Л а ч п л е с и с

Сильнейший мой враг теперь побежден.
Коль мира просит — стал другом он.
Легко победить, но сделать друзей
Из побежденных врагов — трудней.
Когда же нас дружба свяжет с врагом,
Совместно любую преграду сметем.

С п и д о л а

Как волка дружбой с овцой связать?
В борьбе лишь мы можем сильнее стать.
В бездействии ржавым становится крюк...

Л а й м д о т а

А много навесишь — сломается вдруг.

Л а ч п л е с и с

Но я истребил все отродье зла.
Чего еще хочешь ты, Спидола?
Я должен навек покончить с войной.
Мы, всё совершив, заслужили покой.

С п и д о л а (*вскакивая*)

Нет, хуже смерти покой для души!
Ни мир заключать, ни дремать в тиши
Не дам я! Я все еще Спидола!
Спасу я тебя, как не раз спасала.

Л а ч п л е с и с

Лачплесис лишь для народа живет.
Пускай же решает сам народ!

Н а р о д и в о и н н ы
*(кричат, перебывая друг друга.
Большинство голосов за мир)*

Война! Нет, мир! Война!
Нет, мир, мир!

Л а ч п л е с и с

Хотите мира? Да будет мир!
Зовите гостей сюда на пир!

* * *

Входят послы разных народов, купцы и военачальники. Ливы, эсты, русские купцы и рыцари, проходя длинной вереницей мимо Лачплесиса, складывают у трона свои подарки и отходят в сторону. От них отделяется группа послов, которые выходят вперед.

П о с л ы

Привет тебе, о Лачплесис,
Герой великий Латвии!
Тебя сильнее на свете нет,
Ты нас спасешь от зол и бед.
Медведя ты кулаком убьешь
И пальцем одним коня скуешь.
Тебя признаем мы властителем,
Так будь наших благ хранителем,
В твоих владеньях нам жить позволь,
Товары сюда возить, король!
Пришли мы к тебе с подарками,
Золотом, тканями яркими.

Н е м е ц

Дарами украсить чью красоту?
Конечно, прекрасную Лаймдоту.
Замолви слово за нас как друг,
Пусть мир нам дарует твой супруг!

Л а ч п л е с и с

Благодарю вас, соседи, за честь,
Вы можете жить спокойно здесь.
Хочу я мира, а не борьбы,
Всем землям счастливой хочу судьбы.

Н е м е ц

Спасибо, король, за такие слова.
Давно уже шла между нами молва,
Что ценишь ты мир. Укажи нам кров,
Где можно жить, не боясь врагов.
Здесь Ригу у моря мы возвели,
Богатства несчетные вам привезли.
Оставь этот берег песчаный для нас —
Надежную гавань в бурный час.

Л а ч п л е с и с

Давно всех спасаем мы и жалеем.
Вы строили Ригу, владейте ею.

С п и д о л а

Нет, Ригу я никому не отдам!
Она лишь для тех, кто трудился сам,
Кто сделал ее великой и сильной,
Кто, строя, здесь потг проливал обильный,
Кто рыл, рубил, забивал устои,
Не зная ни отдыха, ни покоя.
Хозяева Риги — люди труда,
Я им ее отдаю навсегда!

Н е м е ц

Они нам служили, а строили мы.
Все это лишь хитрости Спидолы.
(Спидоле.)

Сама разрешила селиться там.

С п и д о л а

Но права владеть не давала вам.

К а н г а р

Право решать — королю моему,
Принадлежит этот берег ему.

Герой, прими во владение город,
Сам властвуй над ним, чтоб окончить споры!

Л а й м д о т а

Ты, Кангар, прав, как всегда и везде.
Ведь Рига красивее Лиелварде.
Жить будем в Риге.

С п и д о л а

Мы не дадим!
Не все еще можешь назвать ты своим.
Еще мы свободны, права у нас!

Л а й м д о т а

Смотри, как дерзко спорит она!

К а н г а р

Позволь нам смирить ее, король,
И бросить в темницу ее позволь.

Л а ч п л е с и с

Хэй! Стоит Спидоле слово сказать,
И меч мой сумеет вас наказать!

Поднимается шум. Спидола и Кокнесис со своими людьми угрожающе выходят вперед. Воины выказывают недовольство. Военачальники и дружины хотят следовать примеру Кангара. Большую часть присутствующих охватывает волнение.

Все боятся схватки.

Л ю д и

Что слышим, боже!
За это мы тоже!
А нам не угодно!
Еще мы свободны!
У нас есть права — не в пример рабам.
На власть восставать непригоже вам.

Д а л ь н и е   г о л о с а

Ригу нашу мы строили сами,
Камни таскали своими руками.

Люди посередине сцены

О боже! горя близок час!

В какие беды здесь тянут нас!

Лачплесис все время сидит угрюмо. Сначала он удивлен, а потом все глубже уходит в раздумье, как будто стараясь что-то вспомнить или понять.

Л а ч п л е с и с

Спидола, как ты сказала?

Изменяйся, изменяйся. . .

С п и д о л а

(успокаиваясь, медленно что-то припоминая)

Изменяйся в стремлении к высшему.

Л а ч п л е с и с *(радостно)*

Изменяйся, иди все выше!

Замок поднят из тьмы глубинной.

Но где же вечное солнце свободы?

Где счастье, счастье

Семьи единой,

Слившей народы?

С п и д о л а *(грустно)*

Поднимаясь сам, и других поднимай с собою.

Л а ч п л е с и с *(вспылив, выходит вперед)*

Не понял раньше, и ныне не в силах понять.

Все сделано. Мир. Покой. О чем же мечтать?

(Ударяет копьём о пол, и все отступают. Снова задумчиво)

Того ль я добился,

К чему стремился?

С п и д о л а *(совсем тихо, мечтательно)*

Тем, кто пьет меня,

Виден отблеск дня,

Света сердце полно

Там, где вокруг темно.

С глаз того, кто пьет,
Пелена спадет.
Ему открывает сон
Скрытое тьмой времен.
Кто меня пьет,
Себя обретет
И встретит новых дней восход.

Л а ч п л е с и с
(простодушно, горячо)

Все забыть бы сейчас,
Что разделяет нас,
Скорбь и мечты забыть,
В вечном единстве жить —
Ко мне, Спидола!

(Быстро идет к ней, целует ее руки, ждет ее объятий.)

С п и д о л а (печально)

Лачплесис!
Не понял ты слов моих.
Не кончил еще, конца нет пути,
Тебя еще зову я итти.
Еще не понял ты сущности —
Себя ты должен перерасти!

Л а ч п л е с и с (воскликает
радостно)

Хэй! Хэй! Что спорить нам с тобой!
Коль будет нужно, пойду и в бой.
Что сомневаться в том!
Жизнь во мне бьет ключом.
Зачем сердиться, Лаймдота?
Ведь это наша Спидола!

*(Берет Лаймдоту за руку и подводит к Спидоле.
Обе горделиво сдержанны.)*

В день мира мы сошлись с друзьями,
Пусть же все празднуют с нами!
Несите чаши!
Мы их осушим за счастье наше.
Садитесь за стол скорей —
И бывших врагов зову и друзей.

Немец
А Рига?

Лачплесис
Спидола ответит вам.

Спидола
Я поселиться разрешаю там.

* * *

Входят слуги, расставляют столы, обносят кубками всех присутствующих. В сопровождении герольдов появляются новые гости. Входят и женщины. За полуприподнятой завесой виден народ, среди которого также разносят угощение.

ЗАСТОЛЬНАЯ ПЕСНЯ

В кубках пенится вино,
Сердце радости полно.
Хэй! Хэй! Хэй!
Выпей и налей!
Гром замирает,
Конец всем грозам.
День расцветает
Подобно розам.
Радостно песнь запевайте,
Пейте и вновь наливайте!
Сбылись мечтанья,
Пой ликованье!
Хэй! Хэйя, хэйя!
Хэй! Хэйя, хэйя!
Дружной семьей,
Счастье покоя,
Землю родную
Славим, пируя.
Гусли настройте,
Пейте и пойте
Хэй, хэйя, хэйя!

Молодежь начинает игры и состязания.

Отвяжем меч,
Кольчуги с плеч!
Как диск, станем щит метать,
Мечами колосья жать,

Доспехи детям дарить,
Горох на щитах сушить.
Хэй, хэйя, хэйя!
В кубках пенится вино,
Сердце радости полно.
Выпей и вновь налей.
Хэй! Хэйя, хэйя!

За завесой раздается тихий стон. Все прислушиваются.
О, горе нам, горе! . .

Л а ч п л е с и с

Чьи это стоны?
На пир зовите и обойденных!
Приказывает откинуть завесу. Даугава блестит на солнце,
но над горизонтом черные тучи.

Д а л е к и е г о л о с а
В земле мы, глубоко,
И выйти нет сил.
Мы прокляты роком,
Где ты? Спаси!
Из недр мы взываем,
О свете мечтаем.
О, горе нам, горе!

Л а ч п л е с и с (*выходит на порог*)
Кто они? Кто зовет?
Кто смел со мной разлучить народ?

В о ж д и
То Даугавы стон. . .
То далекий гром. . .
Пусть их не видит он. . .
Скройся в дворце своем!

С п и д о л а (*боязливо, тихо*)
Все изменяй, и сам изменяйся!

Д а л е к и е г о л о с а
Из слез наших — Даугавы воды,
Ждем мы веками свободы.

Л а ч п л е с и с (возвращаясь)

Кто же мне скажет, чьи это стоны?

Позвать на пир обойденных!

Входит Черный Рыцарь — слепец в очень богатом наряде.
Его ведет мальчик.

С п и д о л а (вскрикивает)

А!

Лаймдота стоит как вкопанная. Кубок падает у нее из рук.
Лачплесис, только теперь обернувшийся, видит Рыцаря.

К а н г а р

Один из тех обойденных.

Л а й м д о т а

Зачем? Разве он приглашенный?

Л а ч п л е с и с

Он гость. Для любого свободный вход.

Черному Рыцарю подают вино и яства. Он не дотрагивается
до них.

Л а й м д о т а

Ах, Лачплесис! Горе он несет!

К а н г а р

Хэй! Начинайте веселый пляс!

Сюда, молодежь! Поглядим на вас.

Гости опять сели. Пляска. Молодые воины вызывают друг друга
на состязание в борьбе.

К а н г а р

И нам ведь неплохо потряхнуть стариной.

Пусть кто-нибудь выйдет на смелый бой!

Выходит немец-силач огромного роста и побеждает
нескольких латышей.

Н е м е ц к и й п о с о л

Зачем, латыши, вы так хвастались?

Один богатырь у вас — Лачплесис.

К о к н е с и с и в о ж д и

Хэй! Хэй!

К а н г а р

Да, равного ты не найдешь в бою.

Ч е р н ы й Р ы ц а р ь

Но только в вашем ничтожном краю.

Шум среди воинов.

К а н г а р

Противника равного он не знал.

Ч е р н ы й Р ы ц а р ь

Затем, что встречи с ним не искал.

Л а ч п л е с и с *(ударяя мечом о пол)*

Хэй!

Спидола и Лаймдота пытаются удержать его.

К а н г а р

Лачплесис вызов не встретит отказом.

Ч е р н ы й Р ы ц а р ь

Достойных борцов не встречал он ни разу.

А если он встретит? Боясь судьбы,

Быть может откажется от борьбы?

Кокнесис, остальные вожди и их дружины испускают злобные крики.

К а н г а р

Насмешка?

Ч е р н ы й Р ы ц а р ь

Ну что же, ты принимаешь бой?

Никто не решался биться со мной.

Лачплесис медленно поднимается с трона, но по знаку
Спидолы снова садится.

Л а й м д о т а

Ты гость нам, а с гостем не борются.

Ч е р н ы й Р ы ц а р ь

Еще угощенья не тронул я.

К чему же лукавая речь твоя?

Л а ч п л е с и с
(пытается освободиться от объятий Лаймдоты)
Пусти! Уж теперь не хватает сил.

С п и д о л а
Король ты! Нельзя, чтоб ты в бой вступил.
Молчи, пришелец из страны чужой!
Ты дерзок безмерно! Король пред тобой.

Ч е р н ы й Р ы ц а р ь
Ах, вот как! А мне сказали — герой.
Геройство ты скрыл под пурпурный наряд,
И женщины здесь за тебя говорят.

Лачплесис сбрасывает пурпурную мантию, откладывает в сторону золоченый меч-скипетр.

К о к н е с и с
Позволь — и его я тотчас убью,
Коль честь защищать ты не хочешь свою.

Шум голосов перекачивается волнами. Беспокойство людей растет.

Ч е р н ы й Р ы ц а р ь
Ты жар загребаешь чужой рукой.
Я справлюсь со всеми — не только с тобой!

Шум растет, доходя до крайнего предела.
Все встают, кричат.

Н а р о д
Месть! Убей его, как собаку!
Он поносит весь наш народ!

Лачплесис вырывается из рук Лаймдоты и, выйдя на середину помещения, ту же затягивает пояс. Спидола преграждает ему путь.

К а н г а р
Завесу долой! Шире место у входа!
Не стерпит герой оскорбления народа.
Он битв избегал, но терпеть нет сил.
И прежней отваги воскрес в нем пыл.

К о к н е с и с (Кангару)
Молчи!

Л а ч п л е с и с

А ну, выходи! Хэй!

С п и д о л а

Лачплесис, стой!
Достоин ли боя противник такой?

Л а ч п л е с и с

Кто ты?

Ч е р н ы й Р ы ц а р ь

Татарин я из степей.
Весь мир под копытами наших коней,
Тебя, латышей твоих растопчу
И в Замке Света свет погашу!

Поднимает золотой меч. Общее волнение.

Д а л е к и е г о л о с а

О, горе нам, горе!

Л а ч п л е с и с

Вот ада последняя сила! Скорей
Дай меч — ведь грешно не сразиться мне с ней!
Я думал, что все уже сделано мной.
Покой — это смерть! Принимаю бой!

С п и д о л а

Ловушка! Тогда победишь в борьбе,
Когда отступишь. Иль гибель тебе.
Твой рок — слепец с золотым мечом.
С тобой и с народом он борется злом!

Д а л ь н и е г о л о с а (близже)

О, горе нам, горе!

Ч е р н ы й Р ы ц а р ь (Спидоле)

Тебе не удастся его спасти.
Обоим вам от судьбы не уйти.

С п и д о л а

Сломлю я судьбу и тебя, злодей,
Коль Лачплесис станет духом сильней.

Черный Рыцарь

Бессильна ты против рока и зла.

С п и д о л а

Я все еще ясная Спидола!

(К Лачплесису.)

Смири себя, Лачплесис. В битве ли подвиг твой?
Народу нужна твоя жизнь, герой!
А смерть лишь неволю ему принесет.
Коварством враг на битву зовет,
Если погибнешь — погибнет народ.
Будь сильным и горделивым!
Что толку в смелых порывах?
И самый слабый там устоит,
Где ты, сильнейший, будешь убит.

К а н г а р

Боишься биться с силой ада?
Паси тогда овечье стадо
С любовницею! Латышский народ
Другого властителя изберет.

Шум, одобрение.

С п и д о л а

Предатель! Свой замысел выболтал.
На гибель героя выманил.
Умри же!

К о к н е с и с

Не пачкай меч кровью псиной.
Изохнет змея и от дубины!
(Убивает Кангара и вытирает дубину.)

К а н г а р *(умирая)*

Я вечен. Вот вам мое колдовство.

(К Спидоле.)

Еще не настало твое торжество!

Плюет на пол. Кто-то из военачальников слизывает плевки, вбирая в себя, таким образом, волшебную силу Кангара.

В о ж д и

О, горе! Этот убит, а противник живой!

Л а ч п л е с и с

Не много ли чести собаке такой!

С п и д о л а

Как подло довел он тебя до гнева!

Л а ч п л е с и с

Я сам наказал бы за злое дело,
Но стала ты на моем пути.
Ты думаешь, гибель в бою я найду?
Уже умирал я и думал, что цель далека.
Не смерть мне страшна,
Но тяжело, что путь мой не завершен.
Я вижу, что року я обречен.
И все же иду я!

С п и д о л а

Совершенствуясь, ты одолеешь рок.

Л а ч п л е с и с

Но в совершенстве себя я теряю, а я весь цельный.
Ты, в вечность маня, меня надломил.
Созревая, ядро скорлупу разорвало,
Треснул панцырь надежный.
Сомненья в душе, не верю себе.
Хочу я борьбы, чтоб снова в себя поверить
И снова стать цельным.
Велела ты с немцами биться мне —
Зачем же сейчас нельзя?

С п и д о л а

Тот бой был разумным, там мог победить ты,
А здесь — падешь!

Л а ч п л е с и с

Мой долг — исполнять, что судьбой назначено:
Итти лишь вперед, не сворачивать.
Тогда погибала целая рать —
Теперь же мне одному умирать.

С п и д о л а

Дороже ты многих... всех!

Л а ч п л е с и с

«Я всех дороже» — так скажет каждый,
Пускай я сильнейший — народ сильнее.

С п и д о л а

О нет, о нет!

Л а ч п л е с и с

Жизнь народа, столетья живущего, все же важней
Недолгой жизни любого на свете героя.
Умру я — другие придут, чтоб закончить дело.

С п и д о л а

Умрешь ты — погибнет и Латвия!

Л а ч п л е с и с

Но если она падет, это значит у ней
Не было силы такой, чтобы сама устояла.
Можно ль связать ее судьбу лишь с моею судьбою?
Разве мне вечно жить на милой земле латышской?
Будут у ней и свои времена невзгод, —
Ты ее и веди, ты сильна и разумна,
Ты способна видеть грядущее.

С п и д о л а

Я знаю, столетия будет чтить
Народ твое дорогое имя.
Путем справедливым пойдут герои
Без хитрых блужданий ума и сердца,
В одно грядущее взор устремив.
Они одиноки уже не будут,
Им силу подарит родной народ,
И узкие стены одной страны
Их не замкнут. Все страны вместе
Вступят с силами ада в бой,
И побежден будет Черный Слепец!

Л а ч п л е с и с

Хэй! Хэй! Мы одержим победу. Хэй!

Д а л е к и е г о л о с а (*вместе
со стоном Даугавы, еще ближе*)

О, горе нам! Горе!

Лаймдота, лежавшая в обмороке, очнулась и умоляюще падает к ногам Лачплесиса.

Л а й м д о т а

Не бейся! Не надо! Что станет со мною?

Л а ч п л е с и с

Лаймдота, ты даровала мне счастье,
Тебе оставляю сердце свое.
Спидола, будь ей защитой, правя страной.
Тебе остаются мой дух и душа.

С п и д о л а

Что власть мне! Могу ли я жить без тебя?
Отвергла я небо, так что мне земля?
Не изменились мы и не срослись.
Живы мы единой судьбою, единым путем —
Могли бы весь мир покорить мы вдвоем!

Г о л о с а

(*стон все еще нарастает*)

О, горе нам, горе,
О, горе нам, горе!

Л а ч п л е с и с (*свободно, громко*)

Довольно стенаний! Хэй! Хэй!
Свобода, цельность вновь во мне,
Окрепнул мой дух, душа в огне. Хэй!
Қо мне, Слепой!
Я вижу, тебе не терпится в бой.

Ч е р н ы й Р ы ц а р ь

Иди и пади!
Что б ни случилось, тьма победит!

Г о л о с а

Нет! Бессилье сломит силу,
И возьмет тебя могила!
О, горе нам, горе!

Л а й м д о т а (сокрушенная,
подавленная)

Бессильна я... Был ты силой моей,
Ты сердце свое вложил мне в грудь.
В беде мне оно озаряет путь.
Тебе помогу я, любимый.
Предсказано, что на глазах моих
Умрешь ты, но я закрою их —
И станешь ты неодолимым.
Иди, мой герой!
И смерть разлучить нас не сможет с тобой!
(Обнимает его, потом опускается наземь
у трона, пряча лицо в подушки.)

Ч е р н ы й Р ы ц а р ь

Ха! Ха! Ха!

Г о л о с а (совсем близко)

О, горе нам, горе!

Начинается единоборство Лачплесиса и Черного Рыцаря. Лачплесис разрубает щит противника. Лаймдога встает, но отводит взор от поединка. Черный Рыцарь отсекает ухо Лачплесиса.
Крики зрителей боя.

Л а ч п л е с и с

Ключ от Замка Света! Скорее ключ!
(Берет ключ с золотой подушки;
он заржавел, не блестит)

Он весь заржавел...
Иль гибель — мой удел?
Нет сил у меня расти,
Но будущему — цвести!

Черный Рыцарь перерубает ключ, который падает на землю, сияя ярким светом.

С п и д о л а

Спидолы свет гори!
Силу врага отведи!
Меч по алмазу скользи!

Заслоняет собой Лачплесиса. Черный Рыцарь замахивается мечом, но не может нанести удара. Крики народа.

Л а й м д о т а (*вскрикнув в испуге,
спешит к Лачплесису*)

О Лачплесис, жизнь моя!..

Нет, выдержу я мученья.

Спидола на крик Лаймдоты повернулась к ней,
опускает руку с алмазом.

Ч е р н ы й Р ы ц а р ь (*изловчась,
отсекает Лачплесису другое ухо*)

Вот и второе ухо срезал медведю я!

Нет для тебя спасенья!

Лачплесис крепко схватывает Рыцаря. В разгаре борьбы они оба
рушатся с высокого обрыва.

С п и д о л а

Не кончился бой, вечно длиться борьбе!

О Лачплесис, помощь несущ тебе!

(Прыгает в бездну, где еще продолжается борьба.)

Г о л о с а

О, горе нам, горе!

З а н а в е с

ЗОЛОТОЙ КОНЬ

Сказка в пяти действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Отец, батрак
Берн
Липст } его сыновья
Антынь }
Король
Принцесса, его дочь
Богатый принц
Министр
Белый Отец
Черная Мать
Мать ветров и духи ветров
Мать снегов и духи снега
Заблудившиеся дети
Семь воронов

Глашатай, народ, стража, придворные, воины,
принцы, угольщик, свита принцессы.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Изба батрака. Табуретки, стол; налево кровать, с изголовьем у стены; за кроватью свободное пространство. На кровати лежит больной отец. Три сына, Берн, Липст и Антынь, заняты зимними домашними работами: вьют веревки, готовят лучины и т. п.

Окно. Дверь в кухню. Вечер. Слабый свет лучины.

СЦЕНА 1

Отец (*в постели, стонет*)

Чую, ах! Уже я чую
То, что чуют неохота.
Из дверей несется холод.
Старший, глянь: что, дверь закрыта?

Берн

Дверь закрыта очень плотно;
Что волнуешься напрасно?

Отец

В одеялах ноги мерзнут.
Средний, глянь: окно закрыто ль?

Липст

Окна ставнями закрыты.
Что дурачишься да бредишь?

(*К Берну.*)

Ох, как стал старик несносен!

Б е р н

Это стало нестерпимо.
Хоть бы кончилось все разом!

О т е ц (*немного погодя*)

Грудь от сырости застыла.
Младший, глянь: дрова горят ли?

А н т ы н ь

Печка топится прекрасно.
Лишь от слабости ты мерзнешь.
Вот одежда, дай прикрою.
Я же — молод, не озябну!

(Снимает свой полушубок и прикрывает отца.)

О т е ц

Чую, ох! Уже я чую:
Это моего отхода
День, должно быть, наступает.

СЦЕНА 2

Черная Мать, одетая в черные покровы, закутанная черной вуалью, поднимается за кроватью отца.

А н т ы н ь

Батя! Мы тот день не впустим,
Преградим ему дорогу!

Черная Мать веет своим дыханием на отца.

О т е ц

Кто в лицо мне стужей дышит?
Черная Мать трясет его за плечи.

О т е ц

Кто меня схватил за плечи?
Черная Мать тянет его за ноги.

О т е ц

За ноги меня кто тянет?

А н т ы н ь

Батя, здесь твои лишь дети.

Отец

Все ж она вошла, наверно,
Та непрошенная гостья,
Все ж тайком сюда закралась,
Пробралась оконной щелью,
Или скважиной замочной,
Иль сквозь дым, печной трубою!

Антынь

Грудью слаб ты, не волнуйся.
Черная Мать немного спустя берет отца за руку.

Отец

Кто, холодный, жмет мне руку?

Антынь

Дай тебе своим дыханьем
Я согрею руки, батя.

(Наклоняется и дышит на руки отца.)

Черная Мать немного спустя кладет отцу руку на грудь.

Отец

Давит! Не могу дышать я!

Антынь

Батя, вот мое дыханье,
В нем и молодость и сила!

(Наклоняется к самым губам отца.)

Черная Мать садится на край постели, давит то колени отца,
то его грудь.

Отец

На кровать сел кто-то, видишь?
Вот прилег мне на колени,
Вот ползет все выше, выше. . .

(Немного спустя, переведя дыхание)

День мой, ах! Еще помедли!

Дай мне хоть еще минутку!

А затем пойду с тобою,

Вижу — этого не минуть.

Лишь позволь мне при отходе

Сыновьям сказать словечко!

А н т ы н ь

Нет, не уходи, желанный,
Нет, не оставляй одних нас!
Без тебя — без головы мы!

Б е р н

Уж и сам без головы он.

Л и п с т

На плечах одна лишь шапка.

О т е ц

Дети, видно, отхожу я.

А н т ы н ь

Нет, не уходи, желанный!
Коль уйдешь, один ты будешь.
Все ведь с похорон вернутся,
А тебя лежать оставят.
Кто тебя прикроет шубой?
Изголовье кто поправит?
Простыни тебе разложит?
Милым словом обласкает,
Коль проникнет в кости сырость?

О т е ц

Мне давно разбили кости
Ржи мешки, снопы пшеницы!
Плуг стальной, взрезая землю,
Раскрошил давно мне тело!
Сулит гостя вечный отдых:
Отдыхать пойду за нею!

Б е р н

Что, отец, болтать так много!
Лучше вспомни, посчитай-ка
Все добро, что нам оставишь.

Л и п с т

А чего спешить со счетом?
Ведь добра не накопил он,
Про детей своих не думал.

О т е ц

Ох, сынок, что нищий скопит?
Сами вы — мое богатство.
Да об том скажу вам слово,
Что всего дороже в мире.

Б е р н (*тихо Липсту*)

Слушай, слушай! Что б ты думал!

Л и п с т (*также тихо*)

Говорил бы лишь скорее!

О т е ц

Мой участок недоходен,
Да и тот, не знаю, мой ли,
Но зато у вас обоих
Голова с умом и руки.

Б е р н

Ну же! Говори скорее!
Про добро скажи нам слово,
Что всего дороже в мире?

Л и п с т

Где оно тобой зарыто?

О т е ц

Слушайте: тот клад единый
Глубоко заложен в сердце.
Чем слабей кто и бессильней,
Тем важнее — единенье!
Если нет иного клада,
Единитесь — будет сила!

Б е р н

Знаем это. Ну, а дело?

О т е ц (*указывает на Антыня*)

Вы бедняге помогите.
С малолетства слаб он телом,
Тяжкий труд ему не в силу,
Он не в вас, не изворотлив.

Б е р н

Хорошо, но где же деньги?

О т е ц

Вы его, любя, храните.
Он послушен, добродушен.
Старший! Я тебе оставлю. . .

Б е р н

Что оставишь? Говори же!

О т е ц

Ох, уже я задыхаюсь.
Средний. . . Ох, конец подходит!

Л и п с т

Погоди! Скажи сначала.

О т е ц

Дети милые, прощайте!

(Умирает.)

Черная Мать исчезает.

Л и п с т

Погоди! Скажи! Все медлил,
Умереть не мог скорее.
Вдруг, когда сказать бы,— умер.

Б е р н

Был упрям, таким остался!

А н т ы н ь *(вскрикивает)*

Горе, горе, милый батя!
Отошел. Одни мы, братья.

Б е р н

Мертв, добра не поделивши!

Л и п с т *(трясет еще
плечи отца)*

Говори! Ты слышишь? Слышишь?

А н т ы н ь

Он глаза закрыл, на нас он,
Милый, больше не посмотрит!

(Целует отца в глаза.)

Поцелуем их закрою,
Чтоб песок в них не проникнул!
Спи, чтоб встать под новым солнцем!

(Опускается на колени у кровати отца, плачет и держит, обняв, голову отца.)

Б е р н

Ну, вот видите! Вот видите! Умер он, и изволь теперь догадываться, что еще хотел он мне сказать.

Л и п с т

Ах, ты! Слышишь ли? *(Отворачивается от отца.)* То никак своей болтовни не мог кончить, а теперь — нем как дерево.

Б е р н

И то хорошо: успел сказать, что все оставляет мне.

Л и п с т

Как так? Тебе все оставляет? Что ты бредишь? За дурака меня, что ли, считаешь, как этого простофилю? *(Указывает на Антыню.)*

Б е р н

А разве ты не слышал, как отец сказал: «Старший, я тебе оставлю». Я старший, и все, что он оставит, значит мое. По праву первородства.

Л и п с т

Какое такое право? Он и меня помянул и мне бы все оставил, кабы не лишился языка. Нет! Все пополам, пополам!

Б е р н

Тебе он сказал: «Средний! Ох, конец подходит!» То есть, значит, уж конец дележу, потому что все уж отдано старшему, мне, значит. А третьего он и вовсе не поминал, так что ему и вовсе ничего не приходится. Да он ведь и совсем еще мальчишка.

Л и п с т

Тому ничего! Тому ничего! Все пополам, все пополам! Но черная корова — мне, я ее за рога держал, когда доили.

Б е р н

Какая тебе корова? Какие рога? Ты хочешь забрать мое добро? Вот тебе рога! *(Толкает его в бок.)*

Л и п с т

Ой, ой, ой! Так вот ты какой?!

А н т ы н ь *(поднимая голову
с изголовья отца)*

Зачем вы, братья, ссоритесь? Отец ведь только что глаза закрыл! А ведь он сказал, что дороже всего — держать единение!

Б е р н

Что бредишь? Только что проснулся, а тоже хочет участвовать в разговоре. Держи лучше язык, чем единение!

Л и п с т

Послушай! Что это он там согнувшись сидит у изголовья отца?

Б е р н

Мы честно боремся за справедливый раздел имущества, а он, может быть, тем временем потихоньку вытащил из-под подушки кошелек с деньгами?

Л и п с т

Кто поскромней, всегда останется в убытке. На одной правде далеко не уедешь!

Б е р н *(обращаясь к Антыню)*

Что ты там вытащил из-под подушки?

А н т ы н ь

Ничего я не брал. Я только поплакал на подушке ба-
тюшки.

Л и п с т

Подожди, брат! Давай обыщем, не взял ли ты чего-нибудь.

А н т ы н ь

Братья, братья! Что вы делаете? Разве не стыдно вам отца?

Б е р н

Вишь, стыдить еще нас вздумал.

Л и п с т *(вытаскивает у Антыня из-за пазухи сверток денег)*

А это что такое? Тут целая куча денег! Раз, два, три — стой! *(Оборачиваясь к Берну, который тоже хватается за деньги.)* Целых десять рублей!..

Б е р н

Откуда ты их взял? Кто дал?

А н т ы н ь

Это остаток моего прошлогоднего жалованья, это отец мне дал на мои нужды. Вы сами это хорошо знаете.

Б е р н

Ты их вытащил из-под подушки. Кто тебе, дураку, такие деньги даст? Давай сюда!

Л и п с т

Надо пошарить под подушкой. *(Подходит к кровати.)*

Б е р н

Нет, пусти меня. Это мое!

Л и п с т

Пополам! Пополам! *(Отталкивает брата.)*

А н т ы н ь

Братья, милые, ой, ой! Что вы делаете?

Б е р н

Убирайся ты, медвежонок! Чего мешаешь! *(К Липсту.)* И ты, младший, осмеливаешься толкать старшего?

А н т ы н ь

Братья, дайте отцу отдохнуть хоть один-то день!

Л и п с т (*вытаскивает что-то из-под подушки*)

Мое, мое, мое!

Б е р н

Нет, это мое и моим останется.

Л и п с т (*рассматривая находку*)

Ах, это только отцовский кисет!

Б е р н

Ну, так пусть это будет твоя доля наследства. Все, что еще окажется,— мое.

Л и п с т

Мне половина, мне половина!

Б е р н (*вынимает что-то из-под подушки*)

Ах, это только головная щетка!

Л и п с т

Ну, возьми ее целиком! Я отказываюсь от своей законной половины.

А н т ы н ь

Братья, милые, приберем сначала отца! Отнесем его в теплую кухню, обмоем, наденем на него чистую рубаху и новое платье.

Б е р н

Чего тут! Времени еще много.

Л и п с т

Нет, лучше сейчас. Удобнее будет рыться в постели. Давай отнесем его в кухню.

Антынь и Берн поднимают мертвеца. Липст остается позади.

Б е р н (*к Липсту*)

А ты почему остаешься? Иди с нами! А то ты здесь один заберешь все деньги.

Л и п с т (*идет*)

Идите, идите! Подыдем все сразу.

А н т ы н ь

Бедный батя! Бедный батя!

Выносят тело в кухню; через открытую дверь видно, как они укладывают там свою ношу. Оба старших брата входят опять в комнату, Антынь же остается в кухне.

СЦЕНА 3

Б е р н *(в сторону кухни)*

Ну вот! Прибери ты теперь, Антынь, нашего милого отца! Ты моложе и привык к такой работе. Обмой его хорошенько и надень чистую рубашку!

А н т ы н ь *(подходит к двери)*

Помогите и вы, братцы; пойдет дело скорее.

Б е р н

Я не могу. Мне некогда, надо будет сходить к кистеру.

Л и п с т

А мне надо сходить к соседям, попросить их прийти в эту ночь, на молитву к покойнику. У тебя же времени вдоволь. *(К Берну.)* А тебе, старший, надо торопиться поскорее; пока ты еще попадешь к кистеру; ведь это хороший конец. Мне к соседям ближе. Одевайся ты сейчас, а я еще приберу в комнате.

Б е р н

Знаю я тебя — деньги ты приберешь. *(Закрывает кухонную дверь и устремляется к кровати отца.)* Мое — все, что находится в кровати отца! Я первый тут!

Л и п с т

Такого условия у нас не было. Все пусть будет по закону и по справедливости.

Б е р н

Что я говорю, то и закон; я сильнее.

Л и п с т

А я умнее. Пусть будет все пополам!

Б е р н

Пусть будет пополам! Мне деньги, тебе кошелек.

Л и п с т

Ну, я все деньги буду хранить в своем кошельке, на таких условиях согласен.

Б е р н

Уходи с кровати! Я выну мешок.

Л и п с т

Вынимай! *(Берет подушку, распарывает ее, вынимает оттуда что-то и прячет в карман.)*

Б е р н *(положив мешок на пол, ощупывает его)*

Чего ты там роешься в подушке? Не спрятал ли ты чего в карман?

Л и п с т

Ничего, посмотри.

Б е р н *(осматривает карман)*

А это что?

Л и п с т

Тот же самый табачный кисет.

Б е р н

Давай его сюда.

Оба отворачиваются, каждый в свою сторону. Липст вынимает кошелек с деньгами. Берн находит деньги в табачном кисете.
Оба смеются.

Л и п с т *(оборачиваясь)*

Чего ты смеешься? Ах ты, негодяй, разбойник! Наверно, в табачном кисете оказались деньги!.. Дай мне назад мое имущество!

Б е р н

Ха-ха-ха! Вот и вся твоя мудрость. А еще говорит, что он умнее! Ты такой же дурак, как и Антынь. Я самый сильный и самый умный.

Л и п с т

А вот что, негодяй, разбойник, а вот что у меня есть!
(Показывает найденный кошелек.)

Б е р н

Давай сюда, жулик ты этакой!

Л и п с т

Постой, поищем тут! (Распарывает мешок.) Видишь, что тут еще есть!

Б е р н

Что тут написано? (Читает) «Для младшего брата».

Л и п с т

Это, значит, для меня, ибо третий не в счет.

Б е р н

Нет, тот моложе, кто скорее получил в свои руки.
Серебряные монеты рассыпаются по всей комнате; оба брата собирают их и толкаются.

СЦЕНА 4

А н т ы н ь (входит из кухни)

Братья милые, я вас хотел просить... (Смотрит на рассыпавшуюся серебряную монету.) Что это на полу, такие красивые вещицы, словно звездочки по небу рассыпаны? На что они похожи? (Поднимает одну монету.)

Б е р н

Не смей трогать! Брось на землю, что ты поднял! Отдай мне!

Л и п с т

Эх, медвежонок! Тоже захотел деньги подбирать!

Б е р н

Зачем ты пришел сюда? Что тебе нужно? Ты видишь, что мы заняты серьезным делом. Мальчику тут нечего делать.

Л и п с т

Занялся бы лучше делом, что тебе поручено! Не успел отец глаза закрыть, а ты уже начинаешь лентяйничать.

А н т ы н ь

Я омыл отца и пришел вас просить, чтобы вы мне дали чистую рубашку, новое платье и простыню. Надо одеть нашего милого батю и постлать ему чистую постель для вечного покоя.

Б е р н

Некогда мне теперь искать рубашку и простыни. У меня есть дела поважнее.

Л и п с т

Как знаешь, так делай. Только скорее убирайся!

А н т ы н ь

Но, братцы, как же наш батя? . .

Л и п с т

Чем твердить непрестанно про милого отца, покажи лучше, что ты его действительно любишь. Дай ему свою рубашку и платье!

А н т ы н ь

Я у вас не спрашиваю ваше собственное, я только прошу для отца платье и рубашку, которые он еще при жизни носил.

Л и п с т

А, вот что! Что он носил при жизни, то теперь, после его смерти, составляет наследство и принадлежит нам. Стало быть, ты хочешь, чтобы мы отдали свое добро? Если ты уж такой добрый, то дай из своего наследства!

А н т ы н ь

Но у меня нет никакого наследства, вы же для меня ничего не оставили.

Б е р н

Твоего никто у тебя не брал. Разве на тебе нет рубашки? А другая, чистая, в сундуке. Вот тоже умник нашелся.

Л и п с т

Скорее принимайся за работу, негодяй!

А н т ы н ь

Почему вы так строги со мной, милые братья? Я охотно дам отцу свое новое платье, боюсь только, будет ли оно достаточно хорошо для того, чтобы показываться ему в том блеске, где виден будет каждый шов и каждая заплата. Это для меня была бы большая радость, если бы отец ходил там в моем платье. Тогда он больше вспоминал бы меня, а я его.

Б е р н

Иди, иди, думайте друг о друге, а нам надо подумать, как лучше устроить нашу и твою жизнь. Ты ведь сам не думаешь ни про себя, ни про хозяйство.

Антынь уходит опять в кухню; братья же остаются и собирают опять деньги на полу.

СЦЕНА 5

Б е р н

Ничего, ничего! Старик для нас постарался. Кто бы подумал, что так много наберется?

Л и п с т

Что же, и мы для него старались! Разве мы не работали и не голодали для него?

Б е р н

Давали и мы, конечно, кой-что, но оставляли и себе.

Л и п с т

А разве теперь мы не велели его честь-честью прибрать, обмыть, одеть? Нет, он-то каков! Спрятал в подушке и велел еще написать «для младшего сына». Значит, прямо хотел отобрать у нас наше добро?

Б е р н

И отдать этому дурачку! Разве это не глупость и упрямство? На что такому деньги? Он ведь все равно отдаст их первому нищему.

Л и п с т

Он готов сам с себя сапоги снять для всякого, кто умеет ими пользоваться. Но мы тоже это дело ловко устроили. *(Оба смеются.)*

Б е р н

Рубашка ближе к телу, чем кафтан.

Л и п с т

А что мы теперь будем делать с деньгами? Это нужно хорошенько обдумать.

Б е р н

Я женюсь сейчас же на Ильзе и приведу ее сюда жить. Ты же можешь подумать, где тебе приютиться.

Л и п с т

Я тоже женюсь, но не буду таким дураком, чтобы взять бедную; я возьму Трину с деньгами.

Б е р н

Деньги у нее есть, и вдобавок еще длинный нос.

Л и п с т

Он не длиннее, чем кошель ее отца.

Б е р н

В таком случае ты можешь с длинным носом остаться у тестя.

Л и п с т

Нисколько. Я останусь тут; половина избы моя.

Б е р н

Где же тут нам всем поместиться в такой маленькой избе? Я буду спать на постели отца, Ильза в кухне, а где же поместишься ты с Триной?

Л и п с т

Пусть Антынь спит на чердаке; он ведь не женат.

Б е р н *(смеется)*

А если и он захочет жениться? Что тогда?

Л и п с т *(смеется)*

Кого же он возьмет? Грету из богадельни, что ли?

Б е р н

Послушай, Антынь! *(Открывает дверь.)* Ты ведь уже взрослый парень, не думаешь ли ты жениться? Липст хочет тебе посватать Грету из богадельни.

А н т ы н ь

Зачем вы шутите, братья? Теперь не время шутить.

Б е р н

Чего там! Вот видишь, мы оба женимся, а если ты не женишься, то тебе придется спать на чердаке.

А н т ы н ь

Я никогда не женюсь.

Б е р н

Он женится на березовой дочери с белой рубашкой.

Л и п с т

Нет, он возьмет себе лесную ворону в черном платье.

Б е р н

Чего шутить! Антынь мечтает о великих вещах. Ведь недаром он говорит постоянно про принцессу на стеклянной горе!

А н т ы н ь

Ох, та уж семь лет как умерла; лежит в своем стеклянном гробу и греется на белом солнышке. Чего ей не

хватает? Батя теперь тоже умер. Посмотрите на минуту, как тихо и счастливо он спит! Должно быть, лучше там, куда они ушли. Теперь и мое времечко подоспело, пойду и я туда, где лицо делается таким тихим и счастливым.

Б е р н

Иди, иди! Мы не гонимся за этим счастьем и поэтому останемся тут.

Л и п с т

Да, но кто же будет исполнять твою работу, если ты уйдешь? Найди заместителя, тогда можешь идти куда хочешь. О работе ведь ты никогда не заботился. Тебе бы только набить полное пузо да мечтать о принцессах.

СЦЕНА 6

Белый Отец входит в кухню, одетый как нищий. Дверь из кухни в комнату открыта.

Н и щ и й

Детки милые, день добрый!

Б е р н

С коих пор он стал отцом нам?

Л и п с т

Мертв один, другой нашелся!

Н и щ и й

Духи добрые осушат
Ваши искренние слезы!
Ах, велико ваше горе:
Милый батя ваш скончался,
Отошел, как год прошедший.

Л и п с т

Это всё мы сами знаем.

Н и щ и й

Все, что от него осталось,
На столе там распростерто,
Это примет в свое лоно
Мать сыра земля обратно,
А взамен пошлет ребенка.

Б е р н

Эх, не во-время пришел ты!

А н т ы н ь (*нищему*)

Посмотри, старик, на батю,
Как он тощ, как исхудал он,
Как совсем иссохли руки!

Н и щ и й

Словно тела нет на бедрах.

А н т ы н ь

Ребра все пересчитаешь.

Н и щ и й

Как глубоко щеки впали!

Л и п с т

Сердобольные какие!

Б е р н

Чего хочешь? Чего ходишь?
Уходи, как год прошедший!

Н и щ и й

Я уйду, уйду, сыночек,
Как ваш батенька, уйду я.
Дай мне лишь кусочек хлеба,
Дай глоток воды напиться,
Отдохнуть дозволю с дороги!

Б е р н

Тут не богадельня. Иди работай, тогда будет у тебя хлеб. Чего тут слоняешься и болтовню разводишь!

Н и щ и й

Я, дети мои, слишком стар для работы.

Л и п с т

Можешь еще пастухом служить, а если нет, то иди в богадельню. Что ты тут стоишь и двери не закрываешь? Холоду напускаешь! Уходи!

А н т ы н ь (тихо)

Вот тебе, старичок, кусок хлеба; зайди в переднюю отдохнуть.

Н и щ и й

Уйду, сынок, уйду. Быть может, на пиру короля перепадет и мне какая-нибудь крошка.

Б е р н

Что за пир? Что тебе перепадет?

Н и щ и й

Я уйду, не буду надоедать вам своей болтовней.

Л и п с т

Погоди, куда бежишь? Что за пир? Вот упрямый нищий, ничего не хочет сказать!

Н и щ и й

Король устроил большой пир и позвал всех, пусть идет кто желает. Разве не знаете? Все люди уже туда собираются. Не так уж далеко вы живете.

Л и п с т

Мы ведь, старик, люди, горем удрученные, мы неделями целыми ничего не знаем, что творится на белом свете. Старик наш хворал, хворал, все не хотел помирать, а мы ни на час не могли отойти от его постели.

Б е р н

Надо же было присутствовать, когда он умирает, чтобы чужие люди имущества не растащили. Ничего мы не знаем. Рассказывай, рассказывай. Присядь тут, на порог!

Ни щ и й (*усаживается*)

Как же, большой будет пир. Королевская дочь вот теперь уже семь лет как умерла и положена в стеклянный гроб.

Л и п с т

Знаем, знаем. Это всякий знает, ты про пир-то рассказывай.

Ни щ и й

Ну вот, она лежит в стеклянном гробу на стеклянной горе, куда никто не может взобраться ни пешком, ни верхом, ни ползком. Когда осенние ветры дуют, то принцесса вздыхает, а когда солнце светит — плачет.

Антень, присев рядом с нищим, тоже вздыхает.

Ни щ и й

Что с тобою, сын, ты тоже вздыхаешь?

Б е р н

Не обращай на него внимания! Он у нас совсем простоват. Всех жалеет, обо всем плачет. Курицу режут — он и то слезы льет. Об умершей принцессе все время жалеет и мечтает.

Л и п с т

Какие пустяки! Рассказывай про пир.

Ни щ и й

Так вот, дочь короля уже семь лет как лежит...

Л и п с т

Чтоб тебе пусто было с твоими семью годами! Чего ей не лежать?! Принцессе-то! Они и наяву ничего не делают. Нам вот, небось, этого нельзя: мы должны трудиться и хлеб себе зарабатывать. Ну, а как же насчет пира?

Ни щ и й

Принцесса, однако, не умерла, она воскреснет. Завтра исполняется как раз семь лет и семь дней, и должен прийти тот, кто ее разбудит.

Б е р н

Пришел бы сразу, дал бы ей раз хорошенько в бок, взял за плечи, тогда, небось, не спала бы все эти годы! Живо бы встала!

А н т ы н ь *(с трудом подавляя слезы, взволнованно)*

Не смей ее трогать, брать за плечи! Она тонкая, как паутинка, все ее тело прозрачно и хрупко, как лед, щечки белые, как снег, волосы золотисты, как блеск солнца. Она от одного дыхания содрогается и плачет.

Б е р н *(смеется вместе с другим братом)*

Вишь ты! Вишь ты! Тихий наш сверчок-то! Уж таков он есть: и в мыслях даже не позволяет трогать свою принцессу, она ведь его невеста.

А н т ы н ь

Как тебе, брат, не стыдно так говорить!

Оба брата опять смеются.

Н и щ и й

Ты прав, сынок, она на самом деле такая — нежная и хрупкая. Но где ж ты ее видел?

А н т ы н ь *(тихо)*

Во сне.

Л и п с т

Что ты, нищий, тут торчишь? Чего ноги выставил?

Н и щ и й

Уйду, уйду!

Б е р н

Ну, а как все-таки насчет пира?

Н и щ и й

Что же я могу сказать, когда вы меня гоните, не даете ни мяса, ни хлеба.

Б е р н

Оставайся, заходи в комнату, получишь мясо, и хлеб, и все. Садись вот тут, на табуретку.

Н и щ и й

Завтра ровно в двенадцать часов принцесса проснется от долгого сна. Но встать из гроба она сможет лишь в том случае, если найдется человек, который взойдет на стеклянную гору и снесет оттуда принцессу. А кто ее снесет, тому король даст ее в жены, назначит его своим наследником и отдаст ему все свое царство. Если же никто не в силах будет подняться на гору, то принцессе придется на веки веков остаться на стеклянной горе.

А н т ы н ь

Увы! Увы! Неужели не найдется никого, кто был бы способен подняться на гору?

Н и щ и й

И вот на завтрашний день, по случаю воскресения принцессы, король велел устроить большое празднество и зовет на пир всех, кто только желает прийти и есть за его столом.

Б е р н

Тут уж, наверное, целого быка съедят и выпьют бочку пива!

Н и щ и й

Что ты! Для этого пиршества уже закололи триста шестьдесят пять быков, зарезали семьсот свиней и наварили пятьсот бочек пива. Колбасы же сложены кучами, как стоги сена, а хлебные караваи лежат словно кучи камней.

Б е р н

Вот будет объедение!

Л и п с т

Этакое множество! Я полагаю, при таком количестве можно целого быка утащить — и то не заметят. Как полагаешь, старик? Ты, пожалуй, тоже какую-нибудь курочку за пазуху спрячешь? Но разве нас туда пустят, наверное только одних господ пускают?

Н и щ и й

Все званы, и все могут явиться на пир короля; понятно, кто плохо одет, останется по ту сторону забора вместе с простым народом.

Антынь глубоко вздыхает.

Н и щ и й

Что с тобой, сынок? Вы тоже можете прийти; таких молодцов, как вы, и королевской дочери нечего стыдиться. Праздничное платье-то у вас, наверное, окажется?

Б е р н

Подойди поближе, старичок, сядь вот тут на стул. Как же не быть у нас праздничному платью! Конечно, есть!

Н и щ и й

Могли бы, детки, и мне дать какой-нибудь поношенный кафтанишко, этот у меня совсем обносился.

Б е р н

Найдется, найдется! А много ли там господ собралось?

Н и щ и й

Со всех концов. Грозный принц из соседнего царства очень хотел бы получить принцессу.

А н т ы н ь

Ах, если он такой грозный, то пусть не достанется ему принцесса.

Л и п с т

Что ты, дурак, тут вмешиваешься? Не твое это дело, тут мечтами не занимаются. Иди лучше, принеси из амбара мой зеленый платок.

Н и щ и й

Господа всячески уж пробовали въехать на гору: верхом, на лошадях, оленях, собаках, и на слонах даже, но никому не удалось.

Братья начинают готовиться.

Б е р н

Кто сильнее, тому удастся.

Л и п с т

Чего силою нельзя добиться, того можно достигнуть умом. Ну, теперь нужно спешить. Ты можешь теперь идти; поздно уж, а работы у нас еще много.

А н т ы н ь

А тот, кто нехорошо одет, разве не может смотреть хотя бы издали, как снесут принцессу с горы?

Н и щ и й

За оградой можно смотреть сколько угодно, но там тебя в толпе затрут. Ну, да братья, наверно, ведь дадут тебе новый кафтан и возьмут тебя с собою в середину; ты ведь видишь, какие они добрые, даже мне, чужому человеку, обещали кафтан, и мяса, и хлеба сколько угодно.

Л и п с т

На что ему новый кафтан? Ведь он только что собрался было умирать вместе с отцом.

А н т ы н ь

Я бы и перед смертью хотел увидеть, как проснется принцесса и расцветет подобно вешнему лугу. А кафтан я потом вам верну обратно.

Л и п с т

Знаем, как ты вернешь. Это так же, как и помираешь! Какой дурак даст тебе кафтан? Заработай его сам!

Н и щ и й

Дали бы все-таки мальчику, пусть посмотрит и попытает счастья в состязании.

Л и п с т

Вишь какой заступник нашелся! Убирайся-ка сам-то! Мешаешь только своей болтовней!

Н и щ и й

А где же обещанный кафтан, мясо и хлеб — сколько угодно?

Л и п с т (*собирается его бить*)

Подожди, я тебе сейчас дам по спине сколько угодно.
Вон!

Нищий уходит.

СЦЕНА 7

Л и п с т (*Антыню*)

А ты, защитник всех бедных, можешь убраться следом за ним! Всяким бродягам позволяет шататься по нашему дому!

Антынь выходит в переднюю.

Б е р н

Столько людей в такой маленькой комнатке! Ты можешь жить и в хлеву, на чердаке.

Л и п с т

Но ведь там наши вещи! Он и туда натащит всякого сброду и воров, и те еще растащат имущество. Пусть переночует в стогу соломы; человек молодой, не замерзнет.

Б е р н

Ну, а если он курить начнет? Стог сгореть может!

Л и п с т

Пусть в таком случае поищет себе место где-нибудь подальше! Вон на лугу стог сена. Да только чтобы утром рано быть опять на работе! Во время обеда можешь сбежать на двор короля и хорошенько там наесться, не нужно будет тогда тебе ни обеда, ни ужина. Там дадут нищим все, что останется от стола важных гостей. Чего же мы тебя будем даром кормить? Тогда уж лучше откормить свинью,— ее, по крайней мере, можно зарезать к рождеству.

Б е р н

Как только я взойду на стеклянную гору и сделаюсь зятем короля, мне уже не надо будет держать таких вот Антыней батраками и кормить их. Работник ведь он

неважный. Мне тогда будет принадлежать все царство, и у меня затанцуют уже не такие батраки. Ты, Антынь, теперь свободный человек и можешь идти куда тебе угодно!

А н т ы н ь

Только эту ночь дайте мне переночевать, милые братья! Я хочу видеть, как воскреснет принцесса. Куда мне деваться на морозе? Я умру и не увижу ее. Милые братцы, пожалуйста, несите вы ее осторожно, очень осторожно! А когда я ее увижу, я готов и на покой.

Л и п с т

Вон! Вон! Иди себе на покой.

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Лес. Тропинка. Поздний осенний вечер.

СЦЕНА 1

Н и щ и й

Устал я, милый сынок, мои старые ноги не хотят больше слушаться. Остановимся и отдохнем; подумаем, где бы нам переночевать.

А н т ы н ь

Ты иди дальше по этой дорожке, держись правой стороны, и придешь к лесной сторожке. Там живут добрые люди.

Н и щ и й

А где ты останешься, сынок? Пойдешь назад в отцовский дом?

А н т ы н ь

Мой отцовский дом на кладбище. Скоро я отправлюсь туда, но эту ночь останусь тут, чтобы завтра пораньше встать и поскорее отправиться во дворец.

Н и щ и й

Я хотел бы остаться у твоих братьев, но они такие сердитые.

А н т ы н ь

У них теперь, после смерти отца, много забот, некогда им тобой заниматься.

Н и щ и й

Они ведь и тебя прогнали из дому?

А н т ы н ь

Это правда, что они скоро сердятся. Ну, мы, братья, как-нибудь поладим. Да и то правда, что комнатка действительно тесновата для всех. К тому же они женятся, и я им мешать буду.

Н и щ и й

Тебе, сынок, тоже пора жениться. Кто о тебе, бедняжке, будет заботиться? Где ты приютишься? Хочешь, сосватаю тебе богатую домовладелицу, ты мне тогда дашь и хлеб и платье.

А н т ы н ь

Не хочу я жениться.

Н и щ и й

Так всегда молодые говорят. Ну, а если я тебе найду хорошую девушку, захочешь?

А н т ы н ь

Никогда я не женюсь.

Н и щ и й

Экий ты какой! Пропадешь ты в таком случае!

А н т ы н ь

Умру — скорее попаду к своему милому отцу. Хочу вот только повидать праздник: как там придет принц и снесет со стеклянной горы спящую принцессу.

Н и щ и й

А что это братья дразнили всё тебя принцессой? Разве ты ее видел?

А н т ы н ь

Не спрашивай, не надо!

Н и щ и й

Почему, сынок, нельзя мне спрашивать? Вспоминается мне одна песенка:

Синие стекла, зеленые льды,
Снежное, белое платье в середине,
Синие стекла, зеленые льды,
Лунные, бледные щеки в середине,
Синие стекла, зеленые льды,
Длинные кудри, что солнце, в середине!

А н т ы н ь

Не поминай про нее, ни слова не поминай!

Н и щ и й

А почему, сынок, не поминать? Так красиво спит она в своем гробу. Все ходили смотреть на нее, жалели ее, такую молодую да красивую!

А н т ы н ь

Ах, отец, что ты делаешь! Всю душу из меня выматываешь, корни сердца моего из земли вырываешь!

Н и щ и й (*полуговорит,
полунапевает*)

Синие стекла, зеленые льды,
Оцепенелое тело в середине!

Антынь громко плачет.

Н и щ и й

Что ты плачешь, милый мальчик?
Жаль тебе царвны, что ли?

А н т ы н ь

Да, отец, мне жаль царвны,
Оттого-то я и плачу.

Н и щ и й

Разве ты, сынок, царвну
На горе стеклянной видел?

А н т ы н ь

Ах, отец, отец чужой мне!
Разве видел я царвну?

Каждый день ее я вижу,
Все в глазах моих бессменно:
Снеговые покрывала
И блестящий белый иней,
Тонкие, сквозные пальцы,
Нежно-хрупкие, как льдинки,
Пальцы, что легко сжимают
Помертвелую фиалку!

Н и щ и й

Это все во сне ты видишь?

А н т ы н ь *(резко прерывая)*

Ох, я вижу каждой ночью:
Недвижима, помертвела,
С бледным ликом, реет мимо;
Вниз опущены ресницы,
Голова на грудь упала,
Серебро росы на кудрях
Золотых,— и слезы льются!

Н и щ и й

Это все во сне ты видишь?
Ты ее живой не видел,
Почему ж об ней ты плачешь,
Если ты ее не знаешь?

А н т ы н ь

Почему, отец, уверен
Ты, что я ее не знаю?
Все на свете, даже дети
Нашу ведают царевну!
Как же мне об ней не плакать?
Вся земля об ней в печали!
Ах, ушла она из жизни,
И в стеклянных стенах гроба
Стан ее в плену томится.

Н и щ и й

А в лицо ее ты знаешь?

А н т ы н ь

Как в лицо ее не ведать?
С плачем все смотреть ходили,
Как она во гробе дремлет.
И меня отец покойный
Во дворец водил с собою,
Но лишь издали смотрел я;
Впереди вельможи были,
Близко нас и не пускали.
В первый миг как посмотрел я,
Так глаза закрыл от блеска.
Во второй как посмотрел я,
Так застлали слезы взор мой.
В третий раз как посмотрел я,
Так мой взор переломился,
Ничего вокруг не вижу,
Даже солнца мне не видно!
И с тех пор мне нет покоя,
Боль ее ношу с собою.
Мысль одна: пашу ли в поле —
Так страданья грудь ей пашут!
Мысль одна: кошу ли сено —
Так ей боли радость косят!
Мысль одна: пшеницу жну ли —
Так мученья сердце жнут ей!
И не спорится работа!
Знаю: я обидел братьев,
Пожалев в душе царевну.

Н и щ и й

Что ж ты так ее жалеешь,
Если миг один лишь видел?

А н т ы н ь

В этом все мои печали,
С той поры, как стал я взрослым.
Стыдно мне, что все сказал я:
Ото всех таил я это,
Но ко мне ты добр, а сердце
У меня нежнее глаза.
Вот сказал, а ты смеешься.

Н и щ и й

Нет, сынок, я не смеюся,
Но не плачь ты о царевне:
Завтра с горем ей расстаться.

А н т ы н ь *(тихо вздыхая)*

Завтра с горем ей расстаться!

Н и щ и й

Придут завтра дети солнца,
Чтоб, на высь горы стеклянной
Въехав, разбудить царевну;
На коня на золотого
Сев, в лучах она поедет.

А н т ы н ь *(вздыхая)*

Сев, в лучах она поедет!

Н и щ и й

Что вздыхаешь, мой сыночек?
Будет хорошо царевне.

А н т ы н ь

Будет хорошо царевне!

(Немного спустя.)

Кто ж на гору въехать может?

Н и щ и й

Тот, кто так же чист, как солнце.

А н т ы н ь

А царевну кто разбудит?

Н и щ и й

Тот, кто ласков так, как солнце.

А н т ы н ь

Кто же вниз снесет царевну?

Н и щ и й

Тот, кто силен так, как солнце.

А н т ы н ь

Ох, но кто же равен солнцу?

Н и щ и й

Кто себя отдать способен!

А н т ы н ь

Ох, всю жизнь свою я б отдал,
Пусть берут, умру охотно,
Лишь хочу ее увидеть!

Н и щ и й

Кто себя отдать способен,
Жизнь свою, и с жизнью — волю!

А н т ы н ь

Как, отец? И с жизнью — волю?
Мне б иметь хоть взгляд единый!
Ей одной всю жизнь я отдал.
Завтра все ее увидят,
Я один лишь не увижу!
Всем то будет безразлично,
А вся жизнь моя — лишь в этом!

Н и щ и й

Кто себя отдать способен,
Жизнь свою, и с жизнью — волю.

А н т ы н ь

Батя! замирает сердце!
Кто ж на это все способен?

Н и щ и й

Есть такой, и он разбудит.

А н т ы н ь

Батя! Ох, я неспособен.
Но ее хочу увидеть,
Ей помочь хочу, сказать ей,
Что ее несу я боли.
Ей, быть может, станет легче!

(В отчаянии плачет.)

Н и щ и й

Не печалься, мой сыночек,
Будет хорошо царевне,
Ей помогут дети солнца.
Старику, кто мне поможет,
Кто накормит, кто напоит,
Даст обрывок одежонки?

А н т ы н ь

Ты пойдй к лесной усадьбе:
Там напоят, там накормят.

Н и щ и й

Дальний путь, большие ветры!
Стало холодно, сыночек!
Хорошо тебе послушать,
Что скажу я про царевну,
Сказки сердце согревают,
Мне ж мороз сжимает руку!

А н т ы н ь

Рукавицы дам тебе я.
(Снимает рукавицы и отдает нищему.)

В них свои согреешь руки,
Ведь меня на двор пропустят
И без варежек, наверно!

Н и щ и й

Уж как холодно, сыночек!
Шею стужа обнимает,
По спине бегут мурашки.

А н т ы н ь

Вот возьми мой шарф на шею,
И без шарфа ведь пропустят!
(Снимает шейный платок и отдает нищему.)

Это матери подарок,
Согревал меня всегда он,
Как сама любовь родимой!

Н и щ и й

Все ж мне холодно, сыночек!

(Надевает на себя платок.)

В старости кровь греет плохо.

Пусть платок согреет шею,

Спину же остудит ветер.

Вишь, кафтан весь износился,

Как и старческое тело:

Стала ткань редка, как сито,

Все тепло насквозь проходит.

А н т ы н ь

Ох, отец, чужой отец мне!

Без кафтана ведь не впустят!

Во дворце вельможи будут,

Не дозволят состязаться,

Запретят итти на гору.

Н и щ и й

Тоже хочешь состязаться?

Будут там стоять вельможи,

Во дворец тебя не впустят,

Постоишь ты за забором.

А н т ы н ь

И кафтан бери мой, батя!

Сохранит тебе тепло он:

Сделан он из доброй ткани,

Нежные слова в основе,

Затканные лаской теплой.

*(Снимает кафтан и отдает нищему,
который его надевает.)*

Н и щ и й

Все мне холодно, сыночек,

Ног тепло не достигает,

Застывает где-то в бедрах;

Ноги судорога сводит,

Пальцы смерзлись, онемели,

Кости старые недвижны.

А н т ы н ь

Ох, отец, чужой отец мне!
Без сапог куда пойду я?
Не остаться б на дороге!

Н и щ и й

Добредешь, возьми вот лапти.

А н т ы н ь (*снимает сапоги
и надевает лапти нищего*)

Что ж, отдам и сапоги я,
Будешь двигаться ты в силах.
Сапоги дала корова,
Батя шил их, сам же плакал:
Молока не будет больше!

Н и щ и й

Все мне холодно, сыночек,
Исщипала стужа щеки,
Ветер волосы издергал,
Сквозь дырявую шапчонку
Проникают хлопья снега.

А н т ы н ь

Ох, отец мой, ох, отец мой!
Так не пустят и к забору.

Н и щ и й

Пустят! Ты скажи, что жарко.
Волоса твои что шапка.

А н т ы н ь

Что ж, отец, возьми и шапку.
(*Отдает и шапку.*)

Кошечка ее дала мне,
Та, которую вскормил я.

Н и щ и й

Я теперь спасен, сыночек,
Вот опять могу ходить я!
Да получишь ты стократно
Все, что дал, на новом солнце!

А н т ы н ь

Мне не жить под новым солнцем!
Я и утра не увижу.
Мать снегов меня похитит,
Отведет к родному бате.

Н и щ и й

Горевать, сыночек, рано,
Стужу юность пересилит.

А н т ы н ь

Да, не стану горевать я,
Вот раздую огонечек.

Н и щ и й

Ухожу я.

(Уходит.)

А н т ы н ь

Путь счастливый.

Н и щ и й *(возвращается еще раз)*

Я еще скажу, сыночек:
Не жалел ты дать мне платье —
Я тебя в твой день припомню.
Пожелаешь ты одежды,
Королевичи что носят, —
Ты тогда ногой лишь стукни,
Ты тогда лишь молви слово —
Конь заржет и принесет все:
Медь, и серебро, и золото.
Только это слово молви:
Стук, стук, стукую,
Конь, скачи сюда!
Платье скрадено,
Дай мне новое,
Было тканое,
Дай мне медное!

А н т ы н ь

Уходи уж! ладно, батя!
Мне куда девать такое?

Н и щ и й

Ухожу я!

(Уходит.)

А н т ы н ь

Путь счастливый.

(Садится и разводит огонь.)

СЦЕНА 2

А н т ы н ь *(один)*

Ах ты, бедняга, бедняга! У самого нечем прикрыться от ветра и мороза, а, вишь, хочет мне подарить золотое и серебряное платье! Столько-то я понимаю, чтобы догадаться, что говорит он. Это только по доброте души: не хочет отымать у меня надежды, хочет, добрый старичок, поблагодарить и отплатить мне. Ну, прилягу теперь и немного сосну; огонь поможет мне перенести ночной холод, а завтра я хоть издали да посмотрю, как принцессочка воскреснет и заблестит, словно красное солнышко. *(Засыпает.)*

СЦЕНА 3

Входят заблудившиеся дети.

Первый ребенок

Огонек! огонь! идите!

Второй

Можно будет здесь согреться.

Первый

Не побьет ли этот парень?

Второй

Он заспался, не заметит.

А н т ы н ь *(поднимая голову)*

Кто такой сюда явился?

Дети сначала бегут, но потом останавливаются.

Первый (*тихо*)

Не бегите: голос добрый.

Второй (*тоже*)

Сам от стужи он согнулся.

Первый (*тоже*)

Без сапог сам и без шапки.

Антынь

Подойдите и согрейтесь.

Как в лесу вы очутились?

Первый

Заблудились на морозе.

Мать собрать послала хворост.

Антынь

Ну, садитесь, согревайтесь.

Дети подсаживаются к костру.

Первый

Нам тепло, а мать, наверно,

Мерзнет дома без полена.

Дай ты мне одно поленце.

Второй

Дома ждет меня братишка,

Дай и мне одно поленце.

Все

Дай мне тоже! Дай мне тоже!

Каждый берет по полену; весь костер разобран
и потухает.

Антынь (*смеется*)

Вы ведь всё себе забрали!

Первый

Дай еще мне углей в листьях!

(*Веточками загребает уголья и убегает.*)

Все
Дай мне тоже! Дай мне тоже!
(*Берут тоже.*)

Антынь
Растопить мне не осталось,
Хоть один оставьте уголь!

Первый (*оборачивается смеясь*)
Сядь на теплое местечко,
И углей не нужно будет.

Все
Побежим домой скорее!
(*Убегают в темноте, размахивая горящими поленьями
и светя угольями.*)

СЦЕНА 4

Антынь (*опять один*)
Как бегут! ах, дети, дети!
Искры сыплются, как звезды.
Дома всех огонь согреет...
Мне ж огня не надо больше:
Я к тебе иду, мой батя!
Здравствуй, милая принцесса!
Спать теперь мы будем оба:
Я — на этом месте теплом,
Ты же — на горе холодной.
(*Засыпает.*)

СЦЕНА 5

Антынь спит. Входит Мать ветров со своими детьми;
у всех длинные трубы из бересты.

Мать ветров (*высокая худая
женщина, в длинных серых покрывах, идет с трубой
впереди всех; дети за ней. Трубы, обходят они
вокруг сцены*)

В трубы ветры трубят,
Гулом чашу будят,

У-а! у-а! у-а!
Духи, дуйте в трубы,
У-а! у-а! у-а!

Духи ветров (*завывают хором*)
В трубы трубим роем,
Грустно, жутко воем,
У-а! у-а! у-а!

Мать ветров
Грустно, жутко стонем,
Сучья ломим, клоним,
Ух! ух! ух!

Духи ветров
Сучья ломим, клоним,
Ух! ух! ух!

Мать ветров
Листья сдались бурям,
Мир зеленый умер,
Ай-ай! ай-ай! ай-ай!

Духи ветров
Умер! умер! умер!
Вай-ай! вай-ай! вай-ай!

Мать ветров
Осень землю студит,
Стужа зелень губит,
У-у! у-у! у-у!

Духи ветров
Губит! губит! губит!
Тр-тр! тр-тр! у-у!

Мать ветров
Реки льдом мы кроем,
Мост по водам строим,
А-у! а-у! а-у!

Духи ветров
Рейте по льду роем,
А-у! а-у! а-у!

Мать ветров

В трубы ветры трубят,
Гулом чашу будят,
Мать ветров их нудит,
А-у! а-у! у-у! у-у!

Все уходят.

СЦЕНА 6

Антынь продолжает спать, еще более скорчившись. Входит Мать снегов со всеми духами, вся в белом, полная, в широком одеянии; у нее полный передник снегу, подмышкой белые мешочки со снегом. Духи снега, дети, одетые в белое, несут белые простыни и блестящие снежинки.

Духи снега (*шалют, прыгают толпой вокруг матери, дергают ее передник, вырывают у нее мешочки*)

Дай посмотреть! дай поиграть!
Дай, мама! беленькая мать!

Мать снегов (*отбиваясь, задыхаясь*)

Ах, шалуны! бездельники!
Я вас! уж вы, баловники!
Не будь я слишком тяжела,
Уж как бы вам я задала!

Духи снега

Что держишь, мама, ты подмышкой?

Мать снегов

А вам с того лениться слишком?
Стелите белый наш покров,
От холодов и от ветров,
Над травами завялыми:
Пусть спят под одеялами!

Духи снега

Ах, мама, как ты растолстела!

Мать снегов

Вам оттого ль сидеть без дела?
Нас всходы дожидаются,
Их стебельки качаются,

Головушки склоняются,
От холода пищат:
«Хлад! хлад! хлад!»

Духи снега (*один другому*)
Скорее, скорее,
Прикрой теплее!

Мать снегов
Кусты примечайте,
Платком прикрывайте!

Один из духов
Вот можжевельник!
Дай варежки, бездельник!
А то на каждой ветке коготь,—
Нельзя и трогать!

(*Надевает белые варежки и отскакивает от укола.*)

Второй
Березка, дружок,
Пропал твой листочек,
Бери же снежок!
(*Сыплет на березу горсть снегу.*)

Третий
Зеленькой елочке
Быть в белой мурмолочке!

Четвертый
Ах, липочка ясная,
Где платьице красное?
В сундук до весны убрала,
как запасное?
Прикройся по плечикам белой
одеженькой!
Стоит улыбается, важной
да нежненькой!

Первый (*увидя Антыня
на земле*)
Вот, вот, вот! Что тут?

Все (сбегаются кругом)

Глянь, глянь, глянь! Кто тут?

Первый

Ни куст, ни дерево! Кто это? ну-тка!

Мать снегов

Потише, детки, это вам не шутка!

Второй

Он расцветет, проснувшись ото сна?

Мать снегов

Его разбудит ранняя весна.

Как всё, что здесь лежит во сне усталом,

Его покройте теплым одеялом.

Первый

Все покрывала мы порасстелили.

Второй

Вот лишь кусочек малый сохранили.

Где холодно ему, скажи?

Первый

На сердце прямо положи,

Как теплое крыло, оно

Всех прежде стужей сражено.

Духи закрывают Антыня покрывалом.

Все духи

Мама! Дело свершено!

Дай пощупаем,

Расколупаем,

У тебя в переднике

Что затаено?

Мать снегов

Тише, привередники!

Первый

Трах! Лопнул карман. Что там было?

Не пух и не шерсть, а как мыло!

Весь белый, как цветики вишни!

Мать снегов

Не сыпьте! потише! потише!

Все

Мне горсточку! горсточку тоже!

Мать снегов

Дар неба храните построже!

Первый

Иль ангелы сахар рассыпали?

Второй

Попробуй: что, вкусно ли? липко ли?

Еще один

Не сладко, не остро, не солоно!

Первый

Ах, ах! языку-то как холодно!

Все

Тоже! тоже! тоже!

(Вырывают у матери передник; сыплется снег.)

Мать снегов

Ох! ох! ох!

Что шаг, то вздох!

Привередники!

Надоедники!

Все

Скорей, скорей!

Верти веселей!

(Вертятся вокруг матери кругом, увлекая ее за собою.)

Мать снегов

Ох! ох! ох!

Все удаляются, поднимая снеговую метель.

СЦЕНА 7

Становится совсем темно; издали слышны жалобные завывания ветра. Черная Мать, одетая как в первом действии, встает около Антыня, продолжающего спать на земле. В темноте Черная Мать едва видна.

Черная Мать

Шла своим я черным следом
И нашла свою добычу:
Не будить тебе принцессы,
Не достичь горы стеклянной.
Я тебя возьму с собою!

Нищий (*выходит из мрака*)

Матерь Черная! кого ты
Здесь нашла? Что за добыча:
Исхудалый, жалкий мальчик!

Черная Мать

Старец белый, многоликий!
Опоздал ты нынче! Мужа
Этого ты не отымешь
И хитришь совсем напрасно.

Нищий (*смеется, указывая на Антыня*)

Разве это муж? — Мышонок!
Ворону больному пища,
Что иной поймать не в силах!
Вот кого теперь ты ловишь!

Черная Мать

Что смеяться, белый старец.
Я того возьму на долю,
Кто отнять принцессу хочет!

(Поднимает руку и наклоняется над Антынем.)

Нищий

Ха-ха! Воскресит принцессу
Тот, кто силен так, как солнце.
Так ли силен этот мальчик?
Матерь Черная, сильна ты!
Братъ его тебе ль не стыдно?

Черная Мать

Белый старец, что хитришь ты?
Слово давнее я знаю:
«Трое станут сиротами,
Победит дремоту младший,
Малый — больших, слабый — сильных!»

Нищий (продолжает)

«Победит, кто потеряет;
Кто отдаст, тот получает;
Что черно — бело; мое же —
Что твое!»

Черная Мать

Хитришь ты, старец!

Нищий

Ха-ха-ха! верь белой вести!
Если веришь, победил я!

(Указывает на Антыня.)

Все свое мне этот отдал:
Сапоги, кафтан и шапку,
И платок свой шейный даже.
Сам же он сейчас замерзнет!

Черная Мать

Что смеешься, многоликий?
Говори, коль лучше знаешь!

Нищий

А зачем тебе скажу я?
Год умрет, сирот оставит,
Одолееет май дремоту...
Нет, молчу!.. Ты чары деешь,
Сильный сын и умный едут;
Едут все земные принцы;
Дети солнца скачут с неба,
Победят они дремоту!
Лишь испытывал тебя я
И узнал: за мной победа!

(Со смехом уходит поспешно.)

Чёрная Мать
Нет! За мной, за мной победа!
Хитростей отцу не дам я
Дщерь заветную, земную!
(Спешит за нищим.)

СЦЕНА 8

Медленно занимается сероватый рассвет. Заблудившиеся дети в образе духов зари, с блестящими звездочками вместо углей, в белых одеждах, ходят вокруг Антыня, останавливаются, чтобы его разбудить, стоят полукругом, наклоняются к спящему.

Первый дух
Что ты спишь? Пора проснуться!
За работу время, парень!

Антынь (просыпается)
Разве утро? Что за стужа!
Не вставать бы! Так и спать бы!
Сладкие, меня держите,
Сны, и дню не отдавайте,
Убивающему грезы!

Первый
Сам вставай, буди и грезу!

Антынь
Дети милых снов, уйдите!
Дайте мне не просыпаться!
Мать ветров во сне трубила,
Мать снегов меня прикрыла,
Некто белый с кем-то черным
О моей душе боролись.
О мороз! о ночь! возьмите
Прочь меня из этой жизни,
В мир, где все мои мечтанья,
Где отец и где принцесса!

Первый
На горе стеклянной, в гробе
Ледяном, принцесса дремлет,
Ждет тебя, а слезы каплют.

Второй

Стонет: где же мой спаситель?
Что ж меня не мчит он к солнцу?

Первый

Будет спать, Антынь. Проснися!
Бей стекло, пусть лед растает!

Антынь

Грезы милые вы, дети!
Дразните меня зачем вы?

Первый

Встань, оденься, ногу в стремя!
Во дворец явиться время!

Второй

Встань! Спешу на состязанье!

Первый

Встань! Спешу на пированье!

Антынь

Что вы, мальчики, смеетесь!
Я стою замерзший, голый,
Где мне взять коня и платье?

Первый

Ты промолви только слово,
Как наказывал тот старец,—
Конь, заржав, примчится с платьем.

Антынь

Я взаправду ли проснулся?

Дети хватают Антыню, толкают его, щекочут, щиплют,
кричат ему в уши.

*Дети (вместе, перебивая
друг друга)*

Больно? Чувствуешь? Ты слышишь?

А н т ы н ь

Больно! Чувствую! Ой! Слышу!
Но вы кто же, коль не грезы?

П е р в ы й

Твои ласковые речи!

В т о р о й

Тобой данные подарки!

Т р е т ь и й

Твоя жалость к людям бедным!

Ч е т в е р т ы й

Твои стоны о несчастных!

П е р в ы й

Мы те угли, что ты отдал
Заблудившимся малюткам!
Дети размахивают своими звездочками.

А н т ы н ь

Как же так? О чудо, чудо!

П е р в ы й

Что дивиться? Время ехать!

В т о р о й

Поспешి сказать то слово.

А н т ы н ь

Ох, могу ль я в это верить?
Лучше снова спать улягусь.
Дети окружают его и толкают его.

*Д е т и (вместе, перебивая
друг друга)*

Встань! Промолви! Слово! Слово!

П е р в ы й

Торопись, пока не поздно!
Серый свет в борьбе со тьмою.

Лес трепещет пред зарею,
Тишина под землю сходит
И с собою нас уводит.

В с е

Торопись! Скажи то слово!

П е р в ы й

Повторяй за мной, скажу я:
«Стук-стук, стучаю,
Конь, скачи сюда!»

А н т ы н ь

Стук-стук, стучаю
Конь, скачи сюда!

Дети поднимают правую ногу Антыня и стучат ею три раза
после каждой фразы.

А н т ы н ь

Я не верю вам! Пустите!

П е р в ы й

Лишь тверди, зачем же верить?
«Платье скрадено,
Дай мне новое!»

Дети стучат ногою Антыня как раньше.

А н т ы н ь

Платье скрадено,
Дай мне новое!

П е р в ы й

«Было тканое,
Дай мне медное!»

Дети стучат ногою Антыня как раньше. Появляется красноватый
отблеск. За деревьями виден медный конь с медным платьем.

А н т ы н ь

Что за чудо! Что за чудо!
Вот невиданная прелесть!
Медный конь и с медным платьем!

П е р в ы й

Прямо мчись к горе стеклянной.

В с е

Поклонись от нас принцессе.

А н т ы н ь

Дети снов моих, прощайте!
С солнцем новым мчусь к тебе я,
Моя дальняя принцесса!

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Подножье стеклянной горы. По обеим сторонам крутые утесы, между ними — площадка. Синеватые и зеленоватые скалы, цвета стекла и льда, с белыми снеговыми пятнами; на деревьях также снег. Перед горой — равнина. Направо, за кулисами, — палатки короля; слева — равнина, отгорожена веревкой; по сю сторону веревки — те из собравшихся, кто одет лучше, по ту сторону — простой народ.

Раннее утро. Гора озарена бледным светом.

СЦЕНА 1

Собравшийся народ ждет стоя; слышны разговоры вполголоса. Стража оттесняет всех от горы и огады.

Один из народа (*указывая на гору*)

Как блестит на солнце, словно лед! Смотреть нет сил!

Какой-то хозяин

И какая она скользкая! Ох, это, значит, туда-то нужно взобраться, чтобы получить дочь короля?

Другой из народа

Ну, тебе-то не придется взбираться; денег у тебя много, ты сумеешь откупиться от такой обязанности.

Хозяин

Вот еще! А я как раз думал попытаться, чтобы стать зятем короля.

Первый

Да у тебя, чего доброго, дома уже есть жена? Что же она скажет, коли ты начнешь лазить за чужими принцессами?

Какой-то юноша

Ах! Какая красивая эта стеклянная гора! А на ее вершине — прекраснейшая из царевен!

Бедный человек

Эх, кабы сошла наконец принцесса с высокой своей горы. Она ведь само счастье! Ждем мы ее, давно уже ждем!

Народ

Ждем, давно ждем!

Первый

Авось, сегодня кто-нибудь сумеет взобраться туда! Уж если нынче никто не взберется, то, говорят, никогда не вернется принцесса и счастье.

Второй

Ох, а какая крутая эта гора и высокая! Кому на нее взобраться? Напрасно мы тут ждем. Все останется по-прежнему.

Народ

Нет, нет, не останется!

Первый (смотрит на вершину горы)

Вершина еле видна. До завтрака, пожалуй, не успеть взобраться.

Второй

Лучше и не пытаться! Если до завтрака не поспеешь обратно, другие все съедят, а сам ничего не получишь.

СЦЕНА 2

Входит глашатай со спутниками.

Стража

Прочь с дороги, прочь! Прочь от горы! Идет глашатай! С новыми вестями от короля!

Глашатай (*трубит в трубу*)

Наш господин и повелитель, его величество, всемилостивый король. . .

Народ

Слушайте! Слушайте! Тише!

Первый

Послушаем, что нам нового скажут.

Второй

Что же он нового скажет? Всем уже известно: пусть лезет на гору и ломает себе шею тот, кто хочет жениться на дочери короля!

Народ

Тише! Тише!

Глашатай (*трубит снова*)

Наш государь и повелитель объявляет всем собравшимся, и всем верноподданным, и всем странам и народам: да собираются все на свадебный пир дочери короля. Сегодня исполнился срок, когда принцессе надлежит встать из своего стеклянного гроба и сойти вниз со стеклянной горы. Поэтому соберем все силы, дабы спасти принцессу себе на счастье. Да идут все принцы и все вельможи! Да идут все, кто только способен подняться на стеклянную гору и снести вниз принцессу. Кто сумеет совершить это, тот получит руку принцессы, король объявит его своим зятем и потом передаст ему свое царство. А помимо того, всех собравшихся его величество король всемилостивейше угощает своей трапезой. (*Уходит.*)

СЦЕНА 3

Входит старик со своим сыном.

Хозяин (*к стоящему рядом*)

А где же будет этот самый пир? В замке короля или тут?

Первый

А не все ли равно где! Была бы ложка с собою, а тогда ешь где придется.

Старик (*сыну*)

Вот она и есть, эта знаменитая стеклянная гора! Вот она какая!

Сын старика

Только и есть, что стекло. Что же тут удивительного?

Первый

Что же, этого мало тебе? Из алмаза, что ли, нужно было ее сделать? Чтоб можно было бы кусочек отломать и в карман спрятать?

Второй

Ну, тогда быстро разнесли бы всю гору и принцесса давно была бы уже внизу.

Первый

Скажи, старик, так ты с сыном до сих пор ни разу не видал стеклянной горы? Верно, далеко живете?

Старик

Не так чтобы очень далеко, да не видали, сынок, хотя слышать — много слышали про это чудо. Все только не-
<когда посмотреть. То хворост> свезти надобно, то скотину покормить, то еще что. Но вот нынче, когда принцессу спасать будут да когда тут даром наесться можно,— уж мы собрались и пришли.

Первый

Правильно сделали, умно сделали.

Второй

Справедливо поступили. Всякий должен помогать при спасении человека и страны, особенно когда при этом можно хорошо наесться.

Угольщик (*у ограды*)

А когда же позволят нам лезть на гору?

Стражник

Обожди, обожди! Есть тут женихи поважнее тебя, пусть сначала они попробуют.

Один из зрителей

Оставался бы ты лучше в лесу смотреть, чтобы деготь у тебя не испортился. Лезь-ка лучше в свою угольную яму, чем на стеклянную гору.

Угольщик

Э, как знать, может быть я-то как раз и взлезу? Послушайте, господин стражник, а что, отдаст мне король честно свою дочь, ежели я возьму да взлезу на гору?

Стражник

Вымойся сначала как следует, тогда увидим.

Второй из зрителей

Сам-то он явился нечестно под этойкой личиной, а тоже требует, чтобы ему честно жену дали!

Угольщик

А вот я таки и взлезу! Прилипну лапами, в дегте измазанными, к стеклу, и взлезу! Да на самую верхушку! Что, взял?

Первый

Поглядывай, как бы тебе самому не забрались на верхушку! Чего толкаешься! Чего другим сажай платье портишь!

Стражник (*угольщику, который, согнувшись, пытается пробраться через ограду*)
Куда лезешь? Вот тебе! (*Дает ему по шапке.*)

Первый

Ну, теперь как? Попало по верхушке?

Второй *(оглядываясь
и указывая)*

Вон там идет много блестящих господ. Всё, должно быть, принцы, которые подниматься будут. Верно, по этой стороне и будут взбираться. По краям-то скалы почти отвесные. Туда никто и посмотреть не пошел.

Первый

Вот тоже сказал! А разве на этой стороне в силах человеческих кому-нибудь взобраться? И думать оставь! Тут только чудом можно что-нибудь сделать.

Хозяин

Ну, ежели кто очень богат, так можно приделать себе такие алмазные когти.

Первый

Хоть клюв алмазный себе приставь — и то не взберешься.

Старик

Ну, сынок, богатому все возможно.

Второй

Богатство только дурака умным сделать не может, да старика молодым.

Первый

Человек побольше может, чем богатство.

Стражник

Сторонись! Дорогу! Сам король идет со всем своим двором.

Народ

Да здравствует наш король! Да здравствует!

СЦЕНА 4

Входит король с министром и свитой; среди свиты — Северный и другие принцы. Звучат трубы, музыка и приветствия толпы. Король садится и дает знак рукой.

Министр

Наш всемилостивейший государь и повелитель повелевает приступить к состязаниям.

Звучат сигнальные трубы. Принцы и придворные становятся перед креслом короля и кланяются.

Король

Вы все, прибывшие сюда принцы и вельможи! И вы все, оказавшие мне честь и пришедшие сватать мою дочь! Идите и попытайтесь подняться на эту стеклянную гору, на вершине которой дочь моя лежит в стеклянном гробу. Я всем вам желаю лучшего успеха, тому же, кто сумеет подняться на гору и принесет оттуда принцессу, я отдам ее руку.

Принцы кланяются еще раз и отходят.

Король (*богатому принцу*)

Тебе же, мой милый сын, как наследнику нашего соседнего дружественного и богатого царства, я даю мое особое благословение и особые привилегии, какие подобают твоему высокому положению.

Богатый принц гордо кланяется. Другие принцы перешептываются между собой.

Король (*принцам*)

А вы, многоуважаемые гости, все пользуетесь одинаковыми правами, каждый по своему положению. Идите теперь и попытайте свое счастье!

Все кланяются и подходят к горе. Слуги готовят для принцев ступеньки, лестницы и т. п. Богатый принц отдает приказы своей прислуге. Иным из принцев удается подняться на некоторую высоту, но затем они падают назад; после каждого падения трубят в трубы. Вдруг красноватый свет, наподобие утренней зари, озаряет всю сцену. На левой стороне на скалах, в половине высоты сцены, виден поднявшийся на коне вооруженный всадник; конь и всадник медного цвета; у всадника большой щит, напоминающий восходящее из-за гор солнце. В народе большое волнение, трубят в трубы, раздаются радостные возгласы.

Н а р о д (*перебивая друг друга*)
Смотрите! Смотрите!

Пер в ы й
Красный, как осеннее солнышко, появился он на горе.

В т о р о й
Красный конь и медный щит.

Т р е т ь и й
А как тихо и спокойно едет этот всадник! Конь не споткнется — гляди! Поднимается без натуги! Едет как по ровному лугу!

Пер в ы й
А кто такой этот всадник? Лицо-то у него закрыто медным шлемом. Он так блестит, что перед глазами все красным делается!

В т о р о й
Смотри! Принцесса там, на вершине, подняла уже одну руку!

Т р е т ь и й
Что городишь! Разве отсюда это разглядишь!

Б о г а т ы й п р и н ц (*зовет*)
Он выехал раньше срока! Не позволяйте ему ехать! Прикажите вернуться! (*Направляется к королю.*)

К о р о л ь
Успокойтесь, мой сын. Ему не предоставлено право выехать первым. Но он ведь поднялся по самому крутому месту, где никто даже и не рискнул попытаться!

М и н и с т р (*стражникам*)
Пусть этот всадник вернется! Идите скажите ему это.

Стражники уходят.

К о р о л ь (*министру*)
Кто такой этот всадник?

Министр

Никто этого не знает, ваше величество! Это чужой, самозванец, который даже не представился вам, как это подобало бы. Я прикажу его задержать и доставить сюда. (*Другим стражникам.*) Немедленно поднимитесь наверх и приведите его сюда. А вы бегите налево и не дайте ему ускользнуть.

Стражники, поднимаясь на гору, падают назад.

Народ (*голосит и плачет*)

Спускается вниз! Спускается вниз! Увы! Увы!

Образ всадника на горе меркнет и опускается; свет делается бледным, как в облачный зимний день.

Первый

Заходит, как солнышко, с красными заплаканными глазами!

Второй

Просиял, как алое зарево, и опять погас! Там было наше счастье!

Третий

Не смог он привести к нам солнышко!

Первый

Но, быть может, он явится снова!

Министр (*зовет*)

Пусть вернутся стражники! Мой приказ исполнен; хочу щадить ваши силы. Непослушный самозванец уже сам спускается вниз. (*Королю.*) Вот, ваше величество, как распорядительность и умение всегда приводят к цели. Я счастлив, что могу посвятить свои слабые силы вашему благополучию.

Король

Хорошо, хорошо!

Народ

Нет, не взбирается больше!

Первый

Что же, нет больше солнечного всадника? Куда он исчез? Как солнышко, появился из-за моря и погрузился опять в воду!

Король (министру)

Пусть угощают народ!

Уходит с придворными; остаются лишь стражники и некоторые придворные служащие, которым министр отдает приказы.

Министр

Пусть дадут народу поесть! Но наблюдать, чтобы не было слишком много таких, что не постарались одеться как следует.

Стражники

Слушаем!

СЦЕНА 5

На площади слуги раскладывают ковры и на них ставят кушанья и напитки, трубят в трубы и приглашают на пир. Стражники распоряжаются. Вне ограды никому есть не дают; многие стараются проникнуть по сю сторону ограды; некоторых стражники за взятку пускают.

Первый

Подкрепимся хорошенько! Кто старался, тот заслужил и угощение.

Второй (по ту сторону ограды)

Об чем же он старался? Старался поближе попасть к мясному.

Первый

Что глупости городишь! Каждый видел, как сильно я сочувствовал делу.

Третий (первому)

Чего разговаривать с тем, кто за оградой? Что такой понимает? Ведь недаром его не пустили сюда. Закусим-ка лучше сами.

Старик (с сыном)

Сынок, покушай хорошенько, чтобы хватило силушки на гору подняться. Будет и мне легче, когда в доме будет невестка.

Первый

Что же ты, старик, полагаешь, что принцесса пойдет у тебя коров доить?

Старик

Ну, по крайней мере своих служанок пришлет, пусть те помогают.

СЦЕНА в

Входит Антынъ с нищим и становится с левой стороны, за оградой.

Антынъ (*одет как во втором действии, без кафтана и шапки; несмело, но в то же время спешно увлекает нищего с собою, тихо*)

Батя, подойдем поближе!
Дай хоть взгляд единый кинуть,
Виден верх горы отсюда:
Ехал я — был за скалой он.

Оба подходят к ограде и хотят выйти на середину, но стражник не пропускает их.

Стражник

Эй, старик! Куда лезешь, оборванец? Назад вместе с сыном. Тут не место нищенствовать.

Нищий

Мы пришли не нищенствовать. Мы пришли посмотреть на свадебный пир принцессы.

Стражник

Так нечего сюда заходить. Смотреть можете и с той стороны ограды.

Антынъ (*стражнику*)

Позволь мне хоть на миг посмотреть на вершину горы. Отсюда не так видно, как оттуда. (*Указывает на площадь.*)

Стражник

Чего там смотреть? Вершина как все вершины!
Оставайся там!

Нищий (стражнику)

Сын мой, король велел всех пригласить на свадебный пир, богатых и бедных, и всех велел накормить от своего стола. Но ты, сын, не хочешь нас даже пропустить посмотреть.

Стражник

Какой я тебе сын? Что ты меня со своим оборванцем ровняешь! Знаем мы, как вы тут смотреть будете! Пустишь вас, голодных,— сейчас первыми на кушанья наброситесь!

Нищий

Король пригласил всех на пир и состязание. Мне бы и куска хлеба довольно, а сын мой принял бы участие в состязании.

Стражник

Вишь, какие участники нашлись! Участвовать в пиру и в состязании могут лишь порядочные люди. А вы как пришли? В таких лохмотьях, что всем гостям королевским стыдно станет. Даже в такой праздничный день не постарались одеться как следует. Твой сын так вот в одной рубахе, даже и без шапки.

Нищий

Получше нет одежды; откуда нам ее взять?

Стражник

Мне, что ли, вам ее давать? Одолжите у того, у кого есть.

Один из зрителей за оградой

Парень этот, наверно, был на состязании в другом месте, там, должно быть, и сорвали с него кафтан и шапку.

Второй

Может быть, подрался в корчме, а теперь пришел сюда к королю опохмелиться.

Ни щ и й

Почему вы, детки, сами нищие, сами оставленные за оградой, смеетесь над нашей нищетой?

Пер в ы й

Мы и не лезем в середину; не пускают так не пускают, а он, вишь, хочет итти состязаться! Это дозволено лишь порядочным людям.

О д и н и з у ч а с т н и к о в п и р а (*внутри ограды*)

Посмотрите только, каких тут не набралось! И все хотят стать женихами дочери все милостивейшего нашего государя и короля! Так-то они недостойны ему и сапоги почистить, а теперь вот все норовят зятьями его стать!

Ни щ и й (*за оградой, указывая на Антыня*)

А может быть, как раз он-то и поднимется на вершину?

Все смеются.

Пер в ы й (*вне ограды*)

Шапку и кафтан он уже скинул, чтобы сейчас надеть корону да королевскую мантию. (*Смеется.*)

Ст р а ж н и к (*тихо нищему*)

Если есть у тебя копейка, пропущу тебя, а того не могу. (*Указывает на Антыня.*)

Ни щ и й

Нет у меня копейки; если бы даже и была, и то не дал бы. За святое дело денег не дают.

А н т ы н ь . (*отводит нищего в сторону, тихо*)

Что ж, отец, уйдем, уйдем мы!
Верха мне горы не видеть!

Ни щ и й (*тоже тихо*)

Да! Пора вторично ехать.
Кличь коня серебряного!

А н т ы н ь

Я вторично не поеду.
Тщетно ты меня надежил!
Надо мной ведь все смеются.

Н и щ и й

Гибель — толки слушать! Гибель —
И от цели отречься!
Но дрожишь не потому ли
Ты, что цели недостойн?

А н т ы н ь

Мчало сердце вверх, как ветер,
Словно вихрь, меня вносило.
Об одном в пути я думал:
Лишь о ласковой улыбке!

Н и щ и й

Для тебя ли та улыбка?
Гибель — думать о награде!
Думай лишь о доле славной!
Ну, седлай коня второго.
Лишь два раза остается.
Пусть твое не дремлет сердце,
Лишь оно тебя возвысит.

А н т ы н ь *(тяжко вздыхает)*

Не могу я, отец, пожалей меня!

Б е д н я к *(подходит к нищему)*

Сыну твоему, кажется, очень хотелось бы видеть состязание? Без денег тут не пускают. Разве вы не видели, как только что огненный всадник доскакал до середины горы?

О д и н и з з р и т е л е й *(вне ограды, нищему)*

Как? Вы этого не видали? Ох, уж так это было красиво! Все небо горело алым заревом, и у всех лица радостно улыбались.

Второй

Это был сын солнца. Хотел привести к нам счастье.
Но зашло опять солнышко.

Третий

Не горюйте, милые! Вернется он и снова приведет
к нам солнышко. Не оставит нас в вечном мраке, принесет
к нам принцессу счастья!

Антынь (тихо нищему)

Что ж! Попробую вторично!

Нищий (так же)

Речи зыбки, словно ветер.
Верь огню, сынок, не ветрам!

Оба тихо направляются сквозь толпу к выходу.

СЦЕНА 7

Братья Антыня, Берн и Липст, входят разряженные, опоясанные шарфами яркого цвета и с большими перьями на шляпах.

Берн (стражнику)

Пусти нас на пир, мы пришли как раз во-время.

Первый (из народа)

На пир-то во-время, а на состязание опоздали. Оставайтесь-ка за оградой.

Стражник

Куда лезете? Не для вас стол накрывали. Кто вы такие?

Берн

Мы дети честного отца, мы...

Стражник

Этого только недоставало, чтобы вы были детьми бесчестного отца. А где же он, этот ваш отец?

Берн

В гробу, только что в гроб положили.

С т р а ж н и к

Вот так честные сыновья! Отца — в гроб, а сами — на пир.

А н т ы н ь (*отошедший с нищим в сторону, тихо*)

Батя, батя! Это ведь мои братья! Как бы они не начали ругать меня.

Н и щ и й (*тихо*)

Давай уйдем сейчас.

П е р в ы й (*из народа*)

Глянь-ка, как эти разрядились! Прямо петухи какие-то.

В т о р о й

А на головах у них по целой овечьей шкуре!

Т р е т и й

Брюхо опоясали, чтобы можно было побольше даром нажраться!

Б е р н

Все едят, так почему же и нам не закусить?

Л и п с т

Пропусти нас скорее, господин стражник. Неохота нам тут долго стоять, с простым народом.

С т р а ж н и к

Докажите, что вы белой кости. А деньги у вас есть, коли вы наследники?

Б е р н

Вот они! (*Долго вынимает.*)

С т р а ж н и к

Это фальшивые. (*Сует в карман.*)

Б е р н

Что-о-о!

С т р а ж н и к

Давай другие, или я тебя задержу.

Б е р н

На вот еще, и будет.

С т р а ж н и к

Заходи, ты, как я вижу, человек честный. А ты кто такой? *(Обращаясь ко второму брату, который хотел проскользнуть по сую сторону ограды.)* Подожди, брат!

Л и п с т

Он за двоих дал.

Б е р н

Тогда отдай мне половину того, что я дал.

Л и п с т *(отталкивает его)*

Что ты еще выдумал! *(Начинают толкаться.)*

С т р а ж н и к

Что! Вы тут драться хотите у стола самого короля? Сейчас платите оба пени!

О б а б р а т а

Ох, милый, добрый барин, отпустите нас! Отпустите! Это у нас так только такой дружеский разговор вышел.

А н т ы н ь *(вмешиваясь)*

Отпустите их, любезный, отпустите. Им так жалко расставаться с денежками.

С т р а ж н и к

А ты чего вмешиваешься, оборванец!

Б е р н

Слышишь? Кто это там? Ба, да это ведь наш Антынь.

Л и п с т

Ты, негодяй, чего тоже сюда прилез?

Б е р н

Боже мой, да он без шапки и в одной рубашке!

Л и п с т

И тот нищий тоже тут! И на нем отцовский кафтан, гляди-ка, гляди!

Б е р н (*стражнику*)

Господин добрый, вот у того нищего кафтан нашего отца. Ловите его!

Л и п с т

А этот мальчишка у нас с работы сбежал. Доставьте его к нам обратно.

Б е р н (*Антыню*)

Ах ты, такой-сякой, жаль, что тут люди добрые, а то бы я тебе сказал, кто ты такой!

А н т ы н ь (*нищему*)

Бежим скорее!

Народ расступается, дает дорогу.

Л и п с т

Ловите! Ловите!

Народ не пропускает.

СЦЕНА 8

П е р в ы й (*из народа*)

Вот так братья! Сами в шубах и пятью поясами опоясаны, а мальчишку зимою выпустили в одной рубахе и босиком.

Б е р н

Чего зря болтаете, милые, вы ведь не знаете, что это за чертов сын! Обкрадывает весь дом и все тащит вот этому нищему.

В т о р о й (*из-за стола*)

Разве это не его отец?

Л и п с т

Какой там отец! Просто нищий и колдун. Он своим колдовством подбивает мальчишку итти на состязание и сулит ему, что получит принцессу.

Б е р н

А где ему ее получить? Сами видите, каков он!

В т о р о й *(из народа)*

Вы, верно, тоже на состязание пришли, что так разоделись?

Б е р н

Как же! Мы люди с достатком.

Т р е т и й *(за оградой)*

Оно и видно. Все свое имущество на себя напялили.

Б е р н

Я сейчас пойду попытать свое счастье.

Л и п с т

Ну и ступай! А я хочу сперва подкрепиться. До верушки дорога-то длинная. *(Когда старший начинает взбираться на гору, Липста вдруг берет опасение.)* Как! Ты один хочешь получить принцессу? Попролам, попролам.

Б е р н

Что за попролам! Пусти меня!

П е р в ы й *(из народа)*

Теперь уже ссоритесь! А как же вы будете потом жить, если на одной поженитесь?

Б е р н

Мы ведь это так только.

Л и п с т

Мы ведь только деньги попролам.

С т р а ж н и к

Убирайтесь вы вон! Теперь не дозволено состязаться, подождите, пока затрубят трубы.

Л и п с т

Вот я правильно сказал, что сперва надо закусить.

СЦЕНА 9

Вне ограды раздается шум. Серебряный всадник поднимается на гору. По сцене разливается серебряный свет.

Н а р о д (*вне ограды*)

Небеса мои! Смотрите, смотрите!

Д р у г и е

Солнышко ведут! Солнышко ведут!

П е р в ы й

Я ведь говорил: не унывайте, придет!

П е р в ы й (*из народа внутри ограды*)

Чего они кричат! Голодные крысы! Хотят только выманить нас из-за стола, чтобы им все осталось!

В т о р о й

Еще ведь ни разу не трубили.

Т р е т ь и й

Нет, постойте, там в самом деле опять всадник!

П е р в ы й (*вне ограды*)

Вот так красота! Белее луны.

В т о р о й

Серебро блестит, как белое солнышко зимою.

Т р е т ь и й

Это другой всадник, но еще торжественней! Да и конь у него больше. Этот, наверное, взберется на вершину.

П е р в ы й (*внутри ограды*)

И правда! и правда! Кто бы это мог подумать! Но ведь ни разу еще не трубили!

В т о р о й (*глашатаям, которые выбегают*)

Трубите скорее, чего спали!

Г л а ш а т а й

Тебе какое дело? Не приказано, вот и не трубили. Мы тут ничего не знаем.

Т р е т и й

Разве сами не видите, что всадник уже на полпути к вершине?

Г л а ш а т а й

А ты сам чего ел да молчал?

СЦЕНА 10

Выбегает весь двор вместе с королем.

В с е

Смотрите, смотрите!

М и н и с т р

Почему во-время не трубили?

К о р о л ь

Видите? Видите? Что вы на это скажете?

П р и н ц

Я скажу, что он скоро вернется, не достигнув вершины.

Шум в толпе.

Н а р о д (*вне ограды*)

Увы! Увы! Увы!

П е р в ы й

Вот и серебряный всадник не достиг вершины.

В т о р о й

Что теперь будет? Что теперь будет?

Т р у б ы.

Т р е т и й

Чего они трубят, когда уже заходит наше серебряное солнышко!

Н а р о д

Увы! Увы! Увы!

К о р о л ь

Пусть сейчас же возобновятся состязания. Мы скоро опять вернемся сюда. Пропустить сюда весь народ. (*Отходит с принцем в сторону; тихо принцу.*) Мы распорядимся, чтобы приставили к горе лестницу, на столько выше других, на сколько вы сами стоите выше всех остальных.

П р и н ц

Но если и это не поможет?

К о р о л ь

Ну, и тогда мы ничего не потеряли. Значит, никому другому уже не взойти тоже, разве только этому незнакомцу; но ведь он не выполнил предписаний.

П р и н ц

Однако если и это не поможет?

К о р о л ь

Пусть только он принесет нам принцессу, а дальше мы посмотрим. (*Уходят вместе с придворными.*)

СЦЕНА 11

Г л а ш а т а й

Состязание возобновляется. Пусть выходит каждый, кто только способен принять в нем участие, богатый и бедный, знатный и простой! Уберите прочь загородку! пустите всех в середину.

П е р в ы й (*вне огады*)

Чего уж мы туда пойдем со своими слабыми силами, когда даже сам серебряный рыцарь не смог подняться на вершину.

В т о р о й

Больше никто не сможет.

Б е р н

Не беспокойтесь, милые, мы-то попытаемся!

Л и п с т

Захвати только с собою хлеба на дорогу, чтобы было чем подкрепиться. *(Оба уходят.)*

Загородку убирают. Народ подходит ближе к горе и рассматривает тех, которые собираются на нее подниматься. Идут слуги с подушками и одеялами и раскладывают их у подошвы горы. Другие устанавливают лестницы со скамеечками; приносят особенно длинную лестницу, приставляют ее к горе и всячески укрепляют. Народ смотрит на все приготовления и тихо перешептывается. Когда на сцене что-либо происходит или возникает более значительный разговор, этот шепот стихает.

СЦЕНА 12

Слева входят нищий и Антынь.

Н и щ и й *(задерживая Антыню)*

Не ходи, уйди, прошу я.

А н т ы н ь

Дай мне видеть! дай мне видеть!

Больше нет ограды. Скалы

Мне вершину закрывали.

Вид опять зажжет мне сердце!

(Вырывается из рук нищего, выбегает на середину сцены, смотрит вверх.)

Как далеко до вершины!

Смотришь — голова кружится!

Грудь стгорит, а не достигнешь!

(Падает без чувств.)

Н и щ и й

Не ходи, уйди, прошу я!

Народ окружает обоих; чувствуется сострадание.

П е р в ы й

Отец, что это случилось с парнем?

Н и щ и й

Голова у него закружилась при виде блестящей вершины стеклянной горы.

В т о р о й

Пойдемте, подыдем парня.

Подымают Антыня.

Т р е т и й

Дайте ему глоточек вина.

Н и щ и й

Спасибо, милые, спасибо за вашу помощь; но он не переносит вина. Вот и оправился уже. *(Отводит Антыня в сторону, оба тихо разговаривают.)*

А н т ы н ь

Батя, ослабели силы:
Третий день уж, как не ел я.

Н и щ и й

Здесь вот семечки: по снегу
Рассыпали их для птичек.
Съешь одно и подкрепишься.

А н т ы н ь

Батя, хлеба, тело слабо!

Н и щ и й

Съешь одно! Не надо боле.
И одно восставит силы.
Тяжесть хлеба вниз потянет,
Не допустит до вершины.
(Кладет в рот Антыню семечко.)

А н т ы н ь

Грудь сгорит, а не достигну!

Н и щ и й

Ты, быть может, цель отвергнул,
Оттого и не достиг ты. . .

А н т ы н ь

Вверх меня сердечный пламень
Поднимал,— стремил, свиваясь!
Об одном в пути я думал:
О фиалочке я думал.

Н и щ и й

Но не для тебя фиалка!
Красота от цели клонит.
О высокой дали думай!

А н т ы н ь

В пустоту смотреть так трудно!
Дай мне цель, отец, прямую.
Крупных слез глаза принцессы
Полны там, в стеклянном гробе...
Красота там вместе с сердцем!

Н и щ и й

Торопись к коню золотому!
Оба поспешно уходят.

СЦЕНА 13

Н а р о д

Вот, вот, идет сам толстый барин!

Б а р и н (*пышно одетый,
подходит со спутниками к горе, около которой его слуги
уже разостлали ковры*)

Положите ковры сюда!

Слуги исполняют приказание.

Положите тут подушки!

Теперь поднимите меня вверх! Держите крепко! Пустите, теперь я сам поднимусь. (*Падает вниз.*)

Марш назад! Соберите все ковры и подушки!

Уходит со всеми слугами; люди смеются и кричат «ура!»

О д и н и з з р и т е л е й

Вот тебе и на! Пришел со всей свадебной постелью,
а теперь едет домой!

Второй

А вот и наш угольщик! Своими измазанными руками старается прилипнуть к стеклу. Идет дело!

Угольщик несколько поднимается, но другие стаскивают его вниз.

Вот тебе раз, свои же стаскивают.

Народ опять кричит «ура!» и смеется.

Пьяница (*подходит к горе, присматривается*)

Подождите, вот будет дело, как я начну. Надо только подкрепиться. (*Выпивает из бутылки.*) Ну, вот теперь. Дайте дорогу! (*Хочет разбежаться, поднимает руки вверх, но шатается.*)

Первый (*пьянице*)

Ноги у тебя слабые, шатаются. Подкрепишь еще немного!

Пьяница

Хорошо сказано. Надо подкрепиться. (*Выпивает.*) Ура! (*Опять шатается, его поддерживают.*) Эх, пусть останется на завтра, пусть принцесса поспит еще денек.

Уходит. Люди смеются.

Мальчики и молодые парни (*со смехом подходят к горе; некоторые имеют с собою саночки*)

Ребята, давайте будем взбираться! Держись! Айда! Катись, на санках! (*Поднимаются, некоторые падают, другие катятся на санках.*)

Соскользнувшие

Будем опять подниматься! Айда!

Поднимаются и вновь падают. Народ сопровождает их падение возгласами.

Первый

Им что за дело! Падают и вновь поднимаются! Им все смешно. Теперь-то они могут надо всем смеяться, но что будет, когда они подрастут?

СЦЕНА 14

Входят Берн и Липст.

Второй

Глядите, вот идут два злобных брата.

К горе подходят оба брата и спорят между собою.

Берн (*с мешком через плечо*)

Пусти меня раньше, я старше.

Липст

Иди, иди! Ты полезай там, а я тут.

Оба поднимаются.

Берн (*поднявшись довольно высоко*)

Липст, мешок тянет меня обратно.

Липст

Брось мешок вниз!

Берн

С ума ты сошел? Чтобы другие забрали мои денежки! Возьми ты мешок, но потом честно отдай мне его обратно!

Первый

Брось, брось нам денежки! Ха-ха-ха! (*Второму.*) Этот уже не бросит. Но кто хочет достигнуть вершины, должен отказаться от всяких земных благ!

Берн

Скорее, Липст, скорее! Возьми, а не то я упаду! Ой! Ой!

Падает, народ кричит «ура!» и смеется.

Липст (*вися на горе*)

Ну, вот видишь, не хотел сбросить! А тебя самого мешок стащил вниз!

Б е р н

Ах ты, черт этакий! Зачем ты не взял! Вишь, какую хитрость придумал и держится. А мне, своему родному брату, ничего не сказал. Постой, я тебе!

Л и п с т

Ха-ха-ха! Видишь ли теперь, что я умнее всех? У меня острые когти, я их у лисицы отрезал!

Б е р н

Проклятый обманщик! Ты младший,— это я имею право на принцессу!

Л и п с т

Ха-ха-ха! Отсюда с высоты я смеюсь над твоими правами.

Б е р н

Черт бы тебя побрал! Гром и молния на твою мошенническую голову! Пусть глаза твои ослепнут от блеска горы! Свались ты с самой вершины и разбейся на тысячу кусков!

Народ смеется.

П е р в ы й

Вот нежная братская любовь!

Л и п с т

Ха-ха-ха! Лопни ты сам на ровном месте от зависти! Ты лишь навоз по сравнению со мною! Ха-ха-ха!

Вдруг перед Липстом появляется Черная Мать и ногой наступает на его руку; Липст сильно вскрикивает от испуга и падает вниз. Народ кругом взволнованно кричит и размахивает руками; одновременно раздается второй крик — Берна и возгласы среди народа: «Ой! Ой!»

П е р в ы й (спешит ближе к толпе около Липста и обращается к тем, которые стоят впереди)

Вот, оба пропали! Навалился прямо на брата! И брата убил, и сам убился!

Второй

О! О! Они пожелали друг другу смерти, и пожелания обоих исполнились!

Первый

Но кто же теперь посмеет подниматься, после того как их постигла такая злая участь?

Второй (указывая в правую сторону, откуда слышен сильный людской говор)

Что там такое? Чего там сбежались? А, там поставили большую лестницу! Это для принца. Другим этого не позволяют. Но все-таки хватит ли у него храбрости, чтобы подниматься? Ведь опасно и с лестницей.

Первый

Король избрал его себе в зятя и другому своей дочери не отдаст, будь это хоть сам сын солнца. Да и не посмеет: побоится, как бы принц не пришел со своим войском и не разгромил всего царства.

Второй

В таком случае этот принц и получит нашу принцессу. Но для нас тогда настанут тяжелые времена. Принц свиреп как сам черт. Это все его люди твердят. Что-то будет? Что-то будет?

СЦЕНА 15

Входит принц со своими спутниками. Принц подходит к лестнице. Народ кричит: «Глядите! Глядите!» — Тем временем на скалах появляется золотой всадник, на золотом коне и с золотым щитом.

Народ

Видите?! Там! Там!

Первый

Золотой конь! Золотой конь! Золотой щит!

Принц (*в гнѣве кричит, но его
заглушают восторженные крики народа*)

Остановись, всадник, остановись! Принцесса принадлежит мне!

Первый

Сын солнца берет принцессу! Ведет к нам солнышко! Конец теперь всем печалям. Радуйтесь, ликуйте! воспряньте!

Народ (*ликуя*)

Сын солнца вернул нам солнышко! Поднялся! Поднялся! Воскресение! Воскресение!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Вершина стеклянной горы, покрытая снегом; деревья в инее; зеленоватые и синеватые ледяные скалы. Посредине — стеклянный гроб с принцессой. Кругом семь воронов сидят в дремоте, свесив головы. По всей вершине синеватый дневной свет. Мимо проходит Мать снегов со своими снежными детьми и Мать ветров с духами ветров, которые трубят в берестовые трубы. Вместе с ними идет Белый Отец в виде дедушки-мороза; это маленький старичок в белом одеянии, с серебряным топориком в руках; на голове у мороза белая горностаевая шапка.

Часы бьют одиннадцать. Мороз ударом по дереву или скале прибавляет двенадцатый удар и тихо смеется. Другие тоже тихо смеются и проходят мимо, завывая.

Спящие вороны приподымают головы, вместе с ударами часов, вытягивают шеи и расправляют крылья, как будто проснувшись после долгой спячки; говорят сквозь сон.

СЦЕНА I

Семь братьев воронов.

Первый

Было так и будет так, — кра!

Второй

Спит она и будет спать, — кра!

Третий

Дни за днями, год за годом, — кра!

Четвертый

Вот семь лет, а кто разбудит? — кра!

П я т ы й

Минет семь и семьдесят,— кра!

Ш е с т о й

Тщетно им надеяться,— кра!

С е д ь м о й *(быстрее)*

Стужа, холод, тьма, конец. Кра!

Все, каркая, тихо смеются.

П е р в ы й

Кра, братец! Мне кажется, часы пробили, часы судьбы — кра! — Язык хочет говорить — кра! — Семь лет молчал он — кра! Трудно слово произнести — кра!

В т о р о й

Кра, братец! Чего нам тут говорить — кра? Я все знаю, что можно выразить словами. Ты, старший брат, семисотлетний, знаешь даже все, чего не выразить и словами — кра! Мы, семь братьев, знаем все семь мудростей. Что же могли бы мы сказать друг другу? — кра!

Т р е т ь и й

Кра, братец! Мы молчали семь лет — кра! и будем опять молчать семьдесят семь лет — кра! Чтобы подумать о том, что было и чего не может быть,— кра! Чтобы мы за время сна сделались умнее всех, кра!

Ч е т в е р т ы й

Кра, братцы! Мы были приставлены стеречь принцессу, которую взяла в плен наша Черная Мать,— кра! Мы должны были молчать, чтобы нечаянно не произнести имя принцессы; и ведь только силою ее имени можно открыть ледяной гроб!

П я т ы й

Кра, братцы! Теперь можно смело говорить, мы кругом все обыскали; тут нет ни одной живой души.

Ш е с т о й

Кра, братцы! А смотрели вы в ее гробу?

Все

Да! Смотрели и там.

Седьмой

Кра, братцы! А искали ли вы на ее губах? Кра!

Все

Да, да! Искали!

Пятый

Кра, ее губы бледны и сомкнуты!

Второй

Кра, а искали ли вы в ее глазах? — Кра!

Все

Да! Искали!

Пятый

Кра! Глаза ее без блеска, как стеклянные, они покрыты слезами!

Первый

Кра, братцы! А искали ли вы в ее сердце? — Кра!

Все

Да, да! Искали,— кра!

Пятый

Кра! Ее сердце тихо, как наш сон, не бьется. На нем лежит окоченевшая фиалка!

Седьмой

Кра! А не осталось ли проблеска жизни под крылышками ее души? — Кра!

Все (*взволнованно, сердясь*)

Кра! Кра! Кра!

Пятый

Кра! Сама Черная Мать искала там, когда взяла принцессу под свою защиту, кра! кра! кра!

Первый

Кра! Уже не хочешь ли ты, столетний, самый младший из нас, быть умней предвечной Черной Матери? — Кра!

Седьмой

Я больше ничего не говорю. Делайте как знаете, кра!

Первый

Кра! Так что же? Значит, никто ничего опасного в ней не заметил? Кра!

Второй

Мне показалось, что принцесса тосковала и во сне мечтала об чьих-то алых, теплых устах! кра!

Все (смеются)

Кра! Кра! Кра!

Третий

Мне показалось, что внизу зажглось чуть заметное зарево, поднялось и погасло,— кра!

Все (смеются)

Кра! Кра! Кра!

Пятый

Мне показалось, что стеклянная гора вдруг дрогнула под медными подковами коня, но вскоре снова все притихло,— кра!

Все (смеются)

Кра! Кра! Кра!

Шестой

Мне показалось, что там внизу карабкались на гору женихи! Кра! Ха! Ха!

Все (*смеются еще сильнее*)

Ха, ха, ха! — Кра! Карабкались! Карабкались! —
Ха, ха, ха!

Голос жаворонка тихо раздается и потом смолкает.

Пятый

Кра, кра, братцы! Мне показалось, что где-то близко
пропел жаворонок, кра!

Все (*взволнованно*)

Кра! Кра! Кра! (*Взлетают, но скоро опять опускаются.*)

Шестой

Кра! Затих. Не бойтесь, то был лишь отзвук былых
воспоминаний, из семилетней дали! — Кра!

Седьмой

Чу! Как будто снова дрогнула гора под ударами се-
ребряных подков. И крышка гроба лопнула! Кра!

Пятый

Кра! Давайте-ка посмотрим, где лопнула она! Кра!
Все поднимаются и летают вокруг гроба.

Пятый

Вот трещина.— Кра!

Шестой

Тут щелочка,— кра!

Третий

Тонкая, как серебряный волосок,— кра!

Первый

Кра! как ни тонка, а все ж и сквозь нее душа прин-
цессы может ускользнуть. Кра! Посмотрите, закрыты ли
уста принцессы? Ах! Мой правый глаз вдруг потемнел,—
кра!

П я т ы й

Ее губы бледны и крепко сжаты,— кра!

Ш е с т о й

Но один уголок открыт! Чуть-чуть! На острие булавки,— кра!

П е р в ы й

Хотя бы и меньше! Но ведь и так душа принцессы может ускользнуть, кра! Скорей закройте трещину!

В с е

Кра! Кра! *(Становятся у изголовья гроба и дуют на лед.)*

П е р в ы й

Кра! Но кто ж сломал вдруг крышку?

Ш е с т о й

То была золотая подкова коня; от нее и гора содрогнулась! Кра!

П я т ы й

Нет, это старый Мороз вздумал попробовать, крепко ли держится наша гора, да, видно, слишком сильно ударил! — Кра!

С е д ь м о й

А тут ли душа-то? Не ушла ли из гроба? Кра!

Т р е т ь и й

Уж не она ли пропела тут жаворонком? Кра!

П е р в ы й

Кра! Голос жаворонка слишком груб для бабочки ее души,— кра! Ведь бабочка стрекочет мельче стрекозы,— кра!

П я т ы й

Кра! Поищем, не улетела ли бабочка? Кра!

Все

Кра! Кра! Поищем,— кра!

Седьмой

Послушай, старший брат, мне кажется, что у тебя что-то есть на ресницах правого глаза? Уж не бабочка ли это? — Кра! Почему у тебя правый глаз вдруг потемнел? Кра!

Первый

Кра! Кра! Что ты, выключить мне его хочешь, что ли? — Кра! Погляди-ка лучше, нет ли чего на твоём черном языке? — Кра!

Седьмой

Я больше ничего не говорю; делайте как знаете,— кра!

Первый

Кра! Мне кажется, что мы проспали,— кра! Мне кажется, что час уж пробил, час судьбы, и заколдованное время миновало, то время, когда придет сын солнца,— кра!

Второй

Мне тоже кажется, что этот час уже пробил, кра! Теперь принцесса никогда уж более не встанет, кра! Заснет, и незачем нам будет стеречь ее, кра!

Все

Кра! Нам тоже кажется, что пробило двенадцать,— кра, кра, кра!

Седьмой

Кра! Всего одиннадцать ударов сосчитал я, двенадцатый мне показался треском от Мороза,— кра!

Другие

Двенадцать, двенадцать,— кра, кра, кра! Минул заветный час! — Кра! кра! Победа! победа! кра! кра! кра!

С е д ь м о й

Я больше ничего не говорю, делайте как сами знаете,— кра!

Т р е т ь и й

Ну, принцесса Солнцедумка, теперь ты спи спокойно, не принесет тебе тепла и солнца твой долгожданный избавитель! — кра!

С е д ь м о й

Кра! Что вы сделали? Зачем упомянули ее имя! Кра! кра! кра!

В с е

Кра! Не придет больше,— кра! Победа,— кра!

В т о р о й *(протяжно зевая)*

А! Кра! Теперь можно и прилечь, поспать как следует!

Голос жаворонка раздается громче и два раза.

В с е

Ой, ой, ой! Кра! кра! кра!

Ш е с т о й

Кра! Но ведь уже пробило двенадцать! Наверно, это жаворонком чирикнул филин, хотел лишь подразнить нас; тоже, небось, обрадован победой! — кра!

С е д ь м о й

Кра! А не скрывался ли в жаворонке Белый Отец, не подслушал ли он тайное имя принцессы, которым можно ее воскресить? — кра!

Ш е с т о й

Да и Мороз-то был ли настоящий? кра! Не Белый ли Отец приходил сюда под личиной Мороза? — кра!

В т о р о й

Кра! Ох, у меня в горле что-то першит,— кра! Уж не Белый ли Отец забрался туда и чирикал там жаворонком? — кра, кра!

С е д ь м о й

Когда ты спал, у тебя клюв был раскрыт! Он легко мог забраться туда,— кра! Давай-ка поищем у тебя в горле!

П е р в ы й

Кра! Ты мне, старшему брату, собирался выключить глаз,— кра! Теперь хочешь второго за горло душить! — кра!

С е д ь м о й

Я больше ничего не говорю! Делайте как знаете,— кра! Но ты, второй брат, закрой, по крайней мере, свой клюв, чтобы жаворонок не смог улететь. Там мы наверное его поймаем! — кра!

П е р в ы й

Кра! Помолчим еще один последний час, пока не пробьет тринадцатый — первый по нашему новому счету,— кра!

В т о р о й

Сейчас придет Черная Мать и освободит нас от службы. Тогда кончится этот синеватый свет льда и наступит — кра — полная тьма! Кра!

Все опускают головы, собираясь спать. Тишина.

СЦЕНА 2

Часы бьют двенадцать. Во время одиннадцатого удара вдруг темнеет и весело раздаётся: «Кра! кра! кра!» Но вместе с двенадцатым ударом темную сцену пересекает узкий луч света.

П е р в ы й в о р о н

Кра! Кра! Кто здесь? Кра! Закройте крыльями! кра! кра!

В с е

Кра! Кра! Кра! *(взмахивают крыльями в сторону света.)*

Начинает дуть ветер; слышен шум как будто от ударов подков по скалам. Треск льда. Появляется Ан ты н ь в золотых, освещенных

солнцем доспегах. Вороны отступают туда, где еще темно. Навстречу Антыню, из темноты, несется душа принцессы в образе блестящей бабочки.

Первый ворон

Кра! С моего правого глаза что-то улетело, — кра!
Теперь я вижу яснее, — кра!

Второй

Кра! Это была бабочка-душа, — кра! Чудо! чудо! кра!

Все

Ловите ее, — кра! Ловите ее, — кра! (*Бегут за бабочкой, но отпрянули от блеска Антыня.*)

Первый (*указывая крыльями на Антыня*)

Как страшно блестит он! — кра!

Второй

Нет силы смотреть! — кра!

Третий

Негде укрыться! — кра — кра!

Бабочка-душа тем временем опустилась на правое плечо Антыня.

Антынь (*бабочке*)

Красивая крылаточка, солнечная пчелка! Кто ты такая, что первая летишь мне навстречу в ледяном доме зимы?

Бабочка

Тир, тир, тир!
Да, я бабочка,
Да, я душенька,
Той твоей царевночки,
Милой Солнцедумочки.
Ты свое ушко открой,
Ты меня в сердечке скрой,
Пусть твоя внимает душенька,
Что поет твоя царевночка.
Тир, тир, тир!

А н т ы н ь

В долгой скорби солнце знало,
Что зовет далекий голос,
Что из дали звезды манят!

В т о р о й в о р о н (*во мраке*)
Чудо! Чудо! кра! Из моего рта что-то вылетело!

С е д ь м о й

Кра! Нечего удивляться, если рот разинул. Из него,
наверное, жаворонок вылетел! Кра-кра!

Ж а в о р о н о к (*вылетел из тьмы
к свету и сел на левое плечо к Антыню*)

Чиришь, чиришь, чиришь!
Слышь, Солнцеводец, слышь!
Солнцедумочка-царевна!
Этим именем победно
Гроб ее растворишь!
Чиришь, чиришь, чиришь!

П е р в ы й в о р о н

Кра! Нас обманули,— кра! Нас обокрали! — кра! Мы
ограблены! — кра!

В с е

Обмануты,— кра! обокрадены,— кра! Ограблены,—
кра! кра! кра!

П е р в ы й

Жаворонок украл у нас имя принцессы,— кра! Белый
Отец обманул нас,— кра! Зачем вы впустили его? — Кра!

В т о р о й

Кра! Кра! Белый Отец обернулся жаворонком и, по-
куда спокойно зевал я,— кра! забрался обманом мне
в рот,— кра! кра!

Ж а в о р о н о к (*на плече Антыня,
чирикая, смеется*)

Чирик! Чирик! Зачем же вы спите с раскрытыми
ртами? Какие же вы сторожа после этого? Чирик! Ты,
второй, хорошо меня спрятал от своих же кра-братьев,

во рту у себя. Чирик! а когда надо мне было улететь, ты в удивлении сам раскрыл рот и дал мне свободу! — чирик!

Вороны (перебивая друг друга)

Врун,— кра! Лгун,— кра! Вор,— кра! (Прыгают от злости и бьют крыльями.)

Жаворонок

Ха, ха, ха! Чирик! Я проник сюда под видом Мороза, чирик! Когда пробило одиннадцать, я топориком прибавил двенадцатый раз, чирик! Чтобы вы думали, будто время прошло, и с радости проболтали бы мне тайное имя принцессы,— чирик!

Вороны прыгают и каркают от злости, рвут на себе перья.

Жаворонок

Чирик! Прыгайте от злости, рвите перья, чир-чирик! Кра! братья, чирик! Глупые башки! чирик! лежебоки, чирик!

Вороны

Врун,— кра! Лгун,— кра! Белый вор,— кра! Хитрец старый,— кра! Бедных воронов обокрал,— кра! кра!

Бабочка

Тир, тир, тир!
Я раньше, раньше жаворонка,
Сначала, раньше слушала,
Свое ловила имечко,
Тир, тир, тир, тир!
В себе я чуяла,
Что ты — спасение,
И так сказала душеньке,
Тир, тир, тир, тир!

Антень

В долгой скорби сердце знало,
Что зовет далекий голос,
Что из дали звезды манят!

Первый ворон

Кра! Все мы вместе виноваты,— кра!

Второй

Кра! Нет нигде правды,— кра!

Третий

На кого теперь положиться? Кому верить? Кра! Кра!

Четвертый

Светлеет все сильнее,— кра!

На сцене понемногу рассветает.

Пятый

Кинемся к ним! Накроем их крыльями,— кра!

Шестой

Его лицо сияет, как снег на солнце,— кра!

Седьмой

Его взор как молния,— кра!

Первый

Его одежда пылает, как печь,— кра!

Второй

Наши крылья ударяются об его лучи, как об стеклянные стены,— кра!

Третий

Мои глаза как в огне,— кра!

Четвертый

А у меня в глазах острые ледяные иголки,— кра!

Пятый

Мне словно снежные сугробы давят голову,— кра!

Все, каркая, отступают назад.

А н т ы н ь

Что вы каркаете, воронята? Что машете крыльями? Идите на покой, устали, небось, сторожить!

П е р в ы й в о р о н

Кра! Почему он так ласково говорит? Кра!

В т о р о й

Кра! Нет у него ни меча, ни шпаги, а все же он побеждает нас,— кра!

С е д ь м о й

Кра! Он еще издевается над нами,— кра!

А н т ы н ь

Я, воронята, не издеваюсь над вами! Вы так хорошо стерегли принцессу, что за всю длинную зиму с ней ничего плохого не произошло. Ее отдых ни разу не был нарушен. Спасибо вам, добрые воронята!

С е д ь м о й

Кра! Он еще благодарит нас; когда мы уже побеждены, хочет нас обмануть своим ласковым обращением; кра!

А н т ы н ь

Зачем мне обманывать вас, воронята? Мне ведь больше ничего не нужно,— только воскресить принцессу. Вы ведь с нею вместе были здесь в плену, на горе. Теперь и вам можно улететь отсюда.

П е р в ы й в о р о н

Кра! Мы никуда не улетим, не отдадим тебе принцессу, кра! Мы не позволим тебе взять ее у Черной Матери и вернуть Белому Отцу, кра! Закройте гроб крыльями, кра! В крышке гроба есть уже трещинки, закройте их своим телом, кра!

А н т ы н ь

Воронята, идите на покой, прошло ваше время.

Вороны

Кра! Кра! Кра! (*Ложатся с распростертыми крыльями на гроб.*)

Антынь (громко)

Солнцедумочка!

Как бы удар грома; воронята отскакивают от гроба, гроб открыт.

Жаворонок

Чиришь! Вот ваш тринадцатый удар! То час вашей судьбы, вороны. Чиришь! Теперь начинается новое время! Чиришь!

Вороны

Кра! Кра! Кра! Ой, ой, ой!

Первый

Что случилось! Что же будет! Кра!

Седьмой

Стуже, мгле, зиме конец! Кра! кра! кра!

Жаворонок

Вороны, бегите! Чир-чиришь!
Больше нет для вас тут места! Чир!

Антынь (*тихо подходит ко гробу, тогда как вороны наконец отступают влево и исчезают.*
Став у гроба, Антынь тихо зовет)

Солнцедумка! (*Опускается у гроба на колени и, нагнувшись над ним, плачет.*)

Жаворонок

Дальше здесь и мне не место.
Тает лед от слез горячих;
В поле мчусь — поведать людям,
Что опять вернулось солнце! Чир, чиришь!

СЦЕНА 3

Входит с левой, вороньей стороны Черная Мать.

Черная Мать (*воскликает*)

Отец Белый, многоликий,
В виде истинном предстань здесь!

Белый Отец (*входит в образе
Мороза, с правой стороны от Солнцеводца*)

Матерь Черная, что надо?

Черная Мать

Ты всегда прядешь обманы!
Ложью вырвал мою долю,
Но еще моя — принцесса!

Я приду, я одолею.
Гроб пустым не будет! Мой он,
А с ним вместе — этот парень!

Белый Отец

Матерь Черная, сочтемся!
Бери парня, если можешь,
Но оставь мою мне долю!

Черная Мать

Не поддерживай ты парня —
И твоей не трону доли.

Белый Отец

Больше я над ним не властен.

Черная Мать

Вот своим ты связан словом.
Слово — прочной сети крепче!

Оба исчезают, каждый в свою сторону. Антынь остается один,
у него на плече бабочка-душенька.

СЦЕНА 4

А н т ы н ь *(стоя перед гробом,
тихо)*

Солнцедумка! Солнцедумка!
Ты избавлена от смерти!
Взор ее ты видишь, раньше
Видевши ее лишь в грезах!

(Осматривается и припоминает.)

Синие стекла, зеленые льды,
Белое, снежное платье в середине,
Бледные, лунные щеки в середине,
Длинные кудри, что солнце, в середине,
Душенька, в сне онемелом, в середине. . .

Д у ш е н ь к а

. . . И Солнцедумка, что дремлет в середине!

А н т ы н ь

Лейтесь вольно, лейтесь, слезы,
Льдинки тающей весны!

Открывайся, сердце! — грезы
Пред тобой воплощены,
Что семь лет в плену томились,
Что всю жизнь в душе хранились!

Д у ш е н ь к а

Полно плакать, мальчик милый!
Лед твои прорвали слезы!
Осуши другие щеки:
Солнцедумочка семь весен
Дожидалась Солнцеводца!

А н т ы н ь

Полно, слезы! Вы — бессильны!
Об себе жалеть довольно!

(Опускается на колени и наклоняется над гробом.)

Светлым взором там я вижу:
Крупными слезами полный
Взор, меня сюда приведший,
Давший знак моим мечтаньям!

Душенька

Слезы закрывают веки.
Выпей крупные те слезы:
Этим ты глаза раскроешь.

Антынь

Выпью крупные те слезы.
(Целует Солнцедумку в глаза.)
В сердце слезы принимаю,
Вы теперь, глаза, откройтесь!

Душенька

Ах, кончаются те слезы,
Мы теперь глаза откроем!

Антынь (смотрит на открыв-
шую глаза Солнцедумку)

Синяя вода живая
Блещет, ото льда свободна!
Солнцедумочка восстанет,
Глазки блещут, губы немы...

Душенька

Ей уста распечатлей ты!

Антынь

Как то сделать?

Душенька

Поцелуем.

Антынь

Но не для меня те губы.

Душенька

Для того, кто их раскроет.
Не раскроешь — будут немы;
Не обдашь дыханьем теплым —

Сердцу быть холодным вечно!
Душенька, куда пойду я?
Мне сюда нельзя вернуться.
Льды опять закроют сердце,
И погибну я, блуждая!

А н т ы н ь

Ты таилась в сердце? Как же
Ты от воронов укрылась?

Д у ш е н ь к а

Там под столами глубоко
Вздохами я прикрывалась!
Уст врата открой скорее,
В сердце вдунь скорей дыханье!

А н т ы н ь (*целует Солнцедумочку
в губы, восклицая*)

Душенька, крылатый образ!
Краска заливает губы,
На щеках как будто отблеск!
Мне и холодно и жарко!
Где укроюсь! куда денусь?

Солнцедумка понемногу просыпается и начинает двигаться.

Д у ш е н ь к а

Видишь: пальцы тихо гнутся,
Онемело-ледяные!
Руки, спавшие так долго,
Поднимаются, проснувшись!
Онемелая фиалка
Расправляет лепесточки!

А н т ы н ь

Небо — голубое чудо!
Члены оживают; руки
Тянутся, как на молитве;
Губы словно жаждут молвить!
Солнцедумка! Солнцедумка!
Посмотри, где солнце всходит!

Душенька

Дай же руку Солнцедумке,
Помоги же ей воскреснуть!

(Немного спустя.)

И в оттаявшее сердце
Возвращаюсь я обратно.
И меня ты не увидишь!
Лишь с твоей душою ночью
Тихо говорить мы будем,
А потом совсем сольемся,
После всех веков разлуки!

Бабочка поднимается на воздух и потом исчезает во гробе. Антынь смотрит ей вслед. Солнцедумка, лежащая в гробу, подняла голову.

Антынь

Душенька твоя вернулась
В дом родной свой, в свое сердце!
Встань сама ты, Солнцедумка!

Подает руки Солнцедумке. Она приподнимается и садится в гробу.

Солнцедумка *(тихо и медленно)*

Так пришел ты, Солнцеводец?

Антынь

Да, пришел я с новым солнцем.

Солнцедумка

Долго ль я спала, скажи мне.

Антынь

В ледяном гробу семь весен.

Солнцедумка

Помоги встать, Солнцеводец!

Антынь

На руки мне обоприся!
(Поднимает Солнцедумку из гроба.)

С о л н ц е д у м к а
Как твои пылают руки!

А н т ы н ь
Кровь горячая в них — солнца!

С о л н ц е д у м к а
Сон еще в глазах поныне.

А н т ы н ь
Выспишься в доме отцовском.

С о л н ц е д у м к а
А когда придешь ты снова?

А н т ы н ь
В день твоей приду я свадьбы.

С о л н ц е д у м к а
Вот мой перстень. У кого он,
Лишь тому принадлежу я.
Ты возьми, храни мой перстень.

А н т ы н ь
Никому его не дам я.

Солнцедумка снимает перстень со своего пальца и надевает на палец Антыню.

С о л н ц е д у м к а
Ты его держи на пальце,
Знай: я без него не встану!

А н т ы н ь
Будет вечно он со мною!

С о л н ц е д у м к а
Словно лед во взорах тает,
Ты мне виден как в тумане,
И тебя я не узнаю,
Если будешь ты без перстня.

А н т ы н ь
Вечно будет он со мною!

С о л н ц е д у м к а
У тебя глаза какие?

А н т ы н ь
Синие цветы фиалки.

С о л н ц е д у м к а
У тебя какие кудри?

А н т ы н ь
Белый лен под светом солнца.

С о л н ц е д у м к а (*немного спустя*)
Отнеси меня в наш замок.

А н т ы н ь
Солнцедумка! Солнцедумка!
Я несу народу счастье!
(*Поднимает Солнцедумку и уносит.*)

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Большой празднично убранный зал во дворце короля. Налево — дверь в покои принцессы и короля; направо — входная дверь. Налево, на возвышении со ступенями, кресла для короля, принцессы и принца.

СЦЕНА 1

Король и принц.

Король

Будьте уверены, любезный принц, что и я не менее горячо ждал того дня, когда вам можно будет соединить руку с возвращенной нам из гроба моей дочерью. Теперь, после долгих лет страха и горя, я смогу наконец освободиться от этой тяжести.

Принц

Однако вы, повидимому, с этим не очень торопитесь! Вы постоянно откладываете день свадьбы: ведь прошло уже три месяца с тех пор, как принцесса находится среди нас.

Король

Ведь вы знаете: была опасность, что явится тот чужой принц, который снес мою дочь со стеклянной горы и потом, не говоря ни слова, так внезапно исчез.

Принц

Чужой принц! Это, наверно, был колдун или обманщик, иначе зачем было бы ему так таинственно исчезать.

К о р о л ь

Но все же он имел полное право на руку моей дочери, ибо ведь он один спас ее от смерти.

П р и н ц

Он лишился своего права, не явившись к вам до состязания и не исполнив его правил. К тому же своим внезапным исчезновением этот человек проявил неуважение к принцессе и к вам. У меня больше прав на нее. А в своей поддержке я вам никогда и ни в чем не отказывал.

К о р о л ь

Я все это, любезный сын, признаю с благодарностью, но все же хорошо, что тот принц не явился и что его не нашли мои посланные, которых я отправил за ним, чтобы дать удовлетворение народному чувству справедливости.

П р и н ц

Вы могли бы яснее проявить вашу благодарность и раз навсегда устранить с моего пути все те препятствия, с которыми мне еще приходится встречаться.

К о р о л ь

Я делаю все, что от меня зависит.

П р и н ц

От вас зависит также и добиться того, чтобы принцесса не относилась ко мне так равнодушно.

К о р о л ь

Ее любовь вы должны сами завоевать; тут моя власть кончается.

П р и н ц

Но пыл жизни остывает во мне при встрече со льдом смерти, а вы, может быть, еще подмораживаете этот лед.

К о р о л ь

Мое собственное благо вам может служить ручательством, что этого быть не может.

СЦЕНА 2

Входит принцесса со свитой. Принцесса, понуря голову, медленно двигаясь, как будто во сне, проходит мимо короля и принца.

К о р о л ь (*тихо принцу*)

А вот и принцесса! Она идет, чтобы нарядиться в свадебное платье! Смотрите! Она всегда такая: словно во сне, словно застывшая! Она всегда тихо дрожит, словно от какого-то внутреннего холода. Что я с этим могу поделать? Мое отцовское сердце содрогается от жалости. Ее мне вернули от смерти, но смерть еще сохранила власть над нею. Принцесса ждет, чтобы ее кто-нибудь разбудил. На вас вся моя надежда, любезный сын, и я надеюсь, что вы ее согреете своей горячей любовью и разбудите нежными словами.

П р и н ц

Со мною она нема и глуха. От нее веет таким холодом, что я боюсь к ней прикоснуться. Постарайтесь ее расположить ко мне, иначе я уйду, невзирая на свою горячую любовь, а если уйду, то уйду не как друг: вы знаете — я не принадлежу к числу мягкосердых.

К о р о л ь

Не волнуйтесь, мой сын!

П р и н ц

Я совершенно спокоен.

Принцесса, не подняв головы, проходит мимо.

К о р о л ь (*тихо*)

О, дочь моя!

П р и н ц

А на меня даже полвзгляда не кинула!

К о р о л ь

Увы, на меня, на отца своего, она пыталась взглянуть, но тяжелые веки опускались на полпути.

СЦЕНА 3

Король, принц; входит страж.

Страж (*королю*)

Было приказано искать того человека, который снес с горы ее высочество принцессу и взял ее кольцо. Человек этот найден, и он доставлен сюда.

Король

Хорошо, пусть войдет этот рыцарь.

Страж уходит.

Принц

Я намерен потребовать строгое удовлетворение от того, кто осмелился так недостойно играть моей честью и присвоить кольцо моей принцессы.

Король

Каков же собою этот таинственный рыцарь, который был тогда так роскошно одет в чистое золото?

СЦЕНА 4

Стражи вводят Антыню, держа его, как пленника. Антынь в такой же одежде, как во втором действии, без кафтана.

Страж

Вот он, государь!

Принц (*смеется*)

Так вот каков этот чужой принц и рыцарь, одетый в чистое золото! Рубашка из льняного шелка и золотые сапоги из лыка!

Стража смеется.

Король

Что это такое? Это, верно, недоразумение!

Стражник

Нет, государь! Это и есть обладатель кольца.

Принц (сурово Антыню)

Давай сюда кольцо!

Антынь (смотрит на принца, но потом поворачивается в сторону короля и кланяется)
Привет тебе, король!

Король

Здравствуй, юноша! Объясни, кто ты и где ты получил кольцо принцессы?

Антынь

Я — Антынь. Кольцо же мне надела на палец сама принцесса на стеклянной горе в то время, как я разбудил ее от долгого сна.

Принц

Ха-ха-ха, что за важный жених для принцессы!

Король (Антыню)

Значит, ты тот самый золотой рыцарь и принц, который снес вниз принцессу и положил ее в мои руки! Но где же твоя золотая одежда?

Антынь

Да, я — тот самый! Мою золотую одежду унес золотой конь. Мне она больше не нужна.

Принц

Ха-ха-ха! Хорошо сказано.

Король

Почему же ты скрылся, так что тебя надо было искать и доставить сюда, как преступника?

Антынь

Меня сюда не доставили. Я сам пришел сюда на свадьбу, как это и обещал ей, и принес кольцо, чтобы она его надела на палец и окончательно проснулась от сна.

К о р о л ь

Так давай сюда кольцо! Так и быть, я тебя сегодня по случаю свадьбы не буду наказывать, а одарю всем, что ты пожелаешь.

А н т ы н ь

Я ничего себе не желаю.

П р и н ц

Я тоже хочу быть великодушным. У тебя нет ни кафтана, ни сапог; я тебя одену в чистый шелк. Давай кольцо.

А н т ы н ь *(смеясь)*

Мне золотой конь приносил медное, серебряное и золотое платье; твоего шелка мне не надо.

П р и н ц *(в гневе)*

Я тебе могу дать столько денег, сколько ты сам носишь.

А н т ы н ь

Мне достаточно и своей собственной тяжести. Зачем же мне еще другую такую же? Тогда я не мог бы подняться на стеклянную гору!

К о р о л ь *(Антыню)*

Принц ведь добрый и хочет вместо наказания сделать тебя счастливым.

А н т ы н ь

Пусть он даст деньги моим братьям, те их любят.

П р и н ц

Нечего тут разговаривать! Этот нищий становится все нахальнее. Давай кольцо, а не то жестоко заплатишься!

А н т ы н ь

Я не дам тебе кольца.

К о р о л ь *(тихо принцу)*

Он, кажется, довольно простоват. *(Антыню.)* Дай мне кольцо, и ты будешь счастлив.

А н т ы н ь

Если отдам кольцо, то не буду счастливым, тогда принцесса никогда не проснется. Она сама сказала: «Не могу без него встать», и много раз мне твердила: «Не отдавай кольца никому!»

П р и н ц (*Антыню*)

Чего же ты хочешь? Может быть, ты, нищий, пришел сюда как победитель и хочешь жениться на дочери короля?

А н т ы н ь

Ох, господин, разве я достоин ее? Да разве есть вообще кто-нибудь, кто может быть достойным такой звезды небесной, как она? Нет, я хотел лишь разбудить ее от ее нового сна.

К о р о л ь (*тихо принцу*)

Ну, в таком случае пусть он наденет кольцо на руку принцессы. Вы видите, что он не оспаривает ваших прав, и простодушен как ребенок.

П р и н ц

Это невозможно. Это лишь совершенно напрасно взволновало бы принцессу. Надо взять его под стражу, чтобы он не натворил чего-нибудь. Бог знает, каким колдовством он получил кольцо!

К о р о л ь (*Антыню*)

Кто тебе помог подняться на стеклянную гору?

А н т ы н ь

Чужой отец.

К о р о л ь

Как понять такой ответ? Ну, а почему ты скрылся сейчас же после того, как принес принцессу, почему ты не просил ее руки?

А н т ы н ь (*как будто уклоняясь*)

Принцессе надо было окончить свой сон в твоём доме, а я обещал прийти только к ее свадьбе, чтобы ее опять воскресить.

К о р о л ь

Почему же ты не сказал мне, что вернешься?

Антынь стыдливо молчит.

Говори, юноша!

П р и н ц

Видно, совесть нечиста.

А н т ы н ь *(тихо)*

Да, нечиста! Мне стыдно!

К о р о л ь

Отчего же у тебя нечиста совесть?

П р и н ц

Оттого, что с помощью колдунов и злых духов он похитил со стеклянной горы принцессу и тем нарушил мои права. А почему он не показывался все время? Боялся, что будут его судить за колдовство!

А н т ы н ь

Что ты говоришь? Да разве злой дух — Отец, который спас принцессу от смерти?

К о р о л ь

Отвечай же, почему ты не приходил, чего стыдился? Ты уклоняешься от ответа.

А н т ы н ь

Я стыдился того, что у меня не было хорошего кафтана.

К о р о л ь

А теперь, однако, не постыдился предстать предо мною вовсе без кафтана?! Нет, ты говоришь неправду. Значит, ты обманщик и колдун.

А н т ы н ь

Ох, господин, я не обманщик и не колдун. Мне только стыдно, очень стыдно!

Принц

Нечего тут разговаривать!! Задержать его! *(Королю.)*
Вы слишком мягки и снисходительны к злоумышленникам.

Король

Но он ведь оказал мне благодеяние: он спас мою дочь.
(Антыню.) Ну, что ж, ты будешь отвечать?

Антынь молчит.

Король

Взять его!

Антынь

Бери меня, делай со мной что хочешь, милый король,
только бы принцесса была спасена!

Король

Но ведь ты сам говоришь, что без твоего кольца она
не может быть спасена.

Антынь *(припоминая)*

Да, господин, это правда! Значит, мне все-таки придется сказать... Да, да! Любезный король, я тебе это скажу одному, на ухо. Ты такой добрый и не будешь смеяться надо мной. Наказывать можешь сколько хочешь, только не смейся.

Король

Ну, говори!

Антынь *(тихо)*

Всю жизнь мне до слез было жалко принцессу, и я так мечтал спасти ее, но когда я увидел ее, тогда...

Король

Ну, что же?

Антынь

Тогда она мне очень понравилась,— но ведь этого не полагалось. Чужой отец сказал, что она не для меня, но она была так дивно прекрасна, что все-таки мне понравилась, и когда я нес ее вниз с горы, то поцеловал самый кончик ее левого уха. *(Падает на колени, со стыда закрывая глаза руками.)*

Король смеется.

П р и н ц

Почему вы смеетесь? Это серьезное дело. Его преступление должно быть раскрыто, и он подвергнут наказанию.

К о р о л ь (*смеясь*)

Он влюбился в принцессу.

Стражи смеются.

П р и н ц

Что же тут смешного? И как это такое ничтожество осмелилось на подобный шаг?

К о р о л ь

Дело ведь совсем не так опасно.

А н т ы н ь (*встает*)

А ты все-таки сказал...

П р и н ц

Вы, может быть, еще защищать его станете?

К о р о л ь

Любезный сын, вы сами видите, какой это божий человек. Он ведь вовсе и не требует руки принцессы.

П р и н ц

Пусть так; но все-таки вы его задержите и велите предать суду за колдовство и за то, что он осмелился поднять свои глаза на ее высочество.

К о р о л ь

А кольцо?

П р и н ц

Им я больше не интересуюсь.

К о р о л ь

Но от этого кольца зависит воскресение моей дочери.

П р и н ц

Все это рассказы и новое колдовство. Я не хочу иметь дела с подобными вещами. (*Уходит со стражей.*)

СЦЕНА 5

Король и Антынь одни.

Король (*Антыню*)

Сын мой, отдай мне кольцо, я передам его моей дочери.

Антынь

Ох, ох! А вдруг более она не воскреснет? Ты ведь ее отец, как же ты можешь так поступать?

Король

Дай мне, все будет хорошо.

Антынь

Горе мне, горе! Лучше возьми мою жизнь! (*Умоляет его на коленях.*)

Король

Отдай, мой сын, это нужно для блага принцессы.

Антынь

Возьми, коли так! (*Протягивает руку вместе с кольцом.*)

Король (*хочет снять кольцо, но не может*)

Не могу снять.

Антынь

Да, его нельзя снять. Я и сам не могу его снять. Оно срослось с пальцем.

Король

Чего ты опять меня морочишь? (*Зовет.*) Стража!

Входит стража.

Задержать его!

Стража уводит Антыню. Король дает знак одному из стражи, и тот остается.

Иди к начальнику двора, пусть он передаст принцессе, что отец желает еще раз видеть ее до свадьбы.

Страж уходит.

О, мое беспокойство! О, моя тревога! Милая дочь! Такой простой, милый юноша, и так ее любит! Да и она сама тоже. . .

Стража (*возвращается*)

Ее высочество сами идут сюда!

СЦЕНА 6

Входит принцесса со свитой.

Король

Ты уже идешь, сокровище моего сердца! Как ты прекрасна в своем торжественном одеянии! Серебро, зеленый шелк и голубая фата, спускающаяся с алмазной короны, где сверкает еще иней! О, как ты хороша, моя зимняя принцесса! Ты все еще живешь в своем стеклянном замке зимы и сна?

Принцесса (*тихо*)

Да.

Король

Ты так чудесно спасена от смерти и так чудесно нам возвращена, теперь ты отдохнешь на руках своих близких! Ты опять радуешь сердце отца, которое было так близко к отчаянию. Ты улыбнулась, дорогая моя?

Принцесса

Да.

Король

Когда ты ушла от нас, с тобою ушло все наше счастье. Наш дворец опустел; люди стали задумчивы, поля высохли и перестали родить хлеб; из лугов выползали змеи. Наши враги сделались сильными, а наша мощь ослабела. Наш народ обеднел, враг же стал богатым. Но теперь все это снова изменится. Дорогому принцу, который спас тебя, поднявшись на стеклянную гору, мы должны быть благодарны за столь неожиданное счастье. Он моя опора, и если он лишит меня своей поддержки, тогда гибель неизбежна. Ты что-нибудь сказала, моя надежда?

П р и н ц е с с а

Нет.

К о р о л ь

Но теперь ты спасена и делаешь нас счастливыми. А ты сама, ты чувствуешь себя тоже счастливой?

П р и н ц е с с а

Я не знаю.

К о р о л ь

С тех пор как ты встала из гроба, солнце повернулось в нашу сторону; зима стала отходить, и мы больше не боимся ее возвращения. Радуешься ли ты вместе с радостью всего народа, радость ты наша?

П р и н ц е с с а

Да.

К о р о л ь

Твоя радость слишком тиха и не находит слов — колокольчиков, чтобы звенеть ими. У тебя нет еще своей собственной радости, ты радуешься за других. Но сегодня наступил великий день. Когда ты отдашь свою руку милому жениху, тогда и ты тоже узнаешь радость. Нравится ли тебе твой принц?

П р и н ц е с с а

Я не знаю.

К о р о л ь

Он красивее всех других мужчин. Ты его еще не знаешь, но всмотришься в него.

П р и н ц е с с а

Туман мешает мне видеть его.

К о р о л ь

А ты помнишь, каким он был, когда пробудил тебя от долгого сна?

П р и н ц е с с а

Туман мешал мне видеть его, я помню только, как сверкала его золотая броня.

Король

Я его позову сюда, он тут же, поблизости, дожидается.
Позвать?

Принцесса

Нет.

Король

Почему ты так холодно относишься и к нему и ко всем нам? Почему ты так печальна? Может быть, ты не можешь еще преодолеть воспоминаний о своем долгом сне? Может быть, скучаешь о том, кто тебя воскресил?

Принцесса

Он не хочет вновь разбудить меня!

Король

Разве твое сердце не бьется для того, кто вынес тебя из ледяного гроба?

Принцесса

Мне холодно.

Король

Ах, дорогая моя, ты вновь уходишь от жизни, как в тот день, когда легла в гроб.

Принцесса

Я устала.

Король

Так мало жила и уже устала! Нет, нет, ты должна увидеть радость, чтобы и самой стать радостной! Вот идет принц, он не в силах был дожидаться твоего приглашения. Твое сердце еще не проснулось, мое милое дитя. *(Целует ее волосы.)* Я уйду и уступаю место принцу. *(Уходит.)*

СЦЕНА 7

Принцесса со свитой; входит принц.

Принц

Прекрасная принцесса, еще несколько минут, и на мою долю выпадет счастье получить вашу руку; позвольте мне ее пока поцеловать.

Принцесса (*сидит неподвижно*)
Да.

Принц (*опустившись на одно колено, целует ее руку*)

Холодная как лед! Неужели даже в этот день предчувствие счастья не волнует вашу кровь, не согревает ваше сердце и руку?

Принцесса
Нет.

Принц

Вы так холодны! Вы так неблагодарны к тому, кто вас разбудил и снес со стеклянной горы!

Принцесса (*тихо*)
Синие стекла, зеленые льды,
А посередине,— а посередине. . .

Принц

Вы произносите чужие слова! Вы не слушаете меня. Я вижу, что вы ко мне равнодушны. Позвольте мне уйти. (*Уходит.*)

СЦЕНА 8

Принцесса со свитой.

Принцесса (*еще тише*)

Солнцеводец! разбуди меня! разбуди меня! Синие — стекла — зеленые льды. . . Ах, спойте мне эту старую песню: она застыла в моем сердце, оледенела в памяти, я не помню ее. . .

Девушки (*вполголоса поют*)

Синие стекла, зеленые льды,
Белое, снежное платье в середине.
Синие стекла, зеленые льды,
Бледные, лунные щеки в середине.
Синие стекла, зеленые льды,
Длинные кудри, что солнце, в середине.

СЦЕНА 9

Входят король и принц. У принца на груди золотая броня.

Король

Дочка милая! вот пришел к тебе твой избавитель в той же золотой броне, в какой он был, когда поднялся на стеклянную гору. Теперь ты его лучше узнаешь. Дай ему руку,— сегодня ты станешь его женой.

Принцесса *(тихо, еле слышно)*

Ты ль пришел вновь, Солнцеводец?

(Немного приподнимает руку, протягивая ее принцу.)

Принц

Я здесь, ваше высочество! *(Берет ее руку.)*

Принцесса *(продолжает говорить тихим, усталым голосом)*

У тебя ледяные пальцы,

Как меня согреть ты сможешь?

Принц

Принцесса, у кого холодная рука, у того сердце горячее. Оно согреет вас, когда вы лучше узнаете меня. *(Отпускает ее руку.)*

Принцесса

У тебя какие кудри?

Принц

Черные, прекрасная царевна,— цвета ворона!

Принцесса

Как! Не цвета льна белее?

Принц

Ха-ха-ха! Таких у меня никогда не бывало. Такие волосы лишь у батраков.

Принцесса

У тебя глаза какие?

Принц

Черные, как угли, дорогая моя невеста, и сверкают, как искры!

П р и н ц е с с а
Не фиалки голубые?

П р и н ц
Ха-ха-ха! Синие глаза бывают лишь у пастухов,
а я — воин.

П р и н ц е с с а
Как чужда мне, Солнцеводец,
Речь твоя! Меня назвать ты
И по имени не хочешь!

П р и н ц
Прекрасная моя невеста, через минуту я назову тебя
по имени — и то будет мое имя! Вот здесь наш дорогой
отец. Он соединит навеки наши руки и наши имена.

П р и н ц е с с а
Солнцеводец, где мой перстень?

П р и н ц
Вот здесь, дорогая невеста, обручальное кольцо. Оно
ярко блестит своими алмазами. Пусть так же блистает
и наша общая с тобою жизнь! *(Надевает кольцо на па-
лец принцессы, но кольцо соскальзывает с пальца на пол.)*

П р и н ц е с с а
Не мое кольцо мне дал ты.
Видишь ли, оно упало!

П р и н ц
Дорогая принцесса, возьмите вот другое, на нем пы-
лает алый рубин так же ярко, как моя любовь, и так
мощно, как мое могущество! *(Надевает кольцо принцессе
на палец, но оно соскальзывает на пол.)*

П р и н ц е с с а
Не мое кольцо мне дал ты.
Видишь ли: оно упало!
Солнцеводец, где мой перстень?

(Плачет.)

Где ты, где ты, Солнцеводец?
Взор во мгле, тебя не видит!

(Встает и простирает руки.)

К о р о л ь

Дорогая дочь моя! Ты взволнована. Поди отдохнуть в свои покои. Мы будем продолжать празднество, пока ты придешь в себя. Принц принесет твое кольцо, и тогда мы пригласим тебя опять.

Принцесса со свитой тихо удаляется.

СЦЕНА 10

К о р о л ь и п р и н ц .

К о р о л ь

Это тот самый перстень, который принес сегодня утром молодой нищий. Он сказал, что без этого кольца принцесса никогда не проснется.

П р и н ц

Надо немедленно раздобыть это кольцо. *(Зовет)*
Стража!

Входит стража.

Возьмите кольцо у того нищего, которого привели сегодня утром! Спешите!

Стража уходит.

К о р о л ь

Вот и вам понадобилось кольцо, которое сегодня утром так мало интересовало вас только потому, что оно нужно было лишь для полного воскресения моей дочери! Придется отложить торжества; волнения могут повредить принцессе, и она снова уснет на долгие времена.

П р и н ц

Нет, нет, нет! Откладывать нельзя! Это ничуть не повредит принцессе, ей повредит лишь промедление. Надо поспешить! Я приказал уже своим людям устроить торжественные шествия... Они каждую минуту могут сюда явиться вместе со свадебными гостями и поздравлениями.

СЦЕНА 11

Входит стража.

Страж (*принцу*)

Всемилоостивейший принц! Кольца не получить нам! Нельзя снять его с пальца. Оно как будто приросло к руке.

Второй страж

Тончайшей ниточки не провести между пальцем и кольцом.

Принц (*внезапно в гневе кричит*)

Как осмеливаетесь вы явиться передо мной, не исполнив моего приказания? Что за разговоры! Вы в обморок готовы упасть; когда цыпленка режете! И еще называетесь воинами! Я надена железные кольца на ваши руки, тогда научитесь исполнять мою волю! (*Королю.*) Извините, государь, я иду, чтоб сам исполнить то, чего не могут совершить мои воины. (*Уходит со стражей.*)

СЦЕНА 12

Входят придворные, собираясь на свадебный пир; трубят трубы; девушки сыплют цветы; мальчики покрывают ступени трона коврами. Входит принцесса со своей свитой; над ней несут балдахин. Позже входит принц.

Король (*принцессе*)

Ты пришла, моя милая дочь! Настал торжественный миг. Достаточно ли у тебя силы?

Принцесса

Да.

Король

Вот идет наш дорогой принц.

Принцесса

Ты придешь ли, Солнцеводец?

(*Поднимает руку, чтобы протянуть принцу, но рука на полпути останавливается.*)

П р и н ц (держит в правой руке кольцо; в левой руке у него белый, забрызганный кровью платок)

Я приношу тебе, дорогая принцесса, кольцо, которое ты так желала. Этим же кольцом я обручаюсь с тобой как со своей женой и заключаю тебя столь же крепко в свои руки, как это кольцо обнимает твой палец.

Надевает ей кольцо на палец; принцесса на шаг отступает.

К о р о л ь

Милые мои дети! Дайте теперь друг другу руки на веки веков! Я, дитя, твою слабую ручку кладу в сильную руку твоего друга. Мое благословение да...

Принцесса вскрикивает и падает на руки отца.

СЦЕНА 13

У главных дверей на правой стороне шум; входят два стража, очищая дорогу, за ними семь воронов несут стеклянный гроб.
За ними — Черная Мать. Кругом смятение.

С т р а ж (идя впереди, восклицает)

Дорогу! Дайте дорогу! *(Останавливаются вблизи принца.)*

П р и н ц (тихо стражникам)

Что это значит?

С т р а ж

Не знаем, господин.

П р и н ц

Кто позволил войти поздравителям? Кто это такие?

С т р а ж (тихо)

Никто их не знает. Мы думали, что распорядители впустили лиц, назначенных для маскарада.

П р и н ц (тихо)

Таких масок мы не ждали. *(Громко шествию.)* Назад! Назад! Теперь не время!

СЦЕНА 14

Через главные двери входит и, проходя мимо гроба, останавливается слева Белый Отец в образе Мороза.

Белый Отец (*глухо*)

Не мешай, еще есть время!

Принцесса (*идя навстречу гробу*)

Синие стекла, зеленые льды,
Душенька окоченела в середине.

Черная Мать (*поднимая руку на принцессу*)

В дом вековой свой, во гроб ледяной,
К Матери Черной обратно вернись!

Принцесса (*тихо*)

Черная Мать! возвращаюсь назад,
В дом вековой свой, во гроб ледяной.
Вновь Солнцеводец ко мне не пришел,
Снова меня воскресить не сумел.

Черная Мать

Вновь я тебя принимаю,— иди!
(*Прикасается рукою к принцессе.*)

Первый ворон

Было так, так будет вечно,— кра!

Второй

Ты опять заснешь навеки,— кра!

Третий

День за днями, год за годом,— кра!

Четвертый

Год седьмой, где воскреситель? — кра!

Пятый

За седьмым — семидесятый! — кра!

Ш е с т о й

Тщетно гредишь ты о солнце! — кра!

С е д ь м о й

Холод, стужа, мрак, конец,— кра, кра, кра!

Все семеро смеются.

К о р о л ь

Дочка! милая дочурка!

(Хочет приблизиться к принцессе.)

П р и н ц е с с а *(уклоняется от отца)*

Нет, меня, отец, не трогай!
Смерть меня рукой коснулась,
И умрет, меня кто тронет!

К о р о л ь

Горе! горе! горе! горе!
Дочка, ты опять уходишь?

П р и н ц е с с а

Ухожу теперь навеки,
Счастлив будь, отец мой милый!

К о р о л ь

Не уходи, дитя мое, не уходи! Второй раз я этого не переживу. Увы! увы! увы!

П р и н ц *(очнувшись от удивления)*

Долой колдовство! Волшебник, прочь от моей невесты! Она — моя! Я первый наложил на нее свою руку.
(Протягивает руку к принцессе.)

Б е л ы й О т е ц

Ты умрешь: не прикасайся!

П р и н ц

Волшебники, ведьмы, колдуны! Стражники, берите их! Сюда, войны, сюда! Я вам приказываю.

Никто не трогается с места. Принцесса вступает в гроб и ложится.
Великая тишина.

Черная Мать
Белый Отче, многоликий!
Ты обманут, хитроумный!

Белый Отец
Не прийти клялась: пришла все ж!
Сам тебе помог я...

Черная Мать
Ныне
Отойти: ты словом связан,
Слово — прочной сети крепче,
Жди теперь, что в силах хитрость!

Белый Отец
Мать Черная! Того я
Жду, кто мой был и своим стал!

Черная Мать (*ворону*)
Что сказал он, старый ворон?
Все мое, и нет чужого!
Все возьму, все одолею,
В мире я одна останусь!

Первый ворон
Кра! Кра!
(*Замолкает.*)

Черная Мать
Что молчишь? Иль ты не знаешь?

Первый ворон
Знаю, но не понимаю. Кра!
То свое, что для другого. Кра!.
Кто отдаст, тот получает,
Победит, кто потеряет,
Устоит, кто изменится. Кра! Кра!

Белый Отец
Мать! Этого и жду я.

Черная Мать
Жди себе, я одолею!

Белый Отец
Так свою бери же долю!

Черная Мать (*вдронам*)
Что ж! мою берите долю!
В вечный дом ее несите!

Вороны обступают гроб и поднимают его. В народе ропот.

Король (*на коленях, с простертыми в сторону принцессы руками*)

Увы! увы! Что я сделал? Мое дитя, моя единственная дочь! Тебя опять берут от меня. Так возьмите же и мои старые дни! Несите и для меня гроб!

Принц

Черт и молния! Чтобы тебя все девять чертей побрали! Исчезните, привидения! Я один вас всех разгоню! Хватает меч и хочет кинуться на воронов. Белый Отец поднимает руку, вороны опускают гроб на землю и машут крыльями.

Король (*принцу*)

Ты ее убийца! Тебе я отдал свое единственное дитя, желал ей добра и принес смерть!

Вороны поднимают гроб с принцессой и идут.

Вороны (*все*)

Мы берем, что наша доля. Кра!
В вековечный дом уносим. Кра!

Старый ворон

Было так, так будет вечно. Кра!

Молодой ворон

Стужа, холод, мрак, конец. Кра-кра-кра!

Черная Мать направляется к дверям. В народе ропот и вздохи. Вдруг раздается громкий крик со стороны дверей.

Голос Антыня

Увы, увы!

СЦЕНА 15

Принцесса, лежащая в гробу, поднимает руку; вороны останавливаются и, каркая, опускают гроб на пол. В народе всеобщее тихое: «А! А!» Шум у дверей; через толпу пробирается Антынь; он попрежнему в одной рубахе, без кафтана, но рубаха местами разорвана и в крови.

Антынь (зовет)

Солнцедумка! Солнцедумка!

Принцесса поднимается в гробу и, сидя, вскрикивает; вороны машут крыльями, закрывая ее, и каркают.

Черная Мать (*простирая руку к Антыню*)

Ты умрешь, не приближайся!

Вороны летят навстречу Антыню и, размахивая крыльями, громко каркают.

Антынь

Мать Черная, ты кто же?
Мне твоей руки не страшно.
Пусть умру: она воскресла б!

Белый Отец (*Черной Матери*)

Ха-ха-ха! Отыди, Мать!

Черная Мать отходит.

Антынь (зовет)

Солнцедумка! Солнцедумка!
Встань! Иди ко мне скорее!

Принцесса (*стремительно встает из гроба, расталкивает воронов и с распростертыми объятиями бежит к Антыню. Черная Мать остается справа, Белый Отец — слева*)

Все ж пришел ты, Солнцеводец!

Антынь

Ай, моя ты Солнцедумка!

На миг застывают в объятиях. В народе — шепот, потом тишина

Белый Отец (*смеется*)
Опусти же руку, Матерь!

Черная Мать опускает руку.
Вспомни: смерть над тем бессильна,
Кто не побоялся смерти!

Черная Мать
Нарушитель всех законов!
Козни новые ты строишь.

Белый Отец
Ты напрасно обвиняешь:
Не моя здесь власть,— чужая.
(*Указывает на Антыня и Солнцебудумку.*)

Был он мой, но стал своим он,
Волей нашу власть разрушил,
Победил, себя отдавши.
Тот получит, отдает кто,
Победит, кто потеряет,
Устоит, кто изменится!

Черная Мать
Я возьму, я одолею.
Гроб остаться пуст не может.
Принцесса и Антынь опускают руки.

Принцесса
Где ты медлил, Солнцеводец?

Антынь
Ждал, когда ты дома кончишь
Страшный сон горы стеклянной.

Принцесса (*вдруг вскрикивает,
как бы припоминая*)
Солнцеводец! Перстень, перстень!
Ах, зачем его ты отдал!
Без него я не узнала!
Взоры были полны смерти.
Черный принц обман затеял.

А н т ы н ь (*опускается на колени,
сложив руки как бы для молитвы*)

Твой отец сказал, что перстень
Нужен, чтобы ты воскресла!

П р и н ц е с с а

Отдал ты зачем? Сказал ты:
«Он на пальце будет вечно!»

А н т ы н ь

Да, на пальце! Но колечко
Вместе со всем пальцем взяли!
Видишь: вот пустое место.

(Показывает поднятую руку.)

П р и н ц е с с а (*вскрикивает*)

Горе мне! ах, Солнцеводец!
Кто с тобою сделал это?

А н т ы н ь

Грозный принц!

(Указывает на принца.)

П р и н ц е с с а (*также указывает на
принца*)

Принц грозный? этот?

В народе ропот; все оборачиваются в сторону принца, указывают
на него пальцами.

К о р о л ь

Милые дети, я виноват! Занятый земными, мелкими
заботами, я вторично предал вас в руки смерти! Сила ва-
ших сердец вас вырвала из них и победила самую смерть!

П р и н ц е с с а (*Антыню, беря его за
руку*)

К милому отцу приблизься!

Оба подходят к королю

К о р о л ь

Подойдите, мои дети, подойдите! Вы сами соединили ваши руки, пусть же они остаются соединенными на веки веков! Я промедлил со своим благословением; дайте теперь ваше благословение мне, своему старому отцу! Пусть и у меня сердце станет молодым и сильным, как и у вас.

В народе ликование, но вдруг, когда принц выходит вперед, все стихает.

П р и н ц

Довольно, старый дурак! Я теперь знаю тебя! Довольно я наслушался ваших глупых речей!.. Война, война, война! (*Выхватывает меч.*) Сюда, мои воины, возьмитесь за ваши мечи!

С обеих сторон свита короля и принца берется за мечи.

Идите, схватите этого обманщика-короля, который всех нас обманывал! Схватите его распутную дочь и этого нищего зятя! Тащите всех троих к виселице! Вырвите у них их лживые языки! Ха! Ха! Гибель и смерть им!

Все молчат.

П р и н ц

Война и гибель! Что ж вы молчите? Вы испугались женщин да птиц? Схватить их! Я их всех изрублю в куски! Я их живыми сожгу на костре! Ад и дьявол!

Все молчат.

Б е л ы й О т е ц (*Черной Матери,
указывая на принца*)

Ты, с лицом единым, Мать,
Вот твоя где будет доля!

Черная Мать, подняв руку и держа в руке черную вуаль, тихо приближается к принцу. Вороны поднимаются на крыльях и также направляются к принцу. Тот стоит неподвижно, как вкопанный; меч падает из рук его.

В о р о н ы (*все*)

Это наш,—кра!
Это наш,—кра!

Первый (*указывая на принца*)
В черных кудрях, словно ворон,— кра!
С хищным клювом, словно ворон,— кра!

Второй
С острым взглядом, словно ворон,— кра!

Третий
Кра, кра, кра! лови! бери! кра!

Черная Мать (*накидывает на
принца черную вуаль*)
Вашу долю вы берите,
В вековечный дом несите!
Гроб остаться пуст не может!

Вороны
Кра! кра! кра! Лови! Бери! Кра!

Вороны кладут принца в гроб. Антынь и Солнцедумка на коленях
перед отцом. В народе громкое ликование.

Занавес

ПРИМЕЧАНИЯ

Из обширной лирики Райниса в это издание включены общественно наиболее значительные стихи почти из всех его сборников, два лиро-эпических произведения и две наиболее популярные пьесы, написанные в стихах. Проза, публицистика и литературно-критические статьи остались вне этого издания.

Большинство стихотворений, а также пьеса «Огонь и ночь» даны в новом переводе.

Стихи размещены не по сборникам, как это было до сих пор, а в хронологическом порядке. Делается это с той целью, чтобы у читателя создалось более систематическое и точное представление о творческом пути поэта. Сборники стихов Райнис обычно создавал тематически, как внутренне цельные по своему идейному и эмоциональному звучанию произведения. Поэтому его стихи, написанные, например, в 1905—1907 годах, включены в разные книги. Их можно найти и в «Посевах бури» (1905), и в «Тихой книге» (1909), и в сборниках «Конец и начало» (1912) и «Слова змеи» (1920). Безусловно, при размещении стихотворений в хронологическом порядке нарушается целостность этих книг. Но творческий путь Райниса так тесно связан с конкретной революционной, политической борьбой, с великими историческими событиями, происходившими в годы жизни и творчества поэта, что собрание его избранных сочинений правильной строить хронологически, тесно связывая, таким образом, каждое его произведение с определенным историческим моментом. Отступление от хронологического принципа сделано только для поэмы и драматических произведений Райниса, которые отнесены на конец книги, в особый раздел.

Чтобы читатель мог создать себе представление также и о сборниках стихов Райниса, составленных самим поэтом, в примечаниях к каждому стихотворению отмечена книга стихов, в которую оно включено, указано время выхода каждой отдельной книги стихов и дана краткая ее характеристика.

Большинство стихотворений сохранилось в рукописи в архиве поэта.

Начиная примерно с 1906—1907 года Райнисом в конце почти каждого стихотворения отмечен не только год, но и день написания или дальнейших исправлений. Это дает возможность не только точно датировать стихотворения, но и последовательно их распределить. Трудность составляет только датировка стихотворений, на-

писанных в 90-х годах и в Слободской ссылке, на рукописях которых не поставлена дата.

Время, когда написаны стихи, в настоящем издании отмечено непосредственно в тексте, под стихотворением. Даты приблизительные отмечены в тексте вопросительным знаком и оговорены в примечаниях. В ломаные скобки заключены даты первой публикации или год, не позднее которого по тем или иным свидетельствам было написано произведение. Двойные даты, отмеченные вопросительным знаком, указывают, что стихотворение было написано в период между данными годами. Двойные даты, отделенные друг от друга запятой, указывают, что поэт работал над произведением в данные годы (начал и окончил, или написал и переработал). Бесспорные даты, не требующие никаких пояснений, в примечаниях не указываются.

В основу настоящего издания положено десяти томное издание собрания сочинений Я. Райниса «Жизнь и творчество» («Dzīve un darbi»), изданное при жизни поэта в 1925 году и отредактированное самим автором, а также изданное в Риге в советское время, в 1947—1951 годах, 14-томное издание сочинений Райниса: Я. Райнис. Сочинения. Латгосиздат (J. Rainis, Kopoti raksti). Часть материала заново сличена с рукописями Райниса в его архиве, хранящемся в Литературном музее им. Райниса АН Латвийской ССР.

В настоящее издание включены стихотворения Райниса из следующих сборников:

„ДАЛЕКИЕ ОТЗВУКИ СИНЕГО ВЕЧЕРА“

Сборник «Далекие отзвуки синего вечера» («Tālas poskaņas zīlā vakarā»), судя по сохранившемуся цензурному экземпляру, был составлен автором в Слободской ссылке уже во второй половине 1902 года, но вышел только в июне 1903 года в Риге.

Дать такое название сборнику Райнис решил в Слободской ссылке, как-то вечером прогуливаясь по берегу Вятки. В прозрачно голубом воздухе тихого вечера ясно были слышны даже самые далекие отзвуки. Кроме того, ясный голубой цвет автору казался как бы символом надежды на новое, светлое будущее, отзвуки которого он уже слышал.

Для сборника Райнис отобрал свои лучшие стихотворения, начиная с гимназических, приблизительно за двадцатилетний период творчества (1881—1902). В сборнике всего 96 стихотворений, из которых 52 написаны в Слободском. В настоящее издание включено 29 стихотворений.

Цензура не сумела расшифровать революционную символику стихов, в картинах обыденных явлений природы не узнала революционную мысль, поэтому сборник появился с незначительными цензурными купюрами.

На латышском языке книга до 1952 года вышла в тринадцати изданиях.

„ПОСЕВЫ БУРИ“

В мае 1905 года, когда революционное движение масс в Латвии достигло уже широкого размаха и быстро разрасталось, охва-

тывая и деревню, выходящая в Петербурге демократическая латышская газета «Петербургас Авизес» («Петербургская газета») начала давать как приложения отдельные листы с революционными стихотворениями Райниса под общим названием «Звучание времени. Близкие отзвуки». Листы были нумерованы и издавались так, чтобы потом их можно было сброшюровать в отдельную книгу, в целый сборник с соответствующими разделами, эпиграфами и т. д. Но оригинально задуманный выпуск сборника скоро, по неизвестным причинам, был приостановлен. В «Звучании времени» были опубликованы только два первых раздела книги, которую Райнис позже опубликовал под названием «Посевы бури» («Vētras sēja»). Поэтому «Звучание времени» можно считать первым, хотя неполным и незаконченным, изданием сборника «Посевы бури».

Над завершением сборника Райнис много работал еще летом 1905 года. Отдельной книгой «Посевы бури» вышли в период наивысшего напряжения революции — в октябре 1905 года — и сразу приобрели исключительную популярность. В том же году вышло и второе издание в роскошном оформлении.

Большинство из 77 помещенных в сборнике стихотворений написаны в 1905 году. В книге следующие главы: «Под весенним громом», «Призыв», «Настежь ворота!», «Летучие огни», «В красном свете».

Сборник «Посевы бури» на латышском языке до 1952 года вышел в двенадцати изданиях. В настоящее издание включено 36 стихотворений из этого сборника.

„НОВАЯ СИЛА“

Сборник «Новая сила» («Jaunais spēks») появился в печати в конце 1906 года, когда Райнис уже целый год находился в эмиграции в Швейцарии. Сборник составил не сам Райнис, а один из тогдашних публицистов, поэтому в нем нет той органической целостности, которая присуща книгам, составленным самим поэтом. Большинство стихотворений отобраны из тех, которые были уже напечатаны в двух предыдущих книгах, и только 18 стихотворений — политически очень острых — появляются в печати впервые. В книге были напечатаны и некоторые переводы. Между ними есть перевод «Песни о Соколе» М. Горького (впервые перевод Райниса напечатан в 1900 г.).

В настоящее издание включено 6 стихотворений из «Новой силы».

КАЛЕНДАРИ „ВИХРИ“

Под название «Вихри» («Virpuli») Райнис выпустил два календаря, на 1907 и 1908 годы; третий — на 1909 год — остался неизданным и был впервые опубликован только в 1925 году в X томе Собрания сочинений поэта. В этих календарях, кроме обычных необходимых сведений, был также большой литературный отдел, который заполнял почти один Райнис. Календари вообще были очень популярными изданиями среди латышского народа, поэтому их начал составлять и Райнис, чтобы дать революционным мыслям доступ в самую гущу народных масс. В литературный отдел кален-

дарей Райнис включил главным образом юмор и политическую сатиру против царского самодержавия, капитализма, мирового империализма, латышской буржуазии, немецких баронов, пасторов, бюрократов, членов тогдашней Государственной думы. Рядом с различными народными и газетными анекдотами и сатирическими фельетонами Райнис поместил на листах календаря свои эпиграммы. Там же были напечатаны в переводе Райниса и высказывания Маркса и Энгельса, направленные против капитализма и религии. Вообще содержание литературной части календаря было остро враждебным по отношению к царизму, буржуазии, помещикам и поповщине.

Все три календаря почти полностью были включены в Собрание сочинений Райниса «Жизнь и творчество», том X, 1925 и частично в Сочинения Райниса, том XIV, 1951.

В настоящее издание из «вихревских» эпиграмм и сатир Райниса включено 16.

ТИХАЯ КНИГА*

Первое издание сборника стихов Райниса «Тихая книга» («Klūsā grāmata») вышло в 1909 году в Петербурге. Хотя цензура разрешила выпуск книги, но Главное управление по делам печати конфисковало ее сразу же после оттиска в типографии. Удалось спасти только около двухсот экземпляров.

Второе издание вышло в декабре 1910 года в Риге под заглавием «Гонимые ветром листья». Автор выбросил из сборника несколько стихотворений, из-за которых было задержано первое издание. Между выброшенными были такие стихотворения, как «Бедный брат», «Современный врач», «Путь к новому», «О величии», «В победе мир», «Выше Рима», «Истина», «Опять ночь», «Баня», «Счастливые юноши», «Женская душа», «Новый день», «Душа убитого в сраженьи», «Дело жизни» (см. переводы в настоящем издании). В полном виде и под первоначальным заглавием «Тихая книга» могла выйти только при пятом издании, в 1921 году. На латышском языке до 1952 года она вышла в девяти изданиях.

«Тихая книга» является одной из самых политически острых и революционных лирических книг Райниса. Написана она во время эмиграции в Швейцарии, главным образом в 1907—1908 годах — в период самой тяжелой реакции после разгрома революции 1905 года. Об этом пишет сам Райнис в предисловии к изданию «Тихой книги» в 1921 году: «Если слова Горация соответствуют истине, что у каждой книги своя судьба, то можно сказать, что судьба «Тихой книги» особенно пестра. Написана она в период самой тяжелой реакции — в 1907—1908 годах, когда нашу землю и наш народ топтали ногами и выжигали немецкие бароны и русские бюрократы, которые известны под названием карательных экспедиций; они карали каждого, кто осмеливался считать себя человеком и говорить о свободе. Мертвая тишина выражала общее настроение тех, кто еще остался в живых; зловоние обожженных тел и кровавый угар — такова была атмосфера, в которой приходилось дышать всем, кто еще продолжал жить. «Тихая книга» прозвучала среди этих ужасов, и она должна была звучать тихо».

«Тихая книга» является только частью задуманного Райнисом в то время обширного труда о революции 1905 года. Составляя эту книгу, он не включил в нее многих, написанных ранее острых политических стихотворений. Но и составляя книгу из наиболее «тихих» стихов, автор предвидел, что от нее останутся только отдельные листки. Поэтому Райнис в предисловии к первому изданию пишет:

«Посылая вам, мои друзья, эту книжку, я на нее смотрю как на ветром гонимые листья; сколько из них попадет в ваши руки — неизвестно. Сколько в тех, которые вы поймаете, найдется вычеркнутых и вырванных мест! Быть может, от всех моих мыслей, чувств и переживаний вы найдете лишь пустые черточки и длинный ряд точек, напоминающих следы моих слез. Быть может, даже не будет и их, и только близкие мне по духу прочтут между редких строк вложенную в них мысль.

...Но пусть будет и так: с надеждой, построенной на ветре,— на ветре в двойном значении этого слова,— я иду к вам лишь с частью моего труда, ибо я знаю, что из каждого уцелевшего слова ваша столь великая любовь сумеет восстановить то горячее сердце, в котором родилось это слово, и из каждой черточки ваш настороженный за эти бурные годы ум выпрядет такие длинные и прочные нити мыслей, которые не вмещаются в поэзии, а сплетаются с самой жизнью и вечностью. В таком глубоком понимании я не вижу чуда: сама природа пишет теперь стихи — стон ветра, грохот бури, срубленная осина и влажный песок, просыпающееся утро и победоносное солнце. Само время поет песни, но каждый из вас, участвующий в текущей работе и чувствующий себя частью народной массы — поэт, ибо массы в наши дни творят в труде величайшую эпопею, которая однако лишь введение к новой песне».

В предисловии ко второму изданию Райнис из далекой эмиграции призывал к революционному мужеству:

«Несмотря на всю печаль, мне хочется смеяться. Разве время в норе? Это ведь трусость. Время не вместить в нору, оно стоит на свободном воздухе, на вершине горы и вертит свое огромное колесо так, что разлетаются оторванные листья. Разве вы не чувствуете, что колесо преодолевает мертвую точку? Что будни помаленьку превращаются в праздничные дни? Пусть разлетаются по ветру листья; хоть и мало вы их соберете — все же они будут приметой, указывающей на прошлый и будущий праздник».

Об этой книге Райнис думал уже в 1907 году, но все не приступал к ее составлению, потому что стихотворения, предназначенные для этого сборника, чересчур живо напоминали ему о павших, погубленных палачами революционерах. В основном книга была составлена в марте 1908 года. Но и тогда автор еще не сдавал ее для печатания. Он должен был превратить ее в боевую книгу, чтобы она не осталась только книгой памяти о павших героях. Характерно, что большинство эпиграмматических и некоторая часть сатирических стихотворений сборника «Тихая книга» написаны в 1908 году. Из 95 стихотворений, напечатанных в первом издании «Тихой книги», почти половина — 44 стихотворения — относятся к этому времени.

Судя по тому, что новейшие стихотворения, включенные в сборник «Тихая книга», датированы последними числами декабря

1908 года, приходится думать, что Райнис подготовил сборник к изданию в январе 1909 года.

В настоящее издание включено 39 стихотворений из «Тихой книги».

„ТЕ, КТО НЕ ЗАБЫВАЮТ“

Сборник стихов «Те, кто не забывают» («Tie, kas neaizmirst») Райнис подготовил в ноябре 1910 года. В книгу включены 104 стихотворения, написанные в период 1904—1910 годов. Первое издание вышло в январе 1911 года. После 1910 года, во время нового подъема рабочего движения эта книга в латышском прогрессивном обществе заслужила широкое внимание: за пять лет она вышла в четырех изданиях.

В настоящее издание из нее включено 22 стихотворения.

Сборник «Те, кто не забывают» — очень целостная по своему звучанию книга стихов. В ее основе два мотива: с одной стороны вера в новую революцию и чувство общности с пролетариатом всего мира, с другой — тоска поэта по родине и горькие упреки тем, кто погрузился в мешанное самодовольство и забыл о революции.

Процесс создания книги «Те, кто не забывают» был очень сложным. Основная часть книги посвящена обширной теме революции 1905 года и последующей за нею реакции. Над этой темой Райнис очень интенсивно работал в эмиграции в 1906—1913 годах. Из стихов этого обширного цикла Райнис в 1908 году составил «Тихую книгу», посвященную памяти павших героев, а в 1910 году — книгу «Острые стихи» (см. примечания к сборнику «Муза в боях»). В то же время он отобрал и стихотворения для новеллы эмигранта Дагды «Мимо дома», которые позже — около 1920 года — включены в сборник стихов «Домой» (см. «Пять эскизных тетрадей Дагды»). Отсюда же был выделен «Эпос 1905 года». Остались только стихи, обвиняющие тех, кто забыл идеалы революционной борьбы. Это обвинение и предьявляет сборник «Те, кто не забывают». Не надеясь, что «Острые стихи» пройдут через преграды цензуры, поэт и некоторые из «острых» стихотворений включил в книгу «Те, кто не забывают».

Следует также отметить, что Райнис около 1906—1907 года задумал написать роман о революции 1905 года. Он начал уже разрабатывать сюжет романа. В архиве поэта сохранились наброски, сделанные для этой работы.

„КОНЕЦ И НАЧАЛО“

Книга стихов «Конец и начало» («Gals un sākums») вышла в Петербурге в конце 1912 года.

«Конец и начало» Райнис готовил очень долго и тщательно, уточняя содержание и ища соответствующую художественную форму. В книгу включены стихотворения даже со времен Слободской ссылки, 1901 и 1902 годов. Все же большая часть стихотворений, почти треть всей книги, написана в 1909 году. Подготавливая сборник к печати — в июле, августе и сентябре 1912 года, — Райнис очень тщательно отредактировал стихотворения, исправляя стиль, метрику, уточняя текст и подыскивая наиболее соответствующие за-

главня. Многие стихотворения исправлены и переписаны по три-четыре раза. Всего в сборнике напечатано 172 стихотворения. Из них в настоящее издание вошло 25.

«Конец и начало» Райнис назвал своей самой интимной книгой. Но и здесь «личные мотивы» не оторваны от социальных. Это подчеркнуто и посвящением книги — «Тебе, класс основной», об этом свидетельствуют и многочисленные заметки на черновиках сборника. Так, например, на одном листе с надписью «Необходимые темы» поэт написал: «Страдания из-за некультурности латышей. Пролетариату необходима культура и искусство, а не наслаждения. Искусство — мое оружие против некультурности и капитализма. В капитализме нет искусства, имеются только наслаждения, даже искусство превращается в пустое место. . . Вся сила идет от революции. Она показала, что нет рабов и бедняков. Косность удерживает людей. Ее нужно сломить. Существуют только две величины: масса и гений; в массе все силы, в гении они прорываются наружу к труду, к будущности».

Свои мысли и выводы, порожденные индивидуальными переживаниями, которые иногда таили в себе некоторую долю чисто индивидуалистического и идеалистического содержания, Райнис не считал обязательными для всех. На одном листе он оставил обращение к своим читателям: «Не останавливайтесь над этой книгой, идите дальше. Но сохраните ее в своей памяти».

„ПЯТЬ ЭСКИЗНЫХ ТЕТРАДЕЙ ДАГДЫ“

«Эскизные тетради Дагды» («Dagdas piecas skicu burtnīcas») объединяют пять отдельных книжечек стихов, изданных при жизни поэта, после возвращения из эмиграции. Эти книги называются: «Прощай, прекрасная!» («Addio bella!»), «Слова змеи» («Čūsku vārdis»), «Домой» («Uz mājām»), «Серебристый свет» («Sudrabota gaišma»), «Дочь луны» («Mēness meitiņa»). Первые три книги вышли в 1920 году, сперва отдельно, а потом в одном томе под названием «Три круга». Сборник стихов «Серебристый свет» вышел в 1922 году, «Дочь луны» — в 1925 году как стихотворная новелла из «Эскизных тетрадей Дагды». При издании Собрания сочинений в 1925 году Райнис все пять книжечек стихов объединил в одну книгу под названием «Пять эскизных тетрадей Дагды» и назвал ее романом в стихах.

Довольно слабо и неясно обрисованную сюжетную линию в романе определяет тоска эмигранта Дагды по родине, его внутренние противоречия, возвращение домой и радость встречи, которую скоро сменяет чувство разочарования, так как народ все еще задышается под гнетом буржуазии и изменилась только форма эксплуатации. Не найдя удовлетворения в буржуазной Латвии, Дагда стремится прочь, чтобы найти новую родину, более широкую, более прекрасную и свободную. В романе много автобиографического.

Сюжетное единство выявилось только в самом процессе работы. Райнис сам отмечает: «Это единство прежде всего пережито внутренне, как судьба Дагды, развернувшаяся в отношениях его души ко внешнему миру. Первоначально не предполагалась форма романа. Стихи выросли сами собою, как из земли вырастает трава, без искусственного подбора со стороны садовника. В стихах, как

в дневнике, получили свое отражение факты текущих дней и душевные переживания. Бессознательно они местами сплетались в клубок в виде новеллы и разворачивались дальше. В конце концов оказалось, что это роман одной жизни, одно органическое целое».

„ADDIO BELLA!“

В книге «Addio bella!» собраны начиная с 1907 года и композиционно распределены в форме новеллы стихотворения и наброски, которые не вошли в предыдущие сборники. В центре — любовь эмигранта Дагды к итальянской девушке Оливии. Глубокую симпатию высказывает здесь Райнис к трудящимся Италии, к ее благодатному солнцу и природе.

Цикл «Addio bella!» охватывает стихотворения с 1907 года по 1920 год. Из них в этот сборник включено одно стихотворение — «Огненный цветок».

„СЛОВА ЗМЕИ“

Сборник охватывает стихотворения 1901—1920 годов.

«Слова змеи» — книга глубоких личных переживаний, душевной боли и внутренних противоречий самого поэта. На это указывает уже самое название книги: змея у Райниса является символом душевной боли. Значит — «Слова боли».

В этой книге Райнис как бы подводит поэтический итог своей полувековой жизни и работе и признает, что не нашел еще для себя того, чего искал. Книга все же пронизана надеждой на будущее, завершается призывом продолжать работу переустройства жизни. В основе этой надежды у Райниса — пролетариат и его великая борьба за освобождение.

Из сборника «Слова змеи» здесь помещено шесть стихотворений.

„ДОМОЙ“

Сборник «Домой» Райнис писал, вспоминая свое возвращение на родину из первой ссылки в Слободское и готовясь к возвращению из «второй ссылки» (так он сам называет проведенную в Швейцарии эмиграцию). Поэтому в сборнике много стихотворений, написанных уже в 1903 году, когда он вернулся из первой ссылки. Большинство же созданы в период 1918—1920 годов. Но уже тогда поэт предвидел, что ему придется опять покинуть родину, так как она снова попала под пяту капитализма. Поэтому Райнис под названием сборника пишет слова: «Мечта изгнанника между двух путей» — домой и прочь от дома.

Уже в 1907 году у Райниса возникает мысль разместить стихотворения в виде новеллы, объединить их вокруг образа эмигранта Дагды.

Из этого сборника здесь помещены два стихотворения: «Глянь на Волгу!» и «Вот она, золотая Казань!»

„СЕРЕБРИСТЫЙ СВЕТ“

Стихотворения сборника «Серебристый свет» написаны в 1920—1921 годах, сразу же после возвращения в Латвию. Лишь несколько стихотворений взяты из ранее написанных.

В книге отражена великая радость Дагды, т. е. Райниса, после возвращения на родину и его горькое разочарование при виде того, что в новой республике все основывается на том же старом порядке эксплуатации трудящихся. Уже в своей первой депутатской речи, в августе 1920 года, поэт должен был заявить: «Когда мы, ссыльные, вернулись на родину, мы хотели увидеть свободную Латвию. Мы ее не нашли, но все же мы не теряем надежды, что мы ее построим». Ненависть поэта к латышским кулакам и капиталистам отражается и в стихотворениях сборника «Серебристый свет».

Из сборника «Серебристый свет» в настоящее издание включено пять стихотворений.

„ДОЧЬ ЛУНЫ“

Книга «Дочь луны» является последним сборником стихов, вышедшим при жизни поэта (не считая одного сборника детских стихов). В нем помещены стихотворения, написанные в 1923 и 1924 годах.

Основной мотив книги заключается в любви к родине. В образе «дочери луны» поэт персонифицировал красоту родины, которую он чувствует в известной мере эфемерной, нереальной, так как родину — Латвию — угнетают как доморожденные капиталисты, так и зарубежный империализм. Уже в 1924—1925 годах Райнис предупредил латышский народ о том, что буржуазно-демократическая Латвия, как государство кулаков и капиталистов, стоит на пути к фашизму, что «уже тяжело дышать в Латвии мыслящему человеку», что приходится бежать из нее, искать «новую родину», и «если для Латвии существует надежда на будущее и дальнейшую культуру, то эта надежда в рабочем классе». Эту мысль Райнис неоднократно выражал в своих статьях и речах того времени, и эта мысль в некоторой мере отражена и в сборнике «Дочь луны», который внешне оформлен как книга чисто лирическая. По письмам, заметкам и изречениям Райниса известно, что «новую родину», где трудовой народ свободен, поэт в последние годы своей жизни искал в Советском Союзе, куда он хотел переехать на постоянное жительство.

Из сборника «Дочь луны» в настоящем издании помещено 12 стихотворений.

„МУЗА В БОЯХ“

В архиве Райниса сохранилась довольно толстая связка стихотворений, собранных автором в течение долгих лет (начиная с 1906 года) для особого сборника с острым политическим характером. Этот сборник Райнис сам вначале назвал «Острый сборник», или «Острые стихи». При жизни поэта книга осталась ненапечатанной. Латышская буржуазия не позволила выпустить ее и после смерти поэта. Только в 1940 году, после установления в Латвии советской власти, рукопись «Острых стихов», с добавлением эпоса о 1905 годе и политических стихотворений последних лет жизни поэта, была опубликована под заглавием, выбранным самим Райнисом в 1918 году — «Муза в боях» («Muza cīņās»).

Над собиранием «острых» стихов в отдельный сборник Райнис

много работал в 1910—1913 годах. К этому сборнику он опять вернулся в 1917 году, после февральской революции, и отбирал стихотворения вплоть до 1929 года. Все же сборник остался незавершенным.

Сборник «Острые стихи», т. е. «Муза в боях», Райнис задумал как «боевое приветствие основному классу» — пролетариату. В качестве одной из центральных тем Райнис выдвигает здесь тему социал-демократической партии. Об этом свидетельствует добавочное заглавие «Партия», данное несколькими главам самим Райнисом. Еще 10 июля 1917 года, работая над сборником, поэт отметил: «Дать программу партии и высказать приветствие, и между ними — как связующие звенья — разместить другого рода стихотворения и фрагменты».

На то, что Райнис хотел сборник «Муза в боях» сделать актуальной политической книгой, указывают и различные примечания, сделанные им в рукописи, в которых он пишет о различных вопросах идеологии и политики партии.

На листке календаря от 21 октября 1912 года Райнис отметил: «Культурная работа на пользу трудящихся. Непрестанный прогресс. Не смей застыть в догму, шаблон, бюрократизм. Свободное развитие, живое течение. Обслуживать культуру трудящейся демократии... Свободно трудиться по собственной воле, ибо воля порождается временем, местом и классом и остается в классе».

В 1912 году, в связи с новым подъемом рабочего движения, чувствуя приближение империалистической войны, Райнис высказывает опасение, что протест угнетенных трудящихся масс может проявиться неорганизованно, стихийно, и поэтому требует организации масс под руководством партии, признавая массовые забастовки и революцию лучшими средствами для организации трудящихся.

Ряд стихотворений 1907—1913 годов напечатан в центральном органе Латвийской социал-демократической партии — в нелегальной газете «Циня» («Борьба»).

Из сборника «Муза в боях» в настоящее издание включено 34 стихотворения.

I

1880—1902

Крестьянин (Zemnieks). Написано в гимназические годы, между 1882—1884 годами. Впервые напечатано в 1903 году в литературном приложении к газете «Диенас Лапа» («Ежедневный листок»), № 132. Включено в сборник «Далекie отзвуки синего вечера».

Юношам (Jaunekļiem). Юношеское стихотворение. Написано, вероятно, между 1883—1888 годами, впервые — в сборнике «Далекie отзвуки синего вечера».

Он это знал (Viņš to zināja). Юношеское стихотворение. Написано, вероятно, в студенческие годы между 1884—1888 годами.

Впервые — в 1901 году в МВМ,¹ № 4. Включено в сборник «Далекie отзвуки синего вечера».

Филистер (Filistris). Написано в студенческие годы в Петербурге между 1884—1888 годами, впервые — в 1900 году в МВМ, № 11. Включено в сборник «Далекie отзвуки синего вечера».

Честный гражданин (Godīgs pilsonis). Написано, вероятно, в бытность Райниса редактором газеты «Диенас Лапа» между 1892—1895 годами. Впервые — в сборнике «Далекie отзвуки синего вечера».

Благодетель (Labdaris). Написано, вероятно, в середине 90-х годов, впервые — в 1896 году в МВМ, № 8. Включено в сборник «Далекie отзвуки синего вечера».

Экономические правила (Saimnieciskas pamatmācības). Написано, вероятно, в середине 90-х годов, впервые — в 1896 году в МВМ, № 11. Включено в сборник «Далекie отзвуки синего вечера».

Любящие отечество (Tēvijas mīlētāji). Написано в 1897 году в тюрьме, впервые — в 1903 году в сборнике «Далекie отзвуки синего вечера». В первой строфе высмеиваются буржуазные националисты, в следующих строфах идет речь о деятелях первых марксистских рабочих кружков в Латвии и революционных «новотеченцах», из которых царское самодержавие в 1897 году арестовало более ста тридцати лиц. В цензурном экземпляре стихотворение отмечено большим вопросительным знаком.

Первые вестники (Pirmie vēstnieki). Написано в тюрьме в 1897 году, впервые — в 1901 году в МВМ, № 4. Стихотворение относится к первым латышским революционерам 90-х годов. Включено в сборник «Далекie отзвуки синего вечера».

Стоны моря (Jūras vaidi). Написано в тюрьме в 1897 году, впервые — в 1902 году в МВМ, № 12. Включено в сборник «Далекie отзвуки синего вечера».

На пороге вечности (Mūžības priekšvakarā). Написано в Лиепайской тюрьме в 1897 году, впервые — в 1900 году в МВМ, № 2 с заглавием «В чахотке». Включено в сборник «Далекie отзвуки синего вечера».

---

¹ В примечаниях употребляется сокращение: МВМ, означающее литературно-художественный и общественный журнал «Маяс Виеса Мэншпракстс» («Ежемесячник Домашнего Гостя»), орган латышской мелкой буржуазии. Журнал выходил вместе с газетой «Маяс Виесис» («Домашний Гость»), откуда и получил свое название. Журнал в 90-х годах печатал виднейших латышских писателей и классиков мировой литературы; в конце 90-х годов в нем печатались произведения Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Чехова, Горького и других русских писателей, а также стихи и переводы Райниса.

Долгий путь (Gara gaita). Написано в тюрьме в 1897 году, впервые — в 1899 году в МВМ, № 10. Включено в сборник «Далекie отзвуки синего вечера» как эпилог.

Песня бедняков (Ubagu dziesma). Написано до Слободской ссылки, впервые — в 1903 году в альманахе «Яуна Ража» («Новый урожай»), том VI. Включено в сборник «Далекie отзвуки синего вечера».

Королевна (Karaļmeita). Первые шесть строф написаны в гимназические годы, приблизительно в 15—16-летнем возрасте. Последние три строфы Райнис написал в Пскове, пребывая в ссылке. Впервые — в 1899 году в газете «Диенас Лапа», № 24. В нем использованы мотивы латышского фольклора (см. примечание к стихотворению «Былое»). Включено в сборник «Далекie отзвуки синего вечера».

Глубокой зимой (Bij dziļā ziema). Начато в Псковской ссылке, закончено в Слободском. Впервые — в 1903 году в альманахе «Яуна Ража», том VI. В стихотворении отражены чувства, с какими поэт оставил родину накануне рождества 1897 года, уезжая в Псковскую ссылку. Включено в сборник «Далекie отзвуки синего вечера» как пролог.

Старые недуги (Vecās ligas). Написано в Слободской ссылке, впервые — в 1902 году в МВМ, № 6. Включено в сборник «Далекie отзвуки синего вечера».

Запоздалый луч солнца (Vēls saules stars). Написано, вероятно, в начале Слободской ссылки. Впервые — в 1902 году в МВМ, № 11. Включено в сборник «Далекie отзвуки синего вечера».

Трубач (Taurētājs). Написано в Слободском, впервые — в 1900 году в МВМ, № 10. Включено в сборник «Далекie отзвуки синего вечера».

Блудный сын (Pazudušais dēls). Написано в Слободском, впервые — в 1900 году в МВМ, № 10. Включено в сборник «Далекie отзвуки синего вечера».

Звучащее пламя (Skanošā liesma). Написано в Слободском. Впервые — в 1901 году в МВМ, № 3 с заглавием «Горящая душа». Это и ряд последующих стихотворений («Утренние ветры», «Весенняя песня», «Весенние дни», «Сломанные сосны», «Fiat justitia!») включены в последнюю главу сборника «Далекie отзвуки синего вечера» под названием «Предвесенняя пора». Поэт этим хотел отметить канун приближающейся революции 1905 года. Райнис аллегорически рисует революцию в образе весны. Почти все стихотворения этой главы написаны в Слободской ссылке от 1900 до 1902 года, когда Райнис познакомился с ленинской «Искрой» и почерпнул оттуда ясное представление о быстром распространении революционного движения по всей России.

Новая сила (Jaunais spēks). Написано в Слободском. Впервые — в 1901 году в МВМ, № 6 и в альманахе «Буртниекс» («Письменник»). Включено в сборник «Новая сила».

День страшного суда (Pastarā diēna). Написано в Слободском, впервые — в сборнике «Далекie отзвуки синего вечера» перед эпилогом «Долгий путь». Стихотворение часто декламировалось на вечерах рабочей самодеятельности в период революции 1905 года.

Fiat justitia! Написано в Слободском с заглавием «Справедливость», впервые — в сборнике «Далекie отзвуки синего вечера».

Весенняя песня (Pavasara dziesma). Написано в Слободском, впервые — в 1903 году в МВМ, № 4 с заглавием «Апрельские ветры». Включено в сборник «Далекie отзвуки синего вечера» (см. примеч. к стихотворению «Звучащее пламя»).

Мартовские дни (Pavasara dienas). Написано в Слободском, впервые — в 1903 году в МВМ, № 4 с заглавием «Мартовские дни». На цензурном экземпляре стихотворение отмечено большим вопросительным знаком и было разрешено печатать его только с исправленным заглавием «Весенние дни», так как март в связи с террористическими актами был неприятным месяцем для царского правительства. Одно из самых популярнейших стихотворений Райниса в период революции 1905 года. Включено в сборник «Далекie отзвуки синего вечера» (см. примеч. к стихотворению «Звучащее пламя»).

Песня девушки (Fabrikas meitenes dziesma). Написано в Слободском, впервые — в 1903 году в сборнике «Далекie отзвуки синего вечера» с заглавием «Песня фабричной девушки».

Сломанные сосны (Lauztās priedes). Написано в Слободском, впервые — в 1901 году в МВМ, № 10 и в альманахе «Буртниекс». Это стихотворение с написанной к нему композитором В. Дарзином музыкой во время революции 1905—1907 годов, как и в последующей борьбе против царизма и латышской буржуазии, стало одной из самых популярных боевых песен латышского революционного пролетариата. Включено в сборник «Далекie отзвуки синего вечера».

«Бесцельна была эта жизнь...» (Šī dzīve bija tukša). Написано в Слободском. Впервые — в сборнике «Далекie отзвуки синего вечера».

Равнодушные (Miera ļaudis). Написано в Слободском, впервые — в 1903 году в литературном приложении к газете «Диенас Лапа», № 132. Включено в сборник «Далекie отзвуки синего вечера».

Утренние ветры (Rīta vēji). Написано в Слободском как посвящение социал-демократической партии. Впервые — в 1902 году

в МВМ, № 6, включено в сборник «Далекie отзвуки синего вѣчера» (см. примеч. к стихотворению «Звучащее пламя»).

Веди себя с умом! (Prātīga gīcībal). Написано в Слободской ссылке. Впервые — в 1903 году в сборнике «Далекie отзвуки синего вѣчера».

Сердце поет (Sirds tik grūta). Написано в Слободской ссылке. Впервые — в 1902 году в МВМ, № 12. Включено в сборник «Далекie отзвуки синего вѣчера».

Метоголдум. Написано в Слободском. Впервые — в 1905 году в сборнике «Посевы бури».

Зимние сумерки (Ziemas pavaikars). Написано в Слободском, впервые — в 1903 году в альманахе «Рита сканясь» («Утренние звуки»), том I. Включено в сборник «Посевы бури».

Большие глаза (Lielās acis). Написано в Слободском. Кому стихотворение посвящается — неизвестно, может быть какой-нибудь знакомой Райниса из среды ссыльных. Впервые — в 1905 году в сборнике «Посевы бури».

Китайские жрецы (Ķīniešu priesteri). Написано в Слободском. Впервые — в альманахе «Дарбс» («Труд»), изданном Райнисом в 1905 году. Включено в сборник «Посевы бури».

Былое (Senatne). Написано в Слободском, вошло в комедию «Полуидеалист», писавшуюся в 1900—1901 годах. Впервые — в 1902 году в МВМ, № 6. Включено в сборник «Далекie отзвуки синего вѣчера». В стихотворении Райнис в романтических красках изображает жизнь латышей в древности, их борьбу с немецкими завоевателями, горькую участь под ярмом немецких помещиков и надежду на свободное, радостное будущее.

Песни Лиго — древние, широко распространенные латышские народные песни, которые пелись накануне Ивановой ночи. *Подводный дворец*. — В латышском фольклоре бытует сказание о древнем латышском замке, в котором будто бы таились свобода и искусства и который во время вторжения немецких рыцарей погрузился со своим холмом, на котором он стоял, в озеро и встанет, когда народ завоеет себе опять свободу. Этот мотив Райнис неоднократно использовал в своем творчестве (см., напр., пьесу «Огонь и ночь»). *Сирота*. — В латышских народных песнях беззащитный трудовой народ, поработенный немецкими рыцарями и помещиками часто называется сиротой. *Змея*. — По народным латышским преданиям в глубине моря черная змея мелет горькую муку для порабитителей народа.

Единственная звезда (Vienīgā zvaigzne). Написано в Слободском, вошло в комедию «Полуидеалист», впервые — в 1902 году в МВМ, № 4 с заглавием «Высшая идея». Включено в сборник «Далекie отзвуки синего вѣчера».

Одинокая вершина (Viena galotne). Впервые — в 1902 году в сборнике «Конец и начало».

Глянь на Волгу! (Skat Volgu). Впервые — в 1903 году в МВМ, № 12. Включено в 1920 году в сборник «Домой» (см. «Пять эскизных тетрадей Дагды»). В стихотворении отражены впечатления Райниса при возвращении домой по реке Волге из Слободской ссылки.

Неуемные желания (Nerimu ilgas). Впервые — в 1903 году в альманахе «Рита сканясь», том I. Включено в сборник «Посевы бури».

Полевой камень (Lauka akmens). Написано после ссылки. Впервые — в 1905 году в сборниках «Звучание времени» и «Посевы бури».

Пошрое время (Sikais laiks). Написано после ссылки. Впервые — в 1905 году в сборниках «Звучание времени» и «Посевы бури».

Идет младое племя (Nāk jauna cilts). Впервые — в 1904 году в альманахе «Рита сканясь», том II. Включено в сборник «Посевы бури».

Первые жертвы (Pirmie upuri). Впервые — в 1905 году в сборнике «Посевы бури».

Предпраздничный вечер (Svētvakars). Первоначальное заглавие: «Песня будней». В стихотворении отражено стачечное настроение накануне революции. Впервые — в 1905 году в альманахе «Накотнес сканясь» («Звучание будущего»); включено в сборник «Посевы бури».

Даже если солнце спит (Vēl saule dus). Впервые — в 1905 году в сборниках «Звучание времени» и «Посевы бури».

Ледяная гора (Ziemeļtēva ledus pils). Впервые — в 1905 году в сборнике «Посевы бури».

Отдых косаря (Pļāvēja diendusa). Впервые — в 1912 году в сборнике «Конец и начало».

Чудо тихого дня (Klusās dienas brīnums). Впервые — в 1912 году в сборнике «Конец и начало».

Дерево под ветром (Koks vēja laukā). Написано в 1904 году, исправлено и дополнено 21 января 1910 года. Впервые — в 1912 году в сборнике «Конец и начало».

Под покрывалом Изиды (Aiz Izidas plīvura). Написано около 1904 года. Впервые — в 1906 году в сборнике «Новая сила».

Изида — древнеегипетская богиня неба, земли и ада. *Покрывало Изиды* — символ скрытой истины.

1905

Воюший ветер (Svilpojčšs vējš). Начато в 1903, закончено в 1905 году. Впервые — в 1905 году в сборнике «Посевы бури».

Стань твердой, мысли! (Tori cieta, domal). Начато в 1903, закончено в 1905 году. В 1904 году первый вариант стихотворения был послан в редакцию газеты «Диенас Лапа», но цензура его не пропустила. Впервые — в сборнике «Посевы бури».

«Солнце землю нашу...» (Saule zemi ara). Впервые — в 1905 году в сборнике «Посевы бури» как пролог.

Большие мехи ветра (Llelās vēja plēšas). Написано в начале 1905 года. Впервые — в 1905 году в сборнике «Посевы бури».

После долгого сна (Pēc ilgās guļas). Впервые — в 1905 году в сборниках «Звучание времени» и «Посевы бури».

Самый покорный (Pats gāmākais). Впервые — в 1905 году в сборниках «Звучание времени» и «Посевы бури».

Так не останется (Tā nepaliks). Впервые — в 1905 году в сборниках «Звучание времени» и «Посевы бури». Одно из самых популярнейших стихотворений Райниса в период революции 1905—1907 годов.

Весенняя буря (Pavasara vētra). Впервые — в 1905 году в сборниках «Звучание времени» и «Посевы бури».

Весть синички (Zilītes vēsts). Впервые — в 1905 году в сборнике «Посевы бури».

Выходите! (Laukā!). Впервые — в 1905 году в сборнике «Посевы бури».

Дороги, соединяйтесь! (Šķirti ceļi kopā!). Впервые — в альманахе «Дарбс». Первоначально включено в сборник Райниса «Новая сила», потом — во второе и последующие издания сборника «Посевы бури». Последние две строчки содержат перефразированный призыв международного пролетариата: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Честный либерал (Godīgs liberals). Впервые — в 1905 году в «Диенас Лапа», № 239. Включено в сборник «Посевы бури».

Далекие отзвуки (Tālas poskaņas). Впервые — в 1914 году, в пятом издании сборника «Посевы бури».

Стоит ли сеятелю тужить? (Ko sējējs bēdā?). Впервые — в 1905 году в литературном приложении к газете «Диенас Лапа», № 233. Включено в сборник «Посевы бури».

Героическое время (Varoņu laiks). Впервые — в 1905 году в сборнике «Посевы бури».

Филистер в апреле (Filistris aprīlī). Впервые — в 1905 году в сборнике «Посевы бури».

Старая жаба (Vecais gurucis). Написано в 1905 году как сатира на тогдашнего царского цензора Руперта, безжалостно душившего всякую более или менее свободную мысль. Впервые — в 1905 году в сборнике «Посевы бури».

Будет легче (Lai nāk, kas nākdams). Впервые — в 1905 году в сборнике «Посевы бури».

Новое время (Jaunais laiks). Впервые — в альманахе «Дарбс». Включено в сборник «Посевы бури».

Наперекор (Paņ spīti). Впервые — в 1905 году в сборнике «Посевы бури».

В полной мере (Pārpilnā mērā). Впервые — в 1905 году в сборнике «Посевы бури».

В вечном созвучии (Mūžīgā saskaņā). Впервые — в 1905 году в сборнике «Посевы бури».

Демонстрация (Revolūcijas ielu gājiens). Написано в 1905 году с заглавием «Революционное уличное шествие». Впервые — в том же году в сборнике «Посевы бури» с заглавием «Уличное шествие» («Демонстрация»).

Могилы наших героев (Mūsu varoņu kapi). Впервые — в 1905 году в альманахе «Дарбс». Включено в сборник «Посевы бури».

Пучина страданий (Sāpju jūra). Написано в апреле 1905 года. Впервые — в газете «Дзиве» («Жизнь»), 1912, № 40. Включено в сборник «Конец и начало».

Все-таки... (Tomēr). Впервые — в 1905 году в сборнике «Посевы бури». Этим стихотворением заканчивается сборник «Посевы бури».

На Грѣзине (Grīzinā). Написано в 1905 году. Впервые — в 1940 году в сборнике «Муза в боях». Первоначальное заглавие: «Жалобная песня о шпике».

Грѣзине — площадь в Риге, место массовых рабочих собраний в 1905 году.

Конь и осел (*Zirgs un ēzēlis*). Судя по почерку и орфографии автографа, написано приблизительно в 1905 году. Впервые — в 1911 году в газете «Лайка Балсс» («Голос времени»), № 25. Включено в сборник «Муза в боях».

Терпение крестьянина (*Zemnieka pacietība*). Впервые — в 1905 году в альманахе «Дарбс», который составил и отредактировал Райнис. Вторично опубликовано в 1922 году в «Сельскохозяйственном календаре». Включено в сборник «Муза в боях».

Вечный идеал (*Mūžīgais ideāls*). Написано около 1905 года, впервые — в 1911 году в газете «Лайка Балсс», № 24. Включено в сборник «Муза в боях».

Марциал (42—102 н. э.) — сатирический поэт древнего Рима.

Раба м (*Vergiem*). Написано, вероятно, в 1905—1907 годах, впервые — в 1940 году в сборнике «Муза в боях».

1 9 0 6

Великий покой (*Lielais miers*). Начато в 1905 году, окончено 3 июля 1906 года. Впервые — в 1907 году в журнале «Свары» («Весы»), № 7. Включено в сборник «Тихая книга».

Никогда (*Nekad*). Начато в 1903 году, закончено 5 августа 1906 года. Впервые — в 1911 году в сборнике «Те, кто не забывают».

Три приметы (*Trīs zīmes*). Впервые — в календаре «Мусу Дзимтене» («Наша родина») на 1909 год. Включено в сборник «Конец и начало».

Первое и последнее слово (*Pirmais un pēdējais vārds*). Впервые — в календаре «Прогресс» на 1911 год. Включено в сборник «Те, кто не забывают».

Упа багса. Впервые — в 1911 году в журнале «Яуныбас Текас» («Тропы молодости»), № 1. Включено в сборник «Те, кто не забывают».

Путь героя (*Varoņu gaita*). Впервые — в журнале «Аусеклис» («Утренняя звезда»), 1907, № 2. Включено в сборник «Те, кто не забывают».

Одно сердце (*Viena sirds*). Впервые — в 1906 году в сборнике «Новая сила».

Дорогая свобода (*Dārgā brīvība*). Впервые — в 1906 году в сборнике «Новая сила».

Смиранным (*Rāmājiem ļaudīm*). Впервые — в 1906 году в сборнике «Новая сила».

Идеи и головы (*Idejas un galvas*). Впервые — в календаре Райниса «Вихри» на 1907 год.

Против солнца (*Pret sauli*). Впервые — в календаре «Вихри» на 1907 год. Эпиграмма направлена против латышских декадентов, которые в 1906 году издавали журнал «К солнцу» («*Pret sauli*»). Райнис использует игру слов: на латышском языке «*pret sauli*» может означать как «к солнцу», так и «против солнца».

Народный защитник Г. (*Tautas aizstāvis G.*). Эпиграмма впервые в календаре «Вихри» на 1907 год. Относится к черносотенцу Гросвальду, лидеру латышской крупной буржуазии, думскому депутату.

Предложение о подарке нашим народным защитникам (*Priekšlikums par dāvanu mūsu tautas aizstāvjiem*). Впервые — в календаре «Вихри» на 1907 год.

Получение с любовью (*Pamācība ar mīlestību*). Впервые — в календаре «Вихри» на 1907 год.

Вера — любовь — надежда (*Ticība — mīlestība — cerība*). Впервые — в календаре «Вихри» на 1907 год.

Хозяин-отец (*Saimnieks kā tēvs*). Впервые — в календаре «Вихри» на 1907 год.

Ничего даром (*Neko par velti*). Сатира на духовенство; впервые — в календаре «Вихри» на 1907 год.

„ЭПОС 1905 ГОДА“

В архиве Райниса сохранилась довольно толстая связка рукописей с надписью «Эпос 1905 года». Это широко задуманное, но не оконченное сочинение о революции 1905 года, о ее развитии и перспективах дальнейшей борьбы, вплоть до победы социализма. Сохранились также обширные примечания об основной идее этого произведения и о плане его осуществления. Написанные части, которые поэт сам называет то песнями, то балладами, за малым исключением, опубликованы после смерти поэта, главным образом в 1940 году, при советской власти. Латышская буржуазия всячески старалась воспрепятствовать печатанию острых, гневных строк, направленных против сил реакции.

Над эпосом Райнис работал очень интенсивно в мае 1906 года, когда в Латвии свирепствовали карательные экспедиции. Под влиянием этих кровавых событий и тяжелых переживаний в написанных частях эпоса больше всего отражены разгул реакции и глубокое сочувствие поэта бедствиям народа. К этой теме Райнис возвращался и после, о ней он думал и в 1915, 1918, 1921, 1922 годах.

В первой части эпоса Райнис намеревался дать обширный исторический обзор, чтобы показать исторические основы и величие первой русской революции. Революцию 1905 года в Латвии Райнис правильно понимал как органическую составную часть русской революции. В своем произведении он задумал показать огромное

историческое значение русской революции в рабочем движении всего мира.

Поэт пишет: «Эпос должен быть поднят на высшую, интернациональную ступень, до мировой высоты, должен передать высокие мысли, события более высокого порядка и с большей значимостью: русская революция имеет мировое значение». Рядом с этими большими историческими вопросами поэт наметил и более конкретные темы из событий революции 1905—1907 годов в Латвии: нелегальное собрание в лесу, забастовку батраков, страх филистеров, царский манифест 17 октября, генеральную забастовку в Риге, ужасы, творимые карательной экспедицией в Праулиене, революционное восстание и подавление его в Алуksне, Кокнесе, Рембате, Тукуме, Талсах и др. районах Латвии, поджог имений, бой в Айзпуте, съезд учителей, съезд крестьян, кровавое подавление революции, возмущение народа, непримиримую ненависть к угнетателям и т. д. «Отображение должно быть настолько сильным, — писал Райнис, — чтобы чувствовался запах крови и радость воскресения».

Героем эпоса Райнис выбирает народ, а не отдельных личностей. В 1906 году он пишет: «Не называть отдельных лиц, так как героем является весь народ...»; «это эпос о народе, о чаяниях народа, о его горе и ужасах смерти»; «нет одного героя — геро и все, героическое время, героические дела... Идите в бой вы сами, вы, самые униженные и самые подавленные. Вы сами должны победить, стать героями». Эпосом Райнис хотел «учить народ героизму».

Когда Райнис писал это произведение, он критически переоценивал все наиболее значительные эпосы мировой литературы, ища новых форм этого жанра, пытаясь соединить классические формы эпоса с революционным содержанием, с социалистическим мировоззрением.

13 июля 1915 года Райнис поставил себе задачу написать «социалистический эпос»: «Для меня социализм — самая передовая теория. Социалистическое мировоззрение — социалистический эпос. Поэтому романтика и реализм...»

В 1906 году Райнис отмечает: «Народный поэт должен все охватить: страну, природу, историю, людей, выдающихся личностей, надежды и чаяния, программу, будущее». Тут же он набрасывает следующее основное разделение эпоса: «Вступление. Патриархат. 1. Феодализм. 2. Капитализм. 3. Переход к социализму».

Из этого сложного, монументально задуманного революционного произведения Райнис написал только 27 отдельных, по своему характеру лиро-эпических песен-баллад. Они остались несистематизированными, частично незаконченными. На латышском языке «Эпос 1905 года» еще не опубликован как цельное и отдельное произведение.

В настоящее издание из «Эпоса 1905 года» включены следующие песни:

Слезы и кровь (*Asaras un asins es jums dziedu*). Написано 6 мая 1906 года как вступление к эпосу. Осталось незаконченным. Впервые — в 1949 году в примечаниях к VI тому Собрания сочинений Я. Райниса.

Старый ворон (*Vesais krauklis*). Впервые — в 1940 году в сборнике «Муза в боях».

Вбронами в латышском народе назывались немецкие бароны. 700 лет — период владычества немецких псов-рыцарей и баронов на латышской земле.

Пасха (*Lieldienas*). Впервые — в 1907 году в журнале «Ритс» («Утро»), № 11. Расстрелянных революционеров пасторы не позволили похоронить на кладбище. Их могилы — за оградой, в «несвященной» земле.

Мой народ (*Nākamības tauta*). Впервые — в 1935 году в журнале «Даугава» («Двина»), №№ 4 и 7.

Мать провожает мстителя (*Māte pavada atriebēju*). Не вполне закончено. Впервые — в 1935 году в журнале «Даугава», № 7.

Душа убитого в сраженьи (*Karā kauta dvēselīte*). Первоначальное заглавие: «Умерший борец». Впервые — в 1909 году в первом издании «Тихой книги», но в последующие три издания сборника не включено из-за цензуры.

Четыре ветра (*Četri vēji*). Впервые — в 1937 году в посмертном сборнике стихов Райниса «Айзас зиеды» («Цветы ущелья»).

У сожженного дома (*Pie nodedzinātām mājām*). Впервые — в 1937 году в посмертном сборнике стихов Райниса «Айзас зиеды».

Великая загадка (*Lielā mīkla*). Написано 24 мая 1906 года как эпилог к эпосу. Впервые — в 1935 году в журнале «Даугава», № 4. Осталось неоконченным.

Черная сотня (*Melnā sotņa*). Впервые — в 1940 году в сборнике «Муза в боях».

Черными сотнями назывались царские карательные отряды, посланные в Латвию для расправы с революционерами. *Курземе, Видземе, Латгалия* — области в Латвии. *Малиена* — бытующее в народе название северо-западной окраины Видземе.

Раны народа и честь народа (*Tautas vāts*). Впервые — в 1936 году в посмертном сборнике стихов Райниса «Лилелас линияс» («Большие линии»).

Идущий побеждать (*Uzvarā gājējs*). Впервые — в 1935 году в журнале «Даугава», № 7.

У матери отняли сына (*Atrāva dēlu*). Впервые — в 1935 году в журнале «Даугава», № 7.

Труха смерти (*Nāves rabīrumi*). Впервые — в 1937 году в посмертном сборнике стихов Райниса «Айзас зиеды».

«Лишь воля может мне помочь... (Tik vien vēl stiprās gribas spaidis). Фрагмент из широко задуманного вступления к эпосу. Впервые — в 1940 году в сборнике «Муза в боях».

По полям родины (Pa dzimtenes laukiem). Впервые — в 1906 году в альманахе «Копумс» («Общность»), вышедшем под редакцией Райниса.

13 января (13. janvāra dienas). Впервые — в 1940 году в сборнике «Муза в боях». 13 января 1905 года в Риге состоялась большая демонстрация в связи с событиями 9 января в Петербурге. На демонстрантов напала царская полиция. Было много убитых и раненых.

Жалоба земли («Zemes sūdzība»). Впервые — в 1937 году в посмертном сборнике стихов Райниса «Айзас зиеды».

Из поэмы «Суд в Талси» (Talsu tiesa). Задумано 29 ноября 1906 года, написано 9—11 июля 1914 года. Впервые — в 1915 году в «Страднисуку календарс» («Рабочий календарь»), издаваемом в Бостоне латышскими социал-демократами.

Талси — районный центр Латвийской ССР, где в 1905 году произошло вооруженное столкновение с царскими войсками и полицией. Здесь печатается только фрагмент из поэмы.

1907

Чернила и кровь (Tinte un asins). Впервые — в 1908 году в альманахе «Атвасес» («Побеги»), том II. Включено в сборник «Муза в боях».

Ржавая цвель (Ruda gāva). Впервые — в 1909 году в сборнике «Тихая книга».

Опять ночь (Atkal nakts). Впервые — в «Хозяйственном календаре» на 1909 год с заглавием «Вторая ночь». Включено в сборник «Тихая книга».

Бедный брат (Nabaga brālis). Впервые — в 1907 году в сатирическом журнале «Свары», № 7, под заглавием «Это твое». Включено в первое издание сборника «Тихая книга»; в последующих трех изданиях не включено из-за цензуры.

Бюрократ и ордена (Birokrāts un ordenis). Впервые — в 1907 году в сатирическом журнале «Свары», № 10. Включено в сборник «Тихая книга».

Умеренному (Vidusvīrs). Впервые — во II томе альманаха «Ритс» в 1907 году с заглавием «Латвии». Включено в сборник «Тихая книга» с теперешним заглавием.

Непрощенный долг (Nepiedodams parāds). Впервые — в 1940 году в сборнике «Муза в боях».

Современный врач (Moderns ārstis). Впервые — в 1909 году в сборнике «Тихая книга».

Беспартийный политик (Bezpartejisks politiķis). Первая строфа написана в 1905 году, остальное стихотворение — 26 февраля 1907 года под заглавием «Либеральный политик». Впервые — в 1909 году в сборнике «Тихая книга».

Баня (Pirts). Впервые — в 1909 году в сборнике «Тихая книга»; в последующих трех изданиях сборника не включено из-за цензуры.

Сосуд жизни (Dzīvības trauks). Начато в 1902 году, закончено 22 марта 1907 года. Впервые — в журнале «Аусеклис», 1907, № 2. Включено в сборник «Тихая книга».

Щедрая рука (Atvērtā roka). Впервые — в 1912 году в сборнике «Конец и начало».

Песня мая (Māija dziesma). Написано 24 апреля 1907 года с заглавием «Май рабочих» и примечанием «Мелодия марсельезы». Впервые — 30 апреля 1907 года в центральном органе ЛСДРП — подпольной газете «Циня» («Борьба») за подписью «Атварс» (Омут). Вторично напечатано в «Цине» 1 мая 1911 года с некоторыми изменениями и под заглавием «Песня мая». Включено в сборник «Муза в боях». Перевод сделан по варианту 1911 года.

Вишня и луг (Ķirsis un pļava). Впервые — в 1912 году в сборнике «Конец и начало».

Повилика (Ceļa gājējs — tītenīts). Цензура вычеркнула в III части первую строфу. В подцензурных изданиях смягчена и вторая строфа III части. В настоящем издании стихотворение восстановлено по рукописи, сохранившейся в архиве поэта. Впервые — в 1911 году в сборнике «Те, кто не забывают».

Капельки росы (Rasas pilītes). Впервые — в 1911 году в сборнике «Те, кто не забывают». Стихотворение относится к богатой озерами Латгалии — земле молодости Райниса.

Алмаз (Dimants). Впервые — в 1912 году в сборнике «Конец и начало».

Живое пламя (Dzīvā kvēle). Впервые — в газете «Лиепаяс Атбалс» («Лиепайское эхо»), 1909, № 11. Включено в сборник «Те, кто не забывают».

Вот она, золотая Казань! (Tā ir zelta Kazana). Впервые — в 1920 году в сборнике «Домой» (см. «Пять эскизных тетрадей Дагды»). В стихотворении отражены впечатления Райниса при возвращении домой из Слободской ссылки.

Далекие окна (Tālie logi). Впервые — в журнале «Изглигтыба» («Просвещение»), 1910, № 9. Включено в сборник «Те, кто не забывают».

Серый и черный бароны (Pelēkais un melnais barons). Впервые — в календаре «Вихри» на 1908 год.

Черными баронами латышский народ называл немецких помещиков, а *серыми* — латышских кулаков. *Лесными братьями* звали перешедших после поражения революции 1905 года в леса Латвии революционеров, которые еще в 1906 году продолжали вооруженную борьбу с помещиками и их подручными.

Время—деньги (Laiks ir nauda). Впервые — в газете «Лайка Балсс», 1911, № 28. Включено в сборник «Муза в боях».

Роса и ягоды (Rasa un ogas). Впервые — в 1912 году в сборнике «Конец и начало».

«Последний грош...» (Vairs naudas nav). Начато в 1905, закончено в 1907 году. Впервые — в 1940 году в сборнике «Муза в боях».

Призрак пляски (Dejas spoks). Впервые — в 1909 году в сборнике «Тихая книга».

Грозный призрак — революция.

Ratet jānuā, eķi. Впервые — в 1908 году в журнале «Варпас» («Колосья»), № III. Включено в сборник «Тихая книга». В настоящем издании восстановлено подлинное название стихотворения Райниса, вместо данного переводчиком («Самоубийца»).

Дело жизни (Darbu darbs). Впервые — в 1909 году в первом издании сборника «Тихая книга»; в последующих трех изданиях сборника не включено из-за цензуры. По наброску видно, что стихотворение автор много раз исправлял.

Источники силы (Spēka avoti). Впервые — в 1908 году в газете «Знемельблазма» («Северное сияние») № 7. Включено в сборник «Тихая книга».

Родине (Dzimtenei). Первая строфа написана в Слободской ссылке в 1902 году и напечатана в 1903 году как эпиграф к сборнику «Далекие отзвуки синего вечера»; остальные строфы написаны в 1907 году. Все стихотворение впервые опубликовано в 1911 году, в первом номере журнала «Изглитыба». Включено в сборник «Те, кто не забывают».

Достояние бедняка (Kalpa manta). Написано в 1903 и 1907 годах. Впервые — в альманахе «Копумс», который под редакцией Райниса вышел в 1907 году. Включено в сборник «Муза в боях».

Тушение огня (Uguns dzēsums). Впервые — в 1907 году в журнале «Ритс», № 3. Включено в сборник «Муза в боях».

Право голоса (Balsstiesība). Впервые — в 1909 году в сборнике «Тихая книга». Включено в рукопись календаря «Вихри» на 1909 год.

Тихие могилы (Klusie kapī). Впервые — в 1907 году в журнале «Ритс», № 13 под заголовком «Неизвестные могилы». Включено в сборник «Тихая книга».

Казням нет конца (Sodi bez gala). Впервые — в 1940 году в сборнике «Муза в боях».

Давнее видение (Mūžīgā aina). Впервые — в 1907 году в журнале «Ритс», № 3. Включено в сборник «Муза в боях».

Всемогущим немецким баронам (Vācu baronu visvarenībai). Впервые — в 1907 году в альманахе «Циба» — («Түес»). Включено в сборник «Муза в боях».

Дело ясно (Skaidras lietas). Впервые — в 1940 году в сборнике «Муза в боях».

Решающие голоса (Izšķirošās balsis). Впервые — в 1940 году в сборнике «Муза в боях».

Взвешенные (Svērti). Впервые — в календаре «Вихри» на 1908 год.

Тихий нрав (Lēna daba). Впервые — в календаре «Вихри» на 1908 год.

Червяк о соколе (Kārpurs rag vanagu). Впервые — в календаре «Вихри» на 1908 год.

Думы Думы (Domes domas). Эпиграмма на первую царскую Думу. Впервые — в календаре «Вихри» на 1908 год.

Положительный труд (Pozitīvs darbs). Впервые — в календаре «Вихри» на 1908 год.

Барон и крестьянин (Lielskungs un zemnieks). Впервые — в календаре «Вихри» на 1908 год. Написано по мотивам немецкого поэта Бюргера (1747—1794).

Где это место? (Kur ir tā vieta?). Впервые — в 1907 году в альманахе «Яунайс пурс» («Новый ларец»). Включено в сборник «Муза в боях».

Реформисты (Reformisti). Впервые — в календаре «Вихри» на 1908 год.

Справедливость, или Медведь и корова (Izlīdzinošā taisnība jeb: Lācis un govš). Впервые — в календаре «Вихри» на 1908 год.

Насчет накопления (Taupīt nepratējs). Впервые — в календаре «Вихри» на 1908 год.

Мирное соглашение (Miera līdēji). Впервые — в календаре «Вихри» на 1908 год. Включено в сборник «Тихая книга». Сатира направлена против латышской буржуазии, проповедующей соглашательство с помещиками и царизмом.

Устаревшая поговорка (Novecojusies raguna). Впервые — в календаре «Вихри» на 1908 год.

1908

Мои друзья (Mani draugi). Впервые — в 1912 году в сборнике «Конец и начало».

Луч солнца (Saules stars). Начато в 1904 году, закончено 16 апреля 1908 года. Впервые — в журнале «Изглитыба», 1909, № 2. Включено в сборник «Тихая книга».

Счастливые юноши (Laimīgie jaunekļi). Начато 31 декабря 1906 года, закончено 18 апреля 1908 года. Впервые — в 1909 году в первом издании «Тихой книги»; в последующих изданиях сборника не включено из-за цензуры.

Неправедное богатство (Netaisna manīa). Впервые — в 1909 году в сборнике «Тихая книга».

Левая сторона (Kreisā puse). Впервые — в журнале «Изглитыба», 1909, № 1. Включено в сборник «Тихая книга».

Salve! Первоначальное заглавие «Южное небо». Впервые — в 1912 году в сборнике «Конец и начало».

Бессмертие (Nepīcība). Впервые — в 1912 году в сборнике «Конец и начало».

Мои враги (Mani ienaidnieki). Первоначальное заглавие «Мои победители». Впервые — в 1912 году в сборнике «Конец и начало».

«В книге с черными листами...» (Grāmatā ar melnām lapām...). Первые две строфы написаны 23 декабря 1907 года, последние две — 3 августа 1908 года. Впервые — в 1909 году в сборнике «Тихая книга» в виде эпиграфа.

Все к добру (Kad labi būs). Начато 18 декабря 1907 года, закончено 5 августа 1908 года. Впервые — в 1909 году в сборнике «Тихая книга».

Истина (Pātiesība). Впервые — в 1909 году в сборнике «Тихая книга».

Страдания и надежды (Sāpes un cerības). Впервые — в «Латвиету календарс» («Латышский календарь») на 1910 год. Включено в сборник «Те, кто не забывают».

Партии порядка (Kārtības partijas). Первоначальное заглавие «Песнь миролюбивых». Впервые — в 1909 году в сборнике «Тихая книга».

Женская душа (Sievietes dvēsele). Впервые — в 1909 году в первом издании сборника «Тихая книга».

Детские уста (Bērņu mute). Впервые — в 1909 году в сборнике «Тихая книга».

Одиночка (Vienpatis). Впервые — в газете «Яуна Диенас Лапа» («Новый ежедневный листок»), 1910, № 1. Включено в сборник «Те, кто не забывают».

Приметы переходного времени (Pārejas zīmes). Первоначальное заглавие «Настоящее». Впервые — в 1909 году в сборнике «Тихая книга».

Мгновение (Viens acumirklis). Начато в 1905 или в 1906 году, окончено 16 сентября 1908 года. Впервые — в 1909 году в сборнике «Тихая книга».

Каждая боль (Katra sāpe). Впервые — в 1912 году в сборнике «Конец и начало».

Малые дела (Mazie darbi). Впервые — в 1909 году в газете «Дзиве», № 13. Включено в сборник «Тихая книга».

О величии (Par lielumu). Впервые — в 1909 году в сборнике «Тихая книга». Во втором издании «Тихой книги» вычеркнуто цензурой.

О возрождении (Par atjaunotāju). Впервые — в 1909 году в сборнике «Тихая книга».

Новый день (Jauna diena). Впервые — в 1909 году в сборнике «Тихая книга». Стихотворение напоминает о революции 1905 года, поэтому цензура запретила печатать во втором издании «Тихой книги».

Готовность (Gatavība). Впервые — в 1909 году в сборнике «Тихая книга».

Песня птички (Putniņa dziesma). Впервые — в 1910 году в календаре «Прогресс». Включено в сборник «Муза в боях».

Современный предприниматель (Moderns uzņēmējs). Впервые — в 1925 году в X томе Собрания сочинений поэта. Включено в рукопись календаря «Вихри» на 1909 год.

Предосудительная нагота (Nosodāms kailums). Впервые — в 1925 году в X томе Собрания сочинений поэта. Включено в рукопись календаря «Вихри» на 1909 год.

Идеал (Ideals). Впервые — в 1908 году в альманахе «Атвасес». В 1911 году опубликовано в «Страдниеку календарс». Включено в сборник «Тихая книга».

1908. Впервые — в 1908 году в календаре «Вихри». Включено в сборник «Муза в боях».

Наши дни (Mūsu dienas). Впервые — в 1909 году в сборнике «Тихая книга». Включено также в рукопись календаря «Вихри» на 1909 год с заголовком «С новым годом! С новым счастьем!»

Выше Рима (Lielāki par Romu). Написано предположительно в 1908 году. Впервые — в 1909 году в сборнике «Тихая книга».

В победе мир (Uzvarā miers). Написано предположительно в 1908 году. Впервые — в 1909 году в сборнике «Тихая книга». Цензурой, как отметил Райнис, это стихотворение «особо инкриминировано».

Самодетельность (Pašdarbība). Написано до 1909 года. Впервые — в 1909 году в сборнике «Тихая книга».

Дом на камне (Akmens pamis). Впервые — в 1909 году в сборнике «Тихая книга».

1909—1910

Послеобеденное время в лодке (Pēcpusdiēna laivā). Впервые — в 1912 году в сборнике «Конец и начало».

Когда ночь (Kad nakts). Впервые — в 1912 году в сборнике «Конец и начало».

На старом месте (Vecā vietā). Начато 2 сентября 1905 года, закончено 3 июля 1909 года. Впервые — в газете «Варпас», 1909, № 21. Включено в сборник «Те, кто не забывают».

Вопрос (Jautājums). Написано 7 сентября 1909 года, исправлено 4 февраля 1910 года. Первоначальное заглавие «Самое важное». Впервые — в 1912 году в сборнике «Конец и начало».

Вопросы девушки (Jautātāja — meitene). Написано 7 апреля 1909 года, исправлено 10 сентября 1912 года. Первоначальное заглавие «Поэт и девушка». Впервые — в 1912 году в сборнике «Конец и начало».

Чаша с драгоценностями (Dārgumu trauks). Впервые — в 1912 году в сборнике «Конец и начало».

Ветеран (Veterans). Начато в 1904 году. Впервые — в газете «Варпас», 1909, № 31. Включено в сборник «Те, кто не забывают».

Красная сотня (Sarkanais simts). Впервые — в 1910 году в юбилейном (100) номере подпольной газеты «Циня». В этом номере напечатана статья В. И. Ленина «Юбилейному номеру «Циня» (Ленин, Сочинения, изд. 4-е, т. 16, стр. 235). Газета «Циня» основана в марте 1904 года; выходила с большими перебоями в Риге, Брюсселе и Петрограде; с 1919 года — орган коммунистической партии Латвии.

«Красная сотня» — сотый номер «Цини». Стихотворение Райниса включено в сборник «Муза в боях».

О друге, мечтавшем побывать дома (Par draugu, kas vēlējās mājās būt). Впервые — в 1911 году в журнале «Яуныбас Текас», № 1. Включено в сборник «Те, кто не забывают».

Фердинанд Грининь (кличка — Бурлак, Заляйс) — широко известный латышский деятель революции 1905 года, выдающийся пропагандист, организатор и дружинник, один из руководителей восстания в городе Тукум. Партия поручала ему самые ответственные задания. В конце 1905 года он был послан за границу закупить оружие. В начале 1906 года Грининь некоторое время проживал в Швейцарии, в Цюрихе, где в среде латышских эмигрантов отстаивал линию большевиков. Здесь и состоялась встреча Райниса с ним. Весною 1906 года Грининь вернулся в Латвию, организовал вооруженные группы дружинников. Летом 1906 года он был задержан полицией, которая его безжалостно пытала; 23-летний юноша был изувечен до неузнаваемости, но от него не добились ни одного слова признания. 27 декабря 1906 года он был расстрелян палачами самодержавия.

Текучие воды (Tekošs ūdens). Впервые — в 1911 году в сборнике «Те, кто не забывают».

По ржаному полю (Pa rudzu lauku). Впервые — в 1912 году в сборнике «Конец и начало».

Из глубины (Dziļumā). Впервые — в календаре «Прогресс» на 1911 год с пояснением: «Посвящается тем, кто находятся в камерной клетке». Включено в сборник «Те, кто не забывают».

У котлов жизни (Pie dzīvības katliem). Начато 4 июля 1907 года, закончено 22 октября 1910 года. Впервые — в календаре «Прогресс» на 1911 год. Включено в сборник «Те, кто не забывают».

Величайшая родина (Lielākā dzimtene). Впервые — в 1911 году в сборнике «Те, кто не забывают». Стихотворение написано в эмиграции. В нем Райнис выражает свою любовь к родной Латвии и боль, что он вынужден жить в эмиграции. Преодолеть эту боль поэту помогает уверенность, что революционный пролетариат построит новую родину, где все народы будут свободны и станут жить в дружбе. Поэт мечтает о том времени, когда его родная страна освободится от помещиков и капиталистов и войдет равноправной в будущее государство социалистических наций.

Перекличка (Sasaucšanās). Начато 17 июня 1910 года, закончено 28 октября 1910 года. Впервые — в календаре «Прогресс» на 1911 год с примечанием: «Привет моим товарищам». Включено в сборник «Те, кто не забывают».

Что я знаю (Ko es zinu). Начато в 1904 году, закончено в 1910 году. Впервые — в журнале «Изглитыба», 1910, № 12 с заглавием «Моя наука». Включено в сборник «Те, кто не забывают».

«Ты понял явственней и глубже всех других...» (Tu esi vairāk vien un skaidrāk noskartis). Впервые — в 1940 году в сборнике «Муза в боях».

Рождающаяся душа (Toroša dvēsele). Первая строфа написана 29 июня 1906 года, следующие — в 1910 году. Впервые — в журнале «Изглитыба», 1910, № 3. Включено в сборник «Конец и начало».

Литовская песня (Leišu dziesma). Впервые — в 1911 году в сборнике «Те, кто не забывают». В последующих изданиях Райнис к стихотворению присоединил следующее примечание: «Это литовская песня из истории литовского народа, сохранившаяся со времен язычества. Мне незнаком текст оригинала на литовском языке, знаю только перевод его на русском языке в журнале «Живописная Россия». В наше «просвещенное время» оказалось необходимым давать перевод с многоточиями». 11—13 строки в печатном тексте были обозначены многоточием как цензурой запрещенные. Они восстановлены по рукописи и впервые включаются в текст стихотворения.

1911—1919

Из эстонских песен (No igauņu dziesmām). Рукопись не сохранилась. Впервые — в 1911 году в сборнике «Те, кто не забывают».

«Слава героям!..» (Kritušiem slava!). Начато в 1905 году, закончено 13 июля 1912 года. Впервые — в 1940 году в сборнике «Муза в боях».

«Когда проходят звезды в небесах...» (Kad gausa nakts un zvaigznes garām iet). Опубликовано в 1922 году в сборнике «Серебристый свет» (см. «Пять эскизных тетрадей Дагды»).

Великий май (Lielais maijs). Впервые — в газете «Циня», 1912, № 21. Включено в сборник «Муза в боях».

Класс основной, тебе! (Tev, pamatskīral). Первый набросок сделан 28 июля 1912 года. Впервые — в 1912 году в сборнике «Конец и начало», где стихотворение помещено как посвящение. Этим поэт хотел сказать, что книгу «Конец и начало» он посвящает пролетариату. В первоначальном наброске вместо слов «класс основной» стоит слово «пролетариату». Пролетариат Райнис обычно называл «основным классом».

Странник (Gaitas gājējs). Начато 8 мая 1908, закончено 15 сентября 1912 года. Впервые — в 1912 году в I томе альманаха «Вардс» («Слово»), составленном Андреем Упитом. Включено в сборник «Конец и начало».

Вызов (Izaiciens). Начато в 1907 году, закончено в 1913 году. Впервые — в 1940 году в сборнике «Муза в боях».

Песня сирот (Bāgu dziesma). Впервые — в «Календаре Аусеклиса» на 1913 год. Включено в сборник «Муза в боях».

Майский манифест (Maija manifest). Впервые — в газете «Циня» от 1 мая 1913 года, № 128 без подписи. Вторично стихотворение напечатано в 1949 году в библиографических примечаниях к VI тому Собрания сочинений Райниса как стихотворение, предположительно написанное Райнисом. Только в 1950 году по письмам Райниса, направленным тогдашнему редактору «Цини» И. Янсону (Брауну), удалось точно установить, что стихотворение написано Райнисом.

Страж жизни (Dzīves sargs). Начато 9 мая 1910 года, закончено 17 января 1916 года. Впервые — в 1920 году в сборнике «Слова змеи» (см. «Пять эскизных тетрадей Дагды»).

Тропинка жизни (Dzīves taka). Впервые — в 1920 году в сборнике «Слова змеи».

Оглядываясь (Atskatne). Впервые — в 1920 году в сборнике «Слова змеи».

Не только жить... (Ne dzīvi dzīvot vien...). Впервые — в 1920 году в сборнике «Слова змеи».

Одинокое облако (Viens mākons). Начато 13 ноября 1917 года, закончено 9 августа 1918 года. Впервые — в 1920 году в сборнике «Слова змеи».

В решающий бой (Uz izšķirīgu cīņu). Написано 8 ноября 1918 года как отклик на Великую Октябрьскую социалистическую революцию. Впервые — в 1940 году в сборнике «Муза в боях».

Огненный цветок (Uguns puķe). Впервые — в 1920 году в сборнике «Addio bella!» (см. «Пять эскизных тетрадей Дагды»).

Верю твердо (Vēl lielā tice ir). Впервые — в 1920 году в сборнике «Слова змеи».

«Я всех любил вас равную любовью...» (Es mīlēju jūs visus līdzī silti). Впервые — в 1922 году в сборнике «Серебристый свет».

Душистое чудо (Uz māņa galda smaržīgs brīnums zied). Впервые — в 1922 году в сборнике «Серебристый свет».

Милый май (Mīlais maijs). Впервые — в 1920 году в газете «Социал-демократс», № 98. Включено в сборник «Муза в боях».

Из когтей вороньих — воронами Райнис называет латышскую реакционную буржуазию.

Отважная мысль (Pārdrošā doma). Впервые — в 1920 году в журнале «Коллективс», № 1. Включено в сборник «Муза в боях».

Тебе опять в бой (Tev atkal cīņā iet). Впервые — в 1921 году в газете «Социал-демократс», № 23. Вскоре после возвращения из эмиграции на родину в 1920 году Райнис понял, что буржуазная демократия Латвии не обеспечивает свободу трудящимся, что она основывается на безжалостной эксплуатации рабочих со стороны деревенской и городской крупной буржуазии, поэтому считал необходимым продолжать борьбу до конечной победы латышского пролетариата. Стихотворение включено в сборник «Муза в боях».

Черное покрывало (Melnā apsega). Впервые — в 1925 году в сборнике «Дочь луны» (см. «Пять эскизных тетрадей Дагды»).

Жар очей (Acs degums). Рукопись не сохранилась. Впервые — в 1922 году в сборнике «Серебристый свет».

Ты смеешь (Tu drīksti). Впервые — в 1925 году в сборнике «Дочь луны».

Праздник возрождения (Atmodas svētki). Впервые — в 1923 году в газете «Социал-демократс», № 70. Включено в сборник «Муза в боях».

Безуханная сирень (Nesmaržīgs ceriņš). Впервые — в 1925 году в сборнике «Дочь луны».

Пример мая (Maija piemērs). Впервые — в 1924 году в журнале «Ародниекс» («Профсоюзник»), № 9. Включено в сборник «Муза в боях».

Звезды, цветы и душа (Zvaigznes, puķes un dvēšles). Впервые — в 1925 году в сборнике «Дочь луны».

Первое письмо (Pirmā vēstule). Впервые — в 1925 году в сборнике «Дочь луны».

Неумирающая память (Nemirstama mīga). Впервые — в 1925 году в сборнике «Дочь луны».

Красота моря (Jūras skaistums). Впервые — в 1925 году в сборнике «Дочь луны».

Дорога в страну счастья (Ceļš uz laimes zemi). Впервые — в 1925 году в сборнике «Дочь луны».

Глаза людей и очи звезд (Ļauži acis un zvaigžņu acis). Впервые — в 1925 году в сборнике «Дочь луны».

Кто свет? (Kas gašums?). Впервые — в 1925 году в сборнике «Дочь луны».

Ищущему (Meklētājam). Впервые — в 1926 году в газете «Социал-демократс», № 91. Включено в сборник «Муза в боях».

Не забудь о себе (Nepiemirsti sevi). Впервые — в 1928 году в газете «Яунайс Лайкс» («Новое время»), № 1. Включено в сборник «Муза в боях».

II

«AVE SOL!»

Поэму «Ave soll» («Да здравствует солнце!») Райнис начал писать еще во время Слободской ссылки. В предисловии к поэме в 1925 году он говорит: «Начало этой песни о солнце надо искать не на юге, где много солнца, а на севере, где по нему тоскуют... В Слободском зародилась основная мысль написать песню о солнце и написаны первые отдельные строфы; в то время она так и называлась: «Песнь о солнце».

Работу над поэмой, как видно по сохранившимся в архиве Райниса рукописям, поэт возобновил только в 1906 году, когда он уже находился в эмиграции в Швейцарии. В 1906 году он закончил главу «Ранний путь» и начал писать главу «Праздник цветов». Пролог поэмы написан в марте и апреле 1907 года. Последняя глава — «Поздний закат» — написана в мае и июне 1908 года.

Вступление к поэме и глава «Ранний путь» впервые напечатаны в журнале «Аусеклис», 1907, № 1. Поэма тогда называлась: «Под лучами солнца». Вторая часть поэмы под заглавием «Праздник солнца» впервые напечатана в журнале «Стари» («Лучи»), 1908, № 4. Последняя глава, «Закат солнца», впервые напечатана в том же журнале «Стари», 1908, № 5/6.

Первое издание поэмы отдельной книгой вышло в Риге, в марте 1910 года. На латышском языке поэма вышла всего в девяти изда-

ниях, на русском языке — в четырех изданиях, в переводе Н. Манухиной и Н. Павлович. Отдельной книгой в переводе Н. Павлович поэма издана в 1950 году в Риге Латгосиздатом.

Поэма «Ave sol!» написана под влиянием совершившейся революции 1905 года. В аллегорических картинах природы поэт рисует развитие революционных событий и неизбежную победу пролетариата.

На то, что Райнис задумал поэму как гимн, восславляющий революцию и неудержимое диалектическое развитие общества, указывают обширные примечания, написанные поэтом во время его работы над поэмой. В одной из этих заметок в 1907 году, работая над вступлением, поэт раскрывает основную идею поэмы:

«Одну песню, не знаю, как ее назвать, уловил я всем своим существом, она звучала на просторе и звучит еще и теперь повсюду, всегда, вечно...»

Слышал я ее во все времена, у всех народов... Это радость сущей жизни, даже больше: радость за становящуюся, за ожидаемую жизнь, за революцию, за новую, лучшую жизнь. Солнце свободы — это революция. Вечно песнь о ней звучала, и в своем сердце я ее слышал, и мне удалось ее увидеть, — это чудо, это невыразимое, это счастье».

Райнис понимает, что узловым момент исторического развития — это революция. На одном из листов рукописи «Ave sol!» он пишет:

«Революция — это расцвет в смене исторических эпох; революция — это быстрейший и наиболее глубокий процесс развития; высший принцип — вечное движение; властвовать над слепыми силами природы, заставить их служить человеку».

На другом листе рукописи поэмы Райнис отмечает:

«Духовное солнце — это обновление, преобразование жизни, созидание новой культуры — это социализм, который является гуманизмом и который, как солнце, пробуждает все на новую жизнь, на пахоту, сеяние, цветение и плоды урожая».

Третья строфа вступления в начальном виде звучала так (в дословном переводе):

Ты всеми чувствами древнюю песню слышишь,
То революция и возрождение,—
Все противоречия и грезы разрешает она...

В последующей редакции это место переделано таким образом:

И радость без конца; ты всеми чувствами слышишь:
То грохот революции и возрождения.

Должно быть, из-за цензуры Райнис в приготовленном для издания тексте слово «революция» заменил словом «превращение».

Цензура вычеркнула больше десяти строк из XIII и XIV песен в главе «Праздник цветов» (в переводе Манухиной — «Праздник весны»). Вычеркнутые места восстановлены по рукописи Райниса только в 1949 году. В настоящем издании они включены в перевод Н. Манухиной.

«ОГОНЬ И НОЧЬ»

Пьесе «Огонь и ночь» Райнис начал писать летом 1903 года, сразу же после возвращения из ссылки, как либретто оперы в связи с конкурсом на лучший оперный текст, объявленным Музыкальной комиссией Рижского Латышского общества в 1902 году. Текст Райниса не был премирован, но либретто было настолько полно драматизма и имело такое богатое содержание, что автор без большого труда мог его переделать в пьесу. Музыка к тексту «Огонь и ночь» создана значительно позже (преьера оперы состоялась в 1921 году).

Первый акт пьесы «Огонь и ночь» написан на Рижском взморье, в Елгаве, в Даугавпилсе, куда поэт выезжал на нелегальные собрания, совещания и конференции социал-демократов. Второй акт тоже написан в 1903 году в Елгаве, в течение нескольких дней. К разработке следующих актов Райнис приступил после продолжительного перерыва — летом 1904 года, живя на Рижском взморье. Последний акт он написал поздней осенью 1904 года — за 10 дней.

Пьеса «Огонь и ночь» впервые опубликована в 1905 году в МВМ. III, IV и V акты были напечатаны после упразднения цензуры, а в первых двух актах цензура успела вычеркнуть наиболее резкие места, относящиеся к эксплуататорам, особенно к разоблачению Кангара как предателя латышского народа.

Первое издание пьесы «Огонь и ночь» в отдельной книге вышло только в начале 1908 года. До сих пор пьеса на латышском языке вышла в пятнадцати изданиях.

На русском языке пьеса впервые издана в 1920 году в городе Уфе, в переводе Я. Грунта. Второе издание вышло в 1935 году, в переводе А. Н. Муратова (в книге, изданной под редакцией П. Дауге: Ян Райнис. Избранные сочинения. Изд-во Academia). Еще одно издание перевода Муратова вышло в 1940 году в Москве в книге: Ян Райнис. Избранное. Гос. изд-во «Художественная литература». В настоящем издании «Огонь и ночь» печатается в новом эквиритмическом переводе Вс. Рождественского.

«Огонь и ночь» Райнис писал в таком же настроении, как и большую часть стихотворений смелого, революционного сборника «Посевы бури», уже предчувствуя приближение революционных событий 1905 года. И хотя в пьесе обрисована историческая борьба латышского народа против своих угнетателей, она полна революционных настроений. Революционно-романтический пафос этого произведения обращен к будущему — к полной победе пролетариата и уничтожению всякой эксплуатации.

В нескольких письмах, написанных в 1908 году, Райнис говорит, что эту пьесу он писал для того, чтобы диалектически, основываясь на историческом материализме, показать в различных кругах движение исторического процесса, который по спирали поднимается ввысь и своего высшего напряжения достигает в классовой борьбе пролетариата против помещиков и капиталистов. Поэтому образы, взятые из фольклора латышского народа и эпоса «Лачплесис» А. Пумпура, поэт превратил в символы, находя, что

только так он сможет показать развитие общества в течение столетий, придать идеям конкретную художественную форму. Поэтому образы героев пьесы — Лачплесис, Спидола, Кангар, Черный Рыцарь — могут быть поняты лишь на фоне развития исторической классовой борьбы. О Лачплесисе Райнис сам пишет: «Лачплесис — это сила, стремящаяся вперед во всех кругах развития общества, как бы возвращаясь в круг, но высший», пока не становится выразителем боевой сознательности пролетарских масс. В пьесе «Огонь и ночь», как пишет сам автор, он не думал изображать всемирную историю, но главным образом стремился зажечь в массах боевой огонь.

В наброске одного письма в 1908 году, в связи с пьесой «Огонь и ночь», Райнис говорит:

«...я больше ожидаю от воли живых людей, чем от обстоятельств. У меня все согласовано с этой мыслью, и в поэзии меня больше всего интересуют живые люди, они для меня всему мера и символ... Воля — это содержание всего, и высшая ступень воли в массах, народе или пролетариате. Поэзия будущего должна представлять из себя одно из проявлений живой воли, этим поэзия поднимется на высшую ступень и приобретет еще большую движущую силу в общественной жизни...».

В другом письме о пьесе «Огонь и ночь» поэтом сказано: «Тут не только картина и отражение, а выражение живой воли, которое само живет и оживляет всех. Это и есть высшая цель поэзии. Старая эстетика нас учит, что поэзия должна остаться только отражением, только образом, которому нет дела до окружающей нас жизни: каждое соприкосновение с жизнью называют тенденцией и противоположностью искусству. Это делает художественное произведение неживым, и хотя возвышает его до неба, но отрывает от воздействия на людей, где его настоящее место. Когда будет создана новая эстетика, она потребует, чтобы поэзия и художественные произведения были не [пассивными] образами, а живыми организмами».

В связи с упреками, высказанными тогдашней критикой, что в пьесе отражено прошлое, а изображением прошлого пролетариат не интересуется, Райнис пишет: «А может быть, вы думаете, что не нужно изображать прошлую борьбу?.. Может быть, нужно давать только холодное и объективное изображение и не зажигать воодушевление настоящего и будущего отражением боевого духа прошлого? Требуйте это от буржуазного поэта, но не от меня. Моя поэзия вся для пролетариата и ее задачей является поддержание его духа на пути к великой цели».

Из этого видно, что Райнис, работая над пьесой «Огонь и ночь» в период 1903—1904 годов пробовал разрешить проблему, каким образом сделать художественное произведение активным борцом в классовой борьбе пролетариата.

И действительно, пьеса «Огонь и ночь» имела большое значение в борьбе латышского трудового народа, в особенности в борьбе латышского пролетариата за свое освобождение. Образы пьесы звали на непримиримую борьбу против угнетателей латышского трудового народа начиная с боев в пламенные дни 1905 года.

Премьера пьесы состоялась 8 февраля 1911 года в Новом Рижском театре. Постановка пьесы, в подготовке которой как в идейном, так и в материальном отношении принимали участие самые широкие массы трудящихся, вызвала в латышском передовом обществе невиданный до первой империалистической войны восторг. Латышские реакционеры, добиваясь запрещения пьесы, характеризовали ее как произведение, призывающее к бунту и порождающее смуты. Присутствовавшая на представлениях полиция сидела с разрешенным цензурой экземпляром в руках, все время проверяя идущий на сцене текст. Театр показывал «Огонь и ночь» непрерывно каждый день, по воскресеньям даже два раза в день, что в истории латышского театра в то время было необычным явлением. На сотое представление в апреле 1914 года Райнис прислал приветствие, написанное в стихах, призывающее последовать примеру героев пьесы и довести начатую борьбу до конца, ибо только тогда возможна победа.

Еще более горячий отклик пьесы «Огонь и ночь» вызвала среди трудящихся Советской Латвии. В январе 1947 года состоялась премьера пьесы в Государственном Художественном театре Латвийской ССР, а в сентябре 1949 года уже давалось сотое представление. Особое внимание и признание постановка пьесы «Огонь и ночь» заслужила во время гастролей Государственного Художественного театра Латвийской ССР в столице нашей великой родины — Москве в августе 1947 года. Постановщик, декоратор и артисты, исполняющие главные роли, заслужили высшее признание нашей родины — Сталинскую премию.

Ликцепур — властитель ада (лат. миф.). *Вайделот* — жрец. *Лайма* — богиня счастья (лат. миф.). *Пёркон* — повелитель грома (лат. миф.). *Сакта* — крупная застежка, брошь.

«ЗОЛОТОЙ КОНЬ»

Пьеса «Золотой конь» написана в Швейцарии, в Кастаньоле, в конце 1909 года. О том, как она создавалась, Райнис сам писал в 1925 году в предисловии к пьесе:

«Золотой конь», так же как многие из моих произведений, написан благодаря стимулу извне. Мне прислали письмо из «Нового театра» достаточно поздно — кажется, в середине октября, чтобы я к рождеству дал им пьесу. Готовой пьесы у меня не было, и я, вполне понятно, за такой короткий срок не мог написать ничего нового или приготовить что-нибудь из уже написанного — времени хватило бы только для разучивания пьесы театром. Я написал письмо, что пьесы у меня нет, и понес его на почту в Лугано. Но неволью взбудораженные чувства продолжали работать, яснее зазвучали древние мотивы, излюбленные образы обрисовывались перед глазами, и не доходя до почты я имел уже в голове придуманный мною сюжет пьесы. Вернулся обратно, не сдал письмо: мы обсудили новую тему с Аспазией и в тот же день я написал другое письмо, в котором обещал новую пьесу, описал необходимые декорации и сам себе назначил срок сдачи. За четыре или пять недель пьеса была написана, после того как неделя или даже

больше была потеряна, потому что в развитии действия завязался узел. Я сидел один на своей горе и, не зная, что начать, хотел уже приступить к разработке одной сцены из пьесы «Иосиф и его братья», когда над моей головой пролетели семеро воронов, заявив о себе своими густыми мелодическими голосами. Вдруг у меня перед глазами промелькнула сцена с воронами. Антень был спасен и поднялся на вершину стеклянной горы. В тот день солнце было яркое и теплое, а солнце всегда поддерживало меня».

Пьеса «Золотой конь» впервые напечатана в газете «Яуна Дие-нас Лапа» («Новый Ежедневный Листок») в 1910 году, № 12—87. Отдельной книгой она впервые вышла в Риге в 1910 году. На латышском языке пьеса вышла в девятнадцати изданиях.

На русском языке пьеса впервые напечатана в переводе В. Брюсова в книге: Сборник латышской литературы. Под редакцией В. Брюсова и М. Горького. Петроград, 1916. Позже пьеса в том же переводе В. Брюсова была напечатана в 1935 году (в книге: Ян Райнис. Избранные сочинения. Редакция и вступительная статья П. Дауге. Изд-во Academia) и в 1948 году (Я. Райнис. Золотой конь. Латгосиздат, Рига, рисунки Г. Вилкса).

Пьеса переведена и издана: на немецком языке в 1922 году, на литовском — в 1924 году, на эстонском языке в 1929 году.

Сюжет пьесы Райнис заимствовал из эстонских сказок, разработав его в духе латышского фольклора, связывая мотивы сказки с мечтой латышского народа о свободе, с его надеждой на победу в годы тяжелой реакции, когда была написана пьеса. В 1910 году в одном из посвящений зрителям пьесы Райнис пишет, что основная идея пьесы почерпнута из глубины красоты природы родной земли и духовной красоты народа и писана для народа.

Пьеса «Золотой конь» среди латышских трудящихся, особенно среди молодежи, приобрела уже с самого начала глубокую и вполне понятную известность. Позже она стала одной из самых популярных пьес Райниса, так как учила подавленный латышский народ вере в победу, а молодежь — самоотверженной борьбе за счастье народа.

Премьера пьесы состоялась 8 января 1910 года в Новом Рижском театре.

В Советской Латвии пьесу ставили: Государственный художественный театр Латвийской ССР (премьера — 31 декабря 1940 г.), Государственный кукольный театр Латвийской ССР (премьера — декабрь 1946 г.), Государственный академический театр драмы Латвийской ССР (премьера — 16 апреля 1948 г.).

В настоящем издании «Золотой конь» печатается в переводе Брюсова по «Сборнику латышской литературы» (под редакцией В. Брюсова, М. Горького).

В последнем издании «Золотого коня» (Латгосиздат, Рига, 1948) редактором допущены произвольные отступления от текста перевода Брюсова.

При подготовке текста для сборника Большой серии «Библиотеки поэта», на основе сверки с оригиналом, произведены некоторые исправления, которые сводятся к следующему:

1. Устранены технические погрешности издания «Сборник ла-

тышской литературы» (исправлены опечатки, восстановлены пропущенные строки).

2. Устранен искажающий текст разноречивой в наименовании одних и тех же предметов и лиц. Например, в тексте всюду оставлено *ограда* вместо *забор* (у Брюсова при описании одного и того же явления употребляется то *ограда*, то *забор*; по смыслу и по подлиннику должно быть *ограда*). Из двух наименований — *кафтан*, *сюртук* — оставлено *кафтан*. Действующее лицо пьесы — принцесса — именуется в одних случаях правильно — *высочеством*, в других ошибочно — *величеством*. Исправлено всюду на *высочество*.

ПЕРЕЧЕНЬ ИЗДАНИЙ СТИХОТВОРЕНИЙ РАЙНИСА НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Переводы стихотворений Райниса на русском языке до сих пор главным образом опубликованы в следующих изданиях:

Сборник латышской литературы. Под редакцией В. Брюсова и М. Горького, со вступительной статьей И. Янсона «Латышское общественно-культурное развитие и латышская литература». Книгоизд-во «Парус», Пг., 1916, 396 стр. В книге помещены 39 стихотворений Райниса, главным образом из книги «Далекie отзвуки синего вечера». Почти все стихотворения перевел В. Брюсов.

П. Дауге. Я. Райнис, певец борьбы, солнца и любви. С приложением избранных стихотворений в переводе с латышского В. Брюсова, И. Белоусова, А. Гарина и др. Под ред. И. Белоусова. Гос. изд-во, М., 1920, 206 стр. В книге всего переведено 71 стихотворение, больше всего из сборников «Далекie отзвуки синего вечера» и «Тихая книга».

Ян Райнис. Избранные сочинения. Редакция и вступительная статья П. Дауге. Изд-во Academia, М.—Л., 1935, 716 стр. В книге представлено 160 стихотворений из всех сборников стихов Райниса и поэма «Ave soll» в переводе Н. Манухиной.

Ян Райнис. Избранное. С вступительной статьей Я. Менцендорфа. Гос. изд-во художественной литературы, М., 1940, 236 стр. В книге всего 127 переводов стихотворений Райниса из всех сборников, главным образом из сборника «Конец и начало» и «Далекie отзвуки синего вечера». Включена и поэма «Ave soll» в переводе Н. Манухиной.

Ян Райнис. Песни борьбы и мужества. Редактор Л. Блюмфельд. Гос. изд-во художественной литературы, М., 1944, 44 стр. В книге переводы 53 стихотворений, в основном из сборника «Муза в боях». Большинство стихотворений переведено впервые.

Я. Райнис. Избранная лирика. Составитель К. Краулин, предисловие Я. Менцендорфа, редакторы Я. Судрабкалн и Н. Павлович, художник А. Диминь. Латгосиздат, Рига, 1948, 222 стр. В книге переводы 161 стихотворения из всех сборников стихов Райниса. Часть стихотворений переведена впервые.

Я. Райнис. Стихи для детей. Избранное. Перевод с латышского М. Замаховской. Редакторы Н. Павлович и Л. Паже. Иллюстрации К. Фрейманиса. Латгосиздат, Рига, 1948, 87 стр. В книге переводы 84 стихотворений Райниса для детей. Второе издание вышло в 1952 году.

Я. Райнис. Ave so! Перевод с латышского Н. Павлович. Художник А. Апинис. Редактор Л. Паже. Латгосиздат, Рига, 1950, 96 стр. В книге впервые восстановлены вычеркнутые цензурой строки. Присоединено послесловие.

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. *Я. Райнис в 1905 г.* Фронтиспис.
  2. *Я. Райнис в студенческие годы (1884—1888).* Между стр. 16 и 17.
  3. *Я. Райнис в Либавской тюрьме в 1897 г.* Между стр. 32 и 33.
  4. *Дом, где жил Я. Райнис в г. Слободском.* Между стр. 64 и 65.
  5. *Я. Райнис в 1921 г.* Между стр. 352 и 353.
  6. *Дом-музей Я. Райниса на Рижском взморье в Майори (июль 1952 г.).* Между стр. 368 и 369.
-

СОДЕРЖАНИЕ

Ян Райнис. *Вступительная статья К. Краульня* 5

I

1880—1902

Крестьянин. Пер. Б. Тимофеева	45
Юношам. Пер. Вл. Невского	46
Он это знал. Пер. И. Ринка	47
Филистер. Пер. Б. Тимофеева	49
Честный гражданин. Пер. Б. Тимофеева	51
Благодетель. Пер. Б. Тимофеева	52
Экономические правила. Пер. Б. Тимофеева	53
Любящие отечество. Пер. И. Ринка	54
Первые вестники. Пер. Вс. Рождественского	55
Стоны моря. Пер. Вс. Рождественского	56
На пороге вечности. Пер. Н. Манухиной	57
Долгий путь. Пер. Н. Павлович	58
Песня бедняков. Пер. Н. Павлович	59
Королевна. Пер. В. Брюсова	61
Глубокой зимой. Пер. А. Глобы	63
Старые недуги. Пер. В. Брюсова	65
Запоздалый луч солнца. Пер. Е. Полонской	66
Трубач. Пер. Б. Тимофеева	69
Блудный сын. Пер. Вл. Невского	70
Звучащее пламя. Пер. В. Брюсова	71
Новая сила. Пер. В. Брюсова	72
День страшного суда. Пер. В. Брюсова	73
Fiat justitia! Пер. А. Островского	76
Весенняя песня. Пер. И. Ринка	80
Мартовские дни. Пер. М. Замаховской	81
Песня девушки. Пер. Н. Павлович	82
Сломанные сосны. Пер. Вс. Рождественского	83
«Бесцельна была эта жизнь. . .» Пер. Т. Кладо	84
Равнодушные. Пер. А. Островского	85
Утренние ветры. Пер. Вл. Невского	87
Веди себя с умом! Пер. Е. Полонской	89
Сердце поет. Пер. Л. Хаустова	91
Меморандум. Пер. А. Островского	92

Зимние сумерки. Пер. Вс. Рождественского	93
Большие глаза. Пер. Вс. Рождественского	94
Китайские жрецы. Пер. Б. Томашевского	95
Былое. Пер. Н. Павлович	96
Единственная звезда. Пер. С. Липкина	97

1908—1904

Одинокая вершина. Пер. В. Иванова	98
Глянь на Волгу! Пер. М. Петровых	99
Неуемные желания. Пер. Б. Томашевского	100
Полевой камень. Пер. Н. Павлович	101
Пошлое время. Пер. Б. Томашевского	103
Идет младое племя. Пер. Л. Хаустова	104
Первые жертвы. Пер. Н. Павлович	105
Предпраздничный вечер. Пер. Вл. Невского	106
Даже если солнце спит. Пер. Б. Томашевского	109
Ледяная гора. Пер. М. Замаховской	110
Отдых косаря. Пер. Б. Томашевского	112
Чудо тихого дня. Пер. Б. Томашевского	113
Дерево под ветром. Пер. С. Липкина	114
Под покрывалом Изиды. Пер. Т. Форш	115

1905

Воющий ветер. Пер. С. Липкина	116
Стань твердой, мысль! Пер. В. Брюсова	117
«Солнце землю нашу...» Пер. Вл. Невского	119
Большие мехи ветра. Пер. Л. Хаустова	120
После долгого сна. Пер. Л. Хаустова	122
Самый покорный. Пер. М. Замаховской	123
Так не останется! Пер. С. Липкина	124
Весенняя буря. Пер. А. Островского	125
Весть синички. Пер. Л. Хаустова	128
Выходите! Пер. А. Островского	129
Дороги, соединяйтесь! Пер. Л. Хаустова	131
Честный либерал. Пер. Б. Тимофеева	132
Далекie отзвуки. Пер. Б. Томашевского	133
Стоит ли сеятелю тужить? Пер. М. Карелиной	135
Геронческое время. Пер. Б. Томашевского	135
Филистер в апреле. Пер. Б. Тимофеева	137
Старая жаба. Пер. А. Островского	138
Будет легче. Пер. Л. Хаустова	140
Новое время. Пер. М. Замаховской	141
Наперекор. Пер. Л. Хаустова	142
В полной мере. Пер. Л. Хаустова	143
В вечном созвучии. Пер. Вс. Рождественского	144
Демонстрация. Пер. С. Липкина	145
Могилы наших героев. Пер. Вл. Невского	146
Пучина страданий. Пер. В. Брюсова	147
Все-таки... Пер. Вл. Невского	148
На Грйзине. Пер. Б. Тимофеева	150
Конь и осел. Пер. Б. Тимофеева	151

Терпение крестьянина. Пер. Б. Тимофеева	152
Вечный идеал. Пер. Б. Тимофеева	153
Рабам. Пер. Б. Тимофеева	154

1906

Великий покой. Пер. Л. Хаустова	155
Никогда. Пер. В. Брюсова	156
Три приметы. Пер. А. Ахматовой	157
Первое и последнее слово. Пер. Н. Манухиной	158
Упа вагса. Пер. В. Брюсова	159
Путь героя. Пер. А. Ахматовой	160
Одно сердце. Пер. С. Липкина	161
Дорогая свобода. Пер. Н. Павлович	162
Смирным. Пер. Л. Хаустова	163
Идеи и головы. Пер. Б. Тимофеева	164
Против солнца. Пер. Б. Тимофеева	165
Народный защитник Г. Пер. Б. Тимофеева	166
Предложение о подарке нашим народным защитникам. Пер. Б. Тимофеева	167
Поучение с любовью. Пер. Б. Тимофеева	168
Вера — любовь — надежда. Пер. Б. Тимофеева	169
Хозяин-отец. Пер. Б. Тимофеева	170
Ничего даром. Пер. Б. Тимофеева	171

ЭПОС 1905 ГОДА

Слезы и кровь. Пер. Вс. Рождественского	172
Старый ворон. Пер. А. Глобы	172
Пасха. Пер. Л. Хаустова	173
Мой народ. Пер. А. Островского	175
Мать провожает мстителя. Пер. Н. Манухиной	176
Душа убитого в сраженьи. Пер. Вл. Невского	177
Четыре ветра. Пер. Вс. Рождественского	179
У сожженного дома. Пер. Вс. Рождественского	180
Великая загадка. Пер. Вс. Рождественского	181
Черная сотня. Пер. Н. Павлович	182
Раны народа и честь народа. Пер. Вс. Рождественского	183
Идущий побеждать. Пер. А. Ахматовой	184
У матери отняли сына. Пер. Н. Асанова	185
Труха смерти. Пер. Вс. Рождественского	186
«Лишь воля может мне помочь...» Пер. Н. Манухиной	187
По полям родины. Пер. Вс. Рождественского	187
13 января. Пер. Л. Хаустова	191
Жалоба земли. Пер. Вс. Рождественского	191
Из поэмы «Суд в Талси». Пер. А. Глобы	195

1907

Чернила и кровь. Пер. Б. Тимофеева	197
Ржавая цвель. Пер. Вл. Невского	198
Опять ночь. Пер. В. Брюсова	199
Бедный брат. Пер. В. Брюсова	200
Бюрократ и ордена. Пер. Б. Тимофеева	202

Умеренному. Пер. В. Брюсова	203
Непрощенный долг. Пер. А. Андреева	204
Современный врач. Пер. Б. Тимофеева	205
Беспартийный политик. Пер. Б. Тимофеева	206
Баня. Пер. Гл. Семенова	207
Сосуд жизни. Пер. Вс. Рождественского	208
Щедрая рука. Пер. А. Ахматовой	209
Песня мая. Пер. Е. Эльпорт	210
Вишня и луг. Пер. Г. Шенгели	214
Повилика. Пер. Вс. Рождественского	215
Капельки росы. Пер. Вс. Рождественского	217
Алмаз. Пер. Г. Шенгели	218
Живое пламя. Пер. Л. Хаустова	219
Вот она, золотая Казань! Пер. М. Петровых	220
Далекие окна. Пер. Вс. Рождественского	221
Серый и черный бароны. Пер. Б. Тимофеева	222
Время — деньги. Пер. Б. Тимофеева	224
Роса и ягоды. Пер. Г. Шенгели	225
«Последний грош. . .» Пер. Б. Тимофеева	226
Призрак пляски. Пер. М. Карелиной	228
Patet japon, exi. Пер. В. Брюсова	229
Дело жизни. Пер. Н. Манухиной	230
Источники силы. Пер. Л. Закс	232
Родине. Пер. Вл. Невского	233
Достояние бедняка. Пер. А. Муратова	235
Тушение огня. Пер. Б. Тимофеева	236
Право голоса. Пер. Б. Тимофеева	237
Тихие могилы. Пер. Вл. Алатырцева	238
Казням нет конца. Пер. М. Замаховской	239
Давнее видение. Пер. М. Замаховской	240
Всемогущим немецким баронам. Пер. М. Замаховской	241
Дело ясно. Пер. А. Андреева	242
Решающие голоса. Пер. А. Островского	243
Взвешенные. Пер. Б. Тимофеева	244
Тихий нрав. Пер. Б. Тимофеева	245
Червяк о соколе. Пер. Б. Тимофеева	246
Думы Думы. Пер. Б. Тимофеева	247
Положительный труд. Пер. Б. Тимофеева	248
Барон и крестьянин. Пер. Б. Тимофеева	249
Где это место? Пер. М. Замаховской	250
Реформисты. Пер. Б. Тимофеева	252
Справедливость, или Медведь и Корова. Пер. Б. Тимофеева	253
Насчет накопления. Пер. Б. Тимофеева	254
Мирное соглашение. Пер. Б. Тимофеева	255
Устаревшая поговорка. Пер. Б. Тимофеева	257

1908

Мои друзья. Пер. В. Брюсова	258
Луч солнца. Пер. Н. Манухиной	259
Счастливые юноши. Пер. Вл. Невского	260
Неправедное богатство. Пер. Б. Тимофеева	263

Левая сторона. Пер. Е. Полонской	264
Salve! Пер. С. Липкина	265
Бессмертие. Пер. Н. Манухиной	266
Мои враги. Пер. В. Брюсова	267
«В книге с черными листами...» Пер. Г. Шенгели	268
Все к добру. Пер. Е. Полонской	269
Истина. Пер. Б. Тимофеева	271
Страдания и надежды. Пер. Вс. Рождественского	272
Партии порядка. Пер. Б. Тимофеева	273
Женская душа. Пер. Н. Манухиной	274
Детские уста. Пер. Вл. Невского	275
Одиночка. Пер. Е. Полонской	276
Приметы переходного времени. Пер. Б. Тимофеева	277
Мгновение. Пер. Вл. Невского	278
Каждая боль. Пер. Е. Полонской	280
Малые дела. Пер. Т. Форш	281
О величии. Пер. Т. Форш	282
О возрождении. Пер. Н. Павлович	283
Новый день. Пер. Т. Форш	284
Готовность. Пер. Вс. Рождественского	285
Песня птички. Пер. Вс. Рождественского	286
Современный предприниматель. Пер. Б. Тимофеева	287
Предосудительная нагота. Пер. Б. Тимофеева	288
Идеал. Пер. Б. Тимофеева	289
1908. Пер. А. Андреева	290
Наши дни. Пер. Б. Тимофеева	292
Выше Рима. Пер. Р. Иванова	294
В победе мир. Пер. Е. Полонской	295
Самодетельность. Пер. Б. Тимофеева	296
Дом на камне. Пер. Т. Форш	297

1909 — 1910

Послеобеденное время в лодке. Пер. М. Замаховской	298
Когда ночь... Пер. А. Ахматовой	299
На старом месте. Пер. А. Островского	300
Вопрос. Пер. Вл. Невского	301
Вопросы девушки. Пер. В. Брюсова	302
Чаша с драгоценностями. Пер. А. Ахматовой	303
Ветеран	304
Красная сотня. Пер. Е. Полонской	306
О друге, мечтавшем побывать дома. Пер. А. Островского	308
Текучие воды. Пер. Б. Томашевского	310
По ржаному полю. Пер. С. Липкина	311
Из глубины. Пер. Л. Хаустова	312
У котлов жизни. Пер. Л. Хаустова	313
Величайшая родина. Пер. Н. Манухиной	316
Переключка. Пер. А. Глобы	319
Что я знаю. Пер. Вс. Рождественского	321
«Ты понял явственней и глубже всех других...» Пер. Е. Полонской	322
Рождающаяся душа. Пер. Вл. Невского	323
Литовская песня. Пер. Вл. Невского	324

1911 — 1919

Из эстонских песен. <i>Пер. А. Островского</i>	325
«Слава героям!..» <i>Пер. Л. Хаустова</i>	326
«Когда проходят звезды в небесах...»	327
Великий май. <i>Пер. Вл. Невского</i>	328
Класс основной, тебе! <i>Пер. Н. Манухиной</i>	330
Странник. <i>Пер. Н. Манухиной</i>	331
Вызов. <i>Пер. М. Замаховской</i>	334
Песня сирот. <i>Пер. М. Замаховской</i>	336
Майский манифест. <i>Пер. А. Островского</i>	337
Страж жизни. <i>Пер. Вс. Рождественского</i>	339
Тропинка жизни. <i>Пер. М. Петровых</i>	340
Оглядываясь	341
Не только жить... <i>Пер. Н. Павлович</i>	342
Одинокое облако. <i>Пер. А. Тарковского</i>	343
В решающий бой!	344

1920 — 1929

Огненный цветок. <i>Пер. А. Тарковского</i>	345
Верю твердо	346
«Я всех любил вас равною любовью...»	347
Душистое чудо. <i>Пер. Вл. Алатырцева</i>	348
Милый май. <i>Пер. Гл. Семенова</i>	349
Отважная мысль. <i>Пер. М. Замаховской</i>	351
Тебе опять в бой! <i>Пер. М. Замаховской</i>	352
Черное покрывало. <i>Пер. М. Зенкевича</i>	353
Жар очей.	354
Ты смеешь. <i>Пер. С. Липкина</i>	355
Праздник возрождения. <i>Пер. Т. Форш</i>	356
Безуханная сирень. <i>Пер. М. Зенкевича</i>	357
Пример мая. <i>Пер. Т. Форш</i>	358
Звезды, цветы и душа. <i>Пер. М. Зенкевича</i>	359
Первое письмо. <i>Пер. М. Зенкевича</i>	360
Неумирающая память. <i>Пер. Н. Манухиной</i>	361
Красота моря. <i>Пер. М. Зенкевича</i>	362
Дорога в страну счастья. <i>Пер. С. Липкина</i>	363
Глаза людей и очи звезд. <i>Пер. В. Инбер</i>	365
Кто свет? <i>Пер. М. Зенкевича</i>	366
Ищущему. <i>Пер. Вл. Невского</i>	367
Не забудь о себе! <i>Пер. Т. Форш</i>	368

II

Ave sol! <i>Пер. Н. Манухиной</i>	371
Огонь и ночь. <i>Пер. Вс. Рождественского</i>	401
Золотой конь. <i>Пер. В. Брюсова</i>	525
 Примечания	 661
Перечень изданий стихотворений Райниса на русском языке	702
Перечень иллюстраций	704

Редакционная коллегия:

*В. Г. Базанов, А. Г. Дементьев, В. П. Друзин,
А. М. Еголин, В. Н. Орлов, А. А. Прокофьев,
В. М. Саянов, А. К. Тарасенков,
А. Т. Твардовский, Н. С. Тихонов,
С. П. Щипачев.*

Редактор В. Рождественский

Художник И. Серов

Техн. редактор В. Кожи

Корректор З. Петрова

*М-41629. Подписано в печать 7/IX 1953 г.
Формат бумаги 84×108^{1/32}—11,13 бум. л.—
36,49 печ. л. Авт. л. 21,98. Уч.-изд. л. 26,02.
Тираж 10 000 Зак. № 443. Цена 14 р. 50 к.
(по прейскуранту 1952 г.)*

*Типография № 2 Ленгорполиграфиздата
Ленинград, Социалистическая, 14*

